Н. М. МИНСКІЙ

РЕЛИГІЯ БУДУЩАГО

(Философскіе разговоры)

Цѣна 2 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
(В. о., 2 л., д. 13)
1905

Того же автора:

Стихотворенія. Спб. 3-е. изд. 1896 г. 2 р.

Новыя пѣсни (Геѳсиманская ночь и др. стихотворенія). Спб. 1902 г. 1 р.

Альма, трагедія изъ современной жизни. Спб. 1900 г. 1 р.

Иліада Гомера, переводъ размѣромъ подлинника. Москва, изд. К. Солдатенкова, 1896 г. 75 к.

При свѣтѣ совѣсти (мысли и мечты о цѣли жизни). Спб. 2-ое изд. 1897 г. 1 р.

Ибсенъ, критическій очеркъ. Спб., Біограф. библ. Ф. Павленкова, 1896 г. 25 к.

Полное собраніе стихотвореній, въ 4 т. Изд. И. А. Сафонова (готовится къ печати).

Н. М. МИНСКІЙ

РЕЛИГІЯ БУДУЩАГО

(Философскіе разговоры)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе М. В. Пирожкова
(В. о., 2 л., д. 13)
1905

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ. 22 Сентября 1904 г.

Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., 71—6.

Только-что вернулся съ похоронъ человѣка, который въ короткое время сдѣлался моимъ другомъ и духовнымъ братомъ, и немедленно берусь за перо, чтобы написать первую страницу этой книги, о которой мы такъ часто мечтали въ послѣдніе дни.

Познакомились мы три мѣсяца тому назадъ въ средне-германской санаторіи для легочныхъ больныхъ, гдѣ я въ качествѣ выздоравливающаго нахожусь и понынѣ и гдѣ сосѣдомъ моимъ въ „галлереѣ для лежанія" оказался русскій, Владиміръ Ивановичъ —овъ, тяжело больной. Черезъ недѣлю послѣ нашего знакомства въ деревянномъ зданіи санаторіи среди ночи вспыхнулъ и быстро разгорѣлся пожаръ, и это происшествіе неожиданно насъ сблизило. Мы помогли другъ другу уложить и снести внизъ вещи и до утра просидѣли вдвоемъ у выхода въ садъ, въ темномъ углу большой библіотеки. Тамъ, подъ вліяніемъ только-что пережитаго волненія, мы какъ-то незамѣтно заговорили о тѣхъ вѣчныхъ вопросахъ жизни, о которыхъ между культурными людьми принято молчать, и этотъ случайный разговоръ сдѣлался для насъ обоихъ началомъ большого душевнаго событія. Съ того дня философскія бесѣды между нами не прекращались, и я посвятилъ Владиміра Ивановича въ тотъ новый міръ идей, который я буду называть мэонизмомъ или ученіемъ о двухъ путяхъ добра и въ основѣ котораго лежитъ увѣренность, что можно создать религіозное міровоззрѣніе не вопреки разуму и не тайкомъ отъ него, а при его участіи. Настало, кажется, время предпринять еще одинъ, можетъ быть, послѣдній крестовый походъ мысли, для

того, чтобы овладѣть святыней. Если въ мірѣ явленій признать два начала—относительное-познаваемое и абсолютное-непознаваемое, то и въ разумѣ слѣдуетъ признать два начала—эмпирико-раціональное и мистическое. Абсолютное не есть то, чего мы никакъ не можемъ познать, но то, что познается особымъ образомъ, на основаніи законовъ, столь-же неизмѣнныхъ, какъ законы явленій.

Своему другу я, кажется, явилъ этими бесѣдами духовную помощь, разбудивши въ его душѣ окоченѣвшее мистическое чувство. Но въ равной мѣрѣ онѣ принесли пользу и мнѣ, помогши разрѣшить вопросъ о формѣ, въ которую должна вылиться философія гармонично настроенной души. Исходя изъ того, что философія и религія не только связаны между собою, но что связь эта тѣснѣйшая, какъ между стеблемъ и цвѣткомъ, я всегда мечталъ объ идеальной метафизикѣ, которая, начинаясь теоріей познанія, завершилась-бы легендой и молитвой. Но какъ отыскать форму, вмѣщающую такое сложное содержаніе. Какъ объединить въ сознаніи холодъ разсужденій, порывъ чувства и радость созерцанія? Вотъ почему я такъ благодаренъ случаю за встрѣчу съ человѣкомъ, въ душѣ котораго теоретическія разсужденія претворялись въ неотложное оправданіе убѣгающей жизни и примиреніе съ близкой, уже показавшейся смертью. Передавая наши бесѣды въ той случайности, въ какой онѣ возникали, я, быть можетъ, ближе къ истинѣ, чѣмъ если бы держался строго логической системы, всегда нѣсколько отталкивающей, напоминающей скорѣе скелетъ истины, чѣмъ самую истину. Не разъ я говорилъ своему другу, что если бы судьба не столкнула меня съ нимъ, я долженъ былъ-бы выдумать его, подобно путнику, затерянному въ пустынѣ и говорящему съ самимъ собою, дабы обмануть молчаніе. Въ сущности, о вѣчномъ только съ самимъ собою и можно говорить. Но мы любимъ, чтобы насъ подслушивали...

Разговоръ первый.

Наши философскія бесѣды завязались случайно и потому онѣ начались не съ простѣйшихъ положеній, а съ середины, съ самаго центральнаго и сложнаго вопроса о вѣрѣ.

Мы сидѣли въ темномъ углу библіотеки, подлѣ своихъ сундуковъ, въ верхнемъ платьѣ, похожіе на людей, собравшихся въ далекій путь. Владиміръ Ивановичъ кутался въ плэдъ, дрожа отъ ночного холода и внутренняго жара, и вынужденнымъ, вслѣдствіе горловой болѣзни, шопотомъ, который придавалъ всѣмъ его словамъ оттѣнокъ довѣряемой тайны, разсказывалъ, какъ онъ услышалъ пожаръ. Послѣ короткаго сна онъ, по обыкновенію, проснулся и лежалъ въ оцѣпенѣніи, обливаясь потомъ. Когда-же онъ услышалъ звукъ рожковъ, бѣготню, звонъ разбиваемыхъ стеколъ, и понялъ, что въ домѣ огонь, то прежде всего подумалъ: вотъ смерть и обрадовался. Обрадовался тому, что можно будетъ умереть даромъ, не платясь лишними мѣсяцами страданій. Однако, пока мысль его рѣшала, какъ хорошо-бы умереть, онъ вскочилъ съ постели и началъ быстро одѣваться.

Послѣднія слова были произнесены со спокойной ироніей. И вдругъ, перейдя на интимный тонъ, мой собесѣдникъ продолжалъ:

— А что если-бы проснуться въ комнатѣ, объятой со всѣхъ сторонъ огнемъ? Такъ что на спасеніе не было-бы ни малѣйшей надежды? Что-бы мы стали дѣлать? Что-бы чувствовали? Заметались-ли-бы отъ животнаго ужаса,

хватаясь за горящіе предметы, пока насъ не задушилъ дымъ? Или внезапно и строго успокоились-бы, какъ во время тяжелой болѣзни? Или-же въ насъ вдругъ проснулось-бы далекое, и мы вспомнили-бы молитвы? Вѣдь ребенкомъ я сильно, можно сказать, до безчувствія, вѣрилъ въ Бога. А теперь, право, не знаю. Безсознательно, можетъ быть, во что-то вѣрю, но умомъ одолѣть свои сомнѣнія не могу. Вы въ дѣтствѣ, конечно, тоже вѣрили? Или еще вѣрите до сихъ поръ?

Вотъ этотъ вопросъ и послужилъ началомъ огромнаго душевнаго событія, которое съ того времени всецѣло наполнило мою и его жизнь. Въ другое время я на такой вопросъ, вѣроятно, отвѣтилъ-бы уклончиво, но въ тотъ необычный часъ, среди непривычной обстановки душа моя была открыта, и я не постыдился быть искреннимъ и не побоялся, что моя искренность будетъ непонята.

— Чувство вѣры, отвѣтилъ я, потеряно мною такъже, какъ и вами, какъ большинствомъ современныхъ намъ людей, но Бога я исповѣдую и, по мѣрѣ силъ, люблю его и молюсь Ему.

Владиміръ Ивановичъ долго глядѣлъ на меня съ удивленіемъ и, наконецъ, какъ-бы прокричалъ своимъ шопотомъ:

— Развѣ можно исповѣдывать Бога, въ котораго не вѣришь?

— Да, отвѣтилъ я, настало время, когда свое отношеніе къ Богу нужно строить не на вѣрѣ, а на другомъ, болѣе глубокомъ основаніи,—на увѣренности. Но знаете-ли вы, что вашъ вопросъ одинъ изъ тѣхъ, одна постановка которыхъ уже великая побѣда духа? Дѣло въ томъ, что человѣчество подошло къ чертѣ, гдѣ вѣра съ роковой неизбѣжностью превращается въ безвѣріе, и будущее религіи зависитъ отъ того, какъ будетъ рѣшенъ поставленный вами вопросъ.

— Вы не думаете, что вѣра можетъ ожить, воскреснуть? спросилъ онъ опять.

— Нѣтъ, сказалъ, я, мы имѣемъ дѣло съ причиной не случайной, а постоянной и неустранимой. Отдѣльные случаи обмиранія вѣры, какъ исключенія, были извѣстны давно, но вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ безвѣріе становится нормой сознанія, такъ что нельзя назвать ни одного крупнаго явленія въ духовной жизни людей, которое не было-бы внутренно связано съ убылью вѣры. Все новое, свое, чѣмъ жилъ девятнадцатый вѣкъ, въ политикѣ—демократизмъ разныхъ оттѣнковъ, въ области мысли—критическая философія, позитивизмъ, утилитаризмъ, въ наукѣ—ученіе о подборѣ, объ эволюціи, —все это разнообразныя явленія, изъ которыхъ каждое имѣло скрытою осью вращенія чувство невѣрія. Не отдѣльная какая-либо наука, но вся атмосфера нашего знанія стала по отношенію къ чувству вѣры гасительнымъ азотомъ, и стоитъ дѣтской душѣ погрузиться въ этотъ азотъ, чтобы огонь вѣры въ ней погасъ. Ибо между всей нашей, основанной на наукѣ, культурой и чувствомъ вѣры существуетъ незаполнимая бездна: наука покоится на увѣренности, что связь между причинами и слѣдствіями ни въ одномъ звенѣ несокрушима и законы природы неизмѣнны, вѣра-же есть не только допущеніе, но ожиданіе вмѣшательства въ законы природы со стороны высшей силы и нарушенія ею причинной связи явленій. Этотъ разрывъ между разумомъ и чувствомъ вѣры, уже достаточно глубокій, критическая философія еще расширила, углубила, довела до сердцевины души, доказавъ, что законъ причинности не одна изъ истинъ, добытыхъ разсудкомъ, а условіе всякой возможной истины. Какъ-же быть? Ужъ не принести-ли въ жертву разумъ ради вѣры? Не повѣрить-ли въ абсурдное? Но тогда пришлось-бы вернуться къ поклоненію идоламъ, какъ еще болѣе абсурдному. Нѣтъ, поклоняться можно только Богу, ко-

тораго почитаешь Богомъ истиннымъ, приговоры-же объ истинномъ и ложномъ произноситъ разумъ.

— Такъ что примиреніе невозможно? произнесъ мой собесѣдникъ какъ-бы про себя.

Судите сами, возможно-ли перекинуть какой-либо мостъ черезъ эту бездну. Вѣра въ теченіе тысячелѣтій убѣждала человѣка, что, вооруженный ея могуществомъ, онъ можетъ двигать горами, достигать вѣчнаго блаженства, словомъ, превращать все желаемое въ дѣйствительное, творить чудеса. Въ томъ самая сущность вѣры, что она—чувство дѣятельное, творческое, заинтересованное въ намѣреніяхъ божества и тайно вліяющее на нихъ. Вѣра никогда не была спокойной гипотезой, допущеніемъ божества, но всегда подвигомъ, жертвой и ожиданіемъ. Подвигъ вѣры заключается въ борьбѣ съ очевидностью, въ одолѣніи видимаго міра во славу невидимаго Бога. Въ жертву-же вѣрующій приноситъ не только природу, но и себя, обуздываетъ свой разсудокъ, преклоняетъ волю, смиряетъ гордость и, побѣжденный какъ-бы самимъ собою, падаетъ во прахъ и цѣлуетъ край одежды обрѣтеннаго божества. Но подобно тому, какъ всякая любовь есть ожиданіе любви, такъ подвигъ и жертва вѣры неразрывны съ мольбою о помощи, съ ожиданіемъ чуда.—Смотри, говоритъ вѣрующій, обращаясь къ божеству: для твоей славы я отринулъ законы міра, отмѣниже и ты законы міра для моего счастія. Вѣрующій дѣлаетъ видъ, будто отказывается отъ своихъ желаній, но, на время удаляясь отъ нихъ, онъ надѣется найти ихъ болѣе достижимыми. Эта корыстность вѣры составляетъ ея наготу, которую она тщательно кутаетъ въ молитвы, пряча ее не только отъ всевидящаго ока божія, но и отъ себя самой. Тутъ начинается второй подвигъ вѣры и второе ея одолѣніе, направленное не противъ явленій міра, но противъ желаній души, и, можетъ быть, въ этой-то внутренней борьбѣ и побѣдѣ возникаетъ все благо-

уханіе, вся небесная радужность и трогательность вѣры Въ сердцахъ наиболѣе чистыхъ корыстная изнанка вѣры исчезаетъ, остается безпримѣсная любовь къ Богу не безъ скрытой мысли, что любящихъ-то Богъ всего болѣе любитъ. Но какъ-бы то ни было, всякій вѣрующій требуетъ, молитъ и ждетъ чуда. Можно сказать, что отъ временъ грубѣйшаго анимизма до нашихъ дней человѣчество, пользуясь законами природы для того, чтобы обрабатывать землю, строить зданія, готовить одежду, на каждомъ шагу подкапывалось подъ эти законы, взывая о чудѣ. Если-же иногда являлись скептики, утверждавшіе, что они не повѣрятъ въ чудесное раньше, чѣмъ не увидятъ его своими глазами и не вложатъ персты въ язву и руку въ ребра, то подобные невѣрующіе не только не расшатывали всеобщей вѣры, но укрѣпляли ее, ибо ихъ кажущееся невѣріе въ чудо было, на самомъ дѣлѣ, наиболѣе страстнымъ ожиданіемъ его. Въ толпѣ вѣрующихъ дѣтей то были дѣти по преимуществу, и недаромъ мудрый Вероккіо придалъ чертамъ лица святого Ѳомы такую дѣтскую нѣжность.

Но вотъ пришла критическая философія и поставила вопросъ не о возможности для высшей силы производить чудесное, но о возможности для человѣка воспринимать чудо. И тогда разумъ вынужденъ былъ отвергнуть чудеса не потому, что мы ихъ не видимъ или ихъ прежніе очевидцы не заслуживаютъ довѣрія, а, наоборотъ, именно потому, что проявленное чудо намъ видимо, воспринимается нами въ условіяхъ опыта, главнѣйшее-же изъ этихъ условій, безъ котораго никакой опытъ немыслимъ, есть категорія причинности. Возможно-ли для божества чудесное или нѣтъ, у меня, человѣка, нѣтъ органовъ для воспріятія чуда. Предположимъ, что въ моемъ присутствіи совершается чудо, напримѣръ, одинъ предметъ превращается въ тысячу равныхъ по веществу и объему предметовъ и мнѣ говорятъ: вотъ ты видишь

явленіе, противорѣчащее законамъ природы, необъяснимое дѣйствіемъ естественныхъ силъ, и потому ты обязанъ заключать и свидѣтельствовать о высшей силѣ. На это критическая философія велитъ мнѣ отвѣчать слѣдующее: вы хотите, чтобы я о чемъ-то заключалъ и свидѣтельствовалъ, но заключать объ истинѣ или лжи я могу лишь при помощи разума. Между тѣмъ, вы одновременно утверждаете мой разумъ, прося его о чемъ-то заключать, и отрицаете его, признавая, что единица равняется тысячѣ. Если аксіомы, на которыхъ основано мое знаніе, поколеблены, то я уже не могу ни о чемъ заключать, ни объ истинѣ, ни о лжи, ни даже о томъ, что превращеніе предмета въ тысячу предметовъ есть фактъ, обязательный для разума. Какъ-же мнѣ поступить, отвергнуть-ли разумъ и этимъ отвергнутымъ разумомъ признать чудо, или-же отвергнуть чудо, какъ понятіе насквозь противорѣчивое, какъ явленіе, отрицающее законы явленій?

Наступило довольно долгое молчаніе, которое было прервано моимъ собесѣдникомъ:

— Но, все-таки, на вашихъ глазахъ предметъ превратился въ тысячу, и должны-же вы доискаться причины этого превращенія.

— Вы правы,— отвѣтилъ я,—нужно доискаться причины, но этимъ мы лишній разъ подтвердимъ увѣренность въ томъ, что причинная связь всеобща и неразрывна. Если же причиной превращенія сочтемъ вмѣшательство въ міръ явленій внѣміровой силы, то окажется, что мы во имя закона причинности допустили нарушеніе этого закона. И всякое допущеніе чуда есть такое сведеніе причины къ нарушенію причинности. Теперь вы сами видите, достаточно-ли широка бездна, образовавшаяся между разумомъ и вѣрой. Къ безднѣ этой многіе уже подошли, а со временемъ придутъ всѣ, ибо первые желтые листья предвѣщаютъ осень для всего

дерева. Неудивительно поэтому, что не только философы, но и художники нашего времени занялись изученіемъ этого разлада. Скорѣе удивительно то, что большинство изъ нихъ выказали при этомъ такъ мало проницательности и не только не могли замирить возникшій разладъ, но даже понять его природу.

Когда борьба между критическою мыслью и чувствомъ вѣры впервые обнаружилась въ сознаніи, ученые и философы стали на сторону разума, какъ начала роднаго, человѣческаго, противъ вѣры, какъ начала чуждаго, божественнаго. Древняя вражда титановъ противъ боговъ воскресла въ сердцахъ людей, и гибель вѣры была встрѣчена съ ликованіемъ, создавъ волну радостной самоувѣренности, которая далекой зыбью отозвалась и у насъ. Наконецъ-то Прометей разбилъ на себѣ цѣпи, наложенныя на него абсолютомъ. Наконецъ-то разумъ убилъ коршуновъ метафизики и религіи, каждый день сызнова его терзавшихъ. Такъ ликовали натуралисты, занявшіеся философіей (подобно тому какъ встарь философы занимались натуръ-философіей), забывъ даже, что своей побѣдой они обязаны метафизикѣ.

Взамѣнъ устраненной религіи одни изъ нихъ предложили выводы естественныхъ наукъ, другіе—завѣты соціальной справедливости, третьи—жизненные инстинкты. Когда-нибудь я покажу вамъ, почему ни наука, ни практическая нравственность, ни инстинкты несоизмѣримы съ религіозной истиной и никогда не замѣнятъ ея. Теперь-же я хочу только сказать, что всѣ эти пророки разума, сами себя объявившіе небожественными, просто-таки оказались непроницательными и мало поняли въ совершившейся на ихъ глазахъ эволюціи. Они говорили о смерти религіи, о сумеркахъ Бога, о замѣнѣ богочеловѣка человѣкобогомъ и не видѣли того, что не религіозное чувство изсякло, а чувство вѣры.

— Но развѣ вѣра и религія не одно и то же?—опять прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, не одно и то же,—отвѣтилъ я.—Все равно, какъ если бы вы спросили, не одно ли и то же питаніе и кормленіе грудью. Питаніе—это неизмѣнный законъ сохраненія жизни, между тѣмъ какъ кормленіе грудью лишь одинъ изъ видовъ питанія. Точно такъ же религіозное чувство представляетъ величину постоянную, врожденное душѣ влеченіе, надъ которымъ разумъ и воля безсильны. Чувство же вѣры—лишь одинъ моментъ нашей религіозной жизни, можетъ быть, моментъ самый радостный и прекрасный, но преходящій и подчиненный. Вѣра—одно изъ дѣтскихъ, или, вѣрнѣе, одно изъ райскихъ чувствъ души, сіяющее прелестью невѣдѣнія, но при извѣстномъ развитіи разума обреченное изгнанію изъ рая Можетъ быть по этой причинѣ чувство вѣры такъ боится разума, предвидя въ его лучахъ изгоняющій мечъ. Если религіозное чувство сравнить съ цвѣтущимъ деревомъ, то чувство вѣры пришлось бы уподобить вешнему бѣлому цвѣту на этомъ деревѣ, благоуханному и чистому, однако призванному облетѣть и уступить мѣсто плоду и сѣменамъ.

Покуда вѣра свѣтитъ, нѣтъ прекраснѣе лучей. Они ярки и жгучи, какъ свѣтъ солнца, и также, какъ свѣтъ солнца, даются намъ даромъ, безъ всякаго съ нашей стороны усилія. Но, подобно солнцу, самая пламенная вѣра стремится къ закату, и мы уже не въ силахъ остановить ее ни на одно лишнее мгновеніе. Тогда намъ остается или пребывать во мракѣ, или зажечь свѣтъ мистическаго познанія, не столь яркій, но болѣе вѣрный, не столь видимо прекрасный, но болѣе совершенный. Кто стоитъ въ лучахъ вѣры, тому свѣтъ философіи долженъ казаться тусклымъ и ненужнымъ, какъ пламя фонаря въ полуденный часъ. Кто же переступилъ за ограду и очутился среди вѣчной ночи, для того ми-

стическое познаніе—единственное средство спасенія. Но не удивительно ли, что самый вопросъ объ отношеніи между религіей и вѣрой не былъ предугаданъ никѣмъ изъ богоборныхъ пророковъ и, можетъ быть, только сегодня, въ нашей случайной бесѣдѣ, этотъ вопросъ впервые отчетливо ставится передъ сознаніемъ.

Само собой разумѣется, что побѣда, отпразднованная этими пророками, оказалась непрочною. Послѣ краткаго опьяненія ложной гордостью и ложно понятой свободой, душа опять истосковалась по мистическомъ оправданіи жизни, опять устремилась къ Богу. И можетъ быть, никогда еще мистическое чувство не было такъ безкорыстно и чисто, какъ въ наши дни. Въ прежніе вѣка каждый религіозный подъемъ означалъ пораженіе разума, и ближайшей его причиной оказывалось какое-нибудь великое бѣдствіе, когда, безсильные своимъ незнаніемъ природы и неумѣніемъ управлять ея законами, люди подкапывались подъ эти законы молитвами къ высшему существу. Мы же впервые признали права разума неоспоримыми. Мы не стыдимся вести свое происхожденіе отъ животнаго и, можетъ быть, растительнаго міра, не боимся изслѣдовать пустоту неба и считать возрастъ нашей планеты милліонами лѣтъ. При великихъ бѣдствіяхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда наши предки истязали себя, молились и постились, творили заклинанія и давали обѣты, мы стараемся овладѣть тайнами міра, чтобы заставить ихъ дѣйствовать въ свою пользу. Вмѣсто того, чтобы обходить процессіями городскія стѣны, мы въ защиту отъ повальныхъ болѣзней улучшаемъ устройство канализаціи и успѣшно достигаемъ своей цѣли. Чуму мы убиваемъ въ ея зародышѣ, грозовыя тучи разгоняемъ выстрѣлами, противъ засухи искусственно орошаемъ поля и во всемъ, что касается міра явленій, сами себѣ научились помогать, уничтоживъ, такимъ образомъ, одну за другой ис-

кусственныя сваи, на которыхъ держалась вѣра и молитва нашихъ отцовъ. И несмотря на свои знанія и на свою силу, мы съ такой же любовью, какъ наши отцы, но съ большимъ безкорыстіемъ и большею смѣлостью, преклоняемъ свой духъ передъ Богомъ, только потому, что наша душа божественна, и мы безсильны измѣнить законы души, какъ безсильны нарушить законы міра. Нашъ мистицизмъ не боится даже духа сомнѣнія.

И вотъ, когда возрожденіе религіозныхъ чувствъ сдѣлалось несомнѣннымъ событіемъ, въ литературѣ всѣхъ странъ, а у насъ въ особенности, опять стали раздаваться голоса, твердящіе о священномъ и вѣчномъ. Но къ несчастію, и пророки-мистики оказались не проницательнѣе пророковъ-натуралистовъ. Тѣ и другіе одинаково смѣшали чувство вѣры съ чувствомъ религіознымъ; и если одни провозгласили смерть религіи, другіе считаютъ необходимымъ вернуться на пути прежней вѣры. Эти послѣдніе похожи на людей, которые стали бы опавшіе лепестки цвѣтовъ искусственно приклеивать къ вѣткамъ, въ надеждѣ что такимъ образомъ дерево останется вѣчно цвѣтущимъ. Они дѣлаютъ видъ, какъ будто мы живемъ до критической философіи, а не послѣ нея, и какъ будто можно вернуть потерянное невѣдѣніе и по желанію перестать сомнѣваться. Создаются одно за другимъ подобія мистическихъ и нравственныхъ ученій, которыя должны разлетѣться въ прахъ отъ одного слова: сомнѣваюсь. Вотъ почему религіозное возрожденіе нашего времени полно смуты. Много геніальныхъ писателей, но ни одной незыблемой мысли. Будущее людей зависитъ отъ того, какъ они разрѣшатъ вопросъ, который вы раньше предложили мнѣ. Если нельзя исповѣдывать Бога, не вѣруя въ него, то будущее принадлежитъ безцѣльности, борьбѣ инстинктовъ и разладу. Если же мистическое познаніе безъ вѣры возможно, то мы стоимъ на порогѣ новаго религіознаго свѣта.

— И для себя вы этотъ вопросъ рѣшили утвердительно,—проговорилъ мой собесѣдникъ.

— Да, безусловно утвердительно,—отвѣтилъ я.

Тутъ нашъ разговоръ былъ надолго прерванъ. Усилившійся вдали шумъ заставилъ насъ пойти справиться о положеніи пожара. Опасность миновала, и наши комнаты были пощажены огнемъ. Странное зрѣлище представляла въ ту ночь наша санаторія. Обыкновенно столь сдержанные больные теперь, усѣвшись группами на чемъ попало, шумѣли и угощались. Полузнакомый американецъ, увидя меня и Владиміра Ивановича, подбѣжалъ къ намъ и заставилъ выпить по рюмкѣ виски, „противъ утренняго холода“. А среди этихъ шумныхъ группъ на диванахъ лежали никому невѣдомые люди—тяжело больные, обыкновенно прикованные къ постели и теперь впервые вынесенные въ общіе залы. На каждомъ лицѣ особыми чертами была написана та же близкая смерть. Мнѣ запомнились два лица. Одно—юноши, известково блѣдное, съ горящими глазами, съ губами, окрашенными кровью, которая у него шла горломъ,—лицо вампира. Другое—лицо молодой женщины, нѣжное и неимовѣрно худое, состоящее изъ огромныхъ глазъ и покорной улыбки, прекрасное тою красотою, которая является самымъ зловѣщимъ изъ стигматовъ чахотки. Должно быть, я пристально глядѣлъ на нее, потому что и она остановила на мнѣ глаза и слегка привѣтствовала прощальной улыбкой. И въ этомъ мимолетномъ взорѣ двѣ души повѣдали одна другой длинную повѣсть страданій, взаимнаго сочувствія и неизрѣченной надежды.

Когда мы съ Владиміромъ Ивановичемъ вернулись къ своимъ вещамъ въ темномъ углу библіотеки, окна, выходящія въ садъ, уже были окрашены легкимъ голубоватымъ свѣтомъ, и направо, надъ лѣсистымъ холмомъ,

горѣла утренняя звѣзда. Возобновилъ разговоръ Владиміръ Ивановичъ.

— Не могу вамъ передать,—произнесъ онъ восторженнымъ шопотомъ, — какъ отъ вашихъ словъ у меня радостно на душѣ. Я всегда думалъ, что съ потерею вѣры все потеряно и намъ остается только лѣзть въ могильную яму, соблюдая хорошія манеры. А теперь я опять начинаю надѣяться.

Помню, что я отвѣтилъ ему также восторженно и волнуясь, потому что впервые высказывалъ вслухъ свою мысль:

— Ничто, ничто не потеряно нами, ни красота легенды, ни радость молитвы, ни даже послѣдняя надежда. Нужно только безбоязненно искать истины своей природы. Вѣдь безсознательно въ нашемъ существѣ и разумъ, и мистическое чувство соединены и примирены. Почему же они не могутъ быть примирены и въ сознаніи? Въ угоду кому отсѣчь часть своей души и бросить ее въ пустоту? Неужели въ угоду нѣсколькимъ профессорамъ химіи и физіологіи, которые превратятся въ прахъ раньше, чѣмъ горящій въ душѣ мистическій свѣтъ сдѣлаетъ хоть одно колебаніе. Путь къ мистической истинѣ тотъ-же, что и ко всякой другой: отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Научное знаніе міра возникло лишь тогда, когда человѣкъ отъ сущности вещей вернулся къ себѣ, къ тому, что ему извѣстно о вещахъ. Казалось, что, поступая такъ, онъ ограничилъ себя маленькимъ личнымъ опытомъ, на самомъ же дѣлѣ онъ нашелъ путь къ сердцу природы, Вѣдь какъ бы далеко мы ни отправлялись, начать дорогу необходимо съ того мѣста, гдѣ стоятъ наши ноги. Если же мы, не сдѣлавъ пути, только мысленно перенесемся въ конечный пунктъ, то рискуемъ увидѣть не то, что есть, а то, что хотимъ видѣть, не иное новое, а воспоминаніе о быломъ старомъ. То же самое приходится совершать въ области

богопознанія. Мы не въ силахъ постигнуть Бога, его вѣчность и единство, но мы можемъ прослѣдить, какъ идея Божества возникаетъ въ нашемъ условномъ ограниченномъ духѣ. Какъ волхвы въ пустынѣ, мы, слѣдуя за звѣздою мысли, можемъ отыскать вертепъ и ясли, Гдѣ рождается Богъ. Она приведетъ насъ къ нашему же внутреннему опыту. Начиная такъ, мы найдемъ путь къ сердцу Бога.

Но я знаю, что этими словами задѣваю одно изъ главнѣйшихъ возраженій, которыя позитивизмъ приводитъ противъ возможности какого-бы то ни было религіознаго познанія. Вы видите, что, желая овладѣть истиной, мы должны сражаться на два фланга, и со слѣпо вѣрующими, и со слѣпо мудрствующими и въ особенности съ послѣдними, которыхъ каждый новый успѣхъ въ наукѣ и техникѣ дѣлаетъ все болѣе надменными, и которые въ каждомъ электрическомъ фонарѣ видятъ новое доказательство противъ возможности религіи.

Возраженіе позитивистовъ основано на поразительномъ фактѣ изъ исторіи мысли, заключающемся въ томъ, что въ сознаніи людей ихъ собственный интеллектъ съ теченіемъ времени все болѣе замыкался въ кругъ явленій, между тѣмъ какъ идея о Богѣ, наоборотъ, съ теченіемъ вѣковъ все болѣе удалялась отъ явленій. Когда-то человѣкъ считалъ себя центромъ міра и думалъ, что можетъ проникнуть мыслью въ сущность вещей. Теперь мы научились быть скромными и убѣдились, что наши знанія условны и относительны, касаясь не сущности вещей, а только явленій. Божество же, наоборотъ, нѣкогда помѣщалось людьми въ центрѣ явленій, отожествлялось съ кускомъ дерева или глины, потомъ, постепенно удаляемое отъ явленій, становилось человѣкоподобнымъ стихійнымъ духомъ, затѣмъ духомъ чистымъ и, наконецъ, единымъ, вѣчнымъ и непостижимымъ. Въ результатѣ обоихъ процессовъ мысли полу

чилось то, что теперь мы считаемъ свой интеллектъ насквозь феноменальнымъ, а божество насквозь абсолютнымъ. Но если такъ, говорятъ позитивисты, то между человѣческимъ духомъ и божествомъ не можетъ быть ни единой точки соприкосновенія, ибо въ этой точкѣ человѣкъ пересталъ бы быть условнымъ, а божество абсолютнымъ. Слѣдовательно, не можетъ быть никакого богопознанія и все, что человѣку остается дѣлать съ религіей, это предать ее забвенію.

Нужно-ли настаивать на невѣрности этого разсужденія? Слѣдуя ему, можно доказать, что никакое познаніе вообще невозможно, даже опытное. Въ самомъ дѣлѣ, мысль и матерія по своей природѣ существенно различны: между ними не можетъ быть ни одной точки соприкосновенія, ибо въ этой точкѣ мысль сдѣлалась бы матеріей, а матерія мыслью. Слѣдовательно, мысль не можетъ познавать матерію и никакое опытное знаніе невозможно. Ошибочность разсужденія здѣсь заключается въ томъ, что моментъ познанія названъ точкой соприкосновенія. Конечно, мысль и матерія никогда одна въ другую переходить не могутъ, но, сливаясь въ актѣ познанія, онѣ, какъ разъ, сохраняютъ и проявляютъ каждая свою отдѣльную природу, которая для духа исчерпывается тѣмъ, что онъ познаетъ матерію, а для матеріи тѣмъ, что она символизируетъ духъ. То же самое видимъ мы въ отношеніяхъ между нашей условной мыслью и безусловнымъ божествомъ. Сливаться и переходить одна въ другого они не могутъ, или, вѣрнѣе, мы не можемъ мыслить ихъ сліяніе, но, познавая Бога какъ свое отрицаніе, человѣкъ не нарушаетъ условности своей природы, а проявляетъ ее. Какимъ-то таинственнымъ актомъ безусловное открывается условному, и вся задача философіи, которую я называю мэонизмомъ, заключается въ томъ, чтобы подглядѣть въ душѣ возникновеніе этой мистической зари, узнать не то, въ

чемъ заключается вѣчное, а то, какъ вѣчное открывается во временномъ.

Теперь, быть можетъ, вы болѣе не удивитесь моимъ словамъ, что я исповѣдую Бога, въ котораго не вѣрю. Не вѣрю, потому что довольствуюсь увѣренностью. Если же мои слова объ увѣренности кажутся вамъ слишкомъ самоувѣренными, такъ вспомните, что они касаются, въ сущности, только моей ограниченной природы и условій, при которыхъ во мнѣ возникаетъ сознаніе божества. Вы не согласны со мной?

— Не знаю, право,—уклончиво прошепталъ мой собесѣдникъ, но мнѣ кажется, что увѣренность какъ-то ограничила бы религіозное чувство, сдѣлала бы его чѣмъ-то простымъ и близкимъ. То, въ чемъ мы увѣрены, насъ уже не волнуетъ.

— Едва-ли это такъ, — отвѣтилъ я ему. Изъ трехъ міровъ, доступныхъ нашему познанію, мы къ двумъ относимся съ увѣренностью и только къ одному съ вѣрою. Къ нашему внутреннему опыту мы относимся только съ увѣренностью. Въ своихъ страданіяхъ и радостяхъ, какъ бы они ни были велики, мы увѣрены, а между тѣмъ они волнуютъ насъ и расширяютъ, а не ограничиваютъ душу. Въ своихъ мысляхъ, въ своей логической правдѣ, въ сложнѣйшихъ математическихъ истинахъ мы увѣрены, и онѣ не кажутся намъ простыми и законченными. Въ своихъ эстетическихъ настроеніяхъ, самыхъ утонченныхъ, мы также увѣрены, хотя тайна красоты донынѣ не разгадана. Относительно нравственной правды хотя и говоримъ, что вѣримъ въ свою правоту, или сомнѣваемся въ ней, но рѣчь здѣсь идетъ не о вѣрѣ или безвѣріи, а лишь о силѣ и слабости убѣжденія, о твердомъ выборѣ одного опредѣленнаго принципа дѣйствій или о колебаніи между разными принципами.

Если отъ внутренняго опыта перейдемъ къ внѣш-

нему, то увидимъ, что и тамъ все наше знаніе покоится на увѣренности, а не на вѣрѣ. Мы съ вами теперь не вѣримъ, а увѣрены, что сидимъ въ предутренній часъ въ этой темной комнатѣ, что тамъ надъ лѣсомъ горитъ утренняя звѣзда. Иногда чувства насъ обманываютъ и то, въ чемъ они увѣрены, приходится еще провѣрять и вывѣрять разумомъ. Многаго въ мірѣ явленій мы съ увѣренностью знать не можемъ. Населена-ли эта утренняя звѣзда живыми существами? Увѣриться въ этомъ намъ не позволяетъ ограниченность нашихъ чувствъ, и мы поневолѣ должны довольствоваться предположеніями, гипотезами. Мы не знаемъ и будущаго, не знаемъ, каковъ будущій день, и лишь можемъ надѣяться, что онъ будетъ ясный. Къ внѣшнему опыту мы относимся съ увѣренностью, съ гипотезой, съ надеждой — чувству вѣры здѣсь мѣста нѣтъ.

Однако, кромѣ внутренняго и внѣшняго опыта, я имѣю передъ собою еще третій міръ,—внутренній опытъ другихъ людей, столь для меня важный, но навсегда скрытый за непроницаемой символикой матеріи. Вотъ мы сидимъ другъ противъ друга, связанные какимъ-то духовнымъ общеніемъ. Въ своихъ чувствахъ и мысляхъ я могу быть увѣренъ. Въ вашемъ внѣшнемъ образѣ также. Но что таится за вашими словами и жестами, какія мысли и чувства и, главное, какія движенія воли, какія намѣренія и цѣли, какіе оттѣнки симпатіи или отчужденія, — во всемъ этомъ я никогда не могу увѣриться и во все это я по необходимости долженъ только вѣрить. Люди вѣрятъ другъ въ друга: мужъ вѣритъ въ любовь жены, другъ въ преданность друга, правитель въ вѣрность своихъ подданныхъ, подданные въ заботливость своего правителя. Въ этихъ явленіяхъ чужой души я не въ силахъ внутренно увѣриться, а лишь могу наружно удостовѣриться и потому я долженъ въ нихъ вѣрить. Предметъ моей вѣры—нѣчто опытное, но чего

я не испыталъ, явленіе, для меня не явившееся, внутренняя причина, обращенная ко мнѣ наружными слѣдствіями, воля, обращенная внѣшней символикой. Рождаетъ вѣру всепобѣждающій Эросъ, неукротимое желаніе. Люди алчутъ другъ друга и никто не можетъ обходиться безъ чужой души. Оттого они вѣрятъ другъ въ друга, тѣмъ сильнѣе вѣрятъ, чѣмъ сильнѣе желаютъ. Но на ряду съ желаніемъ въ душѣ живетъ страхъ, а потому вѣра не исключаетъ сомнѣнія, и даже на сомнѣніи основана.) Потому вѣрю, что сомнѣваюсь, потому вѣрю, что хочу удостовѣриться. Насколько желаю, вѣрю, насколько боюсь, сомнѣваюсь. Вѣра и сомнѣніе одинаково ищутъ доказательствъ и оправданія. Если желаніе изсякло, вѣра умираетъ отъ равнодушія, если доказательства, добытыя сомнѣніемъ, неопровержимы, вѣра умираетъ отъ отчаянія. Вѣра никогда не переживаетъ Эроса. Эросъ иногда надолго переживаетъ рожденную имъ вѣру.

Вотъ почему языческіе идолы, созданные по образу и подобію человѣка, требовали только вѣры въ себя и со смертью этой вѣры умирали сами. Когда греки перестали вѣрить въ Зевса, отъ него остался лишь мраморный трупъ. Но едва Богъ въ нашемъ сознаніи переступаетъ за кругъ явленій, мы уже не можемъ обрѣсти его за символикою міра, а исключительно во внутреннемъ откровеніи, и тогда Богъ познается нами по закону внутренняго опыта — не на вѣру, а съ увѣренностью. Вотъ почему въ истинномъ Богѣ нельзя ни сомнѣваться, ни наружно удостовѣриться. Истинный Богъ есть наша собственная мысль, самая достовѣрная, наше собственное чувство, самое безкорыстное, наше собственное стремленіе, самое неутомимое. Въ отношеніи къ Богу нѣтъ мѣста вожделѣнію, и потому къ Богу нельзя охладѣть. Кто позналъ и полюбилъ Бога, никогда не потеряетъ и не разлюбитъ его. Если же многимъ ка-

жется и намъ самимъ когда-то казалось, что мы какъ бы отреклись отъ Бога, то это происходитъ отъ того, что, говоря объ истинномъ Богѣ, мы все еще мысленно разумѣемъ языческихъ идоловъ, человѣкоподобные кумиры. Въ идоловъ мы, въ самомъ дѣлѣ, болѣе не вѣримъ.

Не успѣлъ я кончить, какъ Владиміръ Ивановичъ, пораженный какою-то мыслью, вскочилъ съ мѣста и съ торжествующимъ видомъ прошепталъ:

— Но вѣдь для того, чтобы какъ нибудь относиться къ Богу, нужно прежде всего допустить, что Богъ существуетъ, нужно вѣрить въ бытіе божіе!..

— Вы задаете мнѣ, отвѣтилъ я, тотъ роковой вопросъ, вокругъ котораго до сихъ поръ вращались всѣ споры о религіи. И вы, конечно, сильно удивитесь, когда узнаете, что этотъ вопросъ, стоившій человѣчеству столько жертвъ, даже не вопросъ, а безсодержательное недоразумѣніе.

На низшей ступени религіозной жизни вопросъ о бытіи божіемъ еще не возникъ. Когда, послушный смутной жаждѣ Бога, дикарь хватаетъ первый кусокъ камня и говоритъ: вотъ Богъ, — то ему приходится вѣрить не въ бытіе истукана,— оно несомнѣнно,—а лишь въ его силу. Никто не видѣлъ, чтобы камень говорилъ и двигался, но желаніе дикаря имѣть заступника такъ велико, что онъ дѣлаетъ внутреннее усиліе и сливаетъ желаніе съ дѣйствительностью, ждетъ заступничества отъ камня, которому самъ же приноситъ жертвы. Такъ поступаетъ ребенокъ, когда, желая имѣть лошадь, но имѣя лишь палку, онъ отожествляетъ желаніе съ дѣйствительностью и собственными ногами бѣжитъ вмѣстѣ со своею палкой такъ, какъ должна была-бы вмѣсто него бѣжать желаемая лошадь.

Когда усиліемъ воли желаніе и дѣйствительность слились, воображеніе быстро оплетаетъ ихъ гностиче-

скою сѣтью, создаетъ легенду, разсказъ о чудесахъ, молитвы, обряды — и культъ готовъ. Но элементы его находятся въ неустойчивомъ равновѣсіи. Мистическое чувство растетъ и стремится порвать чувственную оболочку внѣшняго откровенія. Старая вѣра должна умереть, и всякій разъ, когда вѣра умираетъ, человѣкъ поднимается на высшую степень богопознанія, и туманъ, сливающій желаемое съ дѣйствительнымъ, разсѣевается. И вотъ признакъ, по которому можно узнать языческихъ идоловъ отъ мэоническаго Бога: въ идолахъ человѣкъ утверждаетъ себя, въ Богѣ себя отрицаетъ. Уже въ олимпійскихъ богахъ, въ ихъ безсмертіи и блаженствѣ, человѣкъ отрицаетъ свою смерть и свои страданія, но въ тѣхъ же богахъ онъ еще утверждаетъ свои страсти и властолюбіе. Однако, мистическій лучъ все сильнѣе разгорается въ туманахъ земли, и человѣкъ восклицаетъ: Богъ единъ! Богъ безначаленъ и безконеченъ! отрицая такимъ образомъ въ Богѣ свою сложную и конечную природу, но еще боясь порвать послѣднюю связь между Богомъ и міромъ явленій. Ибо страшно было человѣку остаться одинокимъ въ этомъ безпощадномъ, холодномъ, глухо-нѣмомъ мірѣ, и чѣмъ онъ глубже чувствовалъ шаткость своей вѣры, тѣмъ ревнивѣе ограждалъ ее насиліемъ и угрозами: это онъ свой страхъ одиночества распиналъ на крестахъ, жегъ на кострахъ и топилъ въ крови.

И замѣчательно, чѣмъ выше человѣкъ идетъ по пути богопознанія, тѣмъ вопросъ о бытіи божіемъ становится для него все болѣе роковымъ. Идея о существованіи Зевса, хотя и произвольна, но внутренно не противорѣчива. Между тѣмъ идеи объ абсолютномъ божествѣ и о бытіи не совпадаютъ, и вотъ послѣднее, самое грозное оружіе критической философіи въ ея борьбѣ съ деизмомъ. Если допустить, говоритъ она, что въ нашемъ внутреннемъ опытѣ какимъ-то чудеснымъ обра-

зомъ открывается внѣопытное божество. то еще нужно доказать, что это божество существуетъ. Изъ того, что наша совѣсть желаетъ, чтобы существовалъ неподкупный судія земного добра и зла, изъ того, что разумъ мыслитъ Бога вѣчносущимъ, еще не слѣдуетъ, что Богъ реально существуетъ: бытіе никогда не предполагается. но открывается, какъ чувственный фактъ. Болѣе того: абсолютное божество не можетъ быть мыслимо существующимъ, ибо существованіе постигается нами только въ условіяхъ времени и пространства, абсолютное же божество есть отрицаніе времени и пространства. Такимъ образомъ, идея о вѣчно сущемъ Богѣ и идея о самомъ бытіи, къ великому удивленію разума, не совпадаютъ. Какъ прежде, идя отъ несовершенства человѣческой природы, критическая философія заключала о невозможности чуда, такъ теперь, идя отъ совершенства Бога. она заключаетъ о невозможности бытія божія. А разрушивъ вѣру въ бытіе божіе, она полагаетъ, будто устраняетъ всякое богопознаніе и убиваетъ всякую будущую религію.

— Но развѣ, на самомъ дѣлѣ. не такъ? — прервалъ меня мой собесѣдникъ.

— Нѣтъ, мой другъ, критическая философія ошибается. И подумайте. какъ безсиленъ и, главное, не нуженъ для души былъ бы Богъ, если бы его бытіе зависѣло отъ чувства вѣры или сомнѣнія человѣка, отъ смутнаго чувства, надъ которымъ самъ человѣкъ безсиленъ. Нѣтъ, не умерла религія, потому что не человѣкъ ищетъ и обрѣтаетъ Бога и даже не Богъ ищетъ и обрѣтаетъ человѣка, а Богъ ищетъ и обрѣтаетъ себя самого повсюду и, между прочимъ, въ душѣ человѣка. Сумерки религіи не настали, а прошли, и критическая философія — переходъ отъ утреннихъ сумерекъ къ дневному свѣту. Какъ прежде всякій новый шагъ по пути мистическаго познанія былъ связанъ со смертью какой-нибудь старой

вѣры, такъ теперь смерть вѣры въ бытіе божіе ведетъ насъ на новую вершину религіозной истины. Взгляните съ этой вершины на споръ о бытіи божіемъ, и увидите, что и тотъ, кто вѣритъ въ бытіе божіе, и тотъ, кто не вѣритъ, одинаково говорятъ о чемъ-то безсодержательномъ. Въ самомъ дѣлѣ, о какомъ бытіи идетъ рѣчь въ этомъ спорѣ? Если о бытіи условномъ, во времени и пространствѣ, то въ такое бытіе въ примѣненіи къ абсолютному Богу нельзя ни вѣрить, ни не вѣрить: оно недопустимо, какъ понятіе противорѣчивое. Если же о бытіи безусловномъ, то тутъ вѣра излишня, ибо очевидно, что понятіе о безусловномъ божествѣ и безусловномъ бытіи совпадаютъ. Все дѣло лишь въ томъ, *что такое* это безусловное бытіе, *какъ* оно возникаетъ во внутреннемъ откровеніи, *что мы знаемъ о немъ.* Слѣдовательно, вопросъ изъ области вѣры или невѣрія переносится въ область мистическаго познанія, и ваше возраженіе, что, прежде чѣмъ познать Бога, надо вѣрить въ его бытіе, падаетъ само собой. Тѣмъ же путемъ, какимъ мы придемъ къ познанію Бога, мы придемъ и къ познанію божественнаго бытія, какъ одного изъ его атрибутовъ.

Пока я такъ говорилъ, слабый холодный свѣтъ наполнилъ комнату, и я увидѣлъ лицо своего сосѣда, блѣдное и какъ будто отчужденное.

— Вижу, сказалъ я ему, что мои слова притягиваютъ ваше вниманіе, но не въ силахъ побѣдить какое-то сопротивленіе.

На это онъ нерѣшительно отвѣтилъ, что мои слова кажутся ему слишкомъ отвлеченными и что онъ хотѣлъ-бы услышать истину болѣе простую и радующую.

— Потерпите, сказалъ я, и вѣрьте, что и я, подобно вамъ, люблю теплую, благоухающую жизнь и боюсь идеологіи. Но необходимо пройти черезъ отвлеченія разума. Нужно на время самому сдѣлаться призракомъ,

чтобы побѣдить блуждающіе вокругъ насъ призраки сомнѣній. Нужно заранѣе обезпечить себя отъ этой незримой нечисти, а то все наше счастье опять очутится въ какихъ-то скобкахъ, за которыми стоитъ нуль. Ктому-же скажу вамъ совсѣмъ тихо: я люблю теоретическую истину, и смѣшеніе Бога съ міромъ явленій кажется мнѣ преступленіемъ противъ духа святого.

Потомъ я указалъ ему на небо и утреннюю звѣзду и прибавилъ:

— Вотъ примѣръ, который наглядно покажетъ вамъ различіе между вѣрой въ святыню и познаніемъ святыни. Поставьте себя послѣдовательно на мѣсто двухъ людей, созерцающихъ небо и звѣзды. Первый, желая поскорѣе обрѣсти истину простую и радующую, воображаетъ, что небо населено толпами безгрѣшныхъ духовъ, занятыхъ его судьбою. Второй, довѣряя чувствамъ и разуму, измѣряетъ и считаетъ, но вдругъ ощущаетъ восторгъ передъ вселенной, о которомъ говорятъ всѣ великіе астрономы. Оба за видимымъ небомъ прозрѣли нѣчто священное, оба почувствовали экстазъ, но какъ различна устойчивость ихъ чувства! Для перваго придетъ пора сомнѣній, когда разумъ спроситъ его, правда-ли, что небо--большая клѣтка, по которой перепархиваютъ пернатые и пѣвчіе духи? Тогда онъ снова устремитъ взоръ въ небо и, не видя ничего, кромѣ вращающихся сферъ, вмѣсто прежней простой радости почувствуетъ горечь сомнѣній и начнетъ жаловаться на пустоту небесныхъ безднъ и свое одиночество. Восторгъ-же второго устойчивъ, какъ самъ разумъ, и никакой опытъ не заставитъ астронома усомниться въ томъ, что есть нѣчто неизреченное въ дыханіи вселенной.

Владиміръ Ивановичъ долго молчалъ и, наконецъ, робко промолвилъ:

— Я все не знаю, говорите-ли вы о живомъ Богѣ или о философскомъ, отвлеченномъ божествѣ?

Этотъ неискренній вопросъ на минуту заставилъ меня раскаиваться въ томъ, что я открываю душу передъ чужимъ человѣкомъ. Я отвѣтилъ, что если, отправляясь въ поиски за познаніемъ Бога, онъ уже заранѣе знаетъ, что такое живой Богъ и отвлеченное божество, какое между ними различіе и кто изъ нихъ предпочтительнѣе, то ему, очевидно, нечего искать. Если-же онъ искренно призываетъ истину, то пусть не предписываетъ ей, какой она должна явиться. Она предстанетъ такою, какая есть, согласно не нашей волѣ, а нашей природѣ.

Но, видя, что мои слова его огорчаютъ, я прибавилъ:

— Понимаю, что вы боитесь покинуть все то, что съ дѣтства привыкли считать устоями святыни. Я нарочно до сихъ поръ расширялъ передъ вашимъ взоромъ бездну, раздѣляющую языческую святыню, въ которой человѣкъ себя утверждаетъ, отъ святыни мэонической, въ которой онъ себя отрицаетъ. А теперь я въ утѣшеніе скажу вамъ слово, хотя вы еще не въ силахъ до конца понять его. Знайте-же, что не въ опроверженіе вѣры и чуда приходитъ познаніе, а въ ихъ утвержденіе. То, что я называлъ увѣренностью, есть лишь совершенная вѣра, недоступная сомнѣнію. Чудо, становясь тайной, уже не нарушаетъ законовъ міра, а само опредѣляетъ его закономѣрность. Легенда, переходя въ символъ, перестанетъ быть призракомъ, скитающимся отъ поколѣнія къ поколѣнію, а въ каждой душѣ расцвѣтаетъ сызнова. Но все это вы поймете лишь впослѣдствіи. Теперь-же забудьте старыя клички и школьныя раздѣленія. Не еще одну новую религію ищемъ мы, а единую религію, въ предчувствіи которой строились всѣ прочія, не новый культъ по чьему-либо измышленію, а вѣчный культъ по внутреннему откровенію, не новое евангеліе отъ того или другого имени, а безымянное евангеліе отъ человѣческаго разума.

Покуда мы такъ говорили, свѣтъ терялъ голубые и розовые оттѣнки и становился бѣлымъ. Вошелъ служитель и сказалъ, что въ столовой накрытъ завтракъ. Мы хотѣли подняться, но Владиміръ Ивановичъ остановилъ меня вопросомъ:

— А та единая религія, о которой вы говорили, вамъ что-нибудь о ней извѣстно?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, онъ схватилъ мою руку и прошепталъ: вѣрю вамъ.

Я, съ своей стороны, продлилъ пожатіе руки и сказалъ:

— Мнѣ, конечно, вы можете вѣрить, потому что васъ эта вѣра ни къ чему не обязываетъ, меня-же ко многому: я долженъ ее оправдать. И я постараюсь это сдѣлать. Истина, которую хочу вамъ открыть, не моя и ничья: это безымянная истина всей философіи. Мы спокойно можемъ предаться ея изученію, не рискуя быть обвиненными въ маніи величія.

Мы встали и отправились въ столовую по опустѣвшимъ комнатамъ. Но въ коридорѣ Владиміръ Ивановичъ опять остановился и спросилъ:

— Вы думаете, что можно молиться, не ожидая вмѣшательства Бога въ міръ явленій?

Я хотѣлъ отвѣтить, что вотъ воспѣваютъ-же поэты цвѣты и тучи, не ожидая отъ нихъ вмѣшательства въ свою судьбу, но въ этотъ мигъ у меня мелькнула другая мысль.

— Хотите, сказалъ я, окончить сегодняшнюю бесѣду молитвой.

И, не дожидаясь отвѣта, сталъ передъ окномъ, откуда были видны далекій паркъ и разсвѣтное небо, и произнесъ слѣдующія слова:

— „Зданія, построенныя на камнѣ, превращаются въ прахъ, но незыблемы звѣзды, висящія надъ бездной. И вотъ храмъ, который люди построили на камнѣ вѣры,

лежитъ въ развалинахъ, и я хочу строить незыблемый храмъ надъ бездной и надъ пустотой. Я не жду, о Боже, твоихъ чудесъ, ибо тобою все стало чудомъ въ душѣ и въ мірѣ. Я не страшусь, о Боже, наказанія и не жду награды, ибо поставленъ тобою выше страха и корысти. Я не молю тебя ни о чемъ, ибо раньше мольбы моей ты далъ мнѣ все. Но я люблю тебя, потому что ты—моя тайна и красота, и надежда въ жизни и въ смерти. О, любящій, познаваемый въ любви, любимый"!

Когда я, кончивъ говорить, обратился къ Владиміру Ивановичу, лицо его горѣло необычайнымъ свѣтомъ. Приблизясь весь ко мнѣ, онъ задыхающимся шопотомъ произнесъ:

— Вы вѣрите въ воскресеніе души?

— Увѣренъ, тихо отвѣтилъ я.

Мы вошли въ огромную, переполненную народомъ столовую и молча попрощались, оттого что сосѣдями были только по галлерѣ для лежанія, а за столомъ сидѣли въ разныхъ мѣстахъ.

Разговоръ второй.

Въ день, слѣдовавшій за пожаромъ, послѣ безсонной и тревожной ночи, больные поздно проснулись и лишь въ пятомъ часу дня, незадолго до обѣда, называемаго здѣсь ужиномъ, собрались въ галлереѣ для лежанія. Когда я сошелъ туда, Владиміръ Ивановичъ уже лежалъ на своемъ плетеномъ диванѣ, по горло закутанный въ одѣяло. Мы съ нимъ поздоровались, смущенно улыбаясь, и въ тотъ день не возобновляли разговора. Возникшая между нами духовная тайна какъ будто еще стѣсняла насъ, и намъ нужно было свыкнуться съ мыслью о чемъ-то новомъ и непохожемъ на окружающее. Занятые оба этою мыслью, мы дѣлали видъ, будто прислушиваемся къ толкамъ сосѣдей, обсуждавшихъ событія ночи. Украдкой я всматривался въ лицо Владиміра Ивановича съ новымъ чувствомъ дружеской тревоги. Къ удивленію, на немъ не замѣчалось слѣдовъ усталости, и онъ еще никогда не казался мнѣ такимъ бодрымъ. Какъ это ни странно, но нервное потрясеніе отъ пожара произвело на многихъ больныхъ возбуждающее и какъ-бы укрѣпляющее дѣйствіе, длившееся впрочемъ весьма недолго,—вскорѣ наступила реакція.

Бесѣда наша возобновилась на слѣдующій день и съ тѣхъ поръ почти не было дня, когда-бы мы къ ней не возвращались. Обыкновенно она происходила отъ восьми до десяти часовъ, между первымъ и вторымъ завтракомъ, послѣ утренняго обхода врача, когда большинство больныхъ отправлялось на прогулку и лежать оставались самые слабые. Сосѣди наши всѣ уходили, такъ что мы никому не мѣшали своимъ разговоромъ и

никто не мѣшалъ намъ. Потомъ въ теченіи дня я употреблялъ еще четверть часа на записываніе вкратцѣ только что происшедшаго разговора, и эти замѣтки теперь оказываютъ мнѣ большую услугу, напоминая много подробностей о которыхъ я бы такъ забылъ.

Въ тотъ день, едва мы остались одни, Владиміръ Ивановичъ повернулся ко мнѣ лицомъ и, не глядя на меня, заговорилъ своимъ быстрымъ, нервнымъ шопотомъ:

— Я вчера все время думалъ о вашихъ словахъ, днемъ и ночью. Многаго я не понялъ, но вы мнѣ разъясните. Только раньше я долженъ получить отвѣтъ на одинъ вопросъ. Вы вотъ увѣрены, что религіозная истина вамъ открылась въ новомъ свѣтѣ. Почему-же вы живете тутъ въ бездѣйствіи? Почему не служите ей, не посвящаете всѣ силы ея прославленію? Вѣдь вы уже не молоды. Вамъ вѣроятно...

— Мнѣ сорокъ четыре года, - вставилъ я.

— Вотъ видите. Но самое главное, безъ чего все остальное ничто: живете-ли вы по этой новой истинѣ? Сходится-ли ваше дѣло съ вашимъ словомъ? Или вы разсуждаете по одному, а поступаете по другому? Подумайте только: религіозное творчество! Развѣ есть огонь сильнѣе на свѣтѣ? Если-же ваша истина не въ силахъ согрѣть и очистить вашу собственную душу, какъ вы хотите, чтобы другіе повѣрили въ нее? Къ чему она тогда? Новая умственная гимнастика! Умственный кейфъ послѣ сытаго обѣда въ пять блюдъ, который мы съ вами съѣдаемъ, не спрашивая, у кого онъ отнятъ! И въ то время, когда другіе будутъ голодать, по нашей винѣ и въ нашу пользу голодать, мы станемъ услаждать себя бесѣдами о философскихъ и религіозныхъ истинахъ? Неужели, по вашему, такая философія будетъ дѣломъ религіознымъ, а не кощунствомъ надъ истинною религіею, которая прежде всего учитъ подвигу и чистотѣ?

Простите, что я это такъ грубо. Но вѣдь вы хотите, чтобы я вамъ душу свою довѣрилъ. Такъ вотъ, прежде чѣмъ довѣриться и пойти за вами, я спрашиваю, достойны-ли вы быть руководителемъ души, настолько-ли чисты ваши руки, чтобы держать свѣтильникъ духовный? Вотъ вы теперь живете въ санаторіи, лечитесь и деньги платите. Откуда у васъ эти деньги? Какъ вы ихъ получили? Почему не роздали?

Въ этомъ духѣ Владиміръ Ивановичъ говорилъ долго и горячо, съ неожиданнымъ обиліемъ искреннихъ, но неглубокихъ словъ. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, тонъ его рѣчи становился все рѣзче, такъ что, увлеченный собственными словами, онъ какъ-то забылъ про меня и сталъ наконецъ увѣрять, что всѣ философскія и иныя мудрствованія культурныхъ людей ничто иное, какъ забава и лицемѣріе. Въ истинномъ смыслѣ живутъ, „тащатъ возъ жизни" только простые, рабочіе люди, и вотъ ихъ-то мудрость и религія истинны, потому что сливаются съ подвигомъ жизни и укрѣпляютъ его. Мы-же, состоятельные люди, сами себя называющіе культурными, мы, прежде всего, не живемъ, а заѣдаемъ чужія жизни, наровимъ, какъ-бы просуществовать чужимъ жизненнымъ подвигомъ и чужимъ трудомъ. Мы роскошествуемъ, удобно развалясь въ той каретѣ, которую, выбиваясь изъ силъ, тащитъ народъ, и такъ какъ намъ иногда дѣлается не только скучно, но и стыдно, то мы заводимъ разговоры о высокомъ, о наукахъ и искусствахъ, непремѣнно о высокомъ, чтобы не только развлечь, но и отвлечь свое вниманіе, чтобы не видѣть того, что близко, не видѣть ихъ страданій и нашей праздности.

— И вотъ теперь,—продолжалъ онъ, привставъ на диванѣ и сильно волнуясь,—теперь вы предлагаете завести новый разговоръ о самомъ что ни есть высокомъ, о мистическомъ познаніи. Не такъ ли? Сидѣть, разва-

лясь въ каретѣ, и разговаривать? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Соскочить на землю, облегчить несчастныхъ на вѣсъ своего тѣла, вотъ, что прежде всякихъ разсужденій долженъ сдѣлать тотъ, кто прозрѣлъ, а уже потомъ глядѣть кверху и разсуждать о высокомъ.

Я молча и съ величайшимъ вниманіемъ прислушивался къ этимъ столь знакомымъ, столь искреннимъ и столь мучительно несправедливымъ словамъ. Логически отразить ихъ силу было-бы мнѣ не трудно. Я могъ-бы отвѣтить моему собесѣднику, что онъ, въ сущности возражаетъ противъ еще невѣдомой ему истины и что, не зная, въ чемъ моя истина, онъ не въ состояніи судить, сходится-ли моя жизнь съ нею или нѣтъ.

Еще я могъ-бы возразить, что если разговоры о религіи кажутся ему порожденіемъ скуки и стыда, то отъ праздныхъ разговоровъ слѣдуетъ воздерживаться уже потому, что они праздны, помимо мысли о народѣ и нашемъ долгѣ передъ нимъ. Если-же исканіе истины кажется ему дѣломъ важнымъ, то неужели онъ, на словахъ любя народъ, на самомъ дѣлѣ презираетъ его, полагая, что истина нужна народу менѣе, нежели намъ. Но такими внѣшними возраженіями я только показалъ-бы, что самъ не знаю всей силы сдѣланнаго на меня нападенія.

Въ дѣйствительности, Владиміръ Ивановичъ, самъ того не сознавая, выдвинулъ два самыхъ грозныхъ довода, изъ всѣхъ, какіе когда либо раздавались противъ философіи. Первый доводъ можетъ быть формулированъ такъ: если цѣль философіи—привести душу къ познанію истиннаго добра, то философія излишня, такъ какъ при желаніи слѣдовать по пути добра душа не нуждается въ указаніяхъ разума, а достаточно ей слушаться врожденнаго нравственнаго инстинкта, голоса долга, совѣсти, нравственнаго чувства. Будучи-же излишней, философія вредна, ибо отвлекаетъ духовныя силы отъ того са-

маго подвига добра, которому будто-бы хочетъ поучать. Съ этой точки зрѣнія философъ въ лучшемъ случаѣ представляется забавнымъ чудакомъ, который, стоя по поясъ въ чистой водѣ, закинулъ голову кверху и ждетъ изъ тучи дождевыхъ капель, чтобы утолить свою жажду, а въ худшемъ случаѣ—лукавымъ волшебникомъ, который словами объ истинѣ отводитъ глаза людей отъ истины живой. Доводъ этотъ старинный, и нѣтъ учителя святости, кто-бы не предостерегалъ свою паству „не увлечься философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра“ и отвращаться „негоднаго пустословія и прекословій лжеименнаго знанія“.

Второй доводъ—болѣе современный, я-бы хотѣлъ сказать, болѣе русскій. Онъ также беретъ начало въ совѣсти, но не общечеловѣческой или общенародной, а въ больной совѣсти современнаго человѣка, не то соединеннаго съ народомъ, въ сознаніи общаго братства, не то вполнѣ отъ него оторваннаго. Вѣдь какъ-бы мы ни устроились, несомнѣнно то, что всѣ предметы и орудія воли и мысли, безъ которыхъ наша жизнь была-бы невозможна, всѣ безъ исключенія,—домъ, въ которомъ я живу, платье, которое на мнѣ, вотъ эта книга, этотъ кусокъ хлѣба, все, рѣшительно все создано было не мною, а для меня сдѣлано и привезено чужими мнѣ людьми. Чужой трудъ, чужія страданія, чужія слезы и болѣзни одѣваютъ, защищаютъ, кормятъ меня. Чѣмъ-же заплатилъ я темной, невѣдомой массѣ за ея трудъ, слезы, страданія обо мнѣ? Конечно, въ потраченномъ на меня трудѣ участвовали также и люди культурные, но съ ними я еще могу надѣяться кое-какъ разсчитаться. Кто нибудь изъ нихъ, быть можетъ, прочтетъ мою книгу, узнаетъ мою мысль. Но какъ и чѣмъ расплачусь я съ темной, невѣдомой мнѣ массой тружениковъ? Наивная мысль о деньгахъ разлетается въ прахъ, едва мы на ней остановимся, ибо деньги, какъ и всѣ другія орудія

культуры, созданы этими-же невѣдомыми тружениками. Приготовивъ для меня всѣ предметы первой необходимости и роскоши, эти же благодѣтели вырыли для меня изъ земли золото, чтобы я на него могъ пріобрѣтать всѣ другія, нужныя мнѣ блага. Вотъ этотъ роковой вопросъ и поставилъ передо мною Владиміръ Ивановичъ. Прежде чѣмъ отдаться занятію философіею, онъ хотѣлъ знать, можно ли обольстить себя увѣренностью, что земледѣлецъ, плотникъ, рудокопъ и другіе простые люди, создавшіе условія, которыя даютъ намъ возможность мирно разсуждать о высокихъ предметахъ, что они будутъ по совѣсти вознаграждены за свой трудъ тѣмъ, что мы займемся Кантомъ и признаемъ или отвергнемъ синтентическій характеръ математическихъ понятій? Если истина сама по себѣ священна, то справедливость сама по себѣ также священна, а развѣ справедливо платить людямъ за ихъ дѣйствительные дары дарами призрачными, которыхъ они никогда не увидятъ, не употребятъ, о существованіи которыхъ даже не узнаютъ? По крайней мѣрѣ. не видѣли и не знали за всѣ вѣка исторіи отъ временъ Ѳалеса до сего дня. Этого вопроса еще могутъ не задавать себѣ химикъ, врачъ, инженеръ, но какъ обойти его молчаніемъ философу, который берется учить ни о чемъ другомъ, какъ о справедливости и святости. Для него этотъ вопросъ является неизбѣжнымъ и, однажды возникнувъ, уже не можетъ быть ни ловко устраненъ, ни обойденъ, а долженъ быть раскрытъ со всею искренностью и силой.

Видя, что я не собираюсь еще отвѣчать, Владиміръ Ивановичъ улегся на мѣсто и успокоившимся шопотомъ продолжалъ:

— Вы вотъ смотрите на меня и, вѣроятно, думаете: а ты какое имѣешь право допрашивать мою совѣсть, ты, живущій самъ на чей-то трудъ и платящій чьи-то деньги? Да, я сознаю, что каждый кусокъ хлѣба, который я съѣ-

даю, достается мнѣ по недоразумѣнію, я всего себя считаю опечаткой жизни, но мое оправданіе—въ моей слабости и, скажу болѣе, въ этомъ моемъ презрѣніи къ себѣ. Я весь живу во лжи, но я не прячусь за философію, не измышляю религіозной истины. Покуда я презираю свою ложь, я отрицаю ее и во всякомъ случаѣ не возвожу въ правило жизни. И такихъ, какъ я, повѣрьте, много. Всѣ мы гнушаемся неправды своей жизни, но есть нѣчто еще болѣе гнусное, чѣмъ сама неправда, это примиреніе съ нею подъ прикрытіемъ лицемѣрно-красивыхъ словъ. Довольно во время крѣпостного права наглядѣлись у насъ этихъ эстетиковъ и философовъ, которые между двумя страницами Вольтера, нехотя и съ чувствомъ гадливости, отдавали приказъ о неизбѣжной поркѣ. Эти изверги были самые презрѣнные, ибо они извергами себя не считали, а умилялись красотою своихъ чувствъ и мыслей. И въ наши дни, если кто-нибудь, конечно, изъ людей культурныхъ, часто въ разговорѣ начнетъ поминать Бога, глядите въ оба: передъ вами подозрительная личность. Вотъ, отчего русскіе люди инстинктомъ правды боятся эстетики и метафизики. Кто заговорилъ о Богѣ, тотъ возбуждаетъ подозрѣніе: не темная-ли это душа? Не старается-ли онъ увильнуть отъ нравственой отвѣтственности? Усыпить самопрезрѣніе, это единственное оружіе совѣсти въ борьбѣ за лучшее будущее? Пусть мои слова кажутся вамъ парадоксомъ, но вчера, раздумывая обо всемъ этомъ, я вдругъ сказалъ себѣ, что пока въ русской совѣсти не умретъ правда, до тѣхъ поръ будемъ мы гнушаться метафизики. Пока будемъ желать поступать по божески, до тѣхъ поръ будемъ избѣгать разговоровъ о Богѣ. Мы оттого враги идеологіи, что у насъ есть еще идеалы. Но вы не отвѣчаете и не слушаете меня.

— О нѣтъ, поспѣшилъ я сказать, я слушалъ васъ съ большимъ вниманіемъ и готовъ держать передъ вами

отвѣтъ со всею искренностью. Вижу, что отъ исхода этого разговора зависитъ, дойдемъ-ли мы вмѣстѣ до конца пути или разстанемся здѣсь у перваго поворота. Во всякомъ случаѣ, я радъ, что вы не побоялись поставить вопросъ въ такой рѣзко-личной формѣ, съ цѣлью чисто практической. Радъ, потому что въ моемъ сознаніи философія не отдѣлена отъ практической жизни. Я даже увѣренъ, что побуждаетъ насъ философствовать не теоретическое исканіе истины, а практическая потребность въ примиреніи съ жизнью, и потому философомъ кажется мнѣ не тотъ, кто, что-то узнавъ, смотритъ на жизнь отчужденнымъ взоромъ, а тотъ, кто со своимъ знаніемъ возвращается въ міръ и возвращаетъ къ нему другихъ.

Итакъ, вы хотите знать, достаточно-ли чисты мои руки и живу-ли я согласно правдѣ? Но согласно какой правдѣ долженъ былъ я жить, для того чтобы вы почли меня достойнымъ изслѣдовать истину? Согласно-ли той правдѣ, которая велитъ любить радости жизни самому и трудиться для доставленія этихъ радостей другимъ, или-же согласно той правдѣ, которая велитъ отрекаться отъ радостей жизни самому и проповѣдовать это отреченіе другимъ? Скажите.

Я ждалъ отвѣта на свой вопросъ, но Владиміръ Ивановичъ молчалъ, и лицо его выражало удивленіе и недоумѣніе.

— Мой вопросъ кажется вамъ неожиданнымъ,—продолжалъ я,—однако онъ неизбѣженъ. Вы вотъ высказали, что вмѣсто того, чтобы разсуждать о добрѣ, слѣдуетъ дѣлать добро. Вы, значитъ, допускаете, что помимо разума душѣ данъ другой показатель правды, инстинктъ правды, не такъ-ли?

— Да, согласился мой собесѣдникъ, таково мое мнѣніе. Была-бы лишь охота слѣдовать за инстинктомъ правды, а онъ всегда зоветъ насъ на вѣрный путь.

— Такимъ образомъ, продолжалъ я, вы считаете инстинктъ правды или голосъ совѣсти безошибочнымъ судьею нравственности. Вотъ, почему я и указываю вамъ на поразительный и неоспоримый фактъ, на то, что намъ врождены не одинъ, а два инстинкта правды, противорѣчащихъ другъ другу и одинаково обязательныхъ, такъ что въ каждый данный моментъ совѣсть зоветъ насъ не на одинъ, а на два разныхъ пути добра.

Едва я проговорилъ эти слова, какъ Владиміръ Ивановичъ вскочилъ съ мѣста и, задыхаясь, сталъ шептать:

— Докажите, докажите мнѣ это. Два пути добра, это безуміе. Почему никто раньше не наблюдалъ такого неоспоримаго факта?

— Фактъ этотъ общеизвѣстный, продолжалъ я, и вы ошибаетесь, полагая, будто его никто не наблюдалъ. Накормите голодныхъ, будьте причиной ихъ сытости, и вы исполните нравственный долгъ. Убѣдите людей поститься и умерщвлять свою плоть, будьте причиной ихъ голода, и вы тоже прослывете праведникомъ. Всеобщее богатство и довольство такой-же нравственный идеалъ, какъ и всеобщая нищета и смиреніе. Фактъ этотъ наблюдался во всѣ времена, то какъ тайна совѣсти, то какъ художественный контрастъ. Идеалъ подвига и идеалъ подвижничества, удовлетворенія и отреченія, то съ любопытствомъ оглядывали другъ друга при встрѣчѣ Александра съ Діогеномъ, то одинъ шелъ къ другому на покаяніе въ Каноссу, то они на время мирились и отправлялись сражаться съ Сарацинами. Удивительно все-таки, что философская мысль ни разу ясно не ставила передъ собою этой единственно важной нравственной проблемы. Даже великій Кантъ, подчинивъ нравственную дѣятельность категорическому императиву, безусловному требованію долга, въ сущности выразилъ научнымъ языкомъ мысль профановъ, проглядѣвъ центральную нравственную бездну, именно то, что душѣ врождены два кате-

горическихъ императива, влекущихъ ее не только въ разныя, но въ противоположныя стороны, и рѣшеніе этой тайны предоставилъ намъ. Ближе всѣхъ подошелъ къ этой тайнѣ Шопенгауеръ, но, построивъ свой храмъ безъ божества, онъ самъ лишилъ себя высшаго критерія правды. Обыкновенно же люди даже не сознаютъ факта существованія двухъ путей добра, ибо, различая лишь голосъ преобладающаго въ немъ инстинкта, каждый считаетъ только свой путь единственнымъ путемъ добра. Воинъ такимъ единственнымъ путемъ считаетъ защиту чести и беззавѣтную храбрость въ борьбѣ съ врагомъ. Онъ знаетъ, что за оградой монастыря проповѣдуется другая мораль, не признающая ни борьбы, ни враговъ, и все-таки путь чести и храбрости кажется ему единственнымъ. И если онъ на старости лѣтъ вступаетъ въ монастырь, то прошлая жизнь начинаетъ казаться ему сплошнымъ зломъ и онъ все-таки умираетъ въ увѣренности, что въ жизни есть два пути — путь добра и путь зла.

— Такова увѣренность всѣхъ здоровыхъ людей, прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ такимъ тономъ, какъ будто онъ спорилъ не столько со мной, сколько со своимъ недовѣріемъ ко мнѣ. Какъ-же иначе думать?

— На самомъ дѣлѣ, возразилъ я, есть два пути добра, но стояніе на одномъ мѣстѣ, а тѣмъ болѣе возвращеніе вспять на каждомъ изъ этихъ путей мы называемъ зломъ.

— Такъ что, опять прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ, одно и тоже мѣсто пути будетъ добромъ для того, кто достигъ его, идя впередъ, и зломъ—для того, кто достигъ его, идя назадъ?

— Совершенно вѣрно, отвѣтилъ я. Платонъ, изучавшій мудрость, живя трудомъ своихъ рабовъ, шелъ по пути добра. Но современный философъ, который захотѣлъ-бы воскресить рабство, чтобы безпечно предаться своимъ занятіямъ, шелъ-бы по пути зла. Зло всегда воз-

вратъ, атавизмъ, какъ говоритъ новая антропологія, паденіе, какъ говоритъ древняя легенда, видя въ демонѣ падшаго ангела. Но къ вопросу о злѣ мы еще вернемся. Относительно-же двухъ путей добра я хотѣлъ замѣтить, что покуда люди строили свои отношенія на основѣ вѣры, двойственность нравственнаго идеала хотя отдѣльными лицами не сознавалась, однако въ общемъ строѣ общественной жизни осуществлялась безпрепятственно и оба врожденныя намъ стремленія находили свободный исходъ. Это вѣрно даже относительно буддизма, который только въ монашескомъ подвигѣ видѣлъ путь добра и только „общину съ четырехъ концовъ міра", только „учениковъ сына Сакія" считалъ наслѣдниками ученія и блаженства, такъ что міряне исключались даже изъ торжественныхъ богослуженій монаховъ. Но уже одно то, что всѣ монахи должны были жить исключительно милостыней отъ мірянъ, превращало мірской подвигъ въ путь добра, ибо въ противномъ случаѣ святые не имѣли бы права жить плодами чужаго зла. Въ дѣйствительности-же оба идеала осуществлялись равноправно, благодаря полной свободѣ, предоставленной каждому взрослому и свободному члену общества вступать въ монашество („выходить изъ дома на чужбину") и выступать изъ него („возвращаться въ домъ"), причемъ снявшій съ себя желтыя одежды не считался растригой и при желаніи могъ опять вступать въ орденъ. „Желая радости,— говоритъ старинный буддійскій текстъ,—человѣкъ можетъ или стремиться къ небеснымъ радостямъ, или искать себѣ человѣческаго счастья".

Еще тѣснѣе связь между идеаломъ удовлетворенія и идеаломъ отреченія сказалась въ обществѣ христіанскомъ, гдѣ не только представители аскетизма нуждались въ помощи и щедрости мірянъ, но и міряне не могли обходиться безъ помощи своихъ „ушедшихъ" братьевъ, которые освящали и благословляли каждый шагъ ихъ

міpской жизни. Рыцарь, видѣвшій верховную цѣль въ служеніи дамѣ сердца и монахъ, не подымавшій глазъ на женщину, повидимому другъ друга отрицали, а на самомъ дѣлѣ восполняли, и кто знаетъ, каждый изъ нихъ, стремясь къ своему блаженству, не мечталъ-ли съ завистливымъ восторгомъ о блаженствѣ другого? Если-же между обоими идеалами и возникала борьба, то лишь за господство, а не за исключительное существованіе. Побѣждалъ временно то одинъ, то другой, и если жизнь народовъ рисовать себѣ наглядно въ видѣ безпрерывнаго потока, а стремленія героическія и аскетическія въ видѣ волнъ разнаго цвѣта, напримѣръ, краснаго и голубого, то исторія человѣчества явила-бы вѣчную игру и смѣну оттѣнковъ, преобладаніе то красныхъ, то голубыхъ волнъ, ихъ сліяніе въ фіолетовомъ сумракѣ. И тотъ, кто изобразитъ эту борьбу двухъ идеаловъ, впервые создастъ истинную исторію не лицъ и не учрежденій, а духа человѣчества.

Но посмотрите, какъ быстро мѣняется картина съ конца восемнадцатаго вѣка, когда прежняя вѣра стала омирать, если не въ народѣ, то въ тѣхъ слояхъ общества, къ которымъ мы съ вами принадлежимъ. Потерявши вѣру, но еще не пріобрѣвъ мистическаго познанія, культурные люди устроили свою жизнь такъ, что одному изъ двухъ врожденныхъ намъ идеаловъ добра не оказалось практическаго исхода. Получилось положеніе вещей, еще небывалое въ исторіи, ибо во всѣ времена прелесть мірской жизни покоилась на мечтѣ объ освобожденіи въ стѣнахъ-ли храма, философской академіи, священной рощи, скита, монастыря. Культурному-же человѣку, потерявшему вѣру, осталась лишь мечта на отдохновеніе отъ мірской жизни въ качествѣ рантье, то-есть, среди условій той-же жизни, только ставшей праздной и безцѣльной, а для культурной женщины чистота весталки сохранилась лишь какъ угроза стараго дѣвства.

Но перестроить можно историческую обстановку, а не природу души, не нами созданной, и понятно, что врожденное стремленіе къ святости, не находя исхода во внѣшней дѣятельности, должно было кинуться во внутрь души и произвести въ ней великую смуту. Какъ ни странно звучатъ такія слова, но приходится говорить о временномъ помѣшательствѣ всего человѣчества, сказавшемся вначалѣ возбужденіемъ революцій, а затѣмъ подавленнымъ состояніемъ, которое извѣстно подъ названіемъ пессимизма и ничѣмъ инымъ, кромѣ помѣшательства, объяснено быть не можетъ.

— А вѣдь въ этихъ словахъ много вѣрнаго, задумчиво произнесъ мой собесѣдникъ. Живя нѣсколько лѣтъ среди нѣмцевъ, я часто испытываю что-то жуткое и страшное. Эта ихъ дешевая, чувствительная, самодовольная жизнерадость, которую они называютъ Gemüthlichkeit, на основѣ жестокой, животно-грубой дисциплины,—и вдругъ среди такихъ грошовыхъ, сантиментально-безсердечныхъ весельчаковъ то Шопенгауеръ, то Вагнеръ. Что общаго между ними? А теперь вижу, есть что-то общее,—общій духъ безумія. Можетъ быть, оттого Шопенгауеръ съ такимъ отчаяніемъ потрясалъ небо и землю, что мой сосѣдъ такъ радуется на свои Ansichtskarten.

— А развѣ у насъ дома не то-же самое, сказалъ я. Представьте себѣ, что какой-нибудь чуждый намъ наблюдатель зашелъ-бы въ нашу школу и услышалъ-бы, какъ ученики отвѣчаютъ заученные наизусть стихи о томъ, что „жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ, такая пустая и глупая шутка". Конечно, спросилъ-бы онъ, рѣчь въ этихъ стихахъ идетъ о той жизни, отъ которой вы старшіе, уже отказались и учите отказаться своихъ дѣтей. Узнавъ-же, что въ нихъ говорится какъ разъ о той жизни, которую ведутъ сами старшіе и для которой готовятся дѣти, онъ-бы могъ

только назвать помѣшательствомъ такую общественную философію, которая позволяетъ внушать дѣтямъ отвращеніе къ ожидающей ихъ жизни, автора-же стиховъ, равно какъ учителей, онъ заклеймилъ-бы прозвищемъ отравителей колодцевъ, ибо они завѣдомо отравляютъ для подростающихъ поколѣній колодцы жизненныхъ радостей. Но съ другой стороны былъ-бы правъ и учитель, если-бы въ отвѣтъ этому грозному судьѣ возразилъ, что стихи сочинены искреннимъ и геніальнымъ человѣкомъ, и что если скрывать отъ дѣтей чувства людей искреннихъ и геніальныхъ, то пришлось-бы ихъ воспитывать на писателяхъ неискреннихъ и бездарныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, пессимизмъ не есть вина, но великое бѣдствіе, которое прекратится лишь тогда, когда два идеала добра перестанутъ сознаваться нами, какъ враждующіе моменты и сольются въ ихъ общемъ источникѣ—въ мистическомъ познаніи Бога. Что въ области нравственной происходитъ неладное, чувствуется всѣми. Иначе не говорили-бы такъ часто объ оскудѣніи идеаловъ какъ разъ тѣ, чьи сердца, если вѣрить имъ, отягчены идеалами альтруизма, человѣколюбія, народолюбія. Значитъ этотъ альтруизмъ и народолюбіе внутренне дряблы, если при ихъ наличности продолжаются жалобы на оскудѣніе идеаловъ. И въ самомъ дѣлѣ, культурные люди нашихъ дней спасаются въ альтруизмъ, какъ ипохондрики стремятся къ перемѣнѣ мѣста, въ надеждѣ, что *тамъ* тоска не отыщетъ ихъ. Но такое бѣгство не достигаетъ цѣли. Раньше, чѣмъ нести другимъ людямъ блага жизни, необходимо про себя рѣшить, что есть благо и что нѣтъ. Раньше, чѣмъ нести народу обновленіе, необходимо самому по нравственной устойчивости стоять хотя-бы не ниже народа, а то намъ грозитъ опасность, какъ-бы у насъ при встрѣчѣ съ народомъ, кромѣ истины, что жизнь—пустая и глупая шутка, ничего другого не оставалось, что сказать ему.

Знаю, что эти мои слова во многихъ вызвали-бы гнѣвъ. Въ нашемъ отношеніи къ народу есть сторона патетическая, воспоминанія о вѣковой несправедливости, слезы покаянія, то, что должно оставаться въ сторонѣ отъ споровъ. И еще есть нѣчто въ этихъ отношеніяхъ, столь-же трудно поддающееся опредѣленію, то, что я-бы назвалъ русской искренностью, въ отличіе отъ такихъ-же неопредѣлимыхъ оттѣнковъ отношеній, которыя мы называемъ англійскимъ лицемѣріемъ, французской blague или нѣмецкой сантиментальностью. Не думать о народѣ культурный человѣкъ не можетъ, какъ нельзя жить на маленькомъ островкѣ среди океана и не думать объ этомъ океанѣ. Поэтому любовь къ народу возникла и выражена раньше, чѣмъ у насъ, въ литературѣ и искусствѣ европейскихъ, но у культурнаго европейца любовь къ темной массѣ была добровольнымъ даромъ отъ душевнаго избытка, теплымъ вѣтеркомъ отъ берега къ морю, отъ просвѣщенной души художника или мыслителя къ далекому человѣчеству. Оттого любовь къ народу не была для нихъ причиной муки. Когда Шелли создавалъ своего Прометея или Гете вторую часть Фауста, воодушевлявшая ихъ идеальная любовь къ людямъ не только не мѣшала имъ пребывать въ условіяхъ обычнаго комфорта, но сама являлась какъ-бы утонченнѣйшимъ условіемъ комфорта, залогомъ самоуваженія и внутренняго мира. Не то у насъ, гдѣ любовь къ народу имѣетъ въ себѣ что-то принудительное, доносится къ совѣсти, какъ призывъ отъ всего человѣчества, какъ дыханіе водъ, отъ которыхъ некуда спрятаться, какъ грозный вѣтеръ съ моря, рѣзкій, немолчный. Создавъ литературу, небывалую по искренности, этотъ вѣтеръ съ моря оглушаетъ, мѣшаетъ творческой работѣ мысли, не даетъ жить. Если мы каждую минуту будемъ спрашивать себя, пользуется-ли сегодня народъ нашими благами, то намъ придется отказаться и отъ своей искрен-

ней литературы, и отъ науки, и отъ надежды когда-нибудь что-либо создать. Тогда мы обрекаемъ себя на безплодіе, на роль какихъ-то моральныхъ купцовъ, которые, не создавъ ничего сами, заняты лишь распредѣленіемъ благъ, созданныхъ другими. Для того-же, чтобы творить, нуженъ кровъ, нужна какая-то фикція, нужна хотя-бы увѣренность, что тѣ блага, которыя кажутся истиной передъ лицомъ Бога, разума и совѣсти, окажутся, если не сегодня, то завтра, полезными всему народу, всѣмъ людямъ.

Такъ говорилъ я, чувствуя самъ, что слово мое безсильно и блѣдно въ сравненіи съ тѣмъ, что оно должно было выразить. Я испытывалъ танталову муку рѣчи, когда вдругъ видишь, что слова, наполняющія душу, лишь отражаютъ твои жаждущія уста, но не въ силахъ утолить ихъ. Владиміръ Ивановичъ, тоже охваченный мукою мысли, глядѣлъ на меня въ упоръ, не видя меня и наконецъ сказалъ:

— Все-бы хорошо, но вотъ никакъ не могу принять въ душу вашихъ словъ о двухъ идеалахъ добра, какъ не могъ-бы согласиться, если-бы вы стали увѣрять, что я одновременно нахожусь здѣсь на диванѣ и лежу у себя въ комнатѣ. Рыцарь и монахъ ничего не доказываютъ. Рыцарь, хотя и поклонялся культу чести и храбрости, однако и онъ почиталъ святымъ не себя, а монаха. Нѣтъ, вы приведите доказательство несомнѣнное, демонстрируйте, какъ говорится въ наукѣ, свое положеніе на опытѣ, чтобы я могъ увидѣть, ощупать вашу мысль.

— Согласенъ, отвѣтилъ я, могу вамъ указать на такой опытъ, ибо онъ уже придуманъ и устроенъ самой жизнью. Подумайте, кто изъ современныхъ мыслителей пріобрѣлъ наибольшую власть надъ умами? Вы, конечно, назовете Толстого и Нитцше, оттого что другихъ такихъ именъ нѣтъ. Такъ вотъ вглядитесь въ ихъ ученіе, сравните ихъ, и вы съ удивленіемъ увидите, что въ нихъ-то

нашли свое полнѣйшее выраженіе и сошлись для послѣдней битвы тѣ именно два идеала добра, которыхъ вы не хотите принять въ свою душу, не подозрѣвая, что они уже давно въ ней угнѣздились. Оба эти писатели искренни, оба геніальны, и, что всего важнѣе, разсудить ихъ нельзя уже при помощи инстинкта правды, потому что оба свое ученіе лишь на этомъ инстинктѣ основываютъ. И Толстой, и Нитцше исходятъ изъ увѣренности, что нравственная проблема заключается не въ вопросѣ: „что познавать?", а въ вопросѣ „что дѣлать?", что верховнымъ трибуналомъ является не познающій духъ, а дѣятельная воля. Толстой боится исканія теоретической истины, какъ ширмы для лицемѣрія и эпикуреизма. Когда-то, молъ, истина будетъ найдена, а пока давайте „срывать дни" и пользоваться мгновеньями. Нитцше также боится размышленій, хотя по причинѣ противоположной: раздумье философовъ, этихъ „блѣдныхъ среди блѣдныхъ", кажется ему угрозой приближающейся усталости, началомъ наклонной плоскости, ведущей къ убыли энергіи, къ бездѣйствію, къ святости, къ „ничто". Выше сомнительной истины каждый ставитъ несомнѣнный, Богомъ или природой вложенный въ насъ, рвущійся наружу инстинктъ правды, а на самомъ дѣлѣ, одинъ изъ двухъ инстинктовъ. Толстой, какъ одаренный избыткомъ силы, зоветъ, на путь отреченія, воздержанія, непротивленія, самопожертвованія. Нитцше, какъ угрожаемый безсиліемъ, зоветъ, на путь борьбы, власти, ликованія силы, презрѣнія къ слабымъ. На вопросъ, кто изъ нихъ правъ, не можетъ быть отвѣта. Когда читаешь простое и утонченное, доброе и суровое слово Толстого, то невольно подпадаешь подъ его вліяніе и хочется съ нимъ согласиться. Понимаешь, что онъ ополчился за блаженство святости, оскорбленный пошлостью и дешевостью вотъ этой самой культурной Gemüthlichkeit, которая насъ окружаетъ. Но стоитъ подумать, что онъ

зоветъ на уже пройденный путь и что правда, имъ отвергаемая, правда удовлетворенія, красоты, роскоши такъ-же неотъемлемо наша и такъ-же дорога намъ, какъ и правда святости, то невольно причисляешь и его къ отравителямъ колодцевъ. Возьмите хоть его отношеніе къ любви. Вѣдь нельзя ни на минуту усомниться, что любовь между мужчиной и женщиной пребудетъ и послѣ Толстого такой-же, какою она была и до него, то есть, основанной на неизмѣримо отрадномъ, несказанно грубомъ и вслѣдствіе этой грубости еще болѣе отрадномъ и близкомъ намъ физическомъ единеніи. Однако, вмѣсто того, чтобы пить изъ родниковъ, освящаемыхъ каждой религіей и озаряемыхъ поэзіей, увѣровавшіе въ мораль Толстого будутъ пить изъ колодцевъ, ихъ-же пророкомъ отравленныхъ. Но такимъ-же отравителемъ колодцевъ слѣдуетъ считать и Нитцше, который бросаетъ свой ядъ въ родники состраданія и отреченія, въ то, что онъ для своего утѣшенія называетъ моралью рабовъ и что столь-же неотъемлемо дорого намъ, какъ мораль господъ. Но не удивительно-ли, что эти два писателя выступили со своею проповѣдью въ одно и то-же время, какъ будто они не люди, а живые доводы судьбы, которая, желая опровергнуть мораль инстинктовъ, прибѣгла къ логическому пріему, называемому приведеніемъ къ абсурду. Если-же общество одновременно вбираетъ въ себя идеи обоихъ писателей, не видя раздѣляющей ихъ пропасти, то это, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что въ воздухѣ уже носится новая мораль не волевыхъ инстинктовъ, а познанія и свободы.

— Новая-ли, вдругъ прервалъ меня мой собесѣдникъ. Увѣрены-ли вы, что все, что вы теперь говорите, уже не было пережито кѣмъ-нибудь и уже тоже не пройденный путь?

Я не ожидалъ такого возраженія и отвѣтилъ довольно рѣзко:

— Бросьте разъ навсегда заботу о новизнѣ или устарѣлости отыскиваемой истины. Вполнѣ новыя мысли высказываются только обитателями желтыхъ домовъ. Кто-же дѣйствительно ищетъ истину, тотъ радъ узнавать, что его предупредили другіе, чѣмъ чаще предупреждали, тѣмъ лучше, ибо въ этомъ совпаданіи—залогъ соизмѣримости его истины съ человѣческимъ сознаніемъ. Что-же касается истины мэонической, то вы видите, что она заключается не въ измышленіи новыхъ противныхъ природѣ чувствъ, а въ приведеніи въ гармонію тѣхъ, которыя намъ врождены. Познать и воплотить свое познаніе, привести двойственность нравственнаго идеала къ единому источнику, то есть къ Единому, къ Богу и объединить оба идеала въ своей дѣятельности, вотъ наша цѣль.

— И вы не боитесь, прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ, что оба идеала, столкнувшись между собою, произведутъ сумерки, равнодушіе, безстрастіе?

— На этотъ вопросъ, возразилъ я, дастъ отвѣтъ сама жизнь. Знаю только, что сила, толкающая насъ на новый путь, неодолима, ибо она называется свободой. Двойственность нравственнаго идеала—таково высшее условіе духовной свободы. То, что идеалъ божественъ, то есть, недостижимъ въ мірѣ явленій, дѣлаетъ жизнь поприщемъ безграничнаго совершенствованія. То, что идеалъ двойственъ, дѣлаетъ жизнь поприщемъ вѣчной свободы. Въ противномъ случаѣ мы стали-бы рабами своего-же добра, своей святости, своего Бога, а рабство, въ какомъ-бы видѣ ни проявлялось, всегда унизительно и невыносимо.

Но пора, наконецъ, отвѣтить на вашъ первоначальный вопросъ,—о томъ, какъ я жилъ, сходилось-ли мое дѣло съ моимъ словомъ? Кажется, сходилось, потому что единственной моей заботой было сохранить мою свободу. Поэтому жизнь моя въ смыслѣ проявленія воли

была скорѣе бездѣйствіемъ, нежели подвигомъ. Какъ тѣ, о которыхъ вы говорили, что они боятся идеологіи, чтобы не растерять своихъ практическихъ идеаловъ, такъ я боялся очутиться въ рабствѣ воли, чтобы не лишиться свободы познанія. Я зналъ, какъ легко прикрѣпиться къ одному изъ инстинктовъ добра, какъ легко сдѣлаться фанатикомъ своего подвига, удовлетвориться и перестать стремиться. Я не отвергалъ ни одного изъ страданій и ни одного изъ благъ, которыя посылала мнѣ скупая судьба, и въ каждомъ изъ нихъ, какъ въ раковинѣ шумъ моря, старался уловить смыслъ всего. Я боялся быть лучше кого-бы то ни было, и все что видѣлъ дурного, спѣшилъ не столько извѣдать, сколько оправдать въ себѣ. Видите, я вѣрилъ въ очистительное свойство своей души. Особенно бороться съ искушеніями мнѣ все-таки не приходилось, потому что я родился не въ роскоши, а самъ не имѣлъ ни времени, ни желанія богатѣть. Но богатство и роскошь я благословляю, какъ счастіе, которое со временемъ будетъ доступно всѣмъ. Если-же теперь многіе бѣдствуютъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что никто не имѣетъ права на радость, все равно, какъ невѣжество многихъ не обязываетъ насъ съ вами быть неучами. Но еще болѣе, чѣмъ роскошь и счастіе я люблю и благословляю страданія, не рабскія и подневольныя, а добровольныя и очищающія. И, кажется, о сохраненіи этихъ страданій приходится философу болѣе заботиться, нежели о счастіи, которое и помимо философіи, одними экономическими условіями жизни, увеличивается и со временемъ зальетъ землю. Вы спрашиваете, откуда у меня деньги и почему я ихъ не роздалъ? Но неужели вы болѣе повѣрили-бы въ мою искренность, если-бы я теперь пришелъ къ вамъ въ видѣ нищаго и потребовалъ плату за этотъ разговоръ? На своемъ островкѣ, подъ грознымъ вѣтромъ съ моря, я, благодаря больше добротѣ своихъ

друзей, чѣмъ своему умѣнію, построилъ себѣ шалашъ, если-бъ вы знали, какой жалкій и слабый, но, можетъ быть, достаточный для того, чтобы я подъ его прикрытіемъ додумалъ свою мысль и сказалъ свое слово. Вотъ теперь я и васъ приглашаю: войдите, если хотите, въ мой шалашъ, станемъ вмѣстѣ размышлять о примиреніи съ жизнью. Можетъ быть, наша мысль пригодится и другимъ.

На этихъ словахъ я закончилъ разговоръ, потому что сосѣди вернулись съ прогулки и въ галлереѣ пошла обычная суета. Владиміръ Ивановичъ не отвѣтилъ мнѣ, и у меня осталось чувство глубокой неудовлетворенности. Неожиданно для меня, бесѣда наша въ тотъ-же день возобновилась. Было уже десять часовъ вечера, и санаторія погружалась въ сонъ, когда Владиміръ Ивановичъ, робко постучавшись, вошелъ ко мнѣ. Онъ былъ очень блѣденъ и почти безъ голоса, однѣми губами, сообщилъ, что въ комнатѣ, противъ занимаемой имъ теперь, лежитъ въ агоніи та молодая женщина, которую выносили ночью во время пожара. Священника здѣсь не призываютъ, чтобы не встревожить другихъ больныхъ. Сестра-же Марта, замѣняющая въ такихъ случаяхъ священника, куда-то отлучилась, такъ что больная умираетъ совсѣмъ одна. Узналъ онъ это отъ горничной.

Я предложилъ ему нарушить дисциплину и зайти къ больной подежурить вдвоемъ.

— Боюсь, отвѣтилъ онъ. Позвольте мнѣ посидѣть у васъ.

И послѣ долгаго молчанія прибавилъ:

— Мнѣ нужно вамъ что-то сказать. Вѣдь я сегодня началъ разговоръ не о васъ, но о себѣ. Себя считаю я недостойнымъ бесѣдовать о религіи. Не знаю, что мѣшало мнѣ сказать вамъ это. Я-бы такъ и не рѣшился если-бы не одна ваша фраза, что вы не хотите быть

лучше кого-бы то ни было. Вы должны узнать мою жизнь. Тогда судите сами.

— Хорошо, сказалъ я, если для васъ это нужно, говорите.

И мы сѣли у окна, откуда открывался видъ на необъятную равнину, усѣянную десятками залитыхъ электричествомъ посадовъ и деревень. А въ глубинѣ, закутанный нѣжнымъ облакомъ свѣта, возникалъ невидимый днемъ далекій городъ.

Владиміръ Ивановичъ разсказывалъ долго, съ безпощадной ироніей къ себѣ самому, съ точностью подробностей. Жизнь его оказалась довольно обыкновенной, только съ невѣроятнымъ обиліемъ любовныхъ приключеній. Въ своей громадной семьѣ онъ успѣлъ перелюбить всѣхъ двоюродныхъ сестеръ, тетокъ, племянницъ и другихъ родственницъ. Вспоминая о нѣкоторыхъ увлеченіяхъ, онъ нѣсколько разъ прерывалъ разсказъ слезами. Съ женой онъ жилъ въ разлукѣ, хотя любилъ ее и былъ любимъ. Вторымъ темнымъ пятномъ его жизни была страсть къ игрѣ. Живя за-границей, онъ часто, несмотря на болѣзнь, ѣздилъ въ международный игорный домъ, гдѣ тратилъ деньги и здоровье. Онъ вынулъ изъ кармана какіе-то листки и брошюры и подалъ мнѣ.

— Видите,—сказалъ онъ,—и я создаю системы, если не морали и религіи, то вѣрнаго выигрыша. Ради Бога, или оттолкните меня, или вылечите отъ этой скверны. Порвите все своими руками.

Я разорвалъ листки, бросилъ въ корзину и сказалъ ему:

— Какъ хорошо, что я не долженъ смотрѣть на васъ сверху внизъ, что я самъ стою по горло въ мелочахъ жизни, такъ что все, что мнѣ остается дѣлать съ вашимъ разсказомъ, это поскорѣе забыть его. Конечно, въ вашей жизни было много нелѣпаго и безцѣль-

наго, но знаете-ли вы, что даже для того, чтобы отказаться отъ зла и побороть его, нужно сперва полюбить его и оправдать. Я утромъ обѣщалъ вамъ вернуться къ вопросу о злѣ, но не успѣлъ. Моралисты обыкновенно думаютъ не такъ и для спасенія людей рисуютъ мрачную картину всеобщаго паденія и порока, которые долженъ преодолѣтъ тотъ, кто желаетъ совершить на землѣ волю пославшаго насъ. Но подобно тому, какъ средневѣковая церковь, пугая могуществомъ сатаны, создала культъ сатанизма, такъ и эти моралисты укрѣпляютъ, а не расшатываютъ царство зла. Въ самомъ дѣлѣ, если весь міръ, кромѣ нѣсколькихъ праведниковъ, пребываетъ во злѣ, то воля создавшаго міръ существенно злая. У совѣсти не одно оружіе въ борьбѣ за совершенствованіе, какъ вы сказали, не только самопрезрѣніе, но и самоосвященіе.

Достигнувъ цѣли, взойдя на вершину горы, человѣчество тѣмъ самымъ оправдало, искупило всѣ скаты, ведшіе къ вершинѣ. Вѣдь вся предшествовавшая жизнь людей, всѣ моменты исторіи, самые мрачные, до рабства, до людоѣдства включительно, были ступенями лѣстницы, и кто смотритъ на нихъ съ вершины, тотъ видитъ ихъ, какъ солнце видитъ землю,—не въ тѣни, а въ свѣтѣ. И не только вѣра, но и сознаніе ведетъ насъ на ту-же вершину, гдѣ сожигается жертва за весь міръ, какъ за добро, такъ и за зло его.

И указавъ на виднѣвшійся вдали городъ, я продолжалъ:

— Вонъ тамъ, въ томъ городѣ, люди умѣютъ отрекаться отъ зла, не проклиная его. Тамъ они поднимаются на лѣстницу, не плюя на пройденныя ступени.

— Да знаете-ли вы этотъ городъ,—прервалъ меня Владиміръ Иваноничъ, крайне изумленный.—Я жилъ тамъ. Это одно изъ самыхъ филистерскихъ нѣмецкихъ гнѣздъ. Кромѣ биржи и политики, тамъ ни о чемъ не говорятъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ я, смѣясь, города я не знаю. Но, глядя каждый вечеръ на это нѣжное облако свѣта, я вообразилъ себѣ какой-то таинственный городъ вдали, городъ будущаго, городъ исполненной мечты, единственный городъ, гдѣ нѣтъ разлада между идеаломъ и дѣйствительностью, ибо тамъ нѣтъ вражды между философомъ и толпою. Я часто гуляю по улицамъ этого города, захожу въ храмы, присутствую при новыхъ праздникахъ, слышу новые гимны. Когда-нибудь совершимъ вмѣстѣ прогулку. Увидите, что интересно.

Владиміръ Ивановичъ тоже разсмѣялся и сказалъ:

— Вотъ-бы удивился тамошній житель, если-бы присутствовалъ при нашемъ разговорѣ. Впрочемъ, ему некогда было-бы дослушать до конца. Онъ уже спитъ, чтобы завтра чѣмъ свѣтъ бѣжать въ контору.

По этому поводу я расказалъ, какъ одинъ мой товарищъ, свидѣвшись со мною послѣ долгой разлуки и узнавъ, что я занимаюсь религіозными вопросами, хлопнулъ меня по плечу и воскликнулъ:

— А мнѣ, батюшка, думать о Богѣ недосугъ.

— Можетъ быть,—продолжалъ я,—ему въ самомъ дѣлѣ было не досужно, хотя если-бы люди употребляли на вѣчные вопросы жизни столько времени, сколько они тратятъ, скажемъ, на шахматную игру, то земля давно стала-бы обителью разума. Во всякомъ случаѣ мы съ вами должны быть рады, что живемъ здѣсь, больные, подъ угрозой смерти и что мы вправѣ, что намъ досужно думать объ этой смерти и о примиреніи съ нею, то-есть о Богѣ. Вотъ я опять упоминаю о Богѣ, хотя вы правы, какое-то чувство стыдливости хотѣло-бы, чтобы мы о немъ молчали. Но чувство стыдливости приходится побѣждать, подъ страхомъ безплодія. Не пойдемъ-ли все-таки посидѣть у той больной?

Владиміръ Ивановичъ согласился, но едва мы вышли въ корридоръ, мимо насъ быстро прошла, блестя туго

накрахмаленнымъ, бѣлымъ, съ краснымъ крестомъ на груди, монашескимъ одѣяніемъ, сестра Марта, которую успѣли предупредить объ умирающей. Я предложилъ Владиміру Ивановичу провести ночь у меня въ комнатѣ.

— Нѣтъ, теперь я не боюсь,—сказалъ онъ.—Прощайте.

Мы поцѣловали другъ друга и разошлись.

Разговоръ третій.

Утромъ, едва сойдясь въ галлереѣ, больные шопотомъ сообщили другъ другу тщательно скрываемую отъ нихъ тайну, и вскорѣ всѣ знали, что за тѣмъ окномъ, налѣво отъ балкона, сегодня ночью произошло то нехорошее, недолжное, лишнее, о чемъ самое лучшее совсѣмъ не думать. Казалось-бы, въ санаторіи, гдѣ ютится полтораста легочныхъ больныхъ, въ томъ числѣ многіе съ тяжелой формой болѣзни, смерть не должна почитаться рѣдкой гостьей. На дѣлѣ однако, смертные случаи въ стѣнахъ санаторіи необычайно рѣдки, и администрація принимаетъ всѣ мѣры, чтобъ ихъ не было вовсе,

Смерть здѣсь одинаково ненавистна и врачамъ и больнымъ. Первымъ она портитъ статистическія вѣдомости, вторымъ—настроеніе духа. Поэтому тѣ и другіе безмолвно согласились между собою смотрѣть на смерть не какъ на великое таинство и даже не какъ на великое несчастіе, а какъ на явленіе досадное, противное комфорту и почти некультурное, на нѣчто такое, что въ образованномъ обществѣ должно быть избѣгаемо или тщательно скрыто. Едва врачи рѣшаютъ относительно кого-нибудь изъ больныхъ, что онъ доживаетъ послѣдніе дни,—а ихъ опытный приговоръ безошибоченъ,—немедленно вызываются по телеграфу его ближайшіе родственники, которымъ дается настойчивый совѣтъ увезти паціента, ибо отнынѣ пребываніе въ санаторіи становится для него вреднымъ. Въ результатѣ переговоровъ,

длящихся день, много два, рано утромъ къ главному крыльцу подъѣзжаетъ карета и прислуга выноситъ полуживого человѣка, котораго сажаютъ на подушки, въ объятія растерянныхъ родственниковъ. Еще минута и карета тронется въ путь, и полуживой человѣкъ съ упрекомъ и грустью броситъ послѣдній взглядъ на домъ, гдѣ ему не дали спокойно умереть. Но администрація только этой минуты и ждала. Ея совѣсть спокойна отъ упрека: развѣ безнадежно-больному не все равно, гдѣ ни умереть? Черезъ недѣлю-другую имя уѣхавшаго появится за черной каймой въ одной изъ газетъ, хотя бывали случаи, когда больные, выпроваживаемые такимъ образомъ, умирали въ дорогѣ.

Если-же предупредить несчастіе никакъ невозможно. и больной, какъ въ настоящемъ случаѣ, умираетъ въ стѣнахъ заведенія, то между администраціей и больными разыгрывается невинная комедія. Первая дѣлаетъ видъ, что въ домѣ ничего не произошло. Неблагополучная комната запирается на ключъ, а въ обѣденный часъ, когда всѣ больные сходятся въ столовой, тѣло быстро переносится на носилкахъ въ глухую, безъ оконъ, мертвецкую, замаскированную гдѣ-то въ одной изъ надворныхъ службъ и никому неизвѣстную; тамъ оно будетъ лежать до разсвѣта, когда за нимъ пріѣдутъ крытыя дроги и отвезутъ на кладбище. Больные-же, отлично зная, что происходитъ, дѣлаютъ видъ, что ихъ удалось обмануть. Въ результатѣ всѣ довольны,—попраны только священныя права смерти.

Когда мы остались одни въ галлереѣ, Владиміръ Ивановичъ указалъ взглядомъ на окно подлѣ балкона и прошепталъ:

— Какъ-то жутко знать, что она тамъ лежитъ одна, и продолжать думать и говорить о своемъ.

— Насъ, приступающихъ къ занятію философіей, отвѣтилъ я, близость смерти не должна смущать. Смерть

всегда была естественнымъ предисловіемъ ко всякой метафизикѣ. Въ моментъ смерти связь причинности и связь цѣлесообразности, которыя до тѣхъ поръ шли параллельно, вдругъ круто расходятся. Причинная связь со смертью не обрывается; физическіе и химическіе процессы происходятъ и въ мертвомъ тѣлѣ, въ неразрывной связи съ тѣми, которые происходили въ немъ при жизни. Поэтому, если-бы мы смотрѣли на явленія только научно, только въ ихъ причинной связи, то мы относились-бы къ жизни и смерти безразлично. Но кромѣ разсудочнаго отношенія къ явленіямъ есть еще отношеніе волевое, кромѣ причинной связи есть еще связь цѣлесообразности. Каждому изъ насъ по внутреннему опыту отлично извѣстно, что онъ подчиняется въ своихъ поступкахъ не только причинамъ, которыя принудительно толкаютъ его сзади изъ прошлаго, но и цѣлямъ, которыя свободно носятся передъ нимъ и влекутъ его изъ будущаго. Причинная связь никогда не обрывается, цѣли-же то совпадаютъ съ причинами и достигаются нами, то расходятся съ ними и обманываютъ насъ. Приговоренный къ смерти, поднимаясь на ступени эшафота, подчиняется дѣйствію причинъ и слѣдствій такъ-же, какъ если-бы онъ шелъ танцовать съ возлюбленной, однако нельзя сказать, что онъ въ обоихъ случаяхъ равно идетъ къ достиженію цѣли. Наука, какъ извѣстно, цѣлями природы не занимается и поступаетъ такъ потому, что у нея нѣтъ методовъ для изученія субъективной стороны явленій; но ученый, какъ и профанъ, не дѣлаетъ шага въ жизни, не руководясь цѣлью, и самихъ нападокъ на телеологію не существовало-бы, если-бы нѣкоторые ученые не задавались цѣлью доказать отсутствіе цѣлей въ природѣ. Конечно, чувство удовлетворенія и чувство боли, причинно обоснованныя въ устройствѣ нашей нервной системы, сами являются причинами нашихъ поступковъ, такъ что съ перваго

взгляда можетъ показаться, что цѣль—ничто иное, какъ прошедшая черезъ сознаніе причина. Но вдумавшись глубже, мы увидимъ, что чувства удовлетворенія и боли уже не чистыя причины, а причины, окрашенныя въ цвѣтъ цѣлесообразности, и что возникли они въ насъ путемъ долгаго подбора, лишь какъ условія сохраненія жизни, бытія. Такъ что сокровеннымъ ядромъ, вокругъ котораго группируются всѣ причины, оказывается стремленіе къ бытію, къ индивидуальности, т. е. цѣль, а не причина. Равнымъ образомъ, не причинами, а цѣлями опредѣляется цѣнность жизни, самое завѣтное отношеніе наше къ себѣ и другимъ. Вотъ почему наука, изучающая лишь причинную связь явленій, не имѣетъ права голоса и въ вопросѣ о цѣнности жизни, а вторгаясь въ чуждую ей область, поступаетъ такъ-же самозванно, какъ въ старину поступала философія, разрѣшая вопросы науки. Вмѣсто системы устойчиваго пессимизма, къ которой приводитъ всякая истинная религія и философія, наука, пытаясь установить общее міросозерцаніе, приходитъ, наоборотъ, къ неустойчивому оптимизму, къ чему-то плоскому и эфемерному.

Самая-же отличительная черта цѣлесообразности состоитъ въ томъ, что съ моментомъ смерти не только порывается ея связь, но вся она исчезаетъ, расплывается, становится какъ-бы не бывшей. Представьте, какой переполохъ произошелъ-бы въ наукѣ, если-бы вдругъ оказалось, что со смертью прерывается причинная связь явленій, что мертвое тѣло, напримѣръ, не подчиняется болѣе закону тяготѣнія или сохраненія энергіи. Такой именно переполохъ происходитъ въ насъ при сознаніи, что со смертью теряется связь цѣлей и сила, такъ властно влекшая насъ за собою, оказывается не существующей. Приходится или совсѣмъ отрицать бытіе цѣлей и, вопреки очевидности, признать, что когда я стремлюсь, люблю, желаю, то я, въ сущности, не стремлюсь,

не люблю и не желаю, а проявляю собою слѣдствіе мертвыхъ и безразличныхъ причинъ, что самое мое сознаніе есть въ сущности не-сознаніе, и жизнь моя—не-жизнь. Или-же приходится признать весь міръ въ основѣ своей не только неразумнымъ, но безумнымъ, и всю нашу жизнь основанной на ненужныхъ потребностяхъ, на безцѣльныхъ цѣляхъ, на преднамѣренной и жестокой безсмыслицѣ. Кто-же не удовлетворится ни однимъ изъ этихъ исходовъ, тотъ долженъ будетъ принять третій, единственный, дающій нашему сознанію устойчивость,—долженъ будетъ признать, что цѣли наши, порвавшись для насъ, все-же не исчезли совсѣмъ, что въ насъ и нашей жизни сбывается какая-то не наша, а мистическая цѣль. Стоитъ лишь проникнуться этой мыслью, и мистическое познаніе, казавшееся игрушкой праздной теоріи, вдругъ выступаетъ передъ нами, какъ нѣчто самое важное, какъ первое условіе всякаго душевнаго равновѣсія. Только тотъ имѣетъ право возставать противъ мистическаго познанія, у кого хватитъ рѣшимости сознаться, что у него за душою нѣтъ ни единой цѣли, что онъ живетъ безцѣльно, хотя уже однимъ тѣмъ, что онъ будетъ возражать противъ мистическаго познанія, какъ ложнаго, онъ докажетъ, что у него есть цѣль—защищать истину. Въ этомъ великомъ предпріятіи насъ не должны останавливать ни страхъ препятствій, ни чувство нетерпѣнія. Подумайте, сколько поколѣній еще будетъ жить и умирать на землѣ, и какъ тяжела будетъ каждая изъ этихъ смертей, если она не озарится сознаніемъ Бога. Ибо мы живемъ во времени и умираемъ въ вѣчности, живемъ въ природѣ и умираемъ въ Богѣ, живемъ въ наукѣ и умираемъ въ религіи. Предоставимъ-же людямъ науки и политики заботиться о благахъ жизни, добывать и распредѣлять пищу, топливо, одежду, а сами будемъ хлопотать о благахъ, одинаково нужныхъ и въ жизни, и въ смерти и

добывать мистическую истину. И пусть близость смерти послужитъ намъ хорошимъ предзнаменованіемъ. Сегодня я намѣренъ указать вамъ на самые первые истоки мистическаго познанія, на тотъ душевный родникъ, въ которомъ берутъ начало всѣ мистическія рѣки и моря, такъ что, если-бы всѣ религіи вдругъ изсякли, мы, зная ихъ первый родникъ, были-бы въ состояніи снова возсоздать ихъ русла и наполнить ихъ.

— О, неужели, прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ, — неужели вы въ самомъ дѣлѣ докажете мнѣ, неопровержимо докажете существованіе мистической истины, которой такъ хочется и въ которую такъ не вѣрится. И это произойдетъ вотъ сейчасъ, сегодня утромъ?

— Да, отвѣтилъ я, — сегодня утромъ я приведу васъ къ истокамъ тайны, но зачѣмъ вы говорите о доказательствахъ? Теологія втеченіи многихъ вѣковъ доказывала бытіе Божіе, а философія своимъ дыханіемъ разрушала эти доказательства. Доказывать — значитъ приводить къ первичнымъ аксіомамъ. Самихъ-же этихъ первичныхъ истинъ уже нельзя доказывать, какъ нельзя разсматривать лучи свѣтящагося тѣла при свѣтѣ лампы. Первичныя истины достаточно показать, открыть, ибо онѣ сами — источникъ истины и критики. Душа, увидя ихъ, говоритъ: да. И познаніе этихъ истинъ составляетъ величайшее событіе нашей внутренней жизни и можетъ быть названо вторымъ духовнымъ рожденіемъ. Всѣ онѣ важны, но во главѣ ихъ слѣдуетъ поставить истину о двоякой сложности явленій, о двуединствѣ, ибо она и есть тѣ мистическія ясли, въ которыхъ рождается наша идея о Богѣ. Открывается истина о двуединствѣ въ какой угодно области духовной жизни, разсудочной, нравственной, волевой, ибо вездѣ, гдѣ жизнь, происходитъ синтезъ какихъ нибудь сложностей. Ребенокъ, играющій въ песокъ, ученый, создающій обширную классификацію, гуляка, поющій пѣсенку, — всѣ они синтезируютъ явленія

по закону двойной сложности. И я, признаться, затрудняюсь, съ какой области начать изслѣдованіе.

— Начните, прошепталъ онъ, — съ чего-нибудь простого, нагляднаго. Все отвлеченное меня скоро утомляетъ.

— Если такъ, сказалъ я,—то начнемъ съ чиселъ. Ничего нѣтъ яснѣе, нагляднѣе, безспорнѣе. Къ тому-же я не намѣренъ занимать васъ математическими тонкостями. То, что я скажу вамъ, очевидно и всѣмъ доступно. Боюсь только, какъ-бы самыя слова: слагаемыя, сумма,—не показались вамъ скучными, какъ-бы отъ нихъ не повѣяло на васъ школьными тетрадями.

— Нѣтъ, нѣтъ, горячо возразилъ Владиміръ Ивановичъ,—не занимательныхъ словъ хочу я, а дѣйствительно что-то узнать. И какъ можно скорѣе. Намъ не долго осталось быть вмѣстѣ. Я увижу новую луну еще одинъ разъ,—не больше.

И онъ указалъ рукою на чуть виднѣвшійся въ небѣ ущербный мѣсяцъ.

Послѣ тяжелой паузы я продолжалъ:

— Не бойтесь чиселъ, и вы узнаете великую тайну, примиряющую со смертью. Въ числахъ скрыта живая мистическая сила, мертвыми-же и сухими они кажутся лишь мертвымъ и сухимъ душамъ. Недаромъ величайшій мистикъ древности считалъ числа не только не мертвыми, но живой причиной всего сущаго. Если-же онъ кажется вамъ безплоднымъ мечтателемъ, то посмотрите на практиковъ, на самый практическій народъ, когда либо существовавшій, — на народъ еврейскій. Окруженный только врагами, онъ до сихъ поръ отстоялъ себя, благодаря своей сплоченности въ Богѣ. И не достойно-ли вниманія, что изъ всѣхъ атрибутовъ Бога этотъ народъ прилѣпился духомъ только къ численному.—„Адонай эходъ“—Богъ единъ,— таковъ кликъ Израиля, его религія въ двухъ словахъ, съ

которыми онъ невредимо прошелъ сквозь строй народовъ и вѣковъ, и съ которыми еще недавно въ турецкую кампанію наши солдаты изъ евреевъ бросались въ аттаку. Какъ видите, въ сухой области мертвыхъ чиселъ эти практики нашли живой источникъ восторга и силы, исторически оправдывая истинность чуда, совершеннаго Моисеемъ, который изъ камня извлекъ родникъ воды. Можетъ быть, предпочтеніе, которое еврейскій народъ отдаетъ математическому аттрибуту божества передъ другими, доказываетъ не только силу, но и ограниченность его генія и объясняетъ, почему еврейская религія такъ мало способна къ распространенію и сама похожа на камень, не разрушающійся и не ростущій. Однако безъ единства еврейской религіи едва-ли возможны были-бы высшія формы богопониманія. Всѣ религіозные догматы вращаются вокругъ численныхъ понятій, какъ своего естественнаго центра. Итакъ, раскроемъ законъ о двойной сложности явленій прежде всего по отношенію къ числамъ, пространству и времени. Слушайте внимательно. Я даю вамъ въ руки завѣтный ключъ отъ всякаго философскаго и религіознаго познанія.

Что всѣ числа сложны, вы знаете сами. Равнымъ образомъ вы знаете, что такое простая сложность числа. Беремъ какихъ нибудь два или нѣсколько чиселъ и складываемъ ихъ. Происходитъ нѣчто вродѣ химическаго соединенія. Числа, изъ которыхъ каждое имѣло свое индивидуальное единство, вполнѣ различныя одно отъ другого, вдругъ слились, родили новое, на нихъ непохожее число, и въ этомъ актѣ рожденія сами умерли, исчезли. Индивидуальное единство замѣнилось единствомъ іерархическимъ: слившіяся числа, по отношенію къ новообразованному, стали слагаемыми, а послѣднее —по отношенію къ нимъ—суммой. Но смерть слагаемыхъ не вѣчна, ибо суммарная сложность можетъ быть

опять расчленена на свои составныя части, и тогда слагаемыя, стряхнувъ съ себя служебное иго, воскреснутъ къ индивидуальному существованію.

Однако для того, чтобы могло совершаться суммированіе чиселъ, необходимо, чтобы они имѣли между собою нѣчто общее, ибо складывается только однородное. Намъ мало созерцать сложность чиселъ, намъ нужно еще узнать условіе этого явленія. Заключается-же это условіе въ томъ, что всякое число, какъ-бы оно ни было велико или мало, по своей природѣ ограничено и дѣлимо. Числа различны между собою только внѣшнимъ образомъ, по существу-же они оказываются одинаковыми. Каждое число является мѣрою для всѣхъ другихъ чиселъ, основной единицей, которая съ одной стороны объемлема большими числами, суммами, а съ другой объемлетъ меньшія или слагаемыя. Вмѣсто прежняго индивидуальнаго и служебнаго единства мы теперь обнаружили въ числахъ единство эгалитарное, стремленіе къ равенству,

— Ваши числа, перебилъ меня Владиміръ Ивановичъ,—начинаютъ представляться мнѣ чѣмъ-то вродѣ живыхъ людей. По наружности, по росту, по служебному положенію они неравны, но у всѣхъ какъ будто одна и таже безсмертная душа. Только объясните мнѣ, какъ это случилось, что различныя числа вдругъ стали внутренно равны? Чье вмѣшательство помогло имъ добыть это равенство?

— Вмѣшательство метафизическаго разума, отвѣтилъ я.—Но вы, я вижу, поняли, что, говоря о числахъ, я разумѣю нѣчто болѣе интимное и близкое. И вы не ошибаетесь. Этими разсужденіями о числахъ я мощу дорогу къ мистическому познанію въ области не только чиселъ, но бытія, цѣли, нравственности. Другой дороги нѣтъ. Но пойдемъ впередъ, не оглядываясь.

Итакъ, мы узнали, что число, по отношенію къ дру-

гому числу, можетъ быть или слагаемымъ, или суммой; само-же по своей природѣ оно и слагаемое, и сумма, нѣчто и ограниченное, и дѣлимое. И вотъ въ области чиселъ нами получены двѣ сложности. Во-первыхъ сложность самыхъ чиселъ и во-вторыхъ, въ каждомъ числѣ сложность двухъ его свойствъ, — ограниченности и дѣлимости. Они образуютъ число, но не такъ, какъ слагаемыя образуютъ сумму, а какимъ-то инымъ, новымъ образомъ. Нельзя называть число суммой изъ ограниченности и дѣлимости. Это не сумма, а неразрывное двуединство, которое будемъ звать комплексомъ, а его составныя части элементами. Вы теперь едва-ли сознаете всю важность этого новаго открывшагося намъ понятія о двуединствѣ, но знайте: передъ нами блеснула звѣзда, ведущая въ мистическій Виѳлеемъ, къ рожденію Бога.

А теперь: давайте сравнимъ обѣ сложности и установимъ ихъ признаки.

Сумма можетъ состоять изъ неопредѣленнаго числа слагаемыхъ; въ комплексѣ только два элемента.

Слагаемыя, образуя сумму, сливаются въ ней; элементы никогда въ комплексѣ не сливаются. Конечность и дѣлимость—два понятія различныхъ, несводимыхъ одно къ другому.

Наконецъ, — и этотъ признакъ самый важный,—слагаемыя могутъ быть выдѣлены изъ суммы и существовать самостоятельно одно отъ другого; элементы-же комплекса неразрывны. Они не сливаются другъ съ другомъ, но не могутъ быть мыслимы другъ безъ друга. Нельзя представить себѣ число столь большое, чтобы оно было только дѣлимо, но уже не ограничено другимъ большимъ числомъ. Равнымъ образомъ, нельзя представить себѣ число столь малое, чтобы оно было только ограничено. Уже однимъ тѣмъ, что я называю одно число ограниченнымъ, я подразумѣваю, что ка-

кое-то другое число дѣлимо. Словомъ, элементы комплекса неслитны и неразрывны.

— Все-таки странно, прошепталъ Владимiръ Ивановичъ какъ-бы про себя.—Почему нельзя разложить то, что было сложено? Не постигаю.

— Вы были-бы ближе къ истинѣ, если-бы сказали: мой чувственный разумъ не постигаетъ. Въ познанiи двоякой сложности мы, какъ въ зеркалѣ, узнаемъ о двойственности своего разума. Суммарная сложность познается разумомъ чувственнымъ или нагляднымъ, тѣмъ, который имѣетъ дѣло съ самыми числами, съ частными признаками явленiй, съ многосложнымъ и случайнымъ опытомъ. Двуединство-же познается разумомъ внѣчувственнымъ или сверхчувственнымъ, метафизическимъ, который имѣетъ дѣло не съ опытомъ, а съ общими признаками явленiй или категорiями, необходимыми и всеобщими условiями опыта. Попутно мы открываемъ пограничную черту между наукой опытной и метафизикой. Все, что касается суммарной сложности, вѣдается наукой; все, что касается двуединства, относится къ метафизикѣ. Отсюда вы видите, что содержанiе науки случайно, но безпредѣльно, содержанiе-же метафизики всеобще, но весьма ограниченно.

Однако чувственный разумъ не довольствуется своей неотъемлемой областью множественнаго опыта, но врывается въ чуждый ему мiръ двуединства и здѣсь пытается утвердить свои законы. Привыкши у себя расчленять сложность на ея составныя части, онъ хочетъ продѣлать это дѣленiе съ элементами комплекса и впадаетъ въ ложный рацiонализмъ, то есть условiя опыта хочетъ постигать такъ-же, какъ и самый опытъ,— наглядно, а не идейно. Отсюда всѣ философскiя заблужденiя и всѣ религiозныя ереси.

— И ереси?—переспросилъ меня Владимiръ Иванс-

вичъ.—Развѣ религіи когда нибудь занимались такими отвлеченностями, какъ сумма и комплексъ?

— Только этимъ, отвѣтилъ я,—занималась какъ философія, такъ и теологія, по той простой причинѣ, что другого спорнаго вопроса вообще не существуетъ. По одну сторону отъ умозрѣнія лежитъ точная наука, по другую—мистическое познаніе. Ни та, ни другая область спору не подлежатъ. Предметъ же умозрѣнія,—этого поприща нескончаемыхъ турнировъ,—одинъ: природа комплекса. По этому философія и теологія разбираютъ одинъ и тотъ-же вопросъ о двуединствѣ, но только въ разныхъ сферахъ: философія—вопросъ о двуединствѣ субъекта и объекта примѣнительно къ теоріи познанія, теологія—о двуединствѣ личности Спасителя, но метафизическая сущность остается въ обоихъ случаяхъ неизмѣнной.

А такъ какъ число элементовъ комплекся дано, то заранѣе легко опредѣлить всѣ возможные типы философскихъ заблужденій и религіозныхъ ересей. Чувственному разуму свойственно, вторгаясь въ чужую область метафизики, постигать комплексную сложность, какъ суммарную, т. е. раздѣльно и сліянно, или-же считать одинъ изъ элементовъ первичнымъ, производящимъ (субстанціей), а другой — подчиненнымъ, производнымъ (акциденціей). Раздѣльное пониманіе комплекса привело въ метафизикѣ къ системѣ дуализма, а въ христологіи—къ ереси несторіанъ, сліянное пониманіе —къ системѣ монизма и къ ереси монофизитовъ. Пониманіе субъекта, какъ субстанціи, привело къ философскому идеализму и къ ереси докетовъ, такое-же пониманіе объекта—къ матеріализму и къ ереси несторіанъ. Истина заключается въ двуединствѣ комплексной сложности; въ философіи эта истина стала утверждаться только со времени Канта, а въ христологіи она была ясно выражена въ опредѣленіи Халкидонскаго собора

объ исповѣданіи Христа „въ двухъ естествахъ несліянно, неизмѣнно, нераздѣльно“, т. е. въ условіяхъ двуединства.

Вы понимаете, какъ мнѣ глубоко чужды теологическіе споры сами по себѣ, но ихъ философскій интересъ такъ великъ, что чтеніе дѣяній четвертаго собора доставило мнѣ чисто физическое наслажденіе.

Владиміръ Ивановичъ слушалъ съ возрастающимъ удивленіемъ и наконецъ сказалъ:

— Никакъ не ожидалъ я, когда вы начали говорить о двуединствѣ, что мы вскорѣ очутимся на такой высотѣ, съ которой самое сложное видно въ простыхъ очертаніяхъ и охватывается однимъ взлядомъ.

— Мы идемъ кратчайшимъ путемъ, отвѣтилъ я,—оттого такъ скоро поднялись.

— Но я-бы хотѣлъ одно замѣтить вамъ, продолжалъ онъ. Въ вашемъ двуединствѣ я не уловилъ ничего мистическаго. Не понимаю, почему церковь, утвердивъ двуединство, выказала мистическій инстинктъ. Ну, допустимъ комплексъ и элементы. Но что въ нихъ глубокаго и отраднаго? Скажу болѣе. Пока вы говорили о сложности обыкновенной, я чувствовалъ себя среди истинъ обыкновенныхъ, но ясныхъ. Когда-же перешли къ сложности не слитной и не раздѣльной, на меня повѣяло чѣмъ-то отвлеченнымъ и холоднымъ, словно мы вступили въ тѣнь, и я внутренно захотѣлъ упираться, не соглашаться съ вами.

— Ваше чутье, отвѣтилъ я,—не обмануло васъ только отчасти. Метафизика, въ самомъ дѣлѣ, сама въ себѣ не заключаетъ ничего святого и примиряющаго, но она ведетъ къ мистическому познанію. Метафизика не убѣжище, но путь и путь опасный, мостъ, перекинутый черезъ бездну, и оттого всѣ ея боятся. Вы вчера какъ-то сказали, что хорошіе русскіе люди гнушаются философіи, какъ личины для эгоизма. Нѣтъ друзь мой, не

только хорошіе и не только русскіе. Религія осуждала философію, какъ соблазнъ и гордыню, наука,—какъ безплодную игру обобщеній, искусство—какъ убійцу непосредственнаго чувства, практическая мудрость—какъ препятствіе для простого счастія. Что-же сказать о разумѣ толпы—этомъ отяжелѣвшемъ отъ вѣкового сна лѣнивцѣ, который дерется во снѣ и котораго не безопасно будить. Онъ противъ философіи употребляетъ то-же оружіе, какъ противъ всего ему непонятнаго: каменья. Но и всѣ другіе одинаково боятся философіи, и вы вскорѣ увидите почему.

— Но вы поведете меня черезъ мостъ надъ бездной? спросилъ Владиміръ Ивановичъ.—И выведете на тотъ берегъ?

— Да, подтвердилъ я,—на тотъ берегъ, гдѣ природа органически переходитъ въ божество, философія—въ религію и разсужденія—въ молитвы.

Бездна, надъ которою мы должны пройти, это—глубокій разладъ между опытомъ и условіями опыта. Начало этого разлада мы видѣли въ различіи, существующемъ между обѣими сложностями. Прослѣдимъ его дальше, сперва въ нашемъ сознаніи, а потомъ въ природѣ.

Чувственный разумъ, какъ я уже сказалъ, познаетъ міръ только извнѣ, только наглядно, и поэтому имѣетъ дѣло единственно съ результатами, а не съ процессомъ бытія. Каждый актъ этого разума, будучи результатомъ, носитъ характеръ законченности и опредѣленности, и весь его синтезъ въ цѣломъ также приводитъ къ опредѣленному единству. Такъ, напримѣръ, синтезируя чувственнымъ разумомъ пространство или время въ двухъ направленіяхъ, въ сторону наибольшаго и наименьшаго, мы придемъ къ такому большому и такому малому пространству и времени, за которымъ наглядное воспріятіе кончается. Зависитъ это не отъ несовершенства нашихъ чувствъ, но отъ ихъ природы. Какъ-бы мы ни изощрили

свое зрѣніе, вооруживъ его приближающими и увеличивающими стеклами, оно всегда будетъ воспринимать до извѣстнаго предѣла, за которымъ міръ для него исчезнетъ. Результаты его синтеза, какъ частные, такъ и всеобщій, одинаково цѣльны и себѣ равны. Въ этомъ отношеніи чувственный разумъ вполнѣ соизмѣримъ съ дѣятельной волей, съ цѣлесообразностью, со стремленіемъ къ цѣли. Стремиться къ цѣли—значитъ въ каждый моментъ стремиться къ опредѣленному, конечному результату, къ удовлетворенію, къ покою. Поэтому все время, покуда мы оперируемъ надъ суммарными сложностями, обѣ половины нашей души—разумъ и воля—находятся въ равновѣсіи, и намъ такъ легко и отрадно. Въ дѣтствѣ чувственный разумъ преобладаетъ надъ другими силами познанія,—отсюда цѣльность и гармоничность дѣтской души. Когда-то эта цѣльность составляла достояніе народовъ. Для нихъ вся жизнь была поприщемъ конечныхъ цѣлей. Пространство и время имѣли для нихъ начало и конецъ, и на предѣльной чертѣ переходили въ предметнаго, видимаго Бога. „Въ началѣ Богъ создалъ небо и землю". „Знай, сынъ человѣческій, что видѣніе относится къ концу времени".

Но вотъ раздается голосъ метафизическаго разума, и, какъ вы вѣрно выразились, мы вступаемъ въ какую-то холодную тѣнь. Да, говоритъ онъ, число конечно, но *всякое* число. Пространство и время ограничены, но другимъ столь-же ограниченнымъ пространствомъ и временемъ. Какъ будто ничто не измѣнилось, а между тѣмъ предѣльность чувственныхъ воспріятій исчезла. Чувство вооружилось внутреннимъ, умозрительнымъ стекломъ, увеличительная и раздѣлительная сила котораго ростетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ и дробленіемъ самыхъ явленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла иллюзія достигнутой цѣли и покоя. Метафизическій разумъ, достигая не просто ограниченнаго явленія, но ограниченнаго другимъ, такимъ-же

ограниченнымъ, не можетъ остановиться на достигнутомъ результатѣ, а долженъ итти дальше, къ этому второму. Остановится-ли онъ тамъ? Нѣтъ, отъ втораго оно пойдетъ къ третьему, къ четвертому, а если фактически гдѣ-нибудь остановится, то не будетъ считать свое стремленіе удовлетвореннымъ, но будетъ продолжать стремиться впередъ, отъ числа къ числу, отъ пространства къ пространству, отъ явленія къ явленію, съ каждымъ этапомъ все быстрѣе бросая душу въ ненасытную, безцѣльную бездну, еще недавно бывшую гармонически цѣльнымъ міромъ.

Помню, какъ въ молодости во мнѣ впервые возникло это сознаніе бездны. Лежа въ травѣ, я глядѣлъ на синеву неба, столь-же молодую и свѣтлую, какъ устремленные къ ней глаза. Вотъ онъ передо мною, океанъ неба, не мечта, не сонъ, а всегда открытая дѣйствительность, нагая истина міра. И я довѣрчиво уносился мыслью въ эту свѣтлую истину, отъ солнца къ солнцу, отъ неба къ небу, все дальше и дальше, пока во мнѣ вдругъ не возникло сознаніе, что если я такъ буду стремиться милліоны лѣтъ, моему полету не можетъ быть конца. Я достигалъ черты, гдѣ бездна міра граничитъ съ безуміемъ души, и тогда, устрашенный, дѣлалъ усиліе, чтобы разбудить себя отъ этого сна на яву, убѣгалъ домой къ знакомымъ звукамъ и образамъ, или начиналъ молиться, прося Бога защитить меня отъ безумнаго неба. Съ годами это чувство ужаса, какъ всѣ другія чувства, притупилось, но такъ глубоко запечатлѣлось воспоминаніе о немъ, что уже никакія попытки философовъ какъ-нибудь законопатить словами эту пропасть между міромъ и душою не могли впослѣдствіи удовлетворить меня. Ни даже попытка Канта въ его ученіи объ антиноміяхъ. Согласно этому ученію, мы оттого впадаемъ въ неразрѣшимое противорѣчіе, что принимаемъ міръ, какъ цѣлое, будто-бы постигнутое опытомъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ въ опытѣ

даются только части міра. Принятый, какъ цѣлое, міръ и конеченъ, и безконеченъ. Стоитъ отказаться отъ основного заблужденія, и антиномія исчезнетъ. Такъ учитъ Кантъ. Но великій мыслитель въ этомъ случаѣ, кажется, ошибся. Пока мы стремимся къ синтезу, въ сторону наибольшаго и наименьшаго, никакой въ сущности антиноміи не возникаетъ, т. е. никакого противорѣчія между опредѣленіями пространства. И чувственный, и метафизическій разумъ одинаково признаютъ пространство конечнымъ. Но разладъ или, если хотите, антиномія получается между конечностью опыта и безостановочностью нашего стремленія. При конечныхъ пространствахъ синтезъ дѣлается безконечнымъ, и наоборотъ: конечная цѣль души была-бы достигнута, если-бы каждое пространство не было конечно. Воля оказалась неразумной, истина--нецѣлесообразной.

Кантъ еще съ другой .стороны пытался обойти указанную пропасть, признавая пространство и время не общими свойствами опыта, но внѣопытными формами нашихъ чувствъ, и уча, что намъ извѣстны только явленія, а не вещь въ себѣ. Подробнѣе этотъ вопросъ о чистыхъ формахъ и категоріяхъ я разсмотрю потомъ, когда буду говорить о теоріи познанія, о которой до сихъ поръ я нарочно не обмолвился ни словомъ. Но теперь-же я долженъ сознаться, что вся эта пресловутая гносеологическая задача мнѣ всегда казалась несущественной, а порою даже несуществующей. Для того, чтобы знать что-нибудь о внѣопытномъ пространствѣ, мы должны были-бы раньше узнать нѣчто о всѣпространственномъ опытѣ, но о послѣднемъ намъ ничего неизвѣстно. Вотъ почему, видя, какъ метафизика безъ устали тасуетъ эти четыре карты: объективно-реально-субъективно-идеальное, я спрашиваю себя, не оттого-ли она съ такою страстью предается этому гранпасьянсу, что забыла о своемъ истинномъ призваніи—быть ору-

діемъ религіознаго творчества? Но обо всемъ этомъ въ другой разъ.

Что-же касается кантовской вещи въ себѣ, то она должна быть безусловно принята, а мы даже знаемъ ея содержаніе. Вещь въ себѣ, это—двуединый комплексъ, причина разлада, происшедшаго между метафизическимъ разумомъ и волей. Убѣдившись, что всѣ пространства ограничены другими, столь-же ограниченными, душа вдругъ чувствуетъ себя взятой въ плѣнъ, запертой въ тюрьму—лабиринтъ, гдѣ, сколько не мечись, всегда попадаешь изъ одной камеры въ другую, не находя выхода. Но удивительно, что чувственный разумъ остается совершенно въ сторонѣ отъ этого разлада. Онъ имѣетъ дѣло съ наглядными результатами, и тюремныя камеры его удовлетворяютъ. Вотъ почему наука, вдохновляемая только чувственнымъ разумомъ, можетъ игнорировать противорѣчія и муки метафизики. Пусть вся жизнь въ общемъ стала безцѣльной, научная дѣятельность отъ этого не страдаетъ. Наука до сихъ поръ не отказывается отъ конечнаго единства явленій. Пусть представленіе о множествѣ недѣлимыхъ частицъ матеріи само по себѣ абсурдно, ибо для разума матерія всегда дѣлима, но на такомъ фиктивномъ конечномъ единствѣ атомовъ построена вся химія, равно какъ вся математика построена на фиктивномъ конечномъ единствѣ безконечно-малыхъ и безконечно-большихъ, т. е. данныхъ чиселъ, которыя больше или меньше себя самихъ. Точно также физика не иначе представляетъ себѣ міровую жизнь, какъ принимая ея начало и конецъ во времени. Поразительно здѣсь то, что фиктивное единство, примѣняемое къ дѣйствительности, вполнѣ оправдывается ея результатами. Сама дѣйствительность оказывается вся неразумной. Это не означаетъ только, что наша мысль не соотвѣтствуетъ, не адекватна бытію. Противорѣчіе идетъ гораздо глубже. Какъ прежде возникъ разладъ въ душѣ между ра-

зумомъ и волей, между стремленіемъ къ истинѣ и стремленіемъ къ цѣли, и конечность явленій обусловила безконечность синтеза, такъ теперь откроемъ разладъ въ самой природѣ, между опытомъ и его условіями. И эта антиномія еще менѣе разрѣшима какими-либо доводами, ибо она происходитъ не въ познаніи, а въ бытіи. Возникаетъ-же она слѣдующимъ образомъ.

До сихъ поръ мы принимали міръ въ покоѣ, а нашу мысль въ движеніи и получили противорѣчіе въ познаніи. Если-же пребудемъ мыслью въ покоѣ и предоставимъ двигаться матеріи, то получимъ противорѣчіе въ самомъ бытіи.

Вотъ передъ нами колыхнулась вѣтка. Чувственный разумъ видѣлъ не движеніе, а рядъ его результатовъ, рядъ перемѣнъ, которыя вѣтка приняла относительно окружающихъ вѣтвей. При каждомъ изъ этихъ результатовъ вѣтка занимала извѣстное пространство и слѣдовательно находилась въ покоѣ. Для чувственнаго разума движеніе есть рядъ спокойныхъ состояній, и происходитъ оно прерывисто, скачками. Гдѣ и какимъ образомъ совершаются эти скачки, для чувственнаго разума безразлично, ибо онъ видитъ только результаты. Наука, разумѣется, принимаетъ этотъ прерывистый характеръ движенія, но, по обыкновенію, дѣлаетъ его фиктивнымъ, считая промежутокъ между двумя скачками меньше всякой данной величины.

Однако разумъ метафизическій, изслѣдуя не результаты, а процессъ движенія, долженъ признать всякое движеніе непрерывнымъ. Чтобы изъ одного объема пространства перескочить въ другой, предметъ долженъ пройти черезъ все промежуточное пространство безъ остатка. Таково безусловное требованіе мышленія. Но увы, это безусловное требованіе оказывается столь-же безусловно неисполнимымъ, несбыточнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ пройти дюймъ, предметъ долженъ

пройти полдюйма, а еще раньше четверть его и восьмую часть. А такъ какъ всякое пространство дѣлимо, то, сколько-бы мы ни дѣлили дюймъ, мы никогда не найдемъ того начальнаго, недѣлимаго пространства, черезъ который предметъ могъ-бы перескочить, чтобы начать движеніе. Это не означаетъ, будто движеніе должно длиться безконечное время. Время и пространство между собою вполнѣ соразмѣрны, непрерывное теченіе времени такъ-же невозможно, какъ и движеніе въ пространствѣ. Ибо раньше, чѣмъ пройдетъ секунда, должна пройти ея половина, четверть, восьмая и такъ далѣе, до той части ея, которая будетъ и дѣлимой, и недѣлимой, т. е. невозможной. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, возникаетъ антиномія, но, какъ видите, устранить ее разсужденіями нельзя.

Невозможность движенія, какъ процесса, при всей его несомнѣнности, какъ результата, была извѣстна еще древнимъ, и Зенонъ Элейскій съ удовлетворительною ясностью доказывалъ эту истину. Любопытно, что съ тѣхъ поръ философія смотритъ на его доказательства, какъ на нѣчто, подлежащее опроверженію. Не примиренія и не выхода ищетъ философія, а самообмана посредствомъ возраженій. И уже не знаю, приписать-ли случаю или мудрой выдумкѣ древнихъ то обстоятельство, что первымъ возражателемъ Зенону явился Діогенъ-циникъ. Пока Зенонъ доказывалъ, что движеніе невозможно, циникъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, какъ-бы топча ногами доводы Элейца. Съ тѣхъ поръ мнимое возраженіе Діогена, т. е. ссылка на несомнѣнность движенія, какъ результата, было повторено, хотя въ болѣе членораздѣльной и вѣжливой формѣ, другими философами. По мысли Аристотеля, опредѣленное разстояніе лишь потенціально безконечно, а въ дѣйствительности конечно и поэтому можетъ быть пройдено въ конечное время. Гоббсъ, а за нимъ и

Милль въ своей Логикѣ обвиняли Зенона въ томъ, что онъ будто-бы не видѣлъ различія между временемъ безконечнымъ и временемъ, которое можетъ быть дѣлимо до безконечности. Какъ видите, эти возраженія не нуждаются въ разборѣ. Но развѣ ихъ самодовольный тонъ не возвращаетъ ваше воображеніе къ спору между Зенономъ и Діогеномъ? Подумайте, какой контрастъ! Съ одной стороны -- прекрасный Зенонъ, ученикъ Парменида и учитель Перикла, тончайшій діалектикъ древности, гордый гражданинъ, купившій своею смертью свободу родного города, съ другой—безмолвно прохаживающійся циникъ, тотъ самый, который всенародно совершалъ свои физическія отправленія. и на 90 году отъ роду съѣлъ сырую бычачью ногу, отъ чего и умеръ. Пока Зенонъ мыслилъ и страдалъ, циникъ съ улыбкой прохаживался передъ нимъ и стучалъ сандаліями. Зачѣмъ примирять противорѣчія и строить мосты надъ бездной, когда наглядная жизнь такъ проста, когда можно чужія сомнѣнія побѣждать своими ногами, а питаться—бычачьими? И неужели вамъ не кажется, что стукъ его шаговъ слышенъ и понынѣ? Неужели все окружающее не заставляетъ васъ вспоминать о нихъ? И невозмутимая философія, дѣлящая живую душу на два отдѣльно переплетенныхъ тома, о чистомъ и практическомъ разумѣ, и самодовольная наука, сваливающая все ей недоступное въ общую кучу непознаваемаго, и человѣколюбцы, отрицающіе во имя своей любви къ людямъ любовь къ истинѣ и къ Богу, и улыбочка практическихъ людей, отринувшихъ все, кромѣ комфорта для души и спорта для тѣла, и господинъ тайный совѣтникъ, основавшій нашу санаторію и выдумавшій карманную плевательницу, куда даже нѣмцы, изъ чувства эстетики, не плюютъ, и та мертвая женщина, запертая подъ замкомъ для нашего успокоенія, и вся современная культура, въ погонѣ за удобствами

жизни забывшая о самой жизни,— неужели все это не заставляетъ васъ думать о Діогенѣ и вы не слышите, какъ стучатъ сандаліи циника, какъ разносится эхо его шаговъ? Нѣтъ, другъ мой, мы не послѣдуемъ за нимъ. Не поддадимся ни страху, ни самодовольству, а продолжимъ начатый путь, тѣмъ болѣе, что еще одинъ шагъ, и мы на томъ берегу.

Я старался указать вамъ на всѣ особенности метафизическаго разума, но умолчалъ о самой главной — о моментѣ отрицанія. Оттого онъ и приводитъ насъ къ отрицательнымъ результатамъ,— къ безостановочности синтеза и къ непрерывности движенія. По этой-же причинѣ метафизика, при нѣкоторой неосторожности мышленія, легко вырождается въ безпредметный нигилизмъ, и тогда она продѣлываетъ надъ цѣлымъ міромъ то, что фокусникъ надъ отдѣльными предметами, которые онъ то показываетъ зрителю, то на его глазахъ превращаетъ въ ничто. Съ этой цѣлью она заимствуетъ у науки ея фиктивное единство безконечно-малыхъ и разсуждаетъ такъ: между безконечно-малыми времени уже нѣтъ времени. Каждый настоящій мигъ и есть такая нулевая черта между мигомъ, уже прошедшимъ и другимъ, еще не наступившимъ. А такъ все время составляется изъ такихъ настоящихъ мгновеній, то все время сводится къ нулю. Времени нѣтъ и, слѣдовательно, нѣтъ міра, существующаго во времени. Такъ продѣлывается этотъ въ сущности невинный фокусъ, которымъ не брезгали и такіе глубокіе умы какъ Шопенгауэръ и который основанъ на томъ, что фиктивное единство науки принимается за дѣйствительное. Но если при неосторожномъ пользованіи отрицательный моментъ метафизики приводитъ къ философскому нигилизму, эта-же отрицательная сила помогаетъ разрѣшить противорѣчія познанія и міра, ибо высшее утвержденіе, конечная гармонія открываются намъ лишь черезъ отрицаніе.

Синтезируя числа, въ чистомъ видѣ или пространствѣ и времени, мы приходимъ къ трагическому разладу между явленіями и мыслящимъ духомъ: явленія конечны и дѣлимы, но душа, побуждаемая врожденнымъ стремленіемъ къ цѣли, рвется изъ сѣтей конечнаго и дѣлимаго. Остановиться на этомъ разладѣ значило-бы признать безуміе и хаосъ закономъ жизни. Но въ томъ и заключается могущество разума, что онъ разгоняетъ мракъ безумія и хаоса. По мѣрѣ того, какъ существованіе разлада для разума дѣлается несомнѣннымъ, въ немъ-же ростетъ увѣренность, что если явленія сами по себѣ не цѣль, то невидимая цѣль, влекущая насъ съ такою силой, должна быть непохожей на явленія, должна быть ихъ отрицаніемъ. Такая-же увѣренность возникаетъ въ насъ, когда мы убѣждаемся, что движеніе въ дѣлимомъ пространствѣ должно быть и не можетъ быть непрерывнымъ. Слѣдовательно, заключаетъ разумъ, условіе дѣлающее непрерывное движеніе возможнымъ, должно быть отрицаніемъ дѣлимаго пространства. Такое высшее условіе цѣлесообразности и движенія, которое совершенно недоступно чувственному разуму, а метафизическимъ мыслится, какъ чистое отрицаніе, мы будемъ звать мистическимъ.

Чтобы отыскать это мистическое условіе, метафизическій разумъ обращается къ своему собственному содержанію,—къ комплексной сложности и отрицаетъ ее. Основой комплекса было всякое любое число. Мистическое число, какъ отрицаніе всякого любого, будетъ абсолютно единое, рядомъ съ которымъ уже не можетъ быть никакого другого, ни большаго, ни меньшаго. Элементами комплекса были конечность и дѣлимость. Мистическое число, какъ абсолютно единое и единственное, не можетъ быть ни ограничено другимъ, ни дѣлимо на другія. Получается абсолютно Единое, Безконечное и Недѣлимое,— мистическія идеи, которыя те-

ологія называла аттрибутами божества, а мы будемъ звать мэонами, вслѣдствіе ихъ отрицательнаго происхождеиія.

— Такъ что, прервалъ меня взволнованнымъ шопотомъ Владиміръ Ивановичъ,—душа стремится къ Богу и міръ движется въ Богѣ?

— Да, отвѣтилъ я, Богъ есть альфа и омега, начало движенія и конецъ стремленія. Каждый мигъ, прежде чѣмъ возникнуть, и каждый атомъ, прежде чѣмъ двинуться въ путь, должны пройти надъ бездной Единаго, пріобщиться къ Богу, и уже потомъ явиться въ міръ и свершить свою судьбу. Для живой-же души Онъ—вѣчный женихъ, но никогда не супругъ, вѣчно желанный, но никогда не обладаемый. Для чувства Онъ — Незримый, для мысли—Непостижимый, и все-же стоитъ прозвучать словамъ: Единый, Безконечный, Вездѣсущій, и душа наполняется свѣтомъ, музыкой, радостью, грустью. О, если-бы прижаться къ краю Его одежды! Но ни Его, ни одежды Его касаться нельзя: Онъ — Неоскверняемый. Чтобы войти въ Его храмъ, нужно у порога снять не только обувь и плащъ, но и одежды плоти, и переступить однимъ чистымъ желаніемъ, одной безкорыстной любовью.

— Какъ странно звучатъ ваши слова, замѣтилъ вдругъ мой собесѣдникъ.—Вы продолжаете разсуждать и какъ будто молитесь.

— А развѣ я не обѣщалъ, отвѣтилъ я,—довести васъ до черты, гдѣ разсужденія органически переходятъ въ молитву, природа—въ Бога и философія въ религію? Сегодня вы участвовали въ актѣ богорожденія, хотя, быть можетъ, находили роды слишкомъ тяжелыми и длительными. Разумѣется, въ жизни рожденіе мистической идеи не происходитъ такъ сознательно, медленно и неуклюже, какъ въ отвлеченномъ разсужденіи, а совершается въ сумеркахъ предчувствій, при молніевид-

ныхъ вспышкахъ вдохновенія, восторга и всегда съ примѣсью нѣкоторой лжи. Но путь, указанный мною, единственный, какимъ разумъ приходитъ къ познанію Бога. Великое-же замѣшательство, которое донынѣ царило и до конца дней будетъ, вѣроятно, царить въ религіозномъ сознаніи людей, объясняется тѣмъ, что храмъ Богу, подобно вавилонскому столпу, строится многими рабочими, — чувствами, умозрѣніемъ, мистическимъ разумомъ,—изъ которыхъ каждый говоритъ на иномъ нарѣчіи, но свой языкъ хочетъ навязать всѣмъ остальнымъ. Въ особенности огромны притязанія чувственнаго разума. Онъ-то и есть великій соблазнитель и язычникъ. Онъ еще и васъ не разъ будетъ смущать и возстановлять противъ мистическаго познанія святыни. Какъ, скажетъ онъ, познавать Бога отрицаніемъ явленій? Не равносильно-ли это отрицанію Бога? Неужели отрицательная святыня не тоже самое, что отсутствіе святыни? И тогда вы будете негодовать на мэонизмъ и на меня, какъ будто философъ похожъ на дѣлателя кумировъ, и можетъ уступить вамъ Бога получше и похуже. Философія исполняетъ свой долгъ, когда добываетъ истину. Такова природа, такова душа. Но почему онѣ таковы, а не иныя,— кто отвѣтитъ на этотъ вопросъ? И вправѣ-ли мы негодовать на мэоническую природу святыни, когда стоило-бы только абсолютно-единому на одинъ мигъ принять чувственное бытіе, чтобы всѣ явленія, включая небо и землю и нашъ мыслящій духъ, превратились въ абсолютное ничто? Вспомните также, что божество открывается, какъ отрицаніе лишь явленій, само-же по себѣ мистическимъ разумомъ оно познается, какъ полнота бытія, какъ единое, какъ высшая цѣль, какъ надежда, какъ условіе свободы.

Впрочемъ, будь даже творцомъ кумировъ и имѣй я возможность изготовить божество по своему желанію, я-бы всетаки сдѣлалъ его такимъ, какимъ оно откры-

вается моему разуму. Только мэоническая природа божества является мнѣ ручательствомъ, что найдена вѣчная мистическая идея, которая не истлѣетъ и не превратится въ мусоръ. И только созерцаніе отрицательной святыни облегчаетъ мнѣ бремя жизни. Когда я выхожу изъ храма Единаго, гдѣ я не долженъ былъ ни вѣрить, ни просить, а въ полной увѣренности поклонялся истинѣ и любилъ, и возвращаюсь къ дѣйствительности, то испытываю нѣчто странное. Пройденный путь метафизическихъ разсужденій кажется мнѣ ненужнымъ и скучнымъ, и я-бы хотѣлъ забыть о нихъ, какъ по окончаніи постройки удаляютъ скрывавшіе ее лѣса. Чувственный-же міръ, наоборотъ, является мнѣ въ новомъ, почти божественномъ свѣтѣ. Предметный міръ имѣетъ больше сродства съ божествомъ, нежели умозрѣніе. Каждый предметъ уже однимъ тѣмъ, что индивидуально ограниченъ и равенъ себѣ, является какимъ-то подобіемъ абсолютно Единаго. И земныя цѣли, столь призрачныя и столь отрадныя, не являются-ли онѣ также подобіемъ, а, можетъ быть, и орудіемъ цѣли божественной? И, можетъ быть, та бѣдная женщина не совсѣмъ безцѣльно жила, страдала и умерла? Можетъ быть, ея смерть была, какъ и смерть каждаго изъ насъ будетъ въ свое время, лишь подобіемъ иной, не невольной смерти? Но, кажется, объ этихъ тайнахъ еще рано говорить. Пусть зерно, брошенное мною въ вашу мысль, взойдетъ въ ней въ молчаніи. До другого дня.

— Какое счастіе, что все это совершилось, прошепталъ Владиміръ Ивановичъ.

Такъ закончилась наша бесѣда, которую на этотъ разъ я велъ почти одинъ.

Разговоръ четвертый.

Мои бесѣды съ Владиміромъ Ивановичемъ на время прекратились, такъ какъ онъ простудился и слегъ въ постель. Онъ продрогъ на утреннемъ холодѣ, пожелавъ присутствовать при погребеніи умершей рядомъ съ нами женщины. Должно быть, предчувствуя свою скорую смерть въ стѣнахъ санаторіи, онъ захотѣлъ взглянуть въ лицо этой смерти, увидѣть жалкую обстановку больничныхъ потайныхъ похоронъ, услышать чужіе голоса, которые вскорѣ раздадутся надъ его могилой. Для этого онъ поднялся съ зарей, пробрался въ паркъ и оттуда перелѣзъ черезъ заборъ на дорогу, ведущую на кладбище. Когда онъ вернулся съ похоронъ, у него горломъ пошла кровь.

Первые дни онъ пролежалъ у себя въ комнатѣ, по приказанію врача, не двигаясь и молча. Я часто навѣщалъ его, но почти не заговаривалъ съ нимъ. Достаточно было взглянуть на его посѣрѣвшее лицо, какъ-бы посыпанное пепломъ, подъ которымъ тлѣлъ чахоточный румянецъ, чтобы понять, что онъ не въ силахъ ни говорить, ни слушать о чемъ-бы то ни было, что не касалось прямо его болѣзни. Всѣ мысли его сосредоточились на томъ, чтобы осторожнѣе откашляться въ стоявшую предъ нимъ на столѣ фарфоровую кружку съ воронкообразной крышкой, послѣ чего онъ прижималъ ко рту платокъ и тревожно глядѣлъ на появлявшееся новое розовое пятно. Когда-же глаза его случайно обращались на меня, я читалъ въ нихъ не только отчужде-

ніе, но и упрекъ,—тяжелый упрекъ больного, который чувствуетъ, что онъ пришелъ къ тому самому ужасному и узкому мѣсту пути, которое онъ долженъ пройти непремѣнно самъ, всѣми покинутый. И больной платитъ міру тѣмъ-же отчужденіемъ, весь уходитъ въ себя, прислушивается къ своему дыханію и пульсу, дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы какъ-нибудь не пошатнуться, не упасть. Передъ лицомъ послѣдней опасности, когда тѣло изъ сообщника превращается въ нашего палача, первое, что покидаетъ насъ, это—свѣтлая способность созерцать и размышлять. И глядя на Владиміра Ивановича, я испытывалъ чувство, уже знакомое мнѣ и раньше,—чувство отвращенія къ физическимъ страданіямъ. Я говорилъ себѣ, что физическая агонія столь-же мало похожа на таинство, какъ зубная боль, и что противъ нея можно бороться тѣми-же средствами, какъ противъ зубной боли. Ибо истинное таинство смерти совершается не тогда, когда человѣкъ борется съ послѣднимъ дыханіемъ, а въ минуту просвѣтленія, когда мы вдругъ умомъ и сердцемъ постигаемъ божественную жертву, лежащую въ основѣ міра, и любимъ свою смерть, какъ отраженіе этой жертвы.

На третій день вечеромъ я зашелъ къ Владиміру Ивановичу пожелать ему покойной ночи и засталъ его сидящимъ на постели и что-то записывающимъ въ тетрадь. Въ состояніи его здоровья произошла одна изъ тѣхъ счастливыхъ перемѣнъ, которыя часто наблюдаются у чахоточныхъ больныхъ. Лицо его казалось чрезвычайно нѣжнымъ, глаза глядѣли такъ, какъ будто онъ недавно плакалъ. Моему приходу онъ сильно обрадовался.

— Какъ хорошо, что вы пришли, сказалъ онъ.— Молчаніе чуть не раздавило меня. Я уже сталъ забывать вашъ голосъ. А мнѣ такъ нужно слово утѣшенія. Скажите что-нибудь. Только молю, безъ отвлеченныхъ

разсужденій, безъ того, что сегодня помнишь, а завтра забываешь. Я еще такъ слабъ. Есть-же слова простыя, незабвенныя, какъ въ легендахъ или въ мотивахъ. Слова для простыхъ людей, для дѣтей, для умирающихъ.

Онъ говорилъ слабымъ шопотомъ, и слезы текли по его осунувшемуся, съ заострившимися нижними челюстями лицу. Меня тоже охватило волненіе жалости. Послѣ долгаго молчанія онъ продолжалъ:

— Я въ эти дни пережилъ нѣсколько страшныхъ минутъ. Я узналъ то, чего, можетъ быть, не слѣдуетъ знать: я увидѣлъ самые корни страданій. О, какъ они близко отъ насъ. Ближе, чѣмъ темная вода отъ ногъ конькобѣжца. Не знаю, поймете-ли. Смерть прикоснулась ко мнѣ, грубо дотронулась. И была минута, когда я самъ для себя сдѣлался тѣмъ ужаснымъ, чего мы болѣе всего боимся въ другихъ. Я сталъ бояться своихъ рукъ, какъ рукъ мертвеца. Потомъ отлегло. Но вѣдь прежнее вернется. И опять начнется то невыразимо-гадкое. Знаете, что мнѣ показалось? Что отъ ужаса всѣ передъ смертью сходятъ съ ума. Душа умираетъ отъ безумія, а тѣло отъ удушія. Всѣ, кромѣ простыхъ людей, которыя помнятъ простыя молитвы и, умирая, могутъ молиться объ исцѣленіи. Какое счастье молиться объ исцѣленіи!

— Если для вашего счастья нужна молитва объ исцѣленіи,—спросилъ я,—почему-же вы не молитесь?

— Объ этомъ я и хотѣлъ посовѣтоваться съ вами,— нерѣшительно произнесъ больной.—Я уже говорилъ съ сестрой Мартой—можно написать въ городъ.

— Мой совѣтъ,—отвѣтилъ я,—поступайте такъ, какъ всего нужнѣе для вашего счастья. Если вамъ нужно предсмертное утѣшеніе, обратитесь къ одному изъ тѣхъ, чье призваніе утѣшать передъ смертью. Онъ навѣрно васъ утѣшитъ, потому что онъ вслухъ пообѣщаетъ вамъ все то, о чемъ вы тайно вздыхаете въ мечтахъ.

— Нужно еще вѣрить, что эти обѣщанія истинны,— сказалъ больной какъ-бы про себя.

— Вы сами просили,—возразилъ я,—не разсуждать сегодня о теоретической истинѣ. И самому мнѣ хочется обойтись безъ разсужденій. Все, что чувство находитъ нужнымъ, какъ счастье, разумъ находитъ необходимымъ, какъ истину. Чувство и разумъ, не соприкасаясь одно съ другимъ, параллельны другъ другу, и религія настолько-же верховная истина людей, насколько ихъ высшая потребность. Люди молятся о помощи, потому что въ этой помощи нуждаются—и до тѣхъ поръ молятся, пока въ ней нуждаются.

— И перестаютъ молиться, когда больше въ помощи не нуждаются?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Перестаютъ молиться,—отвѣтилъ я,—когда не въ состояніи больше просить. Въ духовномъ ростѣ наступаетъ моментъ, когда человѣкъ постигаетъ Бога, не только какъ безкорыстно любящаго, но и безкорыстно любимаго, когда сынъ простираетъ руки къ отцу не съ тѣмъ, чтобы взять, а съ тѣмъ, чтобы дать, не въ ожиданіи милостыни, а съ избыткомъ своей любви. Наступаетъ моментъ, когда изъ высшей гордости или высшей кротости уже не можешь больше просить у неба въ займы ни исцѣленія, ни богатства, ни побѣды—и тогда мѣняется не только содержаніе молитвы, но и самый цвѣтъ религіи. Тутъ разница не оттѣнковъ, а основныхъ цвѣтовъ, различіе между лучомъ желтымъ и синимъ. Религія помощи блѣднѣетъ, а рядомъ съ нею, затмевая ее, зажигается религія примиренія. Вмѣсто того, чтобы помогать намъ въ многочисленныхъ страданіяхъ жизни, случайныхъ и устранимыхъ большей частью съ помощью нашего-же разума, религія примиряетъ насъ съ единственнымъ неизлечимымъ страданіемъ жизни, съ самою жизнью, съ ея великой печалью, съ безцѣльностью не только ея страданій, но и ея благъ.

— Помощь-ли, примиреніе-ли,—прервалъ мой собесѣдникъ,—развѣ это такъ существенно? Когда я страдаю, я не думаю о томъ, какъ вѣрнѣе слѣдуетъ называть мою боль—страданіемъ жизни, или печалью жизни. Главное вовсе не въ томъ, чѣмъ утѣшаетъ религія, помощью или примиреніемъ, а въ томъ, что она призываетъ къ себѣ всѣхъ страждущихъ, всѣхъ обремененныхъ и всѣмъ помогаетъ бороться со страданіями.

— Да,—сказалъ я,—въ прошлые вѣка религія видѣла свое назначеніе въ борьбѣ со страданіями. Особенно ярко это выразилось въ легендѣ о Буддѣ. Жилъ былъ въ Капилаватту безпечный принцъ; однажды во время прогулки онъ увидѣлъ старость, болѣзнь и смерть, и съ тѣхъ поръ изъ горькаго зерна страданій, какъ горчичное дерево, въ его душѣ стала рости новая религія.

— О, какъ я это понимаю,—страстнымъ шопотомъ произнесъ больной. Увидѣлъ страданія и сталъ творцомъ религіи. Все дѣло въ томъ, чтобы увидѣть, внезапно протереть заспанные глаза и увидѣть то, на что мы всѣ смотримъ, не замѣчая. Кто-же разъ увидитъ страданія, тотъ уже не сможетъ думать ни о чемъ другомъ, какъ о средствахъ побороть ихъ, тотъ и въ наши дни сдѣлается творцомъ религіи. Для того-же, чтобы увидѣть страданія, не надо выходить на большую дорогу и ждать встрѣчъ. Достаточно зайти въ первую избу, въ первый домъ, посмотрѣть, какъ люди болѣютъ, голодаютъ, истязаютъ другъ друга, умираютъ.

— Не удивительно-ли однако,—прервалъ я его,—что въ наши дни о борьбѣ со страданіями всего болѣе заботятся тѣ, кто не только сами не творятъ новыхъ религій, но всѣ усилія прилагаютъ къ тому, чтобы разрушить всѣ старыя. Взгляните на матеріалистовъ, позитивистовъ и утилитаристовъ, всѣхъ оттѣнковъ. Одни изъ нихъ богоборствуютъ открыто. Другіе собрали религіозно мистическія идеи и, какъ не нужный хламъ, сложили въ

особый чуланъ, надъ которымъ прибили надпись „непознаваемое“. Но всѣ они безъ исключенія избрали своимъ девизомъ избавленіе отъ страданій, доставленіе наибольшаго счастья наибольшему числу людей. И всѣ они безъ исключенія отрицаютъ религіозное познаніе и божественность жизни.

— Какъ-же это?—съ недоумѣніемъ спросилъ больной, глядя куда-то широко раскрытыми глазами.—Какъ объяснить такую перемѣну? Будда искалъ избавленія отъ страданій и создалъ религію. Матеріалисты ищутъ избавленія отъ страданій и устраняютъ религію.

— Я радъ, что вы опять поставили одинъ изъ основныхъ вопросовъ культуры, отвѣтилъ я.—Теперь вы безъ разсужденій видите, что и въ религіозномъ творчествѣ существуетъ такое-же движеніе, ростъ, совершенствованіе, какъ во всякомъ другомъ. Религіозное познаніе не затерянный среди моря отдѣльный островокъ, а само живое море, которое дышетъ однимъ дыханіемъ со всѣмъ океаномъ жизни.

— Все-таки какъ-же объяснить эту загадку?—продолжалъ больной, почти не слыша меня.—Измѣнилась-ли природа людей, или чувство любви теперь не то, чѣмъ оно было прежде?

— Во всякомъ случаѣ, отвѣтилъ я,—цвѣтъ этого чувства измѣнился. Въ прежнее время любовь къ людямъ была краеугольнымъ камнемъ религіи и познавалась изъ божественнаго откровенія: „заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга“. Теперь любовь къ людямъ относится къ гуманности, изъ чувства божественнаго стала человѣчнымъ и выводится уже не изъ откровенія, а изъ свойствъ нашей человѣческой природы—изъ состраданія, утилитарныхъ разсчетовъ, ожиданія славы, привычки.

— Я просилъ васъ сегодня не утомлять меня теоре-

тическими разсужденіями,—сказалъ больной, улыбаясь,— а вотъ оказывается, что безъ нихъ нельзя.

— Вы ошибаетесь, возразилъ я,—ваша просьба будетъ исполнена, и на этотъ разъ мы обойдемся-таки безъ теоретическихъ разсужденій. Люди поклоняются Богу не только потому, что безъ него нѣтъ истины, но и потому, что безъ него нѣтъ счастья. Эту послѣднюю сторону религіи впервые прозрѣлъ Кантъ, хотя, подобно всѣмъ впервые прозрѣвшимъ, впалъ въ одностороннюю крайность и сталъ отрицать возможность познавать Бога чистымъ разумомъ. Въ дѣйствительности-же богопознаніе расцвѣтаетъ одновременно и самостоятельно и въ разумѣ, и въ чувствѣ; и если между обѣими формами религіозности существуетъ связь, то связь солидарности, а не причинности. Не смотря на свою односторонность, открытіе Канта чрезвычайно важно, и вы ни когда не поймете сущности религіи въ извѣстную эпоху, если не будете знать, каковъ былъ въ то время законъ жизни, какая небесная помощь была нужна людямъ для ихъ счастья, и въ чемъ заключалась ихъ молитва.

По отношенію къ прошлому человѣчества, къ такъ называемымъ древнимъ и среднимъ вѣкамъ, можно принять, какъ всеобщее правило, что жизнь людей въ тѣ времена складывалась вся подъ закономъ страданій. Этимъ я не хочу сказать, что наши предки больше страдали чѣмъ мы, или что они ничего, кромѣ страданій, не испытывали. Наоборотъ, при цѣльности желаній и конкретности представленій, они знали буйство физической радости—на охотѣ, на войнѣ, на пирахъ,—котораго мы, въ нашемъ отвлеченномъ книжномъ существованіи, уже не въ силахъ вмѣстить. И тѣмъ не менѣе жизнь нашихъ предковъ зиждилась вся на законѣ страданій, потому что сами они смотрѣли на страданія, какъ на незыблемый законъ, какъ на силу неодолимую и вездѣсущую, такъ что даже ихъ наслажденія—охота, война,

роскошь пировъ—порождали чьи-либо страданія и питались ими.

На трехъ основахъ держался этотъ законъ страданій: на войнѣ, на нищетѣ, на болѣзни. Война была не случайнымъ столкновеніемъ народовъ, а нормой ихъ существованія, обычнымъ средствомъ обогащенія и единственнымъ путемъ къ славѣ. Люди разныхъ племенъ чувствовали другъ къ другу стихійную вражду, унаслѣдованную отъ далекихъ эпохъ пещернаго и лѣснаго хищничества. Война была бодрствованіемъ народовъ, а миръ—ихъ временнымъ сномъ, во время котораго организмъ набирался силъ для новаго бодрствованія. И хотя объявленіе и веденіе войны зависѣло отъ воли людей, но великія бѣдствія войны—опустошеніе цѣлаго края, стоны уводимыхъ въ плѣнъ—обрушивались поочередно на всѣ страны съ неизбѣжностью стихійныхъ катастрофъ. Въ томъ, что каждый городъ долженъ превратиться въ развалины и каждый народъ въ рабовъ, никто не сомнѣвался. Вопросъ былъ лишь во времени, и опредѣленіемъ срока занимались пророки и поэты. „Будетъ когда-либо день, и погибнетъ священная Троя". „Горе тебѣ, Вавилонъ и Асія, горе тебѣ, Египетъ и Сирія... Потому что приблизилась ваша погибель".

Господство физической силы, узаконенное войной и упражняемое на военноплѣнныхъ, проникало и во внутреннюю жизнь народа, образуя классъ рабовъ—нищихъ, обреченныхъ на постоянный трудъ. Но помимо войны и рабства, гнѣвъ природы—бездождіе, прилетъ саранчи, потопъ, огонь—держали надъ людьми вѣчную угрозу нищеты и голода. Но то были еще не самые горькіе источники страданій. За войной наступалъ миръ, наряду съ рабами существовали ихъ господа, рядомъ съ нищетой цвѣла роскошь. Надъ жизнью тяготѣли худшія, неодолимѣйшія страданія, не щадившія ни властелина, ни богача: болѣзни, болѣзненная старость, болѣзненная смерть.

Я въ дѣтствѣ видѣлъ народное возмущеніе, войну и казни. Я видѣлъ городъ, превращенный въ огромное пожарище, видѣлъ тотъ-же городъ во время моровой болѣзни и отчасти по личному опыту могу понять тотъ ужасъ передъ судьбой, могу, хотя въ слабой степени, возсоздать то красножелтое зарево страданій, подъ которымъ развивалась исторія человѣчества за всѣ прошлые вѣка. Побороть страданія, раскрыть ихъ причины и удалить человѣкъ былъ безсиленъ. Гдѣ-же могъ онъ искать утѣшенія? Къ кому взывать о помощи? Природа была безучастна, а ближній безжалостенъ. И человѣкъ обращался къ Богу, рядомъ съ дѣйствительностью, гдѣ царило насиліе, несправедливость, страданіе, создавалъ идеальный міръ любви, справедливости, радости. Религія становилась борьбой противъ закона страданій, а молитва—самымъ сильнымъ оружіемъ въ этой борьбѣ.

Троякимъ способомъ религія утѣшала страждущихъ. Во-первыхъ, она учила закалить свою душу и сдѣлать ее нечувствительной къ страданіямъ. Во-вторыхъ, она создавала мифъ о блаженныхъ богахъ, о существахъ безпечальныхъ и всемогущихъ, созерцаніе которыхъ моглобы дать человѣку забвеніе дѣйствительности. Въ третьихъ,—и этимъ исчерпывалось главное содержаніе религіи,—она устанавливала живую связь между страждущимъ человѣкомъ и всемогущимъ божествомъ, связь жертвы и молитвы со стороны человѣка, и помощи и утѣшенія со стороны божества.

Эти три элемента, подвижническій, созерцательный и молитвенный, встрѣчались въ самыхъ различныхъ сочетаніяхъ въ каждой религіи, хотя преобладалъ то одинъ, то другой. Въ буддизмѣ преобладалъ анестезирующій подвигъ, у грековъ—эстетическое созерцаніе, у евреевъ—молитвенная мольба о помощи. Но доставляя одно изъ этихъ трехъ утѣшеній, какъ подвигъ, какъ мифъ, какъ обѣтованіе, религія во всѣхъ этихъ трехъ

видахъ равно проливала въ красножелтое зарево страданій свои небесные, сине-голубые лучи утѣшенія, которые, сливаясь со страданіями, рождали бѣлый лучъ восторга и надежды въ душѣ, „уязвленной ея блаженнымъ упоеніемъ". Въ результатѣ получалось не утилитарное довольство, а высшая радость, душевное просвѣтленіе, экстазъ—различные оттѣнки одного и тогоже чувства, основное свойство котораго то, что оно—сложное, составное, получившееся, какъ сліяніе, аккордъ, синтезъ земныхъ страданій и небеснаго утѣшенія. Сила этого утѣшенія съ вѣками все росла, свѣтъ становился бѣлѣе и чище, пока наконецъ не раздались слова Христа, превратившія жизнь страждущихъ въ чистѣйшее солнечное сіяніе. „Блаженны плачущіе, ибо они утѣшатся". „Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесахъ". Читая нагорную проповѣдь, каждый разъ какъ-бы сызнова присутствуешь при экспериментѣ возникновенія душевной красоты. Вотъ на твоихъ глазахъ происходитъ сліяніе страданій и радости. Самыя страданія превращены въ блаженство, сама смерть стала ликованіемъ. Видишь рожденіе свѣта и стоишь въ его лучахъ.

Послѣ этихъ моихъ словъ наступило молчаніе. Санаторія погрузилась въ сонъ, и слышны были далекіе шопоты и шаги. Лицо больного выражало страстное вниманіе и раздумье.

— Итакъ, произнесъ онъ наконецъ,—страданія уже однажды были побѣждены, и чистѣйшая радость смѣнила ихъ. Богъ и любовь къ людямъ стали одно. Казалось-бы, тутъ конецъ движенію, потому что цѣль достигнута. Какъ-же случилось, что любовь осталась, а отъ Бога люди удалились?

— Страданія были преображены, отвѣтилъ я,—но не устранены. Высшая радость предполагала страданія, какъ одну изъ своихъ составныхъ частей и безъ нихъ была немыслима. Высшая религіозная радость и простая ра-

дость жизни стали антитезами Вотъ почему ни страданія, ни невѣжество, ни жестокость, въ которыхъ коснѣли наши предки, не мѣшали имъ въ общемъ чувствовать себя величавѣе, благороднѣе, божественнѣе, нежели мы теперь себя чувствуемъ, при всей нашей просвѣщенности и жалостливости. Элементъ небеснаго, ароматъ мистеріи былъ присущъ всѣмъ даже незначительнымъ явленіямъ ихъ жизни, между тѣмъ какъ въ наше время даже героическіе подвиги и восторги таятъ въ себѣ что-то плоское и мѣщанское. Простое состязаніе въ быстротѣ ногъ на олимпійскомъ ристалищѣ, на глазахъ Эллады принимало характеръ божественнаго происшествія. Состязаніе-же велосипедистовъ на глазахъ нашей публики ничуть не божественно, какъ впрочемъ и всѣ другія наши состязанія—въ академіяхъ, въ парламентахъ, въ литературѣ. Если-же мы не вовсе забыли, что такое истинная красота, то лишь благодаря тому, что среди насъ по временамъ еще являются безумцы, которыхъ мы зовемъ поэтами и которые вдругъ поражаютъ наше сердце словами печали и отчаянія. Тѣ чувства, которыя нѣкогда считались смертными грѣхами,—гнѣвъ, уныніе отчаяніе—сдѣлались единственными добродѣтелями нашихъ дней.

— Какъ-же объясняете вы такой провалъ въ душевной жизни?—спросилъ мой собесѣдникъ.—Не думаете-ли вы, что человѣчество просто постарѣло?

— Когда-то и я довольствовался этимъ объясненіемъ,—отвѣтилъ я,—пока вдругъ не спросилъ себя, каковъ-же вѣкъ человѣчества, по сравненію съ которымъ можно было-бы опредѣлить его настоящій возрастъ. Вы, конечно, молодостью людей считаете время расцвѣта Греціи и первые вѣка христіанства. Но люди той эпохи сами себя уже считали стариками. Помните у Эздры: „вѣкъ потерялъ свою юность, и времена приближаются къ старости“. И у него-же слова ангела: „вы теперь меньше станомъ, нежели тѣ, которые были прежде васъ, и

тѣ, которые послѣ васъ родятся, будутъ еще меньше васъ, какъ творенія уже состарѣвающіяся, и крѣпость юноши уже миновала". Думаю, что во всѣ эпохи исканій и духовныхъ смутъ людямъ свойственно считать свой вѣкъ „состарѣвающимся". Но если смотрѣть на земныя судьбы съ высоты, то убѣдимся, что человѣчество еще переживаетъ свою нѣжную юность. Подумайте: свѣтъ мысли освѣщаетъ позади насъ лишь нѣсколько десятковъ столѣтій. Будущее же людей необъятно и должны измѣряться не десятками или сотнями лѣтъ, а сотнями и тысячами тысячелѣтій. Чье воображеніе настолько мощно, чтобы предвидѣть, во что черезъ милліонъ лѣтъ превратится исторія человѣчества и чѣмъ тогда представится наше теперешнее время? Увѣрены-ли вы, что тѣ отдаленные потомки не отнесутъ равно и вѣкъ Перикла, и нашъ двадцатый вѣкъ къ доисторической эпохѣ, и что Гомеръ и Шекспиръ не будутъ имъ казаться современниками? Съ какой грустной улыбкой прочтутъ они наши жалобы на свою старость, если только какія либо изъ нашихъ словъ долетятъ до ихъ слуха черезъ океанъ времени. Нѣтъ, нѣтъ, времена еще не приближаются къ старости. Порою кажется мнѣ, что человѣчество даже слишкомъ молодо, что оно еще не вышло изъ суевѣрій дѣтства, что созрѣвшей истины не вкусилъ еще никто изъ живущихъ. Если-же убыль душевнаго просвѣтленія—неоспоримый фактъ нашей культуры, то объясненія этого факта слѣдуетъ искать въ измѣнившемся законѣ нашей жизни. Я уже сказалъ вамъ, что религія небесной помощи преобразила страданія, но не устранила ихъ. Богатому трудно было проникнуть въ царство небесное. Богатому благами земли, не—страждущему, не—плачущему.

— Понимаю вашу мысль,—воскликнулъ мой другъ,—мы стали богаты благами земли. Но гдѣ, укажите, эти богатства? Неужели вы придаете значеніе яркимъ тряп-

камъ культуры, подъ которыми мы такъ-же голы и нищи, какъ были наши предки тысячи лѣтъ тому назадъ? Развѣ мнѣ въ этой культурной санаторіи легче болѣть и умирать, чѣмъ дикарю въ чащѣ лѣса? Сто разъ труднѣе и болѣзненнѣе.

— Вы просили меня говорить слова простыя, какъ легенды и молитвы,—сказалъ я.—Хотите, я въ отвѣтъ на ваши вопросы разскажу вамъ легенду о себѣ самомъ, о томъ, какъ я вышелъ на дорогу исканій и какія судьба мнѣ послала три встрѣчи. Вы, конечно, понимаете, что я сравниваю съ Буддой не отдѣльнаго человѣка, а ищущій духъ современнаго человѣчества. О немъ-то и повѣтствуетъ моя легенда.

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ за стѣной раздался легкій предупреждающій кашель.

— Слышите,—сказалъ я,—мы своей бесѣдой, хотя и тихой, мѣшаемъ спать культурѣ, и она протестуетъ. Можетъ быть, она права. Она предчувствуетъ, что наши разговоры въ силахъ нарушить ея сонъ. Итакъ, до завтра.

— О, если-бъ удалось нарушить сонъ культуры,— вздохнувъ, сказалъ мой собесѣдникъ.

На этихъ словахъ мы разстались.

На слѣдующій день утромъ я засталъ Владиміра Ивановича въ сильномъ волненіи. Среди русскихъ обитателей санаторіи были двое сибиряковъ, богатые мѣщане, добродушные, хотя съ вида мрачные старики, не говорившіе ни слова по нѣмецки и Богъ вѣсть какимъ образомъ добравшіеся сюда изъ своей далекой глуши. Изъ всѣхъ больныхъ они одни не научились искусству сдерживать свой кашель и каждый разъ, отправляясь въ баракъ для лежанія и возвращаясь оттуда,

наполняли весь паркъ раскатами ухающихъ и стрѣляющихъ звуковъ, и каждый разъ больные и врачи, слушая эти звуки, брезгливо морщились и говорили о русской некультурности. И вотъ вчера вечеромъ сибиряковъ просили покинуть заведеніе, послѣ двухъ мѣсяцевъ пребыванія въ немъ, подъ предлогомъ, что ихъ кашель безпокоитъ больныхъ. Владиміръ Ивановичъ только что узналъ эту новость отъ сестры Марты.

— Подумайте только,—говорилъ онъ, волнуясь.—Старыхъ людей прогнали, какъ провинившихся мальчиковъ. И за что? За то, что они повѣрили въ славу здѣшнихъ врачей и пріѣхали съ другого конца свѣта, а врачи въ два мѣсяца не могли вылечить ихъ отъ кашля.

Черезъ нѣсколько минутъ, совершая утренній обходъ, пришелъ дежурный докторъ. Владиміръ Ивановичъ сталъ рѣзко осуждать при немъ поступокъ администраціи. Докторъ, сдерживая себя, съ дѣланной улыбкой на румяныхъ губахъ, но твердымъ голосомъ—отвѣтилъ, что вполнѣ понимаетъ нашихъ компатріотовъ: они не виновны въ томъ, что не могутъ справиться со своимъ кашлемъ, но, съ другой стороны, его компатріоты также не виновны въ томъ, что съ этимъ кашлемъ не могутъ мириться. Санаторія—учрежденіе общественное, и если-бы каждый больной давалъ себѣ волю кашлять, какъ онъ дѣлаетъ это дома, то совмѣстная жизнь сотни больныхъ стала-бы невозможной. И даже въ собственныхъ интересахъ больные хорошо сдѣлали-бы, если-бъ строже соблюдали правила установленной дисциплины. Такъ напримѣръ, онъ увѣренъ, что если-бы больные не выходили гулять въ пять часовъ утра, у нихъ рѣже показывалась-бы кровь горломъ. И позднія вечернія бесѣды тоже особенной пользы не приносятъ.

Мы невольно улыбнулись, и докторъ, прервавъ себя,—воскликнулъ:

— Впрочемъ, зачѣмъ я это? Вѣдь вы всѣ неисправимы.

И, пославъ это „вы“ по адресу всѣхъ русскихъ обитателей санаторіи и всѣхъ вообще недисциплинированныхъ людей, живущихъ, болѣющихъ и умирающихъ не такъ, какъ должно, докторъ удалился съ выраженіемъ безграничнаго самодовольства въ каждомъ движеніи своего, какъ должно, упитаннаго, гимнастикою и спортомъ закаленнаго тѣла.

Я успокоилъ, какъ могъ, Владиміра Ивановича и отправился въ деревню, чтобы помочь устроиться несчастнымъ сибирякамъ, которые отнеслись къ своему злоключенію съ большимъ добродушіемъ.

— Чудно, говорилъ одинъ изъ нихъ,—со вчерашняго вечера, какъ только выгнали, и кашлять пересталъ. Какъ рукой сняло.

Оказалось, что ихъ лишили только права занимать комнаты въ зданіи санаторіи, такъ какъ ихъ кашель мѣшалъ спать какимъ-то англичанкамъ. День-же они по прежнему будутъ проводить въ баракѣ для лежанія и обѣдать за общимъ столомъ.

Вечеромъ я пораньше зашелъ къ Владиміру Ивановичу, и онъ вернулся къ вчерашнему разговору,

— Перекипѣлъ я изъ-за этихъ компатріотовъ,—сказалъ онъ, улыбаясь,—и теперь спокоенъ. Забудемъ о жестокихъ нѣмцахъ, объ ихъ культурѣ и дисциплинѣ. Я жду легенду о вашихъ трехъ встрѣчахъ.

— Легенду я вамъ разскажу,—отвѣтилъ я,—но она не уведетъ насъ ни отъ культуры, ни отъ жестокости, а скорѣе приведетъ къ нимъ, потому что разыгрывается не въ мірѣ фантазіи, а въ дѣйствительности. Вотъ эта легенда.

Рано судьба выгнала меня на дорогу исканій. Я вышелъ одинъ, безъ друзей, безъ товарищей, давши обѣтъ не раньше прекратить поиски, чѣмъ узнаю, какъ сдѣлать жизнь снова прекрасною, и похожею на мистерію, какъ вернуть душѣ уже когда-то ею испытанную гар-

монію красоты и святость экстаза. И когда я шелъ, предаваясь своей завѣтной мечтѣ, ко мнѣ на встрѣчу приблизился юноша съ облагороженными чертами скифскаго лица, съ мечтательностью въ блѣдныхъ глазахъ.— Я несу миръ всѣмъ народамъ, — сказалъ онъ мнѣ.— Я—-вѣстникъ разоруженія и согласія. Нѣтъ больше войны, потому что нѣтъ чужихъ и нѣтъ враговъ. Человѣчество стало однимъ тѣломъ, и несчастіе одного народа отзывается болѣзненно на всѣхъ другихъ. Война такое-же бѣдствіе для побѣдителя, какъ для побѣжденнаго. Отнынѣ орудія войны будутъ храниться въ музеяхъ наряду съ орудіями пытки прошлыхъ вѣковъ. Отнынѣ на водѣ и на сушѣ будутъ звучать выстрѣлы только во дни торжествъ, радуя ближнихъ, привѣтствуя далекихъ.

И, услышавъ эти слова, я сказалъ: вотъ рухнулъ одинъ изъ столбовъ, поддерживавшихъ законъ страданій. И тутъ же прибавилъ: вмѣстѣ съ тѣмъ рухнула одна изъ основъ, на которыхъ покоилась религія утѣшенія и помощи. Съ жестокостью убійства исчезнетъ доблесть идущаго въ бой и спокойствіе умирающаго. Опустѣютъ поля битвъ, и опустѣютъ храмы, гдѣ молились о побѣдѣ.

Вторымъ попался мнѣ на встрѣчу мужъ среднихъ лѣтъ, съ лицомъ, дышавшимъ самоувѣренной силой. — Я несу людямъ всеобщую свободу и всеобщее богатство,—сказалъ онъ.—Нѣтъ рабовъ, нѣтъ нуждающихся, потому что никто не хочетъ быть рабомъ и нуждаться.

Земля производитъ хлѣба и плодовъ больше, чѣмъ нужно для прокормленія всѣхъ живущихъ; людьми выдѣлано тканей и возведено зданій больше, чѣмъ нужно для того, чтобы одѣть и пріютить всѣхъ живущихъ, а блага искусствъ и науки, какъ объятія любви, какъ свѣтъ солнца, доступны всѣмъ и никогда не изсякаютъ. Отнынѣ врожденное неравенство людей будетъ проявляться

не въ неравномъ обладаніи благами жизни, а въ неравномъ умѣніи пользоваться ими.

И, услышавъ эти слова, я воскликнулъ: вотъ упала вторая опора, поддерживавшая законъ страданій. И тутъ-же прибавилъ: рухнула вторая основа, на которой держалась религія помощи и утѣшенія. Съ послѣдней цѣпью разбилась послѣдняя надежда, съ послѣдней нищенской суммой истлѣло послѣднее упованіе. Отнынѣ спаленныя засухой поля не будутъ оглашаться пѣніемъ молитвъ, и ничья рука не будетъ воздѣваться къ небу съ мольбой о дождѣ. Отнынѣ дождемъ и солнцемъ человѣкъ будетъ распоряжаться такъ-же свободно, какъ художникъ—красками на своей палитрѣ. Никто больше не будетъ утромъ просить о хлѣбѣ насущномъ, а вечеромъ благодарить за него. Исчезло блаженство смиренныхъ. Исчезло блаженство плачущихъ. Исчезло блаженство милостивыхъ.

И тогда произошла моя третья и послѣдняя встрѣча. Мнѣ встрѣтился мужъ, перешедшій за серединную черту жизни, съ безстрастнымъ лицомъ и острымъ взоромъ, привыкшимъ наблюдать.—Я несу міру исцѣленіе отъ болѣзней,— сказалъ онъ.—Я открылъ незримыхъ враговъ, причиняющихъ тѣлесные недуги, и старость оказалась однимъ изъ этихъ недуговъ. Чума, язва и другія заразительныя болѣзни уничтожены въ зародышѣ, ножу открытъ путь въ сокровеннѣйшіе тайники тѣла, и самое зачатіе подчинено контролю разума. Отнынѣ старость превратится въ безконечно-длительный радостный закатъ, а безболѣзненная смерть явится скорѣе добровольнымъ погруженіемъ въ сонъ усталаго путника, чѣмъ насиліемъ судьбы.

И тогда я воскликнулъ: — побѣжденъ и устраненъ законъ страданій, и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряла власть надъ душою религія помощи и утѣшенія. Прежній подвигъ, прежній мифъ, прежнее обѣтованіе стали ненужными и оттого мертвыми. Они засохли и отпали, подоб-

по цвѣтамъ, когда прошла пора цвѣтѣнія, и вмѣсто нихъ осталась завязь будущаго на нихъ непохожаго плода.

— Простите, что прерываю васъ — произнесъ мой собесѣдникъ.—Вы сказали, что ваша легенда развивается не въ мірѣ фантазіи, а въ дѣйствительности. Между тѣмъ въ дѣйствительности страданія вовсе не побѣждены и не устранены, какъ въ вашей легендѣ, а цѣликомъ сохранились, какъ тысячи лѣтъ тому назадъ. Вы сказали, что законъ войны побѣжденъ. Между тѣмъ вотъ теперь, пока мы съ вами говоримъ, цѣлый народъ изнываетъ отъ бѣдствій войны, настигнутый болѣе сильнымъ врагомъ, какъ разбойникомъ на большой дорогѣ. Не исчезли ни рабство, ни нищета. Нѣтъ дома, гдѣ-бы не было раба. И нѣтъ человѣка, кто-бы всю жизнь не бился подъ угрозой нищеты. Что-же сказать о болѣзни, о старости, о мукахъ агоніи? Вѣдь разговариваемъ-то мы съ вами, сидя въ больницѣ, сами больные, подъ угрозой смерти.

— Законъ страданій побѣжденъ,— отвѣтилъ я,—это значитъ: измѣнилось наше отношеніе къ страданіямъ. Возьмемъ примѣръ, самый къ намъ близкій. Возьмемъ болѣзнь, и спросимъ, какъ относится къ ней буддистъ, ветхозавѣтный еврей и какъ относится современный человѣкъ, то есть, вы или я. Буддистъ убивалъ въ своей душѣ желаніе здоровья и доходилъ до того, что не замѣчалъ въ себѣ дѣйствія болѣзни и такимъ образомъ побѣждалъ ее. Еврей приносилъ въ жертву за себя овцу или козленка, всею душою уходилъ въ молитву объ исцѣленіи, а если молитва не помогала, онъ видѣлъ въ болѣзни земную кару за грѣхи, освобождающую его отъ кары грядущей. Что-же дѣлаетъ современный человѣкъ по отношенію къ болѣзни? Спросимъ себя, какъ мы сами относимся къ своей чахоткѣ. Неужели мы не безусловно увѣрены въ томъ, что разумъ въ силахъ отыскать причину этой болѣзни и устранить

ее въ корнѣ и что все дѣло во времени: не сегодня, такъ завтра, не завтра, такъ черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ, но направленіе душевной дѣятельности неуклонно намѣчено навсегда. Конечно, и арабы, и греки знали кое-что про медицинское искусство, но они бродили въ потьмахъ, какъ до сихъ поръ бродитъ простой народъ, утверждающій, что надо надѣяться на Бога и самому не плошать. Нѣтъ, другъ мой, нельзя въ одно время и надѣяться, и не плошать. Истинная надежда не такъ говоритъ: „не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть и что вамъ пить, ни для тѣла вашего, во что одѣться". И надежда такъ говорить потому, что молчитъ увѣренность въ себѣ самомъ: „да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть?" Вы вотъ хотѣли молиться объ исцѣленіи. Скажите-же, въ помощь науки вы совсѣмъ потеряли вѣру?

— Еще сегодня утромъ,— отвѣтилъ больной, смущенно улыбаясь,— я вырѣзалъ изъ газеты сообщеніе о новомъ методѣ леченія посредствомъ подкожныхъ вспрыскиваній, открытомъ какимъ-то итальянскимъ профессоромъ. Если теперь поправлюсь, непремѣнно поѣду къ нему.

— Вотъ видите,—продолжалъ я. Въ созвѣздіи душевныхъ силъ загорѣлась новая звѣзда: самопомощь разума. Какъ-же вы хотите, чтобы прежнія силы не возмутились? Измѣнилось наше отношеніе не только къ природѣ, но и къ людямъ. Прежнюю вражду къ чужому замѣнило дружелюбіе, и оттого законъ войны побѣжденъ. Пусть народы вооружены съ ногъ до головы, но война перестала быть необходимостью. Мы уже живемъ подъ закономъ вѣчнаго мира, а война, какъ болѣзнь, какъ нищета, какъ рабство, какъ всѣ другія страданія, сохранилась, какъ нѣчто беззаконное, случайное, противное разуму. Тамъ, на вершинѣ духа, уже

страданія побѣждены и взошло солнце вѣчнаго счастья. Но здѣсь, въ долинахъ жизни, страданія еще существуютъ и даже, при развившейся чувствительности и сознаніи личности, какъ будто увеличились, какъ это бываетъ съ туманами, которые въ предъутренній часъ какъ будто растутъ, ибо начинаютъ двигаться и становятся видимыми. Въ этомъ смыслѣ страданія никогда не исчезнутъ и не должны исчезнуть, ибо тогда пресѣклась-бы задача жизни. Вѣроятно, съ устраненіемъ однихъ страданій возникнутъ другія, и въ вѣчномъ одолѣніи ихъ будетъ заключаться вѣчный подвигъ разума. Но ни къ кому другому, кромѣ собственнаго разума, отнынѣ не будетъ простираться рука человѣка за помощью.

— Видите-ли, другъ мой,—продолжалъ я послѣ нѣкотораго молчанія, мы теперь стоимъ на самомъ распутіи прошлаго и будущаго, притомъ стоимъ на мѣстѣ возвышенномъ, откуда видно на всѣ стороны. Несомнѣнно доказаннымъ мы можемъ считать одно: наша культура, устранившая законъ страданій, несовмѣстима съ религіей помощи и утѣшенія. Первая дѣлаетъ ненужной послѣднюю. Открытыми остаются передъ нами три дороги. Первая: отказъ отъ культуры и возвратъ къ прошлому. Вторая: отказъ отъ религіи и безусловное преклоненіе передъ культурой. Третья: отысканіе въ самой культурѣ началъ новаго религіознаго просвѣтленія.

Когда убыль высшихъ чувствъ стало сознаннымъ фактомъ нашего времени, философы и моралисты, встревоженные за будущее людей, но лишенные истинно творческой идеи, могли дать лишь одинъ совѣтъ: вернуться вспять. Назадъ, совѣтуетъ Толстой, къ деревенскому труду, къ жизни безъ медицины и поэзіи, внѣ разума и роскоши.—Назадъ, кричитъ Нитцше, къ древней жестокости, къ древнему рабству, къ жизни

внѣ любви и жалости.—Назадъ, вопіютъ хоромъ ревнители прежнихъ идеаловъ, романтики католицизма, назадъ къ недвижнымъ догматамъ, къ жизни внѣ мысли и свободы.

Не знаю, право, стоитъ-ли возражать всѣмъ этимъ вспять идущимъ. Не повернуть имъ назадъ колесо исторіи, какъ не задержать своимъ дыханіемъ прибой океана. Побѣды разума вѣчны уже потому, что устранить ихъ можно-было бы, лишь убѣдивъ въ ихъ безполезности самый-же разумъ. Возвратъ къ жестокости немыслимъ уже потому, что не благодѣтели человѣчества, а само человѣчество, сама презираемая толпа захотѣла счастья, свободы, богатства, знаній,— кто-же ей помѣшаетъ? Теперь и сила находится въ рукахъ толпы, такъ что и по демоническому ученію о правѣ сильнѣйшаго приходится служить всѣмъ людямъ. Ученія Толстого и Нитцше, это--стонъ больного человѣчества: ими оно свидѣльствуетъ о своей болѣзни и зоветъ о помощи противъ себя-же.

И вотъ передъ нами вторая дорога. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ царями современности, съ пророками культуры, съ проповѣдниками пользы и позитивнаго знанія, съ героями соціальной справедливости. Всѣ ихъ разнообразныя и многоименныя ученія могутъ быть сведены къ основному догмату, утверждающему, что человѣкъ для полноты своего счастія не нуждается ни въ какомъ другомъ благѣ, помимо благъ, даруемыхъ ему культурой. Еще въ области теоретическаго познанія, говорятъ они, понятіе о Богѣ можетъ быть сохранено, какъ непознаваемое начало міра. Но это Богъ—гипотеза, о которомъ можно мыслить, а не живое божество, открывающееся нашимъ чувствамъ— любви, надеждѣ, молитвѣ. А такъ какъ по ученію Канта (недаромъ среди пророковъ культуры одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ послѣдователь Канта — буйный Фейербахъ)

религія познается не теоретическимъ, а практическимъ разумомъ, то культура, удовлетворяющая нашимъ практическимъ потребностямъ, и есть истинная религія, а человѣческій разумъ, создавшій культуру, или, вѣрнѣе, самъ человѣкъ—истинное для себя самого божество. Если-же въ настоящее время счастіе культурныхъ классовъ еще далеко отъ идеала, то лишь потому, что это счастіе отравлено сознаніемъ чужого горя и соціальной несправедливости. Какъ только блага культуры будутъ справедливо распредѣлены между всѣми трудящимися, земля снова превратится въ эдемъ, но уже благопріобрѣтенный и неотъемлемый. Они не оспариваютъ существованія загробнаго міра, а лишь утверждаютъ, что человѣкъ, пользующійся земнымъ счастіемъ, не нуждается въ загробной жизни, которая всегда является, какъ суррогатъ плохой земной жизни. И вообще они въ области религіи не утверждаютъ и не отрицаютъ, а лишь отводятъ русло религіи въ сторону нашихъ практическихъ нуждъ.

Я долженъ сознаться, что твердыня, занятая фанатиками культуры, кажется мнѣ не только сильной, но со стороны разума прямо неприступной. Кто говоритъ: религія не нужна для моего счастія, тотъ дѣйствительно освободился отъ ея узъ, тотъ укрѣпился на высотѣ, которая господствуетъ надъ разумомъ. Итакъ, мы подошли теперь къ вопросу, отъ разрѣшенія котораго зависитъ жизнь или смерть религіознаго сознанія и судьба самой культуры. Для рѣшенія-же этого вопроса не требуется никакихъ отвлеченныхъ знаній, а единственное умѣніе прислушаться къ своему сердцу и сказать, что нужно для нашего счастія. Вопросъ о томъ, быть или не быть религіи, можетъ быть вынесенъ на общечеловѣческій форумъ и подвергнутъ общечеловѣческому голосованію.

На половину, какъ видно изъ сказаннаго раньше,

позитивисты правы: съ молитвой о дарованіи благъ или объ избавленіи отъ страданій человѣкъ, въ самомъ дѣлѣ, отнынѣ можетъ обращаться лишь къ собственному разуму и созданной имъ культурѣ. Этого не видятъ противники позитивистовъ и, нападая на все ихъ ученіе, терпятъ, конечно, пораженіе. Правда-же заключается въ томъ, что моралисты, всѣхъ утилитарныхъ и позитивныхъ толковъ, не столько плохіе мыслители, сколько плохіе психологи. Они провели жизнь въ кабинетѣ за книгами и по своимъ занятіямъ также мало компетентны въ вопросахъ о счастіи и страданіяхъ, какъ коллекціонеры марокъ или бухгалтеры. Поэты, художники, романисты—лучшіе знатоки человѣческаго сердца, и недаромъ всѣ они склоняются въ сторону религіознаго познанія. Такъ что, отводя русло религіи въ сторону практическаго разума, всѣ эти книжники и теоретики утилитарныхъ и позитивныхъ взглядовъ и мнѣній отводятъ себя самихъ, какъ судей въ дѣлѣ религіи. Но оставимъ личности и обратимся къ идеямъ.

Разумъ, создавшій культуру, устранилъ законъ страданій, но, разумѣется, только тѣхъ страданій, которыя устранимы, и создалъ блага, но, разумѣется, только такія, которыя достижимы. Остались еще страданія неустранимыя, присущныя міру явленій (имманентныя) не подвластныя разуму, и вотъ не для устраненія ихъ, а для примиренія съ ними намъ такъ же нужна религія безкорыстной любви, какъ нашимъ предкамъ нужна была религія помощи и утѣшенія. Вотъ эти неустранимыя научнымъ разумомъ страданія.

На первомъ мѣстѣ по напряженности и болѣзненности я-бы поставилъ сознаніе безцѣльности жизни, соотвѣтствующее неутолимой жаждѣ конечной цѣли. Говорю не столько о безцѣльности всей жизни и страхѣ смерти, ибо готовъ согласиться съ позитивистами въ томъ, что мелкія, опредѣленныя стремленія маскируютъ

отъ насъ безцѣльность всего существованія и что самый страхъ смерти ничто иное, какъ привязанность къ формамъ жизни. Я говорю именно о безцѣльности этихъ маленькихъ цѣлей и стремленій, о горькомъ осадкѣ разочарованія и обмана, накопляющемся въ душѣ по мѣрѣ того, какъ наши цѣли достигаются и надежды сбываются. Культура всѣми благами только питаетъ эту горькую неудовлетворенность души, которая, вырождаясь въ манію пессимизма, грозитъ намъ всеобщимъ безуміемъ. Надѣяться на то, что съ воцареніемъ соціальной справедливости эта болѣзнь исчезнетъ, значитъ утѣшаться пустыми словами. Абсолютная справедливость никогда не осуществится, а относительная уже осуществилась въ сравненіи съ прошлымъ, между тѣмъ дерево пессимизма въ наше именно время и выгнало свои ядовитые цвѣты. Скорѣе можно предполагать. что соціальныя надежды, по мѣрѣ своего осуществленія, сами будутъ оставлять въ душѣ горькій осадокъ безцѣльности, такъ что съ накопленіемъ счастья пессимизмъ будетъ расти. Это страданіе, будучи неустранимымъ. можетъ быть только примирено, и только примирено въ религіи, въ познаніи не-лживой, не-обманчивой, неземной цѣли, въ увѣренности, что въ основѣ явленій лежитъ не наша, а божественная воля, которая, никогда не осуществляясь, какъ явленіе, всегда управляетъ и руководитъ явленіями.

Вторымъ неустранимымъ страданіемъ жизни я считаю сознаніе всеобщаго неравенства, сознаніе неполноты своей личности и чужого превосходства, Пока человѣкъ трепеталъ подъ закономъ лишеній, онъ покорно гнулъ шею подъ ярмо касты, сословія, призванія, не замѣчая даже своего униженія. Но становясь сильнымъ и обезпеченнымъ, онъ желаетъ извѣдать полноту ощущеній, быть не участникомъ оркестра, а цѣлымъ оркестромъ, соединить въ своей личности центръ и окружность, власть и

любовь, первенство и равенство. Но силы отпущены людямъ не въ равномъ количествѣ. И вотъ въ результатѣ несоотвѣтствія между неутолимой жаждой полноты и безсиліемъ личности является разладъ души, столь мучительный, что современный человѣкъ радъ-бы вернуться къ покорному сознанію вандала, да не въ силахъ отказаться отъ своего культурнаго первородства. Каждой новой побѣдой культура раздуваетъ огонь личности, и безуміе индивидуализма, манія величія грозитъ превратиться въ повальную болѣзнь будущаго. И это страданіе, по всей природѣ неустранимое, можетъ быть разрѣшено и примирено только въ религіи. Подобно тому, какъ безцѣльность явленій замирялась сознаніемъ скрытой за явленіями мистической цѣли, такъ и съ неравенствомъ и неполнотой явленій личность можетъ мириться лишь черезъ познаніе лежащихъ въ основѣ явленій абсолютной полноты и абсолютнаго равенства, то-есть черезъ познаніе живаго Бога, принесшаго и приносящаго себя въ жертву равно для всѣхъ, сдѣлавшаго каждаго наслѣдникомъ своего величія и своей полноты.

Затѣмъ, третьимъ неустранимымъ страданіемъ жизни я считаю сознаніе каждымъ своей зависимости отъ благъ жизни, противорѣчащее жаждѣ неограниченной внутренней свободы. Искать этой свободы въ культурѣ значило-бы отъ меча спрятаться въ ножны, ибо, освобождая насъ политически и экономически, культура сама налагаетъ на насъ все новыя узы, и культурный человѣкъ зависитъ не отъ одного, но отъ тысячи, имъ самимъ увѣнчанныхъ властелиновъ, связанныхъ общностью своей безпощадной надъ нимъ власти. Не находя исхода въ разумѣ, жажда свободы также грозитъ выродиться въ безуміе, въ манію разрушенія и одичанія. При самомъ справедливомъ соціальномъ строѣ можно представить себѣ могучую волю, которая пожелаетъ разрушить этотъ строй, изъ пессимизма, изъ маніи вели-

чія, изъ маніи безвластія. Примиреніе между культурой и свободой можетъ совершиться только въ религіи, которая, не уничтожая культуры, какъ одного пути добра, противопоставитъ ей мистическое созерцаніе какъ другой путь добра, примиряющій съ первымъ и освобождающій отъ него.

И наконецъ, то, что объединяетъ всѣ религіи, жажда безсмертія и надежда на воскресеніе.

Но тутъ въ самомъ дѣлѣ кончается моя легенда, ибо мы стоимъ въ полномъ свѣтѣ мэонизма. Идя путемъ практическимъ, прислушиваясь къ голосу слѣпого чувства, мы пришли къ той же святынѣ, къ которой прежде привелъ насъ всевидящій разумъ. Въ новой религіи примиренія сохранились всѣ формы прежнихъ религій, но преображенныя. Осталась молитва, но не просящая ни объ удаленіи страданій, ни о дарованіи блага, а молитва безкорыстнаго восторга и примиренія со страданіями жизни, до забвенія ихъ. Остался мифъ, но не о блаженно живущихъ богахъ, а мифъ небесной печали, о безкорыстной жертвѣ, принесенной и приносимой изъ любви къ міру. Остался подвигъ, но не убивающій чувствительности къ страданіямъ, а подвигъ, освобождающій отъ земныхъ благъ, разрѣшающій узы потребностей блаженствомъ созерцанія. И замѣтьте, какъ поразительно это одновременное созрѣваніе плодовъ разума и чувства, о которомъ я говорилъ вамъ раньше. Въ прежніе вѣка, когда для высшаго счастья нужна была святыня помощи и утѣшенія, божество открывалось разуму съ характеромъ идола, видимаго или невидимаго, но живущаго въ мірѣ и вмѣшивающагося въ ходѣ явленій. Нынѣ же, когда для счастья нужна святыня примиренія и свободы, божество открывается и теоретическому разуму съ характеромъ безусловной противоположности міру явленій и невмѣшательства въ его судьбы.

— Да, все это странно и поразительно, послѣ мол-

чанія произнесъ мой другъ. У Гейне гдѣ то я вычиталъ, что люди больше не создадутъ новой религіи, за отсутствіемъ у нихъ фантазіи. Оказывается, что у него самого не достало фантазіи представить себѣ религію, которая будетъ создана самыми потребностями жизни, безъ участія чьей-либо личной фантазіи. А еще поразительнѣе то, что позитивисты, толкуя вѣчно о реальномъ и полезномъ, такъ плохо умѣютъ наблюдать реальную жизнь. Вѣдь разладъ культуры, о которомъ вы говорите, не мечта, а уже сбывшійся фактъ.

— Къ сожалѣнію, это такъ,—отвѣтилъ я. Законъ житейскихъ удобствъ для многихъ уже замѣнилъ законъ прежнихъ страданій и привелъ къ тупости и самодовольству. На нашихъ глазахъ уже образовалась сытая и образованная чернь изъ лавочниковъ и профессоровъ, изъ писателей и велосипедистовъ, исповѣдующихъ религію комфорта и спорта, культъ чистоплотности и гимнастики. Позитивисты, однако, надѣются на силу соціальной справедливости, которая будто бы облагородитъ эту чернь. Они пребываютъ въ какомъ то основномъ заблужденіи, дѣлающемъ всѣ ихъ ученія праздными. Заблужденіе это заключается въ увѣренности, будто человѣчество стремится къ счастью. Нѣтъ, не къ счастью стремится жизнь, какъ къ своей послѣдней цѣли, а къ высшему счастью, не къ простому довольству, а къ какому то сложному переживанію, къ сліянію земного съ неземнымъ, къ просвѣтлѣнію чувственнаго лучемъ мистическаго. Прежде мистическій лучъ пронизывалъ страданія земли, теперь онъ преобразитъ блага культуры. Но безъ этого сліянія нѣтъ красоты душевной. Если представить себѣ, что комфортъ станетъ удѣломъ всѣхъ, что каждый рабочій будетъ ѣздить на собственномъ велосипедѣ, носить чистое бѣлье и читать газеты, что наконецъ каждый будетъ работать велосипеды и бѣлье на всѣхъ и всѣ на каждаго, то всетаки, вмѣстѣ взятые, они

образуютъ самодовольную чернь, а не благородное человѣчество. Повѣрьте: фактъ изгнанія бѣдныхъ сибиряковъ не случайность. Это маленькій, но очень яркій цвѣточекъ на стеблѣ культуры. Практикуемыя ради пользы и комфорта, даже справедливость, даже любовь, даже героизмъ теряютъ свое благоуханіе и облагораживающую силу. Вы, конечно, знаете, до какой абсурдной жестокости договорился Спенсеръ, обсуждая съ точки зрѣнія пользы и комфорта вопросъ о призрѣніи бѣдныхъ. Новая исторія уже знаетъ цѣлое псевдо-идеалистическое движеніе, когда сотни тысячъ людей шли на геройскій подвигъ, безъ живой любви въ душѣ. Я говорю о борьбѣ американцевъ за отмѣну невольничества, о борьбѣ, вызванной не любовью къ неграмъ,—ихъ одинаково презирали и сѣверяне, и южане—но любовью къ своему душевному комфорту, несовмѣстимому съ существованіемъ рабства. Если же слова о любви къ людямъ наполняютъ насъ благоговѣніемъ, то потому, что мы разумѣемъ любовь мистическую, завѣщанную намъ Христомъ, а не утилитарную ея поддѣлку. И не только любовь къ людямъ, но сама религія, пріемлемая ради душевнаго комфорта, безъ любви къ Богу становится пошлостью.

— Однако, прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ, я знаю движеніе, несомнѣнно идеалистическое, хотя все оно совершилось подъ знаменіемъ утилитарныхъ идей. И вы его знаете.

— Вы говорите о нашемъ русскомъ практическомъ идеализмѣ,—отвѣтилъ я. О великомъ движеніи, начавшемся съ шестидесятыхъ годовъ. Сознаюсь вамъ, что и для меня въ немъ есть нѣчто загадочное. Какъ бываетъ скрытая теплота, такъ, можетъ быть, существуетъ скрытая религіозность. Въ нашемъ нигилизмѣ было даже нѣчто подвижническое. Но разсчитывать долго на этотъ скрытый идеализмъ опасно: онъ можетъ испариться,

какъ разъ въ ту минуту, когда онъ всего болѣе нуженъ. Въ русскомъ человѣкѣ, независимо отъ того, стоитъ-ли онъ сознательно за религію или противъ нея, еще кипитъ избытокъ силы, заставляющій его относиться съ презрѣніемъ къ культу комфорта и спорта. Мы еще часто поступаемъ во вредъ себѣ и не умѣемъ сдерживать свой кашель, не заботясь о томъ, мѣшаемъ-ли кому-нибудь спать или нѣтъ. Избытокъ силъ рождаетъ жажду подвига. У насъ самое простое дѣло, мытье въ банѣ, превращается въ подвигъ: люди задыхаются въ атмосферѣ кипѣнія и прямо съ полка бѣгутъ на дворъ и бросаются въ кучу снѣга. Повѣрьте: эти подвиги во имя чистоплотности совершаются потому, что мы еще живемъ подъ закономъ грязи. Когда къ намъ заглянетъ истинная чистоплотность, героическій полокъ замѣнится прозаической губкой и тазомъ тепловатой воды. То же самое и въ области духа. Мы еще любимъ и жаждемъ безкорыстнаго подвига, потому что мы безправны, бѣдны и невѣжественны. Но по мѣрѣ того, какъ мы будемъ просвѣщаться, и у насъ явятся фарисеи культуры и рядомъ съ ними фарисеи совѣсти, разные теоретическіе человѣколюбцы, которые засядутъ въ газетахъ и журналахъ и, торгуя человѣколюбіемъ, оплывутъ жиромъ самодовольства и тупости.

— Но всего этого можетъ и не быть,—сказалъ мой другъ, если раньше побѣдитъ ваша истина.

Я не ожидалъ этихъ словъ и долго молчалъ.

— Признаться вамъ,—отвѣтилъ я наконецъ, я не задумывался надъ тѣмъ, побѣдитъ-ли моя истина и какъ свершится эта побѣда. Но грусть духовнаго одиночества я испыталъ до конца. Вѣдь большинство людей до сихъ поръ пребываетъ подъ закономъ страданій и коснѣетъ въ язычествѣ. А изъ тѣхъ, кто отъ этого закона освободился, великое большинство, вслѣдствіе-ли теоретическихъ заблужденій или по низменной своей природѣ

пристало къ культу комфорта. Мнѣ больно высказать вслухъ, но я боюсь, что для многихъ и весьма многихъ, для полнаго ихъ счастія, ничего, кромѣ удобствъ жизни, не нужно. Прежде, когда религія держалась на утѣшеніи страданій, мы видимъ, что народъ, толпа тѣсно жмется къ жертвенникамъ, самые безпомощные ближе всѣхъ, а поодаль стоятъ немногіе избранники, ибо страданія были удѣломъ всѣхъ, а счастіе немногихъ. Боюсь, что наступаетъ время, когда безбожіе станетъ настроеніемъ большинства, а любящіе Бога образуютъ небольшую, послѣднюю аристократію земли. Но объ этомъ вслухъ какъ то странно говорить. Вмѣсто Бога какъ будто прославляешь себя самого. Наступаетъ, быть можетъ, время, когда религіозные люди изъ скромности будутъ скрывать свое превосходство и узнавать другъ друга по тайному знаку. Всѣ же самодовольные будутъ узнаваться по знаку явному. Ни умъ, ни знаніе, ни талантъ не сотрутъ съ нихъ врожденнаго клейма, и кто будетъ нападать на религію, тотъ этимъ самымъ докажетъ свою принадлежность къ низшей расѣ.

А можетъ быть, обо всемъ этомъ не слѣдуетъ ни говорить, ни думать. Вѣдь истина сама по себѣ такая безконечность, что почти безразлично, будетъ-ли она помножена на единицу или на милліарды. Кто же борется за истину, тотъ долженъ помнить, что если его истина—грядущій свѣтъ, то за него само восходящее солнце. Каждый мигъ ростетъ число лучей, и каждый новый лучъ — новая стрѣла въ борьбѣ за его истину. Безъ этой надежды слѣдовало бы возненавидѣть культуру. Я же люблю ее и праздную, какъ личный праздникъ, каждую побѣду науки или соціальной справедливости. Предоставленная самой себѣ, культура привела бы людей не въ новый эдемъ, а въ обширный огородъ, окруженный стоячимъ болотомъ самодовольства. Но культура—единственно вѣрный фундаментъ для религіи

безкорыстной любви, и за это да будетъ она благословенна. Она освободитъ людей отъ позора нищеты и рабства. Подумайте, все человѣчество свободно, а рабами сдѣлались силы природы: „И се ангелы приступили и служили ему“. Ангелы, живущіе въ водѣ, въ лучахъ солнца, въ электричествѣ, и тысячи ангеловъ, имени которыхъ мы еще не знаемъ. Такъ же ясно, какъ вотъ теперь васъ, я вижу это будущее царство земной радости, когда каждый лучъ солнца, и взмахъ вѣтра, и ударъ волны будутъ служить на пользу и довольство людямъ. Тогда, быть можетъ, и большинство обратится къ религіи примиренія, и всѣ поймутъ, что Сверхчувственнаго нельзя просить о дарованіи чувственныхъ благъ и что невидимые дары мистическаго разума, дары примиренія, свободы, безсмертія и суть единственно вѣрные и нетлѣнные. Тогда, быть можетъ, жизнь снова превратится въ мистерію и божественное происшествіе, и люди снова извѣдаютъ гармонію греческой красоты и блаженство христіанскихъ экстазовъ. Не о мистическомъ-ли именно разумѣ думалъ Спаситель, когда говорилъ ученикамъ: „и Я умолю Отца, и дастъ вамъ другого Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ, Духа истины, котораго міръ не можетъ принять, потому что не видитъ его и не знаетъ его“. Но все это мечты о будущемъ. Однако, надѣюсь, что на вашъ вопросъ, молиться-ли объ исцѣленіи, я теперь далъ вамъ обстоятельный отвѣтъ.

— Вы больше сдѣлали, — произнесъ больной, вы исцѣлили меня и повели за собой на высоту, откуда видно восходящее солнце. Благословляю этотъ вечеръ, даже если онъ послѣдній въ моей жизни.

— Вѣрьте моему предчувствію, — отвѣтилъ я ему. Мы не раньше разстанемся съ вами, чѣмъ не обойдемъ всѣ три круга мэонической истины,—ученіе, легенду и путь жизни,—и не будетъ сказано послѣднее слово.

Я распрощался съ Владиміромъ Ивановичемъ и вышелъ въ пустынный корридоръ. Больница глубоко спала и было очень тихо. Но кровь моя была возбуждена, и мнѣ казалось, что въ моей груди бьется не мое, а чье-то большое радостное сердце, и я, улыбаясь, говорилъ себѣ, что это—сердце счастливаго и просвѣтленнаго человѣчества.

Разговоръ пятый.

I.

Послѣ холодной, невѣрной весны наступило наконецъ лѣтнее тепло, щедрое, всеблагое. Гора, на которой расположена наша санаторія, обсохла отъ тумановъ и закуталась въ зелень и въ благоуханіе. Хотя здѣшніе врачи въ своихъ книгахъ утверждаютъ, что чахотка легче излечивается въ сыромъ, закаляющемъ климатѣ Германіи, чѣмъ подъ изнѣживающими лучами итальянскаго солнца, однако теперь, съ наступленіемъ жаркихъ дней, они ободрились и гонятъ больныхъ въ зелень, на свѣтъ солнца. Мы всѣ покупаемъ складныя кресла, удобныя для лежанія, и послѣ обѣда происходитъ всеобщее переселеніе изъ галлерей въ паркъ. Всѣ дороги и лужайки пестрятъ импровизованными постелями, на которыхъ нѣмцы возлегаютъ цѣлыми колоніями, а англичане попарно или въ одиночку. Владиміръ Ивановичъ неузнаваемъ. Онъ оправился отъ простуды, не лихорадитъ и даже слегка прибавился въ вѣсѣ. Мы облюбовали на ближайшей лужайкѣ мѣсто подъ сосной, защищающей насъ отъ солнца, и проводимъ тамъ большую часть дня. Въ тонѣ нашихъ разговоровъ произошла какая-то очень тонкая и важная перемѣна. То неуловимое сопротивленіе, то легкое упираніе, которое я до сихъ поръ чувствовалъ въ мысляхъ и словахъ своего собесѣдника, теперь безслѣдно исчезло. Въ чемъ-то самомъ большомъ и завѣтномъ онъ безповоротно со мною согласился, и теперь я могу спокойно идти впередъ,

зная, что онъ за мною слѣдуетъ съ такимъ же спокойнымъ довѣріемъ. Я сталъ замѣчать, что съ каждымъ разомъ бесѣды эти доставляютъ намъ все больше внутренняго удовлетворенія. Насъ не покидаетъ чувство правоты и неразрывной съ нею радости.

Стоялъ палящій послѣобѣденный зной. Больные, лежа на раскидныхъ стульяхъ въ тѣневой части деревьевъ и подъ защитою зонтиковъ, не просто отдыхали, а съ величайшею дисциплиною не мѣшали отдыхать другъ другу, чтобы въ условленный часъ—ровно въ четыре— всѣмъ сразу проснуться и продолжать прерванное сномъ благодушно-дешевое времяпрепровожденіе. Мы съ Владиміромъ Ивановичемъ пріютились въ тѣни душистыхъ хвойныхъ вѣтвей, по временамъ передвигая свои стулья и медленно, вслѣдъ за солнцемъ, по направленію часовой стрѣлки, вращаясь вокругъ своей сосны. Слишкомъ яркое солнце обезцвѣчивало всѣ краски и только клумбы съ кровавой розанелью пламенѣли неестественно ярко, напоминая страстное слово, вдругъ прозвучавшее среди всеобщаго оцѣпененія. Я первый прервалъ молчаніе.

— Эта жизнь въ саду, сказалъ я, напоминаетъ мнѣ дѣтскія мечты о раѣ. Меня всегда занималъ вопросъ о томъ, зачѣмъ Богъ посадилъ среди рая дерево жизни, если отъ плодовъ его никто не ѣлъ? Но въ нашемъ человѣческомъ раю, насажденномъ нашими собственными трудами и неотъемлемомъ, мы всѣ ѣдимъ отъ этихъ плодовъ. Въ нашемъ раю дерево познанія добра и зла называется наукой, а дерево вѣчной жизни — религіей. Это удивительное дерево отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что оно цвѣтетъ чрезвычайно рѣдко, чуть-ли не одинъ разъ въ тысячу лѣтъ. Фальшивые цвѣты, вѣрнѣе, цвѣтущая плѣсень, въ видѣ безчисленныхъ сектъ и ересей, непрестанно окутываетъ его стволъ и вѣтви, и весьма часто этотъ яркій мохъ и плѣсень принимаются за новые цвѣты. Создаются безпрерывно новыя религіи,

но всѣ онѣ погибаютъ вмѣстѣ со своими творцами и раньше ихъ. Мнѣ вообще кажется, что истинная религія не создается, или не такъ создается, какъ произведеніе искусства или какъ научная теорія. Очень медленно и гдѣ-то на большой глубинѣ ветшаютъ и разлагаются ткани старой религіи и складываются ткани новой. Необходимо, чтобы перерожденію подверглись самыя основныя отношенія души къ міру и къ себѣ самой. И еще необходимо, чтобы совершенно кончилась переходная пора броженій и чтобы новое содержаніе души пришло въ устойчивое равновѣсіе. И когда весь этотъ тайный процессъ окончился, когда цвѣтъ и строй души измѣнились, достаточно одного вдохновеннаго слова, одного порыва чистаго сердца, чтобы на деревѣ вѣчной жизни внезапно расцвѣлъ и вспыхнулъ тысячелѣтній цвѣтокъ.

— И я знаю,—съ улыбкой отвѣтилъ мнѣ Владиміръ Ивановичъ,—что по вашей мысли время расцвѣта уже близко.

— Да,—отвѣтилъ я,—такова моя увѣренность. Въ противоположность многимъ, называющимъ наше время вѣкомъ отрицанія и безбожія, я, наоборотъ, чувствую, что мы живемъ наканунѣ величайшаго духовнаго праздества, на которомъ присутствовать дано только избраннымъ поколѣніямъ. Люди и книги нашихъ дней окружены атмосферой чего-то утонченно-религіознаго, какъ будто тысячелѣтній цвѣтокъ, раньше чѣмъ распуститься, уже наполнилъ своимъ ароматомъ небо и землю.

— А матеріализмъ нашихъ дней?—прервалъ меня мой собесѣдникъ. А то, что вы зовете культомъ комфорта и спорта? И вообще вся наша газетно-рекламно-биржевая культура,—неужели все это окружено атмосферой религіозности?

— Вы мнѣ указываете,—отвѣтилъ я,—на толпу, на гніющую почву, а я говорю о цвѣтахъ, питающихся этой

почвой. То, что называется современной культурой, купля и продажа мнѣній и чувствъ, маскирующихъ грубую чувственность, все это, конечно, презрѣнно и вызываетъ гнѣвъ и негодованіе. Но исключительно гнѣваться и негодовать на людей можетъ только тотъ, кто въ узорахъ человѣческихъ судебъ не провидитъ рисунка божественнаго. Люди творятъ и пишутъ много лжи, но сами они—іероглифы, которыми написана истина. И когда этотъ скрытый рисунокъ мелькнетъ передъ нами, наше отношеніе къ узору жизни мѣняется, и даже грубая чувственность, и даже грубый матеріализмъ зажигаются внутреннимъ лучемъ. Я хорошо знаю, что прежняя религіозность выдохлась въ людяхъ, что новая еще не народилась, но я чувствую, что она нарождается. Можетъ быть, преждевременно говорить о новой религіи, ибо для рожденія религіи необходимо, что въ кругъ божественныхъ идей еще вступила личность, обаятельная своимъ существомъ и своей судьбой. Но религія безъ личности, новое религіозное міросозерцаніе несомнѣнно у порога. Всѣ элементы, изъ которыхъ оно создается, уже налицо. Мы сами не знаемъ, какъ прекрасна стала наша жизнь. На тѣхъ же улицахъ, въ тѣхъ же домахъ, гдѣ хлещетъ волна культурной пошлости, живутъ мечтатели и труженики, которые, не сговорившись между собою и даже часто не сознавая цѣли своихъ трудовъ, готовятъ священные предметы для будущаго служенія. И въ этой полусознательности залогъ ихъ великой искренности.

— Отъ вашихъ словъ вѣетъ большою вѣрою въ людей,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ.

— Чѣмъ пристальнѣе я вглядываюсь въ современныя сумерки,—отвѣтилъ я,—тѣмъ явственнѣе выступаютъ передо мною какія-то вѣчныя черты. Каждая религія даетъ намъ два верховныхъ блага, безъ которыхъ жизнь была бы хаотично-мутна. Во-первыхъ, религія даетъ намъ мистическое оправданіе міра, объясненіе

страданій и зла и примиреніе съ ними въ легендѣ о Богѣ, а во-вторыхъ, верховный законъ нравственной дѣятельности. Легенда и путь жизни—вотъ два хлѣба, созерцательный и практическій, которые религія предлагаетъ своимъ дѣтямъ. Легенда, это то верховное благо жизни, которое не отъ міра сего, которое, какъ свѣтъ солнца, какъ дыханіе, дается людямъ даромъ, безъ ихъ усилій и заслугъ, по благости божіей и созерцается въ одной только вѣрѣ (или увѣренности), безъ участія жертвы или подвига. Передъ божественной легендой всѣ равны, и религія, какъ легенда, сама не признаетъ ни добра ни зла, ни праведника, ни грѣшника, но всѣмъ свѣтитъ одинаково. Религія, какъ путь жизни, отрицаетъ войну, но она же, какъ мистическое примиреніе со зломъ, сопровождаетъ обоихъ противниковъ на поле битвы и какъ бы сама съ собою сражается. Религія, какъ законъ нравственности, отвергаетъ убійство, но она, какъ легенда о творцѣ міра, сопровождаетъ убійцу на ступени эшафота и цѣлуетъ его въ искривленныя предсмертной судорогой уста. Религіозная легенда воплощаетъ въ себѣ самый строй человѣческой души, и уже подъ строгимъ надзоромъ этой легенды строится другое благо религіи, то, которое отъ міра сего и содержитъ верховный нравственный законъ.

И вотъ я не только утверждаю, что мы такъ-же нуждаемся въ мистическомъ примиреніи съ жизнью и высшемъ законѣ нравственности, какъ наши отцы и предки, но я увѣренъ, что это примиреніе и законъ въ насъ уже живы и только ждутъ своего выраженія. У насъ свой собственный душевный строй и перенесенная на берега Ганга, въ Элладу, въ Іудею наша душа звучала бы не въ униссонъ съ жившими тамъ душами. Наша душа настроена для новой легенды и новой морали, и въ пантеонѣ религіознаго познанія имѣетъ право на собственный придѣлъ.

Прислушайтесь къ строю своей души и скажите, правъ-ли я. Во всѣ времена человѣкъ мирился со страданіями и зломъ жизни въ идеѣ объ искупленіи. Жизнь принималась, какъ первородный грѣхъ или первобытное зло, которые человѣкъ долженъ искупить страданіями и въ этой вѣрѣ таилось двойное примиреніе: со зломъ, которое ведетъ къ радости искупленія,—со страданіями, которыми оно искупается. Причину первобытнаго зла религіозная легенда прозрѣвала въ волѣ міровой, а первороднаго грѣха въ волѣ человѣческой. Буддизмъ считалъ зломъ самую волю къ жизни, законъ причинности, силу созиданія, весь трудный, обманчивый путь Sansara и ни въ чемъ, кромѣ искупленія, не находилъ утѣшенія. „Какъ великое море, ученики, проникнуто однимъ вкусомъ, вкусомъ соли, точно также, ученики, и это ученіе проникнуто только однимъ вкусомъ—-вкусомъ искупленія“. Греческая легенда сняла съ человѣка часть великой тяжести и рядомъ съ безжалостной судьбой, виновницей нашихъ бѣдствій, сдѣлала властелинами жизни прекрасныхъ, счастливыхъ боговъ, если и не воодушевленныхъ любовью къ людямъ, то благожелательныхъ и уступчивыхъ. Еврейская легенда шла еще дальше; она совершенно сняла съ Бога отвѣтственность за страданія жизни и всецѣло возложила ее на человѣка, который собственнымъ грѣхомъ изгналъ себя изъ рая блаженства и осудилъ на страданія. Примиреніе заключалось въ сознаніи своей личности (если страдать, то по своей волѣ) и возможности замолить первородный грѣхъ передъ всеблагимъ Богомъ. Христіанство и тутъ превратило робкое мерцаніе въ ослѣпительный свѣтъ. Никто иной, какъ самъ Богъ, изъ безкорыстной любви къ людямъ, беретъ на себя ихъ грѣхи и собственными страданіями искупаетъ ихъ. По отношенію къ христіанской легендѣ слова „примиреніе съ жизнью“ кажутся блѣдными и незначущими. Она устраняетъ грѣхъ и

освящаетъ страданія, которыя добровольно вкусилъ Господь изъ любви къ міру. Искупленная отъ первороднаго грѣха, искупанная въ священной крови Бога, душа не только освобождается отъ тяжести первобытной вины, но становится легче всего, что на землѣ, пріобрѣтаетъ неудержимое стремленіе къ небу. Прежняя цѣль страданій—необходимость искупленія—исчезла, и жизнь окрылилась новою цѣлью—добровольнымъ желаніемъ подражать Богу. Жить, какъ жилъ воплотившійся Господь, страдать, какъ страдалъ Господь, любить, какъ любилъ Господь.

— Здѣсь въ самомъ дѣлѣ конецъ пути,--воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Конечно, отвѣтилъ я. Въ христіанской легендѣ таились блага, которыя лишь медленно могли быть усвоены душою и претворены въ кровь жизни, и одному Богу извѣстно, когда и какъ совершался этотъ таинственный процессъ. Но онъ совершился, и вотъ современный человѣкъ съ изумленіемъ сознаетъ, что онъ не только считаетъ первородный грѣхъ уже искупленнымъ, но что самое понятіе о грѣхѣ какъ-то испарилось въ немъ, безслѣдно улетучилось, какъ облако, которое еще недавно было прекрасно тѣмъ, что отражало лучи солнца, а теперь навсегда растаяло среди красоты лазури. Такое отрицаніе грѣха, какъ я сказалъ, сокровеннымъ зерномъ уже заложено было въ христіанской легендѣ. Вѣдь что такое вся христіанская легенда, какъ не вѣра въ непостижимую любовь Бога къ міру, столь безпредѣльную, что Богъ, движимый ею, приноситъ Сына Своего въ жертву Себѣ Самому за созданный Имъ міръ на алтарѣ этого же міра. Искупленіе отъ грѣха раскрывается здѣсь, какъ искупленіе отъ возможности грѣха. Жертва Агнца предназначена Отцомъ еще прежде созданія міра, и моментъ Голгоѳы сливается воедино съ днемъ міросозданія. Уже изъ рукъ любвеобильнаго Отца

міръ вышелъ искупленный отъ возможности грѣха и очищенный божественною жертвой.

Впрочемъ, нужно сознаться, что современный человѣкъ рѣдко мыслитъ связь между своимъ душевнымъ строемъ и религіозными легендами прошлаго. Но понятіе о грѣхѣ, какъ о чемъ то отъ вѣка запретномъ и подлежащемъ искупленію, какъ-то потеряно имъ, какъ то вышло изъ его сознанія. Еще менѣе мы постигаемъ первобытный грѣхъ. Оглядываясь на отдаленнѣйшее прошлое вселенной, мы не открываемъ момента, когда бы на нее могло лечь это грѣховное пятно. Міръ въ состояніи разрѣженной газообразной матеріи былъ чистъ отъ грѣха. Но и появленіе на землѣ органической жизни, трепетъ перваго сердца, открытіе первой пары глазъ не было паденіемъ, а, наоборотъ, первою ступенью въ той лѣстницѣ, которая ведетъ къ богопознанію. И, поднимаясь со ступени на ступень, отъ слѣпой прожорливости червя до кротости умирающаго Сократа, мы постоянно видимъ совершенствованіе и какъ бы присутствуемъ при какомъ то вселенскомъ солнечномъ восходѣ. Мы не можемъ отказаться отъ увѣренности, что исторія міра есть повѣсть не о паденіи, но о возникновеніи и ростѣ. Возможно, что со временемъ она превратится въ повѣсть объ упадкѣ и умираніи, но если старость и смерть сами по себѣ не грѣхъ, то невозможно указать, что же собственно должно быть названо грѣхомъ въ исторіи жизни.

II.

— Сознаюсь, — сказалъ послѣ раздумья Владиміръ Ивановичъ,—что понятіе о грѣхѣ выпало также изъ моего сознанія. Въ прежніе годы, когда я столько силы тратилъ на развратъ и на игру, я часто думалъ объ этомъ. Бывало, сознаю, что гибну, что какое-то низшее существо во мнѣ тянетъ меня въ омутъ. Хочу проти-

виться, упереться, но подъ ногами нѣтъ опоры, потому что знаю, что въ низкихъ желаніяхъ этого низшаго существа нѣтъ грѣха. Ему отрадно напиться и непотребничать,—во имя чего стану я отказывать ему въ наслажденіи, въ которомъ нѣтъ грѣха? Но какъ совмѣстить все это? Нѣтъ грѣха, а есть зло. Нѣтъ грѣха, а есть преступленіе, преступная воля, звѣрская жестокость, коварство и сопровождающее ихъ чувство стыда и муки. И, конечно, есть страданія.

— Все это существуетъ,—отвѣтилъ я,—и зло, и преступленіе, и страданія. Но съ душевнымъ мракомъ случилось тоже самое, что съ мракомъ физическимъ. Въ древности, для того, чтобы объяснить чередованіе свѣта и темноты, люди должны были допустить существованіе двухъ силъ, свѣтлой и темной, которыя борятся между собою и поочередно одолѣваютъ одна другую. Современная же наука признаетъ только силу свѣта; особенной силы темноты физика не изучаетъ, а темнота понимается какъ сравнительно скудный свѣтъ. Тоже самое произошло въ мірѣ нравственномъ. Болѣе глубокое изученіе духовной жизни убѣдило насъ, что движущая сила духа только одна — сила божественнаго свѣта, сила добра, сила разума. Міръ, купленный при самомъ своемъ рожденіи божественною жертвою, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ поприщемъ растущаго добра. Но это условіе добра—его ростъ и совершенствованіе—необходимо предполагаетъ различныя степени его—отъ самой низкой до самой высокой. И вотъ низшая степень добра, въ сравненіи съ высшими, кажется намъ зломъ и преступленіемъ, тѣмъ большимъ зломъ, чѣмъ больше путь, который душа сдѣлала, возвращаясь, падая съ высшихъ ступеней добра къ низшимъ, уже когда то пройденнымъ ею или другими. Подобно тому, какъ яркій источникъ свѣта является причиною тѣней, такъ самая природа добра обусловливаетъ необходи-

мость зла. И кто дѣйствительно любитъ добро жизни, тотъ уже какъ-то поневолѣ примирился съ ея зломъ. Вотъ это полное отреченіе, почти невѣдѣніе грѣха и взглядъ на зло, какъ на подчиненное начало жизни, какъ на тѣневую часть въ яркомъ рисункѣ мірозданія,— все это я и называю новымъ строемъ современной души, отличающимъ насъ отъ всѣхъ ранѣе жившихъ на землѣ.

— Въ этомъ примиреніи со зломъ,—сказалъ мой собесѣдникъ,—есть что-то и грустное. Оно какъ бы обезсиливаетъ волю и мѣшаетъ намъ бороться съ тѣмъ, что мы сами признаемъ зломъ.

— Едва-ли это такъ,—возразилъ я.—Мнѣ кажется, что, развѣнчавъ зло, мы этимъ самымъ лишили его прежней власти надъ душою. Въ средніе вѣка аскетизмъ, напрягая всѣ силы на борьбу съ грѣхомъ, видѣлъ въ дьяволѣ самостоятельное начало міра, недремлющаго врага, могучаго соблазнителя. И, окружая его ореоломъ силы, хотя бы и злой, аскеты неожиданно для себя создали культъ сатанизма, черную мессу и шабашъ вѣдьмъ, ибо гдѣ сила, тамъ человѣкъ ставитъ алтарь и поклоняется. Аскеты на каждомъ шагу побѣждали бѣса, но онъ въ свою очередь одерживалъ побѣды, и люди праведной жизни посредствомъ заклинаній изгоняли его то изъ одного, то изъ другого грѣшника. Мы же, признавая только силу свѣта и добра, сразу изгнали бѣса изъ всего человѣчества, нѣкогда имъ одержимаго, изъ всѣхъ міровъ, изъ всей вселенной, изгнали не только въ будущемъ, но и прошедшемъ. Нѣтъ, не двумя творцами созданъ міръ, не вмѣстѣ Сатаніиломъ и Богомъ, а единымъ Богомъ. Злая воля не участвовала въ актѣ творенія. Богъ любви есть отецъ и свѣтовъ, и тѣней, и тамъ, гдѣ онъ царитъ, нѣтъ мѣста для царя тьмы. Мы побѣдили древняго врага тѣмъ, что перестали съ нимъ бороться и обратились въ сторону свѣта.

Но вы правы, говоря, что въ отрицаніи грѣха есть

грустная сторона. Прежде, когда цѣль жизни заключалась въ искупленіи первороднаго грѣха, можно было не только стремиться къ этой цѣли, но и достигать ея. Человѣкъ могъ надѣяться, что, исполняя законъ Бога, онъ умилостивитъ его гнѣвъ. Но съ устраненіемъ понятія о грѣхѣ цѣлью жизни становится само божественное добро, или, вѣрнѣе, исканіе Бога въ мірѣ, и тутъ человѣкъ чувствуетъ, что онъ стоитъ на краю какой-то свѣтлой бездны. Мы стремимся къ какой-то верхней площадкѣ, господствующей надъ міромъ, но подъ нашими ногами лишь ступени да ступени. Онѣ всѣ освящены тѣмъ, что ведутъ на эту завѣтную площадку, но, увы, вѣчно ведутъ и никогда не приводятъ. Есть что-то несоизмѣримое между нами и горящей передъ нами божественной цѣлью. Міръ, стремящійся къ свѣту и свѣтъ, влекущій міръ, разносущны, и кто позналъ эту истину, тотъ уже никогда не освободится отъ безнадежной и неисцѣлимой грусти. Мнѣ кажется, что эта несоизмѣримость уже дана въ христіанской легендѣ и только въ нашемъ сознаніи достигла большей ясности. Когда еврейскій законъ былъ замѣненъ завѣтомъ любви, цѣлью жизни уже не могло остаться замаливаніе грѣха передъ Богомъ, ибо самъ Богъ „явился для уничтоженія грѣха жертвою своею". Не угожденіе Богу и не умилостивленіе Его, а подражаніе Ему—вотъ отнынѣ цѣль человѣка. „Итакъ, подражайте Богу, какъ чада возлюбленныя". „Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ". Но поставленная такимъ образомъ передъ человѣкомъ цѣль оказалась несоизмѣримой съ его природой. Ибо хотя Сынъ Божій вочеловѣчился, но Онъ принялъ на себя лишь страданія плоти, а не ея грѣхи: „въ Немъ нѣтъ грѣха". Мы же, люди, „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха, обманываемъ самихъ себя и истины нѣтъ въ насъ". Такимъ образомъ и по христіанской легендѣ грѣшный долженъ

подражать Тому, въ Комъ нѣтъ грѣха, что дѣлаетъ цѣль нашихъ стремленій безконечно высокой, но недостижимой.

Мы должны признать несоизмѣримость между нами и нашею цѣлью. Но для того, чтобы вполнѣ опредѣлить то, что я называю строемъ современной души, я долженъ прибавить, что безнадежная грусть, сопряженная съ сознаніемъ этой несоизмѣримости, по природѣ своей свѣтлая, похожая на примиряющую грусть древней трагедіи и ничего не имѣетъ общаго со скорбью или отчаяніемъ. Въ строѣ современной души оптимизмъ и пессимизмъ стремятся къ равновѣсію и сліянію. Подобно тому, какъ въ пѣснѣ рабъ, влюбленный въ царицу, всего больше любитъ въ ней ея недоступность, такъ и мы, сознавая недостижимость нашей жизненной цѣли, тѣмъ болѣе любимъ ее, чѣмъ выше цѣнимъ. Въ своей гордости мы полагаемъ, что только цѣли столь высокія, что ихъ достиженіе является невозможнымъ, и достойны насъ. Въ своемъ смиреніи мы полагаемъ, что цѣли, односущныя съ нами, не стоили бы того, чтобы къ нимъ стремиться. Мнѣ кажется, если бы намъ дали всеобъясняющую науку безъ ея роковыхъ ignorabimus, благодушное искусство безъ трагическихъ диссонансовъ и уравновѣшенный общественный строй безъ скрытыхъ въ немъ катастрофъ, мы перестали бы любить жизнь. Надъ самымъ жалкимъ нашимъ шалашомъ простирается бездонное небо, и подъ самой ничтожной цѣлью какая-нибудь нравственная бездна. Не знаю, возможенъ-ли міръ, не окруженный безднами, но нашъ міръ ими окруженъ, и мы за это такъ болѣзненно его любимъ.

Таковъ душевный строй современнаго человѣка, выразившійся во многихъ сторонахъ дѣйствительной жизни, напримѣръ, въ новомъ отношеніи къ преступной волѣ и системѣ наказаній, но всего ярче въ искусствѣ. Какимъ безсильнымъ показался бы намъ теперь худож-

никъ, который возвелъ бы зло въ самостоятельное начало жизни, и, рисуя падшихъ и преступныхъ, не открылъ бы въ ихъ душѣ луча добра, не любилъ бы ихъ самъ и не заставилъ бы насъ полюбить ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ жалкимъ показался бы онъ, если бы сталъ изображать добро, какъ нѣчто достигнутое и самодовольное. Великая грусть жизни и еще большая любовь къ жизни, примиренiе со всякимъ зломъ во имя добра и развѣнчанiе всякаго добра во имя недостижимаго богоподобiя,—вотъ формула нашихъ настроенiй въ жизни и искусствѣ. Настроенная такимъ образомъ душа современнаго человѣка не найдетъ себѣ мѣста ни въ одномъ изъ донынѣ воздвигнутыхъ храмовъ. Пришло время и намъ поставить свой алтарь и зажечь свою лампаду передъ ликомъ Вѣчнаго. Пришло время свести наши кажущiяся противорѣчiя къ верховному примиряющему синтезу, который не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ религiозной легендой. И я повторяю, что эта легенда не должна быть открыта или измышлена, ибо она уже таится въ нашемъ сознанiи и лишь ждетъ внѣшняго выраженiя, образа, слова.

– И это внѣшнее выраженiе найдено въ легендѣ мэонической,—полу-подтвердилъ, полу-спросилъ Владимiръ Ивановичъ.

— Мнѣ кажется, да,—отвѣтилъ я. По крайней мѣрѣ я нахожу въ мэонической легендѣ если не разрѣшенiе всѣхъ загадокъ жизни, то объясненiе ихъ неразрѣшимости, если не избавленiе отъ смерти, то сознанiе ея разумной необходимости, если не избавленiе отъ страданiй, то ихъ освященiе. Когда я созерцаю легенду о Единомъ, Который въ актѣ безкорыстной любви создалъ множественный мiръ и для этого принесъ въ жертву свое единство, когда я въ глубинѣ своей души открываю, что Единый, принесши себя въ жертву на алтарѣ мiра, воскресъ въ этомъ мiрѣ, какъ священная его цѣль,

всегда влекущая и никогда не достижимая, какъ единственная его надежда, желанная и несбыточная,—я чувствую преображеннымъ и себя, и весь міръ, и мною овладѣваетъ почти блаженное спокойствіе. Все окружающее меня становится для меня символомъ божественной любви, я замираю среди океана свѣта. Изъ всѣхъ религіозныхъ легендъ легенда мэоническая кажется мнѣ наиболѣе не отъ міра сего. Ибо она не только не требуетъ отъ меня никакого усилія воли или подвига, но сама даетъ мнѣ примиреніе со всѣми несовершенствами. Она взноситъ меня на такую высоту, что я оттуда вижу свою собственную жизнь такою, какою солнце видитъ землю—всегда освѣщенною. Пусть мои силы ничтожны, пусть воля моя влачится въ грязи и съ трудомъ ведетъ за собою опьяненную отъ лѣни и сна мысль. Не все-ли равно, какой волной плеснула моя душа въ океанѣ жизни, большой или ничтожной, свѣтлой или мутной, когда я могу созерцать то, что теперь созерцаю, и говорить слова, которыя теперь произношу. Въ такія минуты мнѣ лишь хотѣлось бы сдѣлать свое примиреніе чувствомъ всеобщимъ и открыть всѣмъ живущимъ, что самое совершенное въ мірѣ это—его кажущееся несовершенство. И если бы возможно было, я бы хотѣлъ шепнуть слово примиренія не только живущимъ, но и жившимъ ранѣе насъ. Подобно тому, какъ въ прежнія времена во имя злобы откапывали кости умершихъ и предавали ихъ сожженію, такъ мнѣ во имя любви хотѣлось бы постучаться во всѣ могилы и шепнуть скрытымъ въ нихъ: напрасно вы сокрушались о своихъ грѣхахъ, напрасно трепетали въ ожиданіи возмездія. Не было грѣха, и не будетъ возмездія, а была, есть и будетъ мистерія святой жертвы, и святого воскресенія, мистерія, въ которой мы всѣ одинаково участвуемъ, какъ ни различны наши роли. Но не знаю, право, понятно-ли то, что говорю. Вѣдь я еще не раскрылъ предъ вами, что такое

мэоническая легенда и даже не показалъ, какъ она рождается въ душѣ.

III.

— Обо всемъ этомъ я догадываюсь, хотя, можетъ быть, смутно,—отвѣтилъ Владимiръ Ивановичъ.—Но пока вы говорили, я спрашивалъ себя, не идеализируете-ли вы людей? Нужна-ли имъ вообще религiозная легенда? Нуждаются-ли вообще люди помимо жизни еще въ примиренiи съ жизнью? Говорю не объ исключительныхъ натурахъ, но о среднемъ человѣкѣ. Вотъ всѣ они (и онъ указалъ рукою на спящихъ больныхъ) и я, и всѣ, кого я зналъ—развѣ кто-нибудь заботится о примиренiи или объ оправданiи жизни? Пока жизнь улыбается, она и безъ того желанна, и мириться съ нею излишне. Когда же насъ обступаютъ страданiя, мы стараемся побѣдить ихъ и вернуться къ прежнему довольству. А если надежды не осталось на побѣду, то не все-ли равно, примиримся-ли мы съ безнадежностью или нѣтъ? Я вполнѣ принимаю все, что мы говорили о нашемъ духовномъ строѣ, но ваша религiозная легенда кажется мнѣ роскошью духа, прекрасной и нужной лишь немногимъ избраннымъ. Если она не отъ мiра, то и не для мiра. Другое дѣло верховный законъ нравственности. Онъ всѣмъ нуженъ, какъ хлѣбъ, и если ваше религiозное мiросозерцанiе способно дать такой законъ, мы благословимъ васъ. Скажите, какъ надо жить, что нужно дѣлать,—не только по человѣчески, но и по божески, и мы пойдемъ за вами.

— Я глубоко несогласенъ съ вами,—отвѣтилъ я, относительно безполезности религiозной легенды, и объясняю вашъ взглядъ только тѣмъ, что легенда дѣйствуетъ на духъ непрерывнѣе и незамѣтнѣе, чѣмъ нравственный законъ. Воздухъ такъ же необходимъ для тѣла, какъ и хлѣбъ, но мы этого не сознаемъ, потому что дышемъ

постоянно и незамѣтно, а пищу принимаемъ два-три раза въ день и видимъ ее. Безъ религіозной легенды, безъ высшаго примиренія и оправданія, если и возможна жизнь, то скудная и случайная. Конечно, блага жизни желанны сами по себѣ, и кто истомился жаждою, тотъ будетъ съ чувствомъ блаженства пить воду, не думая о первородномъ грѣхѣ и о возмездіи. Но повѣрьте, эти мысли о грѣхѣ, о возмездіи, о причинѣ зла, о смыслѣ страданій, всѣ эти отвлеченно-религіозныя мысли мелькаютъ въ душѣ вашей чаще, чѣмъ вы сами это сознаете. По поводу ничтожной встрѣчи или воспоминанія, среди дѣлового разговора или наединѣ, вы вдругъ спрашиваете себя о цѣли вселенной, о смыслѣ провидѣнія, и если вы въ эти безъимянныя мгновенія не находите отвѣта на свои вѣчные вопросы, вашей душѣ грозитъ медленное удушье въ видѣ усталости или озлобленія, или огрубѣнія,—не знаю, что хуже. Дать современнымъ людямъ возможность молиться, не заимствуя молитвы у другихъ поколѣній, значитъ брызнуть въ нихъ живой водой. Одного нравственнаго закона, одной истины отъ міра сего мало. Нравственный законъ — это твердый путь жизни, но душа слишкомъ часто устаетъ среди пути и тогда ей нужно мягкое отдохновеніе, нужна легенда не отъ міра сего. Сверхъ того, легенда важна тѣмъ, что подъ ея-же вліяніемъ выростаетъ самый нравственный законъ. Легенда показываетъ намъ міръ въ его покоѣ, какъ воплощеніе божественной цѣли, какъ вѣчную гармонію свѣтовъ и тѣней. Нравственный законъ показываетъ каждому человѣку путь, ведущій отъ тѣней къ свѣту. Божественнная цѣль легенды становится человѣческою цѣлью въ законѣ.

И вотъ объ этомъ нравственномъ законѣ,—второмъ и подчиненномъ элементѣ религіи--можно сказать то-же, что о легендѣ. Мы нуждаемся въ новомъ нравственномъ принципѣ, который не былъ-бы заимствованъ

у другихъ поколѣній и отвѣчалъ-бы нашему душевному строю. Однако, и тутъ рѣчь идетъ не о томъ, чтобы измыслить, заново создать какую-то новую мораль. Наоборотъ, я утверждаю, что элементы новой морали уже существуютъ въ нашей жизни и лишь должны быть освѣщены въ сознаніи и выдѣлены въ ясно выраженный верховный законъ всей нашей дѣятельности. Считаю нужнымъ оговориться, что подъ новой моралью я вовсе не разумѣю перерѣшенія вѣковѣчнаго спора объ эгоизмѣ и альтруизмѣ. Законъ ветхаго и новаго завѣта о любви къ ближнему кажется мнѣ даннымъ на всѣ времена, и „доколѣ не прейдетъ земля и небо, ни одна іота и ни одна черта не пройдетъ изъ этого закона, пока не исполнится все". Этотъ завѣтъ доказалъ, что между эгоизмомъ и альтруизмомъ нѣтъ принципіальнаго противорѣчія, ибо ближняго велѣно любить какъ самого себя, и поступать съ нимъ такъ, какъ мы хотимъ, чтобы онъ поступалъ съ нами. Но этимъ-же завѣтомъ показано, что въ рѣшеніи верховнаго вопроса морали: „что есть благо?" отношеніе къ ближнему играетъ второстепенную, служебную роль. Ближнему я долженъ доставлять то, что я самъ для себя считаю благомъ, слѣдовательно первичный вопросъ о томъ, что такое благо, я рѣшаю не съ ближнимъ, а прежде всего съ самимъ собою, предъ лицомъ живущаго во мнѣ Бога и своей совѣсти. При созиданіи основныхъ опредѣленій морали, я по необходимости долженъ считать себя единственнымъ въ мірѣ субъектомъ, а всѣ остальныя явленія и всѣхъ людей—объектами моей воли. Лишь твердо укрѣпившись въ этой позиціи единственнаго субъекта моральныхъ благъ, я уже могу стать на мѣсто своего ближняго, то-есть мысленно помѣняться съ нимъ мѣстами. Умертвивъ ближняго, изъ мести или корысти, убійца поступаетъ безнравственно, ибо онъ этимъ поступкомъ доказываетъ, что считаетъ

для себя жизнь благомъ. Но побѣжденный германецъ, предпочитавшій убить жену и дѣтей, чѣмъ отдать ихъ въ рабство побѣдителю, и затѣмъ умерщвлявшій самого себя, поступалъ нравственно. Въ обоихъ этихъ случаяхъ опредѣленіе нравственности или безнравственности произвольное, служебное, въ зависимости отъ того, что каждый самъ для себя считалъ благомъ. Вотъ по отношенію къ этому основному вопросу: „что есть благо" я и говорю о новой морали современныхъ людей. Этотъ вопросъ мы рѣшаемъ не такъ, какъ наши предки, и поэтому мы вправѣ сказать, что живемъ подъ инымъ нравственнымъ закономъ, чѣмъ они.

На вопросъ: „что такое благо?" вся современность прежде всего въ одинъ голосъ отвѣчаетъ, благо это—возможно полное удовлетвореніе возможно большаго числа потребностей. Что такое потребности, мы знаемъ по непосредственному показанію чувствъ. Есть потребности плоти и духа, разума и воли, и перечислять ихъ теперь я не стану. Богатство, знаніе, свобода, слава,—таковы тѣ главныя блага, къ удовлетворенію которыхъ стремится современная жизнь на всѣхъ путяхъ своей неукротимой, многообразной дѣятельности. Бездушный рантье и герой, жертвующій собою ради общаго блага, живутъ подъ однимъ и тѣмъ-же моральнымъ закономъ удовлетворенія потребностей. Оба они считаютъ богатство, знаніе, свободу абсолютными благами, но эгоистъ желаетъ ихъ для себя, а герой для народа или для человѣчества. Къ прежнимъ потребностямъ герой прибавляетъ новую потребность въ сочувствіи людей, въ ихъ одобреніи, любви,—въ этомъ утонченнѣйшемъ изъ всѣхъ положительныхъ благъ жизни. Въ стремленіи къ удовлетворенію эгоизмъ не особый путь, но начало, низшая ступень того-же пути, который ведетъ къ солидарности и любви, и Ницше, будто-бы открывшій на этомъ пути удовлетворенія двѣ самостоятельныхъ мо-

рали—мораль господъ и мораль рабовъ, впалъ въ великое философское заблужденіе или, вѣрнѣе, повторять основную ошибку Спенсера, тоже говорившаго объ эгоистахъ и альтруизмѣ, какъ о двухъ разныхъ законахъ любви. Въ дѣйствительности-же эгоизмъ и альтруизмъ представляютъ двѣ ступени одной и той-же морали удовлетворенія. Героическій идеалъ древней Греціи также естественно завершился завѣтомъ всеобщей любви и жалости, какъ одностороннее теченіе рѣки естественно переходитъ въ многообразное волненіе моря. Эта связь между эгоизмомъ и жалостью была постигнута еще Гомеромъ и она-то объединяющей идеей легла въ основу его вѣчной поэмы. Сравните первую пѣсню Иліады, въ которой Ахиллесъ изъ личной мести безжалостно бросаетъ на произволъ судьбы своихъ друзей, съ послѣдней пѣснью, въ которой тотъ-же Ахиллесъ проникается жалостью къ врагамъ, и вы убѣдитесь, что уже подъ стѣнами Трои прозвучало шопотомъ то слово, которое потомъ на весь міръ прогремѣло въ нагорной проповѣди. Впрочемъ, теперь мы ведемъ рѣчь только о современности. Скажите-же, долженъ-ли я привести вамъ доказательства того, что наша современность вся безъ остатка воодушевлена идеаломъ удовлетворенія потребностей, долженъ-ли я указать на науку, видящую въ борьбѣ за существованіе главный стимулъ жизни, на развитіе промышленности, на культъ комфорта, на демократизмъ, стремящійся къ уравненію благъ, на все, что есть въ наше время мелкаго и возвышеннаго, пошлаго и самоотверженнаго? Или мое утвержденіе не нуждается въ доказательствахъ?

— Для меня оно слишкомъ очевидно,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Вѣрю вамъ, — сказалъ я, — это наружное теченіе нашей морали, въ самомъ дѣлѣ, очевидно и какъ-то безспорно. Конечно, во всѣ времена люди стремились

къ удовлетворенію потребностей, но въ наши дни стремленіе это достигло такой полноты, о которой нашимъ предкамъ не снилось. Отдѣльный человѣкъ сдѣлался цѣлью всѣхъ вещей, а на общество и государство мы стали смотрѣть, лишь какъ на средства къ достиженію этой цѣли. Всѣ основы прежней морали, всѣ устои государственные и общественные оказались подпорками и пристройками рядомъ съ великимъ фундаментомъ индивидуализма. Сверхъ того, идеалъ удовлетворенія расширилъ свою власть, охвативъ ею все человѣчество. Въ созиданіи благъ, въ приложеніи труда наступило великое раздѣленіе и дифференціація; въ пользованіи-же благами совершился процессъ объединенія, и скромный рабочій въ наши дни не только стремится быть причастнымъ ко всѣмъ благамъ науки и искусства, но еще мечтаетъ участвовать въ управленіи судьбами міра. Наконецъ, идеалъ удовлетворенія оправданъ въ сознаніи людей, съ него смыто древнее клеймо грѣховности, и нужно сознаться, что въ этомъ подвигѣ освященія жизненныхъ благъ великую роль сыграла положительная наука и проповѣдь матеріализма. Возводя матерію въ верховный принципъ міра, положительная наука, повидимому, какъ-бы воюя съ идеализмомъ, на самомъ дѣлѣ расширила область идеальнаго, обожествивъ тотъ элементъ міра, который донынѣ считался низшимъ и грѣховнымъ. Все это даетъ намъ право сказать, что, несмотря на тяготѣніе всѣхъ вѣковъ къ идеалу удовлетворенія, только въ наше время этотъ идеалъ достигъ полноты и сталъ всеобщимъ закономъ морали, и по объему власти, и по внутренней санкціи.

Но тотъ, кто идеалъ удовлетворенія счелъ-бы единственнымъ закономъ нашей морали, обнаружилъ-бы полное непониманіе современной души. Подъ этимъ наружнымъ и безспорнымъ теченіемъ морали скрывается другое теченіе, столь-же всеобщее и могучее, въ которомъ

и вы, и я, и всѣ мы принимаемъ участіе, но если я опредѣлю его, вы непремѣнно усомнитесь и захотите со мною спорить. Второй идеалъ морали, владѣющій всѣми нами, какъ среди пустыни неотступная мечта о водѣ, это—жажда отказаться отъ всѣхъ потребностей, отречься отъ богатства, знаній, свободы и славы, жажда нищеты, невѣдѣнія, добровольнаго подчиненія, безвѣстнаго одиночества, чистоты, безстрастія. Вотъ я вижу, что вы собираетесь задать мнѣ рядъ вопросовъ: гдѣ, когда, въ чемъ сказался этотъ идеалъ отреченія? Я самъ отвѣчу вамъ на нихъ. Идеалъ этотъ прежде всего сказался въ той области, въ которой живутъ и цвѣтутъ всѣ идеалы,— въ литературѣ, но онъ проявляетъ наклонность привиться и къ практической жизни. Особенно пышнымъ цвѣткомъ идеалъ отреченія распустился въ русской литературѣ, немедленно послѣ созданія ея Пушкинымъ. Самъ Пушкинъ былъ слишкомъ стихійно-гармоничный и цѣльный художникъ, для того, чтобы въ его душѣ преобладало какое-нибудь отдѣльное настроеніе. Но уже у первыхъ наслѣдниковъ его стихотворнаго и прозаическаго генія— у Лермонтова и Гоголя—неземная пѣсня объ отреченіи заглушаетъ всѣ остальныя ихъ слова и молитвы. Лермонтовъ прямо начинаетъ свое творчество съ пѣсни ангела о „блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ", о душѣ, которая „долго на свѣтѣ томилась" на тяжеломъ пути земныхъ, измѣнчивыхъ желаній и удовлетвореній и была полна „чуднымъ желаніемъ" иного пути. Эту пѣсню Лермонтовъ поетъ до конца своихъ дней, убѣждая плачущую душу „быть къ земному безъ участья", ничего не ожидая и не жалѣя и лишь горя желаніемъ „забыться и заснуть". Гоголь пошелъ дальше. Онъ не только искалъ свободы и покоя, но и обрѣлъ ихъ, добровольно принялъ на себя самую тяжелую ношу подвижничества— голодную смерть. Достоевскій всю жизнь воспѣвалъ радость страданій и смиренія, и его дѣятельность похожа

на готическій храмъ, который, упираясь фундаментомъ въ грязную землю—въ своеволіе и распущенность карамазовщины—возносится въ чистое небо отреченія двумя ажурными башнями—образомъ старца Зосимы и Алеши. О Толстомъ и говорить излишне. Его „Крейцерова Соната“, проповѣдующая свободу отъ желаній, не только художественное произведеніе, но и уставъ цѣломудренной жизни, и дѣйствіе этой книги на современниковъ было оттого такъ сильно, что проповѣдь, заключенная въ ней, упала на сердца, и безъ того истомленныя жаждой отреченія. И вотъ поразительное явленіе: тѣ изъ нашихъ писателей, въ творчествѣ которыхъ нота отреченія звучала слабо, почти забыты, не смотря на свой даръ, и слава ихъ тускнѣетъ на нашихъ глазахъ, между тѣмъ какъ другіе, мечтавшіе „о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ“, пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все больше власти надъ душами. Въ литературѣ европейской идеалъ отреченія сказался не такъ откровенно, какъ у насъ, но зато гораздо глубже, въ міровой скорби и непримиримомъ пессимизмѣ всѣхъ романтиковъ и реалистовъ, и въ мечтаніяхъ новыхъ школъ. Но помимо смутныхъ мечтаній искусства, жажда „свободы и покоя“ выразилась тамъ и въ яркихъ построеніяхъ философіи, и если кто нибудь усомнился-бы во внутренней связи между пессимизмомъ и аскетическимъ идеаломъ, то достаточно напомнить ему имя Шопенгауера. Вы спросите меня: имѣлъ-ли этотъ идеалъ отреченія вліяніе на дѣйствительность? Сознаюсь, на этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Какъ сосчитать мечты людей, не оставившихъ слѣдовъ въ искусствѣ и въ философіи? Мнѣ кажется, нѣтъ въ мірѣ культурнаго человѣка, кто тайно не вздыхалъ-бы о цѣломудріи и безстрастіи. Во всякомъ случаѣ, относительно русскаго интеллигента можно навѣрно сказать, что послѣ мечты о народномъ благѣ, вторая мечта его, это—уйти изъ города, опроститься, отказаться отъ

благъ культуры, стать цѣломудреннымъ, жить въ святости и отреченіи.

— У меня никогда не было другой мечты, кромѣ этой, — страстно воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ. — Въ пору самаго буйнаго разгула я мечталъ о чистотѣ. И жена моя, и всѣ женщины, съ кѣмъ я сталкивался, всегда вздыхали о чистотѣ. Но мы не знали, какъ, живя въ мірѣ, уйти изъ міра. И какъ странно, что безъ вашихъ словъ я-бы умеръ, не вспомнивъ о мечтѣ всей своей жизни.

— Люди, подобно дѣтямъ, нуждаются въ томъ, чтобы раньше исполненія ихъ желаній открыли имъ, въ чемъ эти желанія состоятъ. По тѣни и прохладѣ истосковалась душа современная, вотъ какъ въ эту минуту проситъ тѣни наше тѣло. Помните, мѣсяцъ тому назадъ, когда весь этотъ садъ былъ окутанъ въ дождь и сумерки, когда поневолѣ приходилось весь день лежать въ тѣни,—помните, какъ мы мечтали о солнцѣ. А теперь солнце стоитъ надъ нашей головой и мы добровольно ищемъ тѣни. То-же случилось съ душой. Пока надъ людьми тяготѣла тѣнь нищеты, невѣжества, рабства, они молились о благахъ культуры и когда эти блага надъ ними засіяли, человѣчество стало молиться о тѣни, о добровольномъ отреченіи, о добровольномъ воздержаніи. Молитва о тѣни! Мнѣ кажется, я слышу, какъ всѣ народы поютъ ее, передаютъ напѣвъ другъ другу и снова вступаютъ въ него. Конечно, мечта объ аскетизмѣ родилась не съ нами и было время —въ древней Индіи и у насъ въ средніе вѣка,—когда подвижничество привлекало къ себѣ всѣ лучшія силы. Но въ наше время мечта объ отреченіи возродилась въ новомъ, еще не бываломъ сочетаніи. Въ прежніе вѣка аскетизмъ постигался, какъ страданіе, искупающее грѣхи міра, какъ бѣгство отъ міра, какъ проклятіе міру. Мы-же жаждемъ чистоты, не какъ искупающаго страданія, а какъ воз-

рождающей высшей радости. Въ наше время не можетъ быть рѣчи ни о вѣчномъ обѣтѣ, ни о разлукѣ съ міромъ. Мы молимся о тѣни, не проклиная солнца культуры. Прислушайтесь къ пророческимъ словамъ Лермонтова, и вы поймете мою мысль. Въ состояніи свободы и покоя онъ не отворачивается ни отъ природы, ни отъ любви: забывшись и уснувши, онъ все-же хочетъ, чтобы надъ нимъ пѣлъ „сладкій голосъ про любовь“ и „шумѣлъ темный дубъ“. Монастырскій затворъ вовсе не совпадаетъ въ его мечтахъ съ достиженіемъ „чуднаго желанія“. Тамара въ стѣнахъ монастыря отдается блаженству любви, а Мцыри бѣжитъ изъ монастыря, какъ изъ тюрьмы, на свободный просторъ...

Особенность нашей морали заключается въ томъ, что оба идеала — удовлетворенія и отреченія — кажутся намъ равносильными, равноцѣнными, равножеланными, между тѣмъ какъ въ прежніе вѣка мірской идеалъ всегда считался подчиненнымъ аскетическому и освящался лишь какъ уступка человѣческой слабости, какъ законъ жизни для низшихъ натуръ, не могущихъ вмѣстить высшаго подвига. Въ нашемъ-же сознаніи удовлетвореніе—такой-же подвигъ, какъ отреченіе, и отреченіе—такое-же благо, какъ удовлетвореніе, и, можетъ быть, мы оттого и мечтаемъ о свободѣ и покоѣ, чтобы на свободѣ и въ покоѣ отдохнуть усталой душой и еще больше полюбить на время покинутый міръ, и еще страстнѣе, чѣмъ прежде, „ждать и желать“:

> Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
> Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ.

Но, спросите вы меня, развѣ возможно, чтобы душа подчинялась двумъ равнымъ силамъ, двумъ равноцѣннымъ идеаламъ, влекущимъ ее въ противоположныя стороны? Не осуждена-ли она въ такомъ случаѣ на неподвижность, на безразличіе, на смерть? Съ равнымъ правомъ могли-бы вы спросить: развѣ возможно, чтобы

тѣло, находясь на окружности, въ одно и то-же время стремилось къ центру и стремилось отъ центра? Не осуждено-же оно на вѣчную косность покоя? Однако, движенія всѣхъ небесныхъ тѣлъ, вся гармонія неба основана на томъ, что тѣла подчиняются одновременно силѣ центростремительной и силѣ центробѣжной. Вотъ почему мы, подчиненные новому закону морали, уже чувствуемъ себя тѣсно въ прежнихъ формахъ жизни. Великая сила индивидуализма сказалась и тутъ. Если есть два идеала добра, то мнѣ мало служить одному изъ нихъ, утѣшая себя мыслью, что другой идеалъ воплощается въ жизни моего сосѣда. Нѣтъ, я долженъ воплотить и осуществить всю полноту добра въ своей собственной единой жизни. Прежнее мірское прозябаніе и монастырское затворничество кажутся мнѣ равно одностороннею, насильственною убылью духа, низкимъ полетомъ съ однимъ пришибленнымъ крыломъ. На обоихъ крыльяхъ, въ обладаніи всѣхъ своихъ силъ хочетъ подняться современная душа къ источнику радости. Вы видите, что насколько мэоническая легенда погружала насъ въ квіэтизмъ и всепримирсніе, настолько законъ морали понуждаетъ насъ къ пересмотру и перестройкѣ всѣхъ формъ жизни. Но какъ совмѣстить два начала, которыя донынѣ считались противоположными? Въ какія формы выльется нравственность новыхъ людей, впервые сознательно понявшихъ равноцѣнность двухъ моральныхъ силъ? Въ какія взаимныя сочетанія вступятъ удовлетвореніе и отреченіе, бодрствованіе и сонъ желаній, страсть и безстрастіе? Все это вопросы практической морали будущаго. Однако раньше, чѣмъ ломать и строить, нужно начертить точный планъ будущаго зданія. Надѣюсь, вы теперь видите, что все то—новое и смутное, что сложилось въ современномъ нравственномъ чувствѣ, должно быть выяснено передъ сознаніемъ. Оба идеала нравственности должны быть сведены къ высшему единству,

которымъ не можетъ быть ничто иное, какъ единая цѣль міра, какъ религіозная легенда о Единомъ.

— Такъ вотъ что означаетъ мэоническое ученіе о двухъ путяхъ добра! — воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.—Мнѣ кажется, что только теперь я начинаю ясно видѣть ваши намѣренія.

— Я нарочно открылъ вамъ свои тайныя намѣренія,— отвѣтилъ я,—чтобы вы могли читать въ моей душѣ и заранѣе видѣть, по какому пути я васъ поведу. Цѣль моя—показать, какъ во внутреннемъ откровеніи разума возникаетъ религіозная легенда о Единомъ и какъ въ Единомъ примиряются оба пути добра. Душевное состояніе современнаго человѣка, выбивающагося изъ силъ въ погонѣ за благами жизни и въ то-же время разочарованнаго въ благахъ жизни, я считаю опаснымъ и близкимъ къ безумію. Оно должно быть просвѣтлено и замирено въ высшей истинѣ. Но вы видите, что я все не рѣшаюсь приступить къ изслѣдованію самой истины и отъ одного предисловія перехожу къ другому и все стараюсь примирить васъ съ разумомъ, ибо знаю, какъ у насъ боятся разума и отвлеченныхъ разсужденій. Но не пора-ли, наконецъ, устремиться намъ прямо къ цѣли? Вѣдь нельзя-же владѣть истиной, не родивъ ее въ своей душѣ?

— А мнѣ казалось,—возразилъ Владиміръ Ивановичъ,—что мы и до сихъ поръ уже идемъ прямымъ путемъ къ цѣли. Никакія отвлеченныя разсужденія не помогли бы мнѣ ярче сознать всегда во мнѣ жившее стремленіе къ чистотѣ и отреченію, чѣмъ ваши слова. Скажите: неужели теперь поздно? Хотя бы на одинъ мѣсяцъ, на одну недѣлю передъ смертью добровольно пострадать и очиститься? Помогите мнѣ и въ этомъ.

— Пока мы живы,—отвѣтилъ я,—никогда не поздно стремиться къ богоподобію. Я согласенъ вамъ помочь и самъ вижу въ васъ помощника и друга. Вотъ мы оба

стоимъ среди человѣчества, уже обладающаго новою истиною, но не знающаго объ этомъ, терзаемаго отчаяніемъ, близкаго къ безумію. Дадимъ же обѣтъ другъ другу искать истины не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Тотъ путь, который откроется нашей мысли, пусть также станетъ путемъ нашего подвига. Но будемъ осторожны и не дадимъ волѣ слишкомъ рано принять власть надъ душою. Въ поступкѣ мысль и чувство костенѣютъ и созрѣваютъ для смерти. Будемъ поступать такъ, какъ будто отъ нашего опыта зависѣла участь самой истины.

Въ это время больные стали просыпаться, и раздались голоса и смѣхъ. Хотя мы говорили на чужомъ для нихъ языкѣ, но предметъ разговора казался намъ столь завѣтнымъ, что мы не рѣшились продолжать его при свидѣтеляхъ, даже не понимавшихъ насъ, и замолчали, размышляя о внезапно принятомъ великомъ рѣшеніи.

Разговоръ шестой.

I.

Рано утромъ горничная принесла мнѣ письмо отъ Владиміра Ивановича. Я вынулъ изъ конверта нѣсколько листиковъ почтовой бумаги, исписанныхъ карандашемъ чрезвычайно мелкимъ и четкимъ почеркомъ и прочелъ слѣдующее:

„Теперь третій часъ ночи, ужасный для меня часъ, когда я—вотъ уже два мѣсяца—просыпаюсь всегда въ одно и тоже время, какъ будто отъ толчка, весь въ поту, изможденный, съ ноющей болью въ груди и рукахъ, съ туманомъ въ головѣ и столь слабый, что отъ слабости не въ состояніи ни читать, ни думать, ни даже плакать и жаловаться самому себѣ, а долженъ неподвижно лежать до утра и чувствовать, какъ смерть разливается по всему тѣлу. Можетъ быть, хорошо, что я такъ слабъ, ибо на что сталъ-бы я расходовать свою силу, какъ не на страданія? Но вотъ вы видите, я побѣдилъ свою слабость и пишу вамъ, пишу съ легкостью, которой самъ не понимаю. Какая-то сила, которая долго во мнѣ дремала, вдругъ проснулась. Проснулась, благодаря вамъ, мой другъ, мой учитель.

Случилось это вчера, когда вы говорили со мною о двухъ путяхъ, ведущихъ къ правдѣ. Вы уже не разъ пытались посвятить меня въ эту истину, но вчера въ первый разъ я вдругъ понялъ васъ, не однимъ разумомъ, а всѣмъ существомъ. Быть можетъ, понялъ не по-философски, а по-житейски, не вообще, а лично для

себя, но тѣмъ искреннѣе и глубже. Другъ мой! Какое-то безкорыстное желаніе зажглось въ моемъ сердцѣ и сожигаетъ меня. Хочу искупленія и обновленія, хотя-бы передъ смертью.

Вчера, оставшись наединѣ послѣ бесѣды съ вами, я сказалъ себѣ: нужно спѣшить, потому что не только дни, но и часы мои сочтены. Если есть выходъ изъ грозной, грязной дѣйствительности, если есть дверь, ведущая къ подвигу отреченія и святости, нужно раскрыть эту дверь какъ можно скорѣе,—сегодня, сейчасъ. И я оглянулся на себя, чтобы узнать, осталось-ли у меня еще что-нибудь, отъ чего я могъ-бы добровольно отречься. О, Боже, какъ мало осталось! Я не могу отречься отъ радостей любви, отъ роскоши жизни, отъ всѣхъ удовольствій, которыя мы называемъ грѣшными и которыя такъ безспорно, такъ понятно отрадны, не могу, потому что все это противъ моей воли уже отнято у меня болѣзнью, отнято самой судьбою. Что-же остается мнѣ? Въ лучшемъ случаѣ два мѣсяца неподвижнаго прозябанія, а какъ удовлетвореніе потребностей — завтракъ и обѣдъ, два стакана молока и нѣсколько ложекъ лекарства. Вотъ и все. И когда я подвелъ этотъ грустный итогъ, у меня въ первую минуту отъ отчаянія опустились руки. Но вскорѣ я принялъ рѣшеніе. Нечего дѣлать, если у меня осталось только нѣсколько недѣль жизни, нѣсколько завтраковъ и обѣдовъ, то отъ нихъ-то и нужно отречься. И эта мысль потрясла все мое существо: то былъ долго сдавленный, затоптанный во мнѣ, какъ онъ затоптанъ въ каждомъ изъ насъ, восторгъ святости.

Можетъ быть, раньше, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, мнѣ слѣдовало посовѣтоваться съ вами, но я спѣшилъ и къ тому-же чувствовалъ, что долженъ всю отвѣтственность нести на себѣ. И вотъ я про себя произнесъ обѣтъ отреченія, который теперь повторяю передъ вами.

Знаю, что жертва моя ничтожна и со стороны даже можетъ показаться смѣшной. Не все-ли равно, буду-ли я, полуживой человѣкъ, питаться или заморю себя голодомъ? И все таки я твердо рѣшилъ ускорить конецъ. То маленькое пространство, тотъ шагъ, который меня отдѣляетъ отъ смерти, я рѣшилъ пройти самъ, добровольно, а не ждать, цѣпенѣя отъ ужаса, чтобъ она его совершила. И кто знаетъ, можетъ быть, тѣмъ моя жертва и дѣйствительна, что у меня всего остается одинъ шагъ. Будь я здоровъ, силенъ, имѣй я передъ собою тысячу шаговъ, и мое отреченіе было-бы подачкой богача. А теперь я рѣшился отдать послѣднее, единственное, незамѣнимое. Но чувствуете-ли вы, съ какою гордостью я написалъ это слово: отдать? У меня, самаго бѣднаго, самаго слабаго, еще нашлось нѣчто, что я могу отдать, чѣмъ я могу жертвовать. Вотъ почему, другъ мой, я благословляю васъ и тотъ идеалъ святости, который вы мнѣ открыли. Вѣдь до встрѣчи съ вами я могъ только брать у другихъ и то брать лишь то немногое, чѣмъ я еще въ состояніи пользоваться. Въ мірѣ пользованія и удовлетворенія я былъ послѣднимъ нищимъ, въ мірѣ-же отреченія и страданій я не бѣднѣе кого-бы то ни было изъ живущихъ. У меня ничего нѣтъ, чѣмъ я-бы могъ дѣлиться съ людьми, но у меня еще остались несчетныя богатства, которыя я могу отдать Богу,—свою волю, свою любовь, свое бѣдное, больное дыханіе. Если-бы я сталъ ждать, чтобы смерть сдѣлала этотъ послѣдній единственный шагъ, я былъ-бы раздавленнымъ червякомъ. А теперь, дѣлая самъ этотъ шагъ, я—герой и подвижникъ.

Сидя вчера за обѣденнымъ столомъ, сравнивая себя съ окружающими, я пережилъ нѣсколько странныхъ ощущеній. Прежде всего, добровольно отказываясь отъ одного блюда за другимъ, я вдругъ самъ себѣ показался забавнымъ, какъ будто я передъ кѣмъ-то роль

играю, хотя никто, конечно, не обращалъ вниманія на то, ѣмъ-ли я или нѣтъ. Потомъ, окинувъ взглядомъ нашу огромную столовую, эти шесть рядовъ обѣдающихъ людей, среди которыхъ были и вы, я почувствовалъ всю необычайность, неправдоподобность своего рѣшенія. Вѣдь вы знаете, съ какимъ священнымъ чувствомъ у насъ въ санаторіи смотрятъ на ѣду. Въ сущности, насъ только и лечатъ что ѣдою. Помню, когда меня свидѣтельствовалъ профессоръ и я спросилъ его, какого онъ мнѣнія о туберкулинѣ Коха, онъ, смѣясь, отвѣтилъ: на что намъ профессоръ Кохъ, когда нашъ Koch ежедневно готовитъ такія чудныя лекарства! Такого мнѣнія держатся и больные, и когда за столомъ обносятъ блюдо съ кушаньемъ, они берутъ свои порціи, не просто какъ куски ветчины или телятины, могущіе утолить голодъ, а съ чувствомъ благоговѣйнымъ, какъ чудодѣйственное снадобье, въ которомъ скрытъ свѣтъ солнца, смѣхъ жизни, будущее. Пока у больного есть аппетитъ, онъ считаетъ себя на пути къ спасенію. Въ послѣднее время меня ничто такъ не тревожило, какъ потеря аппетита. Вчера-же, какъ нарочно, мнѣ казалось, что я въ состояніи съѣсть всѣ блюда. Но я не прикасался къ тарелкѣ, а съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣлъ на обѣдающихъ и слушалъ стукъ ножей и вилокъ. Вотъ оно, священнодѣйствіе удовлетворенія! Вотъ онъ, великій актъ, къ котому сводятся всѣ усилія человѣчества. Распахиваются поля, по морю снуютъ корабли, на фабрикахъ не потухаетъ пламя и не смолкаютъ колеса, въ шахтахъ роются землекопы, ученые слѣпнутъ надъ книгами, писатели проповѣдуютъ справедливость,— и все это съ единственной цѣлью, чтобы сдѣлать этотъ священный актъ доступнымъ всѣмъ и каждому. Усилія несчетныхъ поколѣній сливаются, наростаютъ, стремятся къ будущему, какъ всесильный водопадъ, увлекаемый лишь однимъ порывомъ—создавать и распредѣлять по-

требности — и вотъ я на своей жалкой скорлупкѣ съ запасомъ силъ, не достаточнымъ для того, чтобы поднять ребенка, я устремляюсь на встрѣчу этому потоку, одинъ добровольно отрекаюсь отъ всѣми желанныхъ, всѣми благословенныхъ благъ, отрекаюсь не ради любви къ ближнему и даже не ради ожиданія награды въ другомъ мірѣ, а совсѣмъ безкорыстно, даже какъ будто совсѣмъ безцѣльно. Вѣдь мнѣ теперь нѣтъ мѣста не только среди культурнаго общества, но ни въ одномъ изъ существующихъ монастырей, развѣ-бы основался новый мэоническій монастырь или скитъ, гдѣ обитателямъ предоставили-бы возможность жить въ условіяхъ святости и спокойствія, не насилуя при этомъ ничьей совѣсти, позволяя каждому вѣрить по своему или не вѣрить, молиться или не молиться, ждать возмездія или не ждать. Скорѣе, скорѣе, другъ мой, повліяйте своимъ словомъ на людей, какъ вы повліяли на меня, устройте такой скитъ, который, я увѣренъ, въ самомъ скоромъ времени разростется въ большой городъ, — въ городъ убѣжища для многогрѣшныхъ страдальцевъ культуры, повинныхъ въ неосторожномъ убійствѣ святыни.

Вечеромъ, оставшись одинъ въ комнатѣ, я продолжалъ задавать себѣ тотъ-же вопросъ: неужели все человѣчество заблуждается, а правы только вы и я, поступающій по вашему слову? Но чѣмъ чаще я повторялъ этотъ вопросъ, тѣмъ спокойнѣе становилось у меня на душѣ. Не все-ли равно, правъ-ли я передъ людьми, когда я правъ передъ самимъ собою и передъ судьбой своей? Стоитъ мнѣ подумать о добровольно возложенномъ на себя подвигѣ, о своей внезапной рѣшимости итти на встрѣчу смерти, и сразу во мнѣ исчезаетъ сознаніе своей униженности и раздавленности и я опять гордо поднимаю кверху глаза. Если правда въ наукѣ въ знаніи законовъ природы, отчего-же врачи — люди науки—не научили меня мириться съ медленнымъ уми-

раніемъ, которое вѣдь основано на законахъ природы? А вотъ пришли вы и заговорили о святости и о Богѣ, и гордость человѣческой души спасена. Я похожъ теперь на воздухоплавателя въ тотъ мигъ, когда шаръ надъ водою помчался внизъ и онъ быстро выбрасываетъ послѣдній, незамѣнимый балластъ, лишь-бы еще разъ подняться на высоту. Я отрекаюсь отъ всего, что мнѣ осталось, потому что въ послѣдній разъ хочу быть легкимъ, хочу подняться надъ желаніями, надъ страхомъ, надъ безсиліемъ... О, если-бы я теперь могъ увидѣть близкихъ мнѣ, мою жену и еще одного человѣка, чтобы оправдаться и примириться... Я-бы вмѣстѣ съ ними помолился. Вѣдь уже нѣсколько дней, какъ я передъ сномъ молюсь. Становлюсь на колѣни и молчу или говорю какія-то слова, которыхъ не помню. Но дѣло не въ словахъ или просьбахъ, а въ новомъ ощущеніи, въ чувствѣ святости. Молюсь молитвой херувимовъ, твержу безъ словъ одно слово: святъ, святъ, святъ... Зачѣмъ они изгнали это чувство? Почему наука не священна? Почему химія менѣе священна, чѣмъ живопись? Но я усталъ... Поддержите—благословите меня...

II.

Послѣдняя страница письма была написана дрожащей рукой, буквы сливались, строки падали. Я нѣсколько времени колебался, отвѣтить-ли на бумагѣ или устно, и остановился на первомъ. Есть предметы, о которыхъ легче говорить молча съ воображаемымъ собесѣдникомъ, чѣмъ лицомъ къ лицу, слушая свой голосъ. Я тотчасъ написалъ и послалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Ваше письмо очень сложно на меня подѣйствовало, какъ бы ударило по всей клавіатурѣ моихъ мыслей и чувствъ, задѣло меня жалостью къ вамъ, встревожило во мнѣ чувство отвѣтственности, но, кажется, сильнѣе

всего потрясло меня глубокимъ восхищеніемъ, которое проявленіе твердой воли всегда возбуждаетъ въ ищущемъ и колеблющемся. Какъ! Вы — таки осмѣлились преступить черту, отдѣляющую слово отъ дѣла, вы дерзнули раскрыть двери судьбѣ, каждое движеніе которой неодолимо и безповоротно. Вотъ я долгіе годы строю въ душѣ моей святыню мэонической истины, собираю доказательства и доводы, плавлю какое-то золото мысли, изъ котораго должна отлиться будущая правда, но отлить его въ опредѣленную форму какого-нибудь образа жизни боюсь, предпочитая жить по инерціи во лжи прошедшаго, чѣмъ ошибиться при созиданіи будущаго. А вы, повѣривши въ истину моихъ словъ, вы сразу приняли роковое рѣшеніе и жизнь свою поставили въ залогъ своей правоты. Вы въ одинъ мигъ опередили меня на все то безпредѣльное пространство, которое лежитъ между возможнымъ и дѣйствительнымъ, и если когда нибудь возникнутъ мэоническіе монастыри, о которыхъ вы пишите, то они будутъ вести свое начало отъ вашего вчерашняго обѣта.

И все-таки, другъ мой, я прошу васъ, если моя просьба что нибудь значитъ для васъ, откажитесь отъ этого обѣта, по крайней мѣрѣ на время и вернитесь къ прежнему образу жизни. Побуждаетъ меня къ этому не только чувство жалости и сознаніе своей отвѣтственности, о которыхъ я говорилъ въ началѣ письма. Не скрою, что я къ вамъ сильно привязался и мнѣ было-бы больно видѣть, какъ вы морите себя голодомъ и сознавать, что я толкнулъ васъ на эти страданія, не подвергая себя самъ подобнымъ-же страданіямъ. Но ни эгоистическая жалость, ни личные счеты со своею совѣстью не подвинули-бы меня просить васъ отказаться отъ того, что я считалъ-бы для васъ благомъ, а вы знаете, что радость отреченія я считаю однимъ изъ двухъ полюсовъ земного блаженства. Въ добровольномъ

принятіи смерти я также вижу не зло, а завидное, лишь избранникамъ доступное благо, ибо всѣ жертвы отмѣнены, кромѣ жертвы человѣческой. И если я все-таки прошу васъ отречься отъ своего обѣта, вернуться къ прежнему образу жизни, удовлетворять потребности тѣла и бороться со смертью, то дѣлаю это лишь потому, что колеблюсь и не знаю, подготовлены-ли вы для великаго испытанія. Не въ искренности вашей сомнѣваюсь я, не въ выдержкѣ и не въ силѣ воли, но я боюсь, что вы, желая вступить на путь новой грядущей мэонической двуединой истины, вступаете на другой, похожій на него, но уже истоптанный, пройденный путь аскетизма. Я боюсь, что вы не прошли того искуса мысли, того умственнаго послушничества, безъ котораго опасно приступить къ подвигу. Если-бы рѣчь шла только о вашемъ счастіи, я не сталъ-бы теперь отговаривать васъ. Я почти не сомнѣваюсь, что добровольное страданіе и безбоязненное стремленіе къ смерти укрѣпятъ, очистятъ, просвѣтятъ вашу душу. Но говорю вамъ прямо: рѣчь идетъ не о вашемъ, не о моемъ, не о чьемъ либо счастіи, но о новой истинѣ. Она, а не вы или я, подвергается испытанію. Аскетическій идеалъ уже испытанъ въ лѣсахъ Индіи, въ затворахъ и кельяхъ монастырей, опытъ съ нимъ доведенъ до конца, всѣ слезы, всѣ молитвы и восторги отшельничества истощены, и человѣчество отъ этого идеала отвернулось. Не все-ли равно, будетъ-ли однимъ аскетомъ — вами, мною, или кѣмъ-либо — больше или меньше, содрогнется-ли еще одно сердце отъ радости отреченія, послѣ того какъ эта радость отцвѣла для міра! Повторяю: дѣло идетъ не о вашемъ или моемъ счастьи, но о новой истинѣ, о новой грядущей формѣ чистоты и святости, которая не претила-бы современному и будущему человѣку, а согласовалась-бы съ тѣмъ, что уже у насъ есть святого, но чего намъ еще недостаточно для счастія — съ нашей

любовью къ свободѣ, съ нашей любовью къ знанію, съ нашимъ культомъ личности. Дѣло идетъ о новой формѣ аскетизма, которая не исключала-бы святыни мірского счастія, а сливалась-бы съ нею воедино, дѣло идетъ о сліяніи двухъ путей добра, которые до сихъ поръ шли отдѣльно и рядомъ. Дѣло идетъ о двуединомъ идеалѣ святости.

Вы пишете, что не только разумомъ, но всѣмъ существомъ восприняли истину о двухъ путяхъ добра и все-таки я сомнѣваюсь... И опять, другъ мой, причина моего сомнѣнія лежитъ не въ васъ, а въ самомъ предметѣ. Какое-то заклятіе положено на человѣческій разумъ, заклятіе, которое мѣшаетъ намъ различать между самою правдою, какъ цѣлью, и путями, ведущими къ этой цѣли. Правда — цѣль, конечно одна, какъ единъ Богъ, создавшій ее, но правда, какъ путь жизни,—двойственна, и въ этомъ нѣтъ противорѣчія, какъ нѣтъ противорѣчія въ томъ, что къ безконечности можно притти въ двухъ направленіяхъ—въ сторону наибольшаго и въ сторону наименьшаго. Но этого различія между единой цѣлью и двумя путями, ведущими къ ней, люди не улавливаютъ, и въ мірѣ нравственности все двойственное кажется имъ предметомъ соблазна и лжи. Чтобы опредѣлить самыя низкія свойства души—фальшивость, коварство,—они прибѣгаютъ къ понятію двойственности и говорятъ о двоедушіи, двуличности. Вотъ внутренняя причина, по которой еврейство отвергло Христа. Ревнуя о единомъ Богѣ, еврейство соблазнилось о Христѣ, вмѣщавшемъ въ себѣ два естества и двѣ воли. Чтобы придти къ Единому, и мы должны совмѣстить въ себѣ двѣ природы — небеснаго отреченія и земного удовлетворенія, двѣ воли—къ бытію и небытію. Но разумъ нашъ и до сего дня соблазняется объ этой двойственности.

Нѣсколька выраженій смутили меня въ вашемъ письмѣ. Какъ! Вы называете дѣйствительность грозной

и грязной и вмѣсто того, чтобы въ новомъ откровеніи оправдать и очистить эту дѣйствительность, вы только ищете изъ нея выхода, хотите стать къ ней спиною, устремивъ глаза на идеалъ отреченія! Но чѣмъ вы тогда отличаетесь отъ прежнихъ аскетовъ и въ чемъ выражается ваше согласіе на ученіе о двухъ путяхъ добра? Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, религія по внутреннему откровенію таитъ въ себѣ не осужденіе, но оправданіе и освященіе дѣйствительности, главнымъ образомъ, освященіе. Вчера, сидя за обѣденнымъ столомъ, вы съ отчужденіемъ смотрѣли на толпу обѣдающихъ, занятыхъ, какъ вы выразились иронически, „священнодѣйствіемъ удовлетворенія“, „великимъ актомъ, къ которому сводятся всѣ усилія человѣчества“. А знаете-ли вы, что подобная иронія составляетъ грѣхъ противъ Духа Святаго, ибо удовлетвореніе, въ самомъ дѣлѣ, священнодѣйственно, хотя рядомъ съ нимъ существуетъ еще другое священнодѣйствіе—отреченіе Но какъ все перепутано въ душѣ современнаго человѣка! Мы, по привычкѣ, по традиціи, по воспоминаніямъ дѣтства, по преемству крови, продолжаемъ считать отреченіе единственною святынею, а удовлетвореніе — грѣхомъ и стыдомъ, но въ то-же время совершенно исключаемъ отреченіе изъ практики жизни и всѣ силы посвящаемъ удовлетворенію потребностей. Поэтому религія должна въ двойномъ отношеніи переродить современную мораль— во-первыхъ, освятить потребности, отнять горечь грѣховности у наслажденія, и во-вторыхъ, ввести въ практику жизни идеалъ отреченія.

Переживаемое нами время похоже на тотъ часъ пасхальной ночи, — предъутренній часъ предвесенней ночи, — когда народъ, толпясь вокругъ столовъ, заставленныхъ праздничными кушаніями, ждетъ, когда кончится служба и выйдетъ изъ храма священникъ, чтобы освятить эти дары жизни. Вотъ точный образъ, симво-

лизирующій отношеніе культуры къ религіи. Культура создала несчетныя блага и каждый мигъ создаетъ новыя; земля ломится подъ ихъ тяжестью, а мы стоимъ, окутанные холоднымъ мракомъ, передъ благами культуры, желанными, но безцѣльными, заманчивыми, но неосвященными, стоимъ, томимые голодомъ и въ то-же время отвращеніемъ, ибо современный человѣкъ жаждетъ житейскихъ благъ и презираетъ житейскія блага и все, чего ни коснется, превращаетъ въ духовную гниль. Мы стоимъ, окутанные холоднымъ мракомъ и ждемъ, когда-же кончится служеніе въ храмѣ мысли и выйдетъ къ народу религіозная истина, которая, сама не создавая благъ, принесетъ освященіе благамъ культуры, сдѣлаетъ ихъ не просто желанными, но священно-желанными, пріобщитъ вѣчности. Такъ неужели вы надѣетесь ускорить этотъ моментъ, отказываясь отъ пищи, отвернувшись отъ людей, запершись въ кельѣ наединѣ со смертью?

Вы спросите меня: въ какомъ же образѣ жизни, въ какихъ поступкахъ выразится идеалъ отреченія, если такой существуетъ? На это я вамъ отвѣчу, что нашей мечтою должно быть не раздѣленіе, но соединеніе обоихъ идеаловъ добра. Такъ слѣдуетъ устроить жизнь, чтобы каждая личность могла при желаніи исчерпать всѣ радости удовлетворенія и все блаженство отреченія. Скажу вамъ болѣе: всѣ существовавшія донынѣ ученія нравственности, религіозныя или философскія, были ничѣмъ инымъ, какъ сліяніемъ, въ самыхъ разнообразныхъ доляхъ, этихъ двухъ элементовъ. Я не сомнѣваюсь, что въ мэонической морали удовлетвореніе и отреченіе сочетаются въ болѣе полной гармоніи и красотѣ, чѣмъ они сливались донынѣ, хотя сознаю, что для созданія новой морали мало усилій одного разума, что для этого творческаго акта еще требуется участіе непреклонной воли, великой любви, и почти ангельской чистоты сер-

дечной. Я не чувствую въ себѣ всѣхъ этихъ душевныхъ качествъ, но вѣрю, что и сила, и любовь, и чистота осѣнятъ насъ. Можетъ быть, онѣ осѣнятъ меня черезъ васъ. На вопросъ, въ чемъ именно выразится идеалъ отреченія, я пока могу отвѣтить лишь отрицательно: не въ физическихъ страданіяхъ, не въ мукахъ голода, не въ самоистязаніи. Все это—низшія, давно пережитыя формы отреченія, которыя должны уступить мѣсто болѣе высокимъ и сознательнымъ. Въ тѣхъ мэоническихъ монастыряхъ, о которыхъ вы упоминаете и возникновеніе которыхъ для меня такъ же несомнѣнно, какъ мое собственное бытіе,—будетъ раздаваться не плачъ, а радостная пѣсня освобожденія. Вамъ теперь кажется самымъ важнымъ то, кто сдѣлаетъ роковой шагъ, отдѣляющій насъ отъ смерти, мы-ли сами или смерть. Мнѣ же наиболѣе важнымъ кажется то, возможно-ли измѣнить самое отношеніе наше къ смерти, или, что одно и то-же, наше отношеніе къ жизни, ибо одно обусловливаетъ другое. Когда жизнь вызываетъ недовольство, смерть внушаетъ ужасъ. Когда жизнь просвѣтлена, оправдана и смерть. А такъ какъ послѣдній шагъ, отдѣляющій насъ отъ смерти, есть еще жизнь, то даже въ виду этого послѣдняго шага слѣдуетъ думать объ оправданіи жизни. Въ театрѣ, созерцая трагедію, мы восторгаемся всѣмъ—и подвигами героя, и его страданіями, и даже его неизбѣжной смертью. Моя мечта—заставить васъ относиться и къ дѣйствительности съ эстетическимъ восторгомъ, превратить вашу дѣйствительность въ игру, въ мистерію, но не человѣческую, а божественную. Кристаллъ души закопченъ невѣжествомъ и страхомъ. Если же протереть его и прояснить, то мы съ изумленіемъ и радостью увидимъ сквозь нашу призрачную дѣйствительность какую-то другую—неизмѣнную и священную, которую мы, люди, можемъ лишь мимировать, играть, представлять посредствомъ нашей жизни и смерти.

Но протереть смутный кристаллъ возможно лишь размышленіемъ, познаніемъ,--всѣ иныя средства испытаны и оказались негодными. Вотъ почему я еще разъ прошу васъ, другъ мой, откажитесь отъ своего обѣта, не подвергайте себя физическимъ страданіямъ, дайте мнѣ довести васъ до конца пути. Начните свой подвигъ такъ, какъ его начинали всѣ подвижники,—съ временнаго отказа отъ своей воли, съ добровольнаго подчиненія волѣ того, кого вы добровольно называете своимъ учителемъ. Дайте мнѣ руку,—я веду васъ къ свѣту.

III.

Я встрѣтился съ Владиміромъ Ивановичемъ часъ спустя послѣ того, какъ мы обмѣнялись письмами. Ни я, ни онъ не обмолвились о нихъ ни словомъ, но по его улыбкѣ и взгляду я понялъ, что моя просьба исполнена. Послѣ обѣда сторожъ опять перенесъ наши кресла въ садъ, въ ароматную тѣнь сосновыхъ вѣтвей, и мы, улегшись рядомъ, одни бодрствуя среди спящихъ, возобновили обычную бесѣду. Я указалъ на окружающій насъ океанъ воздуха и зелени и сказалъ:

— Въ глазахъ философа весь міръ представляется уравненіемъ съ однимъ неизвѣстнымъ, которое и есть Богъ. Первая часть уравненія, это—видимый міръ чувственныхъ явленій, вторая часть его—скрытый въ насъ міръ явленій мысленныхъ, опредѣленіе же неизвѣстнаго составляетъ задачу жизни всего человѣчества. При многихъ или хотя бы при двухъ неизвѣстныхъ, при многобожіи или двубожіи рѣшеніе получилось бы неопредѣленное, но уравненіе съ однимъ неизвѣстнымъ, вселенная съ единымъ невѣдомымъ богомъ даетъ намъ точный и опредѣленный отвѣтъ.

— Изъ вашихъ словъ—прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ—какъ-то получается выводъ, что Богъ находится въ зависимости отъ міра, а не наоборотъ.

— Не Богъ,—отвѣтилъ я,—но богопознаніе. Есть два метода изслѣдованія: гадательный, идущій отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, и истинный, идущій отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Такъ какъ извѣстное есть міръ, а неизвѣстное—Богъ, то при религіозномъ творчествѣ можно итти или гадательнымъ путемъ—отъ Бога къ міру, черезъ опредѣленіе сущности Бога, его аттрибутовъ и свойствъ, или истиннымъ путемъ—отъ нашей человѣческой природы къ Богу, черезъ единственно-плодотворное изслѣдованіе того, *что мы знаемъ о Богѣ и какъ это знаніе въ насъ возникаетъ*. Основной законъ религіознаго творчества можетъ быть выраженъ слѣдующимъ образомъ: всѣ сужденія, ведущія къ истинному богопознанію, имѣютъ своимъ неизмѣннымъ подлежащимъ наше человѣческое, условное *я*, а неизмѣннымъ дополненіемъ— абсолютное божество. И наоборотъ: религіозныя сужденія, имѣющія своимъ подлежащимъ Бога, ведутъ въ дебри неопредѣленнаго, гадательнаго, гностическаго. Вы, конечно, понимаете, что я говорю о подлежащемъ не грамматическомъ, но логическомъ.

— Я разумомъ не могу съ вами не согласиться,— сказалъ мой собесѣдникъ. Такъ какъ мы люди, а не боги, то поневолѣ должны начинать съ себя. Но въ вашихъ словахъ есть что-то тревожащее. Подумайте только. Богъ, одно имя котораго возбуждаетъ мысль о верховной личности всего міра, о верховномъ подлежащемъ всякаго сужденія, Богъ не можетъ быть подлежащимъ и гдѣ? Въ области богопознанія! Въ религіи! Въ святаясвятыхъ своего храма! Скажите: какъ рѣшается этотъ вопросъ въ христіанской догматикѣ?

— Христіанство,—отвѣтилъ я,—и въ этомъ отношеніи, какъ во всѣхъ другихъ, содержитъ абсолютную истину. Ветхій завѣтъ шелъ отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, отъ Бога къ міру; онъ знаетъ лишь Отца Бога творящаго и рождающаго; легенда ветхаго завѣта

есть гностическая повѣсть о рожденіи міра; „въ началѣ Богъ сотворилъ небо и землю“; первая заповѣдь ветхаго завѣта имѣетъ своимъ подлежащимъ божественное *Я*; „*Я* есмь Господь Богъ твой“. Новый же завѣтъ, идя путемъ логоса, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, познаетъ Бога-Сына, Бога рождающагося, „рождаемое святое“, которое „наречется Сыномъ Божіимъ“; символъ христіанской вѣры имѣетъ своимъ подлежащимъ не божественное, а человѣческое *я*: „Вѣрую во единаго Бога“. Я, человѣкъ, я, субъектъ богопознанія, по неизмѣннымъ законамъ своей природы, вѣрую, долженъ вѣровать во Единаго Бога. Вотъ почему легенда новаго завѣта есть повѣсть не о сотвореніи богомъ міра, но о рожденіи Бога въ мірѣ. „Никто не приходитъ къ Отцу, какъ только черезъ Меня“,— сказалъ Сынъ-Божій, опредѣляя этими словами разъ навсегда цѣль и путь истиннаго богопознанія. Цѣль религіи — богоотцовство, познаніе Бога-Отца, сотворившаго насъ; путь къ этой цѣли—богосыновство, познаніе нашей собственной природы и ея законовъ. Но не кажется-ли вамъ, что между богоотцовствомъ, какъ цѣлью религіи, и богосыновствомъ, какъ путемъ къ ней, существуетъ какое-то противорѣчіе?

— Я все время чувствую это противорѣчіе,—отвѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.—Мы не можемъ мыслить Бога иначе, какъ Творцомъ, но эту мысль мы творимъ сами. Выходитъ такъ, какъ будто мы творимъ своего Творца, даемъ рожденіе родившему насъ. Какъ это согласовать?

— Я нарочно привелъ васъ къ этому противорѣчію,— сказалъ я,—чтобы указать на одно чрезвычайно важное психологическое явленіе, которое поможетъ намъ перейти къ дальнѣйшему изслѣдованію. Говорю о явленіи симметричности, которое заключается въ томъ, что бытіе и знаніе не только равны, но и противоположны одно

другому, т. е. симметричны. Предположимъ, например что вы желаете обозрѣть въ памяти всѣ событія, которыя случились съ вами за извѣстный промежутокъ времени. Изъ этихъ событій самымъ яснымъ въ сознаніи будетъ послѣднее, конечное. Остальныя будутъ теряться въ ясности и тускнѣть по мѣрѣ того, какъ будутъ отдаляться отъ настоящаго мгновенія, пока не сольются съ далью прошлаго и не исчезнутъ въ ней. Какое же событіе будетъ для сознанія начальнымъ, исходнымъ, самымъ близкимъ и яснымъ? То, которое въ бытіи служило концомъ всего ряда обозрѣваемыхъ событій... И наоборотъ то, что въ бытіи было началомъ, превратится въ сознаніи въ конечный, самый отдаленный и смутный пунктъ. Въ сознаніи получилось обратное, симметрическое изображеніе бытія, совершенно такъ же, какъ на сѣтчатой оболочкѣ глаза получается обратное изображеніе внѣшнихъ предметовъ. И подобно тому, какъ мы силой разсудка исправляемъ этотъ обратный рисунокъ предметовъ, мы опытомъ и размышленіемъ исправляемъ умственную перспективу явленій и видимъ рядъ событій не съ конца, какъ слѣдовало бы и какъ это происходитъ въ раннемъ дѣтствѣ, а съ реальнаго начала.

Такое же обратное изображеніе событій получаетъ сознаніе въ перспективѣ причинности. Въ дѣйствительности причина предваряетъ и вызываетъ слѣдствіе; въ сознаніи, наоборотъ, слѣдствіе вызываетъ, обусловливаетъ причину и весь лежащій передъ нами міръ есть ничто иное, какъ огромное слѣдствіе, вызывающее въ научномъ разумѣ потребность отыскать родившую его причину или рядъ такихъ причинъ. Въ дѣйствительности лучъ началъ свой путь отъ звѣзды и закончилъ его въ нашемъ глазѣ; таковъ нисходящій путь реальнаго явленія. Сознаніе же начинаетъ съ полученнаго глазомъ ощущенія и обратнымъ, восходящимъ путемъ напра-

вляется къ источнику луча, къ дальней звѣздѣ и мысленно воспроизводитъ путь, пройденный лучемъ отъ звѣзды до глаза. Получаются три движенія: первое, реальное, нисходящее; второе, умственное, восходящее; оба они противоположны, такъ какъ бытіе отражается въ сознаніи обратнымъ изображеніемъ; наконецъ, опытъ и размышленіе исправляютъ эту ошибку, и разумъ воспроизводитъ теоретически первое реальное движеніе. Въ исторіи феноменальнаго міра, эти три движенія ясно различимы. Первое, реальное, поступательное движеніе міра началось тогда, когда образующая нашу солнечную систему матерія находилась въ разрѣженномъ газообразномъ состояніи; это длилось безчисленное количество вѣковъ, пока матерія переходила черезъ всѣ ступени неорганическаго и органическаго развитія и пока, наконецъ, въ ряду существъ не появился мыслящій человѣкъ. Реальное движеніе не прекратилось, но рядомъ съ нимъ началось иное, обратное, сознательное движеніе человѣка къ міру. Великій потокъ причинъ и слѣдствій продолжаетъ течь, увлекая всѣ явленія съ человѣкомъ включительно. Но, увлекаемый впередъ, человѣкъ въ своемъ сознаніи, въ своихъ чувствахъ и стремленіяхъ какъ-бы таитъ незримую камеръ-обскуру, гдѣ рисунокъ мірового движенія отпечатлѣнъ въ обратномъ изображеніи: изъ активныхъ причинъ явленія превратились для сознанія въ пассивныя цѣли, а самъ человѣкъ изъ достигнутаго объекта сталъ стремящимся субъектомъ міра. Возможно, что и всѣ другія существа и даже предметы таятъ въ себѣ, подобно человѣку, такую камеръ-обскуру. Но человѣкъ отличается отъ всѣхъ существъ тѣмъ, что онъ посредствомъ размышленія и опыта исправляетъ обратный рисунокъ и въ теоретическомъ созерцаніи возстановляетъ первое, реальное, поступательное движеніе явленій по ихъ, хотя только внѣшнимъ, законамъ. Въ этомъ мысленномъ воспроиз-

веденіи мірового процесса и заключается вся задача научнаго мышленія, задача, донынѣ рѣшенная лишь въ незначительной части, но возможная для рѣшенія, потому что всѣ мировыя явленія, по природѣ своей, воспроизводимы, повторяемы. Мы, конечно, не можемъ присутствовать при вторичномъ газообразномъ распыленіи всей солнечной системы и новомъ ея охлажденіи и образованіи организмовъ. Въ цѣломъ міровой процессъ, быть можетъ, и не повторится, но всѣ части этого процесса повторяемы въ маломъ масштабѣ, и такое нарочно устроенное повтореніе какого-либо его момента есть то, что мы называемъ научнымъ опытомъ. До сихъ поръ наукѣ удалось возстановить посредствомъ опыта лишь немногія черты мірового процесса, но мы должны надѣяться, что со временемъ ей удастся возсоздать всю его картину и получить лабораторнымъ путемъ возникновеніе живой клѣтки и развитіе ея въ организмъ. Какъ эти явленія ни таинственны и даже непостижимы, но, будучи явленіями, они повторяемы и должны возникать каждый разъ, когда будутъ на лицо породившія ихъ условія. Благодаря магическому жезлу опыта, наукѣ удается совершить два чуда: въ прошломъ она созерцаетъ давно законченное поступательное движеніе міровой жизни, а въ будущемъ она направляетъ поступательный потокъ явленій сообразно съ человѣческими цѣлями и намѣреніями.

А теперь вообразите себѣ поступательное, реальное, творческое движеніе, но такое, которое вполнѣ завершилось и по природѣ своей неповторяемо, исключительно едино. Возсоздать его въ опытѣ, демонстрировать, наглядно доказать нельзя, ибо эта реальность тѣмъ и отличается отъ всякой другой, что она абсолютно едина. Дѣйствительный образъ этой реальности, ея поступательное движеніе или, употребляя мистическій терминъ. Плотина, ея—„proodos“, скрыты отъ нашихъ глазъ

и нашей мысли навсегда, но въ созданныхъ ею явленіяхъ сохранилось обратное изображеніе „esodos“, въ которомъ она живетъ, какъ вѣчный объектъ, „какъ святое рождаемое“. Вы, конечно, понимаете, что я говорю объ отношеніи человѣка къ Богу. Въ нашей душѣ существуетъ вѣчное движеніе къ единому творцу, къ единому отцу жизни. На всѣхъ путяхъ сознанјя мы ищемъ Единаго, стремимся къ Единому, любимъ Единаго. Богоисканіемъ исчерпывается все содержаніе религіи. Въ языческой мифологіи душа еще не ищетъ Бога, но Аполлонъ ищетъ и обрѣтаетъ Психею. И въ ветхомъ завѣтѣ Богъ ищетъ Адама и вопрошаетъ: „гдѣ ты“? Но уже въ Новомъ завѣтѣ поклоненіе Сыну начинается съ исканія Бога. „Пришли волхвы съ востока и говорятъ: гдѣ родившійся царь Іудейскій“? Въ религіи же, по внутреннему откровенію разума, которая должна раскрыть все, что осталось намекомъ или догадкой въ религіозной интуиціи прежнихъ вѣковъ, богопознаніе и богоисканіе тождественны.

Какимъ образомъ въ насъ возникаетъ это исканіе Бога, это стремленіе и любовь къ нему, мы вполнѣ можемъ прослѣдить путемъ опыта, хотя бы только внутренняго, ибо это движеніе повторяемо и съизнова возникаетъ въ каждой живой душѣ. Но этими субъективными знаніями о Богѣ исчерпывается все наше богопознаніе. Только какъ вѣчнаго объекта, только какъ вѣчное стремленіе, только какъ вѣчно въ насъ „рождаемое святое“, только какъ Сына человѣческаго, знаемъ мы Бога. „Никто не приходитъ къ Отцу какъ только черезъ Меня“. Вы находите страннымъ и противорѣчивымъ то, что истинный виновникъ и субъектъ всякаго бытія не можетъ быть подлежащимъ нашихъ религіозныхъ сужденій. Мнѣ же, наоборотъ, кажется, что если въ обратномъ изображеніи наше сознанія Богъ постигается только какъ объектъ, какъ сынъ человѣческій,

какъ „рождаемое святое", то въ едино-реальномъ, хотя скрытомъ отъ насъ, непосредственномъ бытіи Богъ есть субъектъ, отецъ и творецъ. Мнѣ даже кажется, что самая не постижимость Отца становится понятной, если вспомнимъ, что и въ субъективномъ исканіи Богъ открывается намъ, какъ Единство. „Я и Отецъ мой одно", т. е. Единое. Очевидно, что Единое неповторяемо—не можетъ быть объективно доказано или демонстрировано.

— Если не ошибаюсь,—прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ, все время слушавшій неподвижно, съ полузакрытыми глазами,—если не ошибаюсь, вы самую невозможность доказать бытіе Божіе хотите превратить въ такое доказательство.

— Пожалуй, что и такъ, отвѣтилъ я. Можно было-бы эту мысль обратить въ афоризмъ и сказать: credo quia indemonstrabile. Вѣрю, въ томъ смыслѣ, когда я понимаю эту слово, т. е. я увѣренъ въ единствѣ божіемъ, потому что оно не доказуемо въ опытѣ, не повторяемо, не объективно, слѣдовательно едино. Но для истины такіе афоризмы скорѣе вредны, чѣмъ полезны и всегда ведутъ къ недоразумѣніямъ. Между тѣмъ мысль, высказанная въ этомъ афоризмѣ, настолько важна, что я, рискуя показаться вамъ надоѣдливымъ или однообразнымъ, все-таки еще разъ прошу васъ сосредоточить на ней все свое вниманіе. Мы стоимъ подлѣ великой бреши, которую новое критическое мышленіе пробило въ религіозномъ познаніи прошлыхъ вѣкомъ. Эту брешь нужно задѣлать или навсегда покинуть разрушенную твердыню.

До сихъ поръ основнымъ положеніемъ богопознанія считалось сужденіе: Богъ существуетъ. Это положеніе истинно лишь настолько, насколько оно скрываетъ въ себѣ подразумѣваемую субъективную мысль: въ моей душѣ существуетъ исканіе Бога. Но само по себѣ, въ своей объективной формѣ, имѣя подлежащимъ Бога,

оно неопредѣленно и безцѣльно. Говоря: Богъ существуетъ, вы не приближаете Бога къ моей душѣ, не показываете, что я знаю о Богѣ и какъ я пріобрѣлъ это знаніе, не выясняете, какимъ образомъ мой условный духъ рождаетъ изъ себя идею о безусловномъ, а берете великій вселенскій иксъ запутаннымъ и темнымъ, какимъ онъ былъ до вашего сужденія и примѣняете къ нему одну изъ категорій,—категорію бытія, которую вы узнали въ мірѣ явленій. Въ вашемъ сужденіи нѣтъ лжи, но оно неопредѣленно. Съ равнымъ правомъ вы моглибы примѣнить къ великому иксу другую категорію, хотя-бы небытія.

Между тѣмъ съ грустью слѣдуетъ сознаться, что до сихъ поръ все участіе разума въ богопознаніи выразилось въ отыскиваніи доказательствъ въ пользу неопредѣленнаго положенія: Богъ существуетъ. Изслѣдовалась истина, но ложнымъ методомъ, и въ результатѣ получалось заблужденіе, которое нетрудно было раскрыть критической философіи. Въ чистомъ видѣ это формальное заблужденіе можно прослѣдить въ разсужденіяхъ св. Ансельма, который почти 900 лѣтъ тому назадъ пытался построить религію на знаніи и не побоялся озаглавить свое сочиненіе fides quaerens intellectum — вѣра, ищущая разума. Онъ и основалъ онтологическое доказательство бытія божія, на которое опирались всѣ философы, отъ Декарта до Лейбница и подъ которое такъ разрушительно подкопался Кантъ.

Доказательство это состояло изъ двухъ частей. Въ первой утверждалась субъективная истина, что душѣ врождена или что въ душѣ возникаетъ идея о совершенномъ абсолютномъ существѣ. Затѣмъ ставился вопросъ: это совершенное существо существуетъ-ли только въ разумѣ—in intellectu или также въ реальности—in re? Св. Ансельмъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ догматики-философы утверждали, что Богъ существуетъ in re, и свой

отвѣтъ подкрѣпляли логическими доводами: если-бы совершенное существо не существовало въ реальности, оно не было-бы совершеннымъ. Критики-же на это возражали, что реальное бытіе нельзя доказывать никакими логическими посылками. Можно привести всѣ доводы въ пользу того, что посреди океана долженъ существовать островъ и все-таки не быть увѣреннымъ въ его реальномъ существованіи,—такъ уже возражалъ св. Ансельму его современникъ, монахъ Гонилонъ, въ книгѣ, написанной въ защиту безумца, отвергающаго бытіе Божіе (liber pro insipiente)—и это возраженіе было впослѣдствіи съ такою силой развито и углублено Кантомъ.

Таковъ этотъ вѣковой споръ разума о Богѣ, кончившійся побѣдой критицизма. Но теперь, желая перерѣшить его, мы видимъ, что обѣ стороны были неправы, ибо вторая часть онтологическаго доказательства, та, противъ которой единственно направлены были стрѣлы критики, должна быть вся откинута, а первая дополнена, и въ такомъ видѣ антилогическое разсужденіе теряетъ характеръ спорнаго доказательства и становится психологическимъ свидѣтельствомъ, такимъ-же первоисточникомъ знанія, какъ свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ. Если-бы св. Ансельма спросили, признаетъ-ли онъ Бога одареннаго тѣмъ-же пространственнымъ, формальнымъ бытіемъ, какимъ одарены камень, дерево и звѣрь, онъ, конечно, отвѣтилъ-бы отрицательно, сказавъ, что и бытіе Бога такъ-же совершенно, абсолютно, какъ и личность Бога. А между тѣмъ, доказывая, что Богъ существуетъ не только интеллектуально, но и реально, онъ, какъ видно изъ самого слова „реально", противорѣчитъ себѣ и приписываетъ Богу бытіе предметное и ограниченное. Заблужденіе это чисто формальное, объясняемое ошибочностью догматическаго метода. Св. Ансельмъ и слѣдовавшіе за нимъ философы упустили изъ виду, что разуму врождено понятіе не

только объ абсолютномъ существѣ, но также объ абсолютномъ бытіи, по отношенію къ которому намъ ничего не остается доказывать, а слѣдуетъ лишь раскрыть, что мы знаемъ о нихъ, и какъ это знаніе въ насъ возникаетъ. Вопросъ, существуетъ-ли абсолютное бытіе только интеллектуально, или также реально, являлся-бы вопросомъ празднымъ и безсодержательнымъ, ибо въ реальномъ мірѣ никакихъ слѣдовъ абсолютнаго бытія мы не находимъ, и ничего кромѣ того, что узнаемъ о немъ во внутреннемъ откровеніи разума, въ логосѣ, уже изъ міра явленій узнать не можемъ. Идя обратнымъ путемъ, отъ души къ Богу, рождая въ своей душѣ Бога-Сына, который поэтому есть вмѣстѣ съ тѣмъ и сынъ человѣческій, мы завершаемъ весь кругъ доступнаго намъ богопознанія. Этотъ путь теперь почти очищенъ отъ возраженій, и намъ остается пройти его. Говорю: почти, потому что еще остались возраженія противъ первой части онтологическаго сужденія, возраженія противъ самаго факта возникновенія въ душѣ идеи объ абсолютномъ существѣ и абсолютномъ бытіи.

Возражателей много и кто изъ насъ въ свое время не принадлежалъ къ ихъ числу? Одни отрицаютъ возможность какого-бы то ни было богопознанія на томъ основаніи, что человѣческое мышленіе, какъ конечное, не можетъ обнять безконечное божество, которымъ само объемлемо. Другіе утверждаютъ, что если божество какъ нибудь открывается намъ, то лишь какъ непознаваемое, какъ граница мышленія, какъ нѣчто такое, о чемъ не надо размышлять. Третьи, смѣшивая религію съ исторіей религіи, объясняютъ богосознаніе, какъ историческое заблужденіе, какъ пережитокъ первобытныхъ предразсудковъ, въ родѣ поклоненія душамъ умершихъ предковъ: съ равнымъ правомъ они могли-бы отвергать химію, какъ пережитокъ алхиміи. Четвертые объясняютъ богопознаніе, какъ заблужденіе логическое,

какъ стремленіе разума замыкать безконечные ряды явленій. Но всѣ эти возраженія слабыя и шаткія, и, справившись съ дѣйствительно сильнымъ врагомъ, мы этими противниками можемъ пренебречь. Критицизмъ обвинялъ насъ въ идеологіи, въ смѣшеніи логически необходимаго съ реально существующимъ, и съ этимъ обвиненіемъ необходимо было бороться. Теперь-же мы помѣнялись ролями. Позитивисты, отрицая возможность богопознанія, сами прикованы къ пустой идеологіи, осуждены на апріорныя разсужденія о томъ, что вообще возможно или невозможно, между тѣмъ какъ мы создаемъ знаніе и собираемъ факты внутренняго опыта.

— Меня удивляетъ, сказалъ послѣ раздумья Владиміръ Ивановичъ, что столько великихъ и благородныхъ умовъ воюетъ противъ Бога. Они ведутъ эту войну съ такимъ одушевленіемъ, какъ будто въ пораженіи Бога видятъ побѣду человѣческаго духа. А между тѣмъ Богъ и человѣческій духъ одно и то-же.

— Признаться, сказалъ я въ отвѣтъ, и я не постигаю озлобленія, съ которымъ позитивисты вырываютъ изъ жизни самый прекрасный и благоуханный цвѣтокъ,— цвѣтокъ святости, а еще болѣе удивляетъ меня то, что это опустошеніе жизни мотивируется любовью къ человѣку. Можетъ быть, тутъ дѣйствуютъ причины внѣшнія, политическія, сословныя, но возможно также, что виною этой борьбы невѣрные методы, употреблявшіеся въ богопознаніи. Возможно, что озлобленіе позитивистовъ направлено не противъ идеи о Богѣ, но противъ предметнаго, хотя и незримаго идола, котораго наивная вѣра надѣляла реальнымъ бытіемъ. Если такъ, то признаемъ за ними побѣду и предоставимъ имъ, какъ военный трофей, осколки разбитаго ими идола, а сами удалимся въ храмъ живого Бога, т. е. въ храмъ человѣческаго духа, куда, можетъ быть, и они послѣдуютъ за нами. Вѣдь въ противномъ случаѣ пришлось-бы

признать все ученіе позитивистовъ недоразумѣніемъ или безуміемъ. Они проповѣдуютъ всеобщую любовь и братство между людьми, отрицая Бога-Отца.

Братья—безъ отца! Развѣ это не безуміе?

На этихъ словахъ мы кончили бесѣду.

Разговоръ седьмой

— Мы приближаемся къ перевалу,—сказалъ я Владиміру Ивановичу, — къ верхней площадкѣ горнаго хребта, раздѣляющаго безлюдныя степи наивной вѣры или наивнаго безвѣрія отъ вѣчной весны религіознаго познанія. Еще одно усиліе по скалистому пути, и мы достигнемъ холодной вершины умозрѣнія, а тамъ спускъ въ цвѣтущія пажити, къ идеалу легенды и свободѣ мэонической морали.

— Помню перевалы въ Крыму и на Кавказѣ,—прошепталъ мой собесѣдникъ.—Прекраснѣйшее, что было въ жизни!

— Итакъ,—продолжалъ я,—идемъ къ самому высокому и самому трудному. Вопросъ таковъ: что мы знаемъ о Богѣ и какъ это знаніе въ насъ возникаетъ? Есть въ душѣ какая-то особенная сила, особенное религіозное ощущеніе святости, божественности,—совершенно такъ-же, какъ въ мірѣ физическомъ существуетъ сила теплоты или электричества. Но вѣдь физикъ не начинаетъ съ вопроса: что такое электричество? онъ довольствуется вопросами: „въ какихъ условіяхъ возникаетъ эта сила“? и „что онъ знаетъ о ея проявленіяхъ“? а уже потомъ строитъ гипотезу о сущности электричества. Точно также и мы съ достовѣрностью можемъ знать только условія возникновенія въ насъ божественности и ея проявленія; объ остальномъ намъ дано не знать, а догадываться и мечтать на языкѣ легенды.

Каковы-же условія возникновенія въ насъ ощущенія божественности? Одно уже мы знаемъ,—что божество рождается въ мірѣ явленій, ибо неизвѣстное познается только черезъ извѣстное. Въ мірѣ-же явленій намъ непосредственно открываются тѣла, ихъ частные признаки и взаимоотношенія, которые мы воспринимаемъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ. Всѣ эти признаки частичны и случайны; цвѣта относятся только къ одной группѣ явленій, звуки—къ другой, запахи—къ третьей. Такъ вотъ, сколько-бы мы ни вращались среди подобныхъ чувственныхъ признаковъ явленій, никогда въ насъ не возникнетъ ощущеніе божественности, и мы не назовемъ божество ни синимъ, ни деревяннымъ, ни текучимъ, ни теплымъ, ни громкимъ. Но помимо частныхъ признаковъ явленій, есть еще общіе ихъ признаки, примѣнимые ко всѣмъ группамъ безъ исключенія, напримѣръ: протяженность во времени. Вотъ въ сферѣ этихъ общихъ признаковъ мы какимъ-то путемъ доходимъ до идей, въ которыхъ обитаетъ святость. Было-бы нелѣпо говорить объ абсолютно-единомъ звукѣ или абсолютно-единомъ запахѣ. Но когда мы мыслимъ абсолютно-единое пространство (недѣлимую безконечность), или абсолютно-единое время (безначальную вѣчность), то въ насъ, помимо нашей воли, возникаетъ ощущеніе божественности, и міръ представляется намъ въ „новомъ освѣщеніи святости, которое чѣмъ-то отличается отъ всѣхъ другихъ освѣщеній“, даже отъ истины и красоты,—будучи еще истиннѣе и прекраснѣе, чѣмъ сама истина и красота. Мы можемъ принять, какъ законъ религіознаго творчества, слѣдующее положеніе: божественныя идеи открываются намъ не среди частныхъ, чувственныхъ признаковъ явленій, а въ сферахъ всеобщихъ признаковъ. Въ каждой такой сферѣ мы извѣстнымъ путемъ приходимъ къ познанію одного изъ тѣхъ божественныхъ признаковъ, которые теологія называетъ аттрибутами божества. Но теологи

въ опредѣленіи аттрибутовъ шли ощупью и догадкой, и оттого ихъ знаніе о божественной природѣ отличается неполнотой и случайностью. Мы-же владѣемъ ключемъ отъ входа, ведущаго къ полному и достовѣрному знанію скрытому въ мірѣ божественности. Для этого намъ нужно обойти всѣ сферы общихъ признаковъ явленій и указать путь, который въ каждой сферѣ съ необходимостью приводитъ къ познанію—въ двухъ направленіяхъ—божественнаго аттрибута. Сдѣлавъ это, мы исчерпаемъ все доступное намъ достовѣрное богопознаніе, ибо ничего кромѣ аттрибутовъ Бога и способа ихъ возникновенія мы о Богѣ не знаемъ.

— А число этихъ сферъ ограничено или безконечно?—спросилъ меня Владиміръ Ивановичъ.

— Вполнѣ ограничено,—сказалъ я.—Сферы общихъ признаковъ явленій, это—то, что въ философіи называется категоріями. Я насчитываю семь такихъ сферъ. Съ одною изъ нихъ—со сферою чиселъ—я уже познакомилъ васъ и показалъ, какъ въ ней открывается единство—въ двухъ направленіяхъ: въ сторону наибольшаго, какъ абсолютно-безконечное, и въ сторону наименьшаго, какъ абсолютно-недѣлимое. Тотъ-же актъ богорожденія происходитъ во всѣхъ другихъ сферахъ.

— Почему семь сферъ, а не восемь, девять?—снова спросилъ Владиміръ Ивановичъ.—Неужели божественная природа ограничена извѣстнымъ числомъ аттрибутовъ?

— Какъ ни странно, но это почти такъ,—отвѣтилъ я. Не божественная природа ограничена, а наша человѣческая способность постигать ее. Возможно, что аттрибутовъ божества безконечное множество, но человѣческому разуму открываются лишь немногіе. Божественная тайна горитъ передъ нами, какъ алмазъ, отшлифованный въ опредѣленное число граней, хотя играющій безконечнымъ множествомъ лучей. Почему весь опытъ заключенъ въ семь сферъ этихъ признаковъ, а не во-

семь или девять, я не знаю, какъ не знаю, почему у насъ пять внѣшнихъ чувствъ, а не больше или меньше. Вопросъ о количествѣ категорій сыгралъ въ исторіи философіи большую роль. Аристотель понималъ подъ категоріями общія понятія, обнимающія весь опытъ, и установилъ девять такихъ всеобщихъ сказуемыхъ, не руководясь при ихъ перечнѣ никакимъ принципомъ или системою. Впрочемъ, онъ и не придавалъ имъ, кажется, особеннаго значенія. Впервые всю важность категорій понялъ Кантъ, который самъ видѣлъ свою наибольшую заслугу, какъ философа, въ томъ, что онъ установилъ принципъ для нахожденія категорій, такъ что число ихъ является уже не гадательнымъ, случайнымъ, какъ у Аристотеля, а заранѣе опредѣленнымъ и неизмѣннымъ. Но принципъ этотъ лишь кажущійся, и число кантовскихъ категорій такъ-же случайно, какъ и аристотелевыхъ. Кантъ видитъ въ категоріяхъ только разсудочныя формы, объемлющія всякій пытъ и дѣлающій опытъ возможнымъ. Поэтому онъ принимаетъ столько-же категорій, сколько существуетъ въ логикѣ общихъ сужденій—четыре класса съ тремя подраздѣленіями въ каждомъ. Но въ самой логикѣ число общихъ сужденій открывается случайно, и мы не знаемъ, почему кромѣ количественности, качественности, относительности и модальности нѣтъ другихъ общихъ рубрикъ сужденій. Мы считаемъ четыре класса, потому что ихъ не больше и не меньше.

— Вы все-таки принимаете ученіе Канта о категоріяхъ?—спросилъ меня Владиміръ Ивановичъ.

— Беру у Канта,—отвѣтилъ я,—его опредѣленіе категорій, какъ необходимыхъ понятій, въ которыхъ совершается синтезъ случайнаго опыта. А затѣмъ, ни относительно числа категорій, ни относительно употребленія, которое онъ изъ нихъ дѣлаетъ, съ Кантомъ согласиться нельзя. Нѣтъ сомнѣнія, что категоріи обусловливаютъ синтезъ опыта, но вѣдь синтезъ

этотъ происходитъ не только въ разсудкѣ, а также въ области воли, въ нравственной дѣятельности и въ эстетическомъ созерцаніи. Ограниченіе у Канта числа категорій одними разсудочными объясняется односторонностью философа-логика, который изъ-за теоріи познанія не видѣлъ самаго познанія. Онъ упустилъ изъ виду, что синтезъ означаетъ движеніе, стремленіе къ чему-то и что поэтому никакой теоретическій и даже логическій актъ не возможенъ внѣ категорій цѣли и блага. По существу-же между категоріями разсудочными, съ одной стороны, и этической и эстетической, съ другой, различія нѣтъ. Объединяете-ли вы явленія въ знаніи, въ ихъ численной и причинной связи, или въ любви—въ ихъ волевой связи, или въ гармоніи—въ ихъ символической связи, вы во всѣхъ случаяхъ совершаете синтезъ внѣшняго и внутренняго опыта въ сферѣ категорій.

Затѣмъ слѣдуетъ отвергнуть ученіе Канта объ апріорномъ характерѣ категорій. Кантъ первый изъ философовъ замѣтилъ, что категоріи не составляютъ части опыта, а нѣчто отдѣльное отъ него. Изъ того-же, что категоріи не объективны, не конкретны, онъ заключаетъ, что онѣ врождены мыслящему субъекту, упустивъ изъ виду, что самое понятіе о субъектѣ и объектѣ ничто иное, какъ категорія, т. е. одно изъ условій всякаго познанія, такъ что, по ученію Канта, получается, что категоріи врождены категоріи, — что, очевидно, нелѣпо. Категоріи, въ самомъ дѣлѣ, не составляютъ части опыта, но не только внѣшняго, а также и внутренняго. Наши понятія, сужденія и управляющіе ими логическіе законы—тѣ-же явленія; они такъ-же немыслимы внѣ категорій, какъ предметы и силы внѣшней природы. Такимъ образомъ мы получаемъ новое опредѣленіе категорій: о нихъ можно сказать, что это—общія внутреннему и внѣшнему опыту формы, дѣлающія воз-

можнымъ сліяніе ихъ между собою. Для разума категоріи опредѣляются, какъ всеобщія необходимыя понятія; для предметовъ, какъ всеобщіе необходимые признаки.

— Неужели Кантъ забылъ о категоріи субъекта и объекта?—спросилъ меня собесѣдникъ.

— Да, — отвѣтилъ я,—онъ долженъ былъ допустить эту ошибку, — корни ея скрыты слишкомъ глубоко. Кантъ приступилъ къ своему изслѣдованію не совсѣмъ свободный отъ предвзятыхъ цѣлей. Своей философіей онъ ополчился и на внѣшній міръ, и на Бога, желая возвысить духъ человѣческій надъ природой и освободить его отъ абсолюта. Этой двойной цѣли онъ и достигъ ученіемъ объ апріорномъ характерѣ категорій. Вѣдь категоріи составляютъ необходимый моментъ въ опытѣ, а впечатлѣнія отъ внѣшней природы — его случайный моментъ. То, что это дерево—сосна, а не береза, случайно, то, что оно занимаетъ извѣстное пространство — необходимо. Признавъ категоріи врожденными разсудку, независящими отъ внѣшняго міра и предваряющими его, Кантъ перенесъ моментъ необходимости изъ природы въ духъ человѣческій и тѣмъ установилъ гегемонію разума надъ феноменами. Но этимъ-же ученіемъ Кантъ хотѣлъ также освободить разумъ отъ Бога, ибо, возникая только въ категоріяхъ, идея о Богѣ превращается въ одну форму необходимости безъ всякаго содержанія, въ одну субъективную мечту, безъ объективной реальности. Цѣли, какъ видите, возвышенныя, и Канта поистинѣ можно назвать послѣднимъ титаномъ, боровшимся съ богами. Но и будучи возвышенными, эти цѣли чужды философіи, знающей лишь одну цѣль— истину. Истина-же свидѣтельствуетъ противъ апріорнаго характера категорій и вмѣстѣ съ этимъ фундаментомъ рушится все зданіе взлелѣянныхъ Кантомъ надеждъ. Въ области знанія мы принуждены отказаться отъ при-

тязанія первенствовать надъ природой, а должны довольствоваться равными съ нею правами; въ области-же религіи мы принуждены отказаться отъ притязанія освободиться отъ Бога и должны довольствоваться свободою въ Богѣ. Сама идея о Богѣ перестаетъ быть лишь субъективною мечтою, ибо въ ея созиданіи, чрезъ посредство категорій, одинаково участвуютъ и внѣшній, и внутренній опытъ. Такимъ образомъ мы получаемъ еще одно опредѣленіе для категорій. Это сферы общихъ понятій и признаковъ, въ которыхъ совершается не только синтезъ явленій, но и преображеніе явленій въ аттрибуты божества. Показать механизмъ этого преображенія — значитъ исчерпать все, что мы съ достовѣрностью знаемъ о Богѣ.

Еще одно слово о таинственной природѣ категорій. Онѣ внутренно слиты между собою, такъ что, съ какой-бы категоріи мы ни начали изслѣдованіе, намъ необходимо допустить предварительное существованіе и знаніе всѣхъ другихъ. Выводить ихъ одну изъ другой нельзя. Онѣ, подобно пропущеннымъ одно въ другое кольцамъ, не представляютъ ни начала, ни конца. За какую категорію ни возьметесь, вы увлечете всю ихъ связку, и поэтому вы поступите всего правильнѣе, если будете разсматривать ихъ, какъ самостоятельныя сферы. А такъ какъ одна изъ этихъ сферъ есть понятіе о цѣли, то приходится изслѣдовать и всѣ другія, которыя въ противномъ случаѣ показались-бы намъ безцѣльными...

— Я не совсѣмъ понялъ послѣднюю вашу мысль, — прошепталъ Владиміръ Ивановичъ.

— Мнѣ кажется, — отвѣтилъ я,—что не будь иныхъ категорій, кромѣ разсудочныхъ, изученіе ихъ стало-бы безцѣльнымъ. Еще Кантъ замѣтилъ, что геометры совершенствуютъ свою науку, ничуть не заботясь о метафизической сущности пространства. Другія науки столь-

же мало интересуются сущностью категорій. Для ученаго важны чувственные результаты опыта, а не метафизическія условія его возможности. Сама-же метафизика, какъ показалъ многовѣковой опытъ, въ состояніи вызывать любопытство лишь немногихъ теоретиковъ, профессоровъ философіи, чуждыхъ жизни и ничѣмъ на жизнь не вліяющихъ. Но все мѣняется, какъ только въ число категорій включить категоріи цѣли и нравственной дѣятельности. Здѣсь мы перестаемъ быть безстрастными наблюдателями, ибо въ этихъ категоріяхъ синтезъ явленій происходитъ не въ отвлеченіи, а въ нашей волѣ, въ нашемъ ощущеніи счастія. Намъ не только для любопытства, но и для примиренія съ жизнью необходимо знать цѣль міра и пути, ведущіе къ ней. Цѣль-же эта дается только въ религіозной легендѣ, и пути — только въ нравственной дѣятельности.

— Почему-же не ограничиться изученіемъ категоріи цѣли и нравственной дѣятельности? — спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Потому что,—отвѣтилъ я,—механизмъ синтеза во всѣхъ категоріяхъ одинаковый, между тѣмъ въ разсудочныхъ категоріяхъ этотъ синтезъ происходитъ какъ-то нагляднѣе, безстрастнѣе и поэтому безспорнѣе, чѣмъ въ этическихъ. Скажите людямъ, что къ единой правдѣ ведутъ два пути добра, а они начнутъ спорить и возражать и даже на логику ссылаться: „Какъ! Два пути добра? Но вѣдь это все равно что сказать: здоровье— благо, а болѣзнь — наслажденіе, или ученье — свѣтъ, а неученье — сіяніе“ — и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Но покажите имъ сперва, что въ категоріи числа синтезъ безконечнаго получается двумя путями — посредствомъ умноженія (въ сторону наибольшаго) и посредствомъ дѣленія (въ сторону наименьшаго), дайте имъ собственною мыслью ощупать, что высшее благо въ кате-

горіи морали получается точно такимъ-же образомъ, какъ безконечность въ категоріи числа, и споръ о двухъ путяхъ добра падетъ самъ собою.

Итакъ, обойдемъ одну за другой сферы всѣхъ категорій, начиная съ той, которая пропущена у Канта,—съ категоріи субъекта и объекта. Я уже показалъ вамъ, какъ совершается синтезъ въ категоріи числа. Тотъ-же самый процессъ повторяется во всѣхъ другихъ категоріяхъ.

Оглядываясь на міръ явленій, мы прежде всего открываемъ въ немъ различіе „я“ и „не я“, между субъектомъ и объектомъ. Внѣ этой категоріи невозможенъ никакой синтезъ явленій. Какъ-бы мы ни относились къ предметамъ опыта, какъ-бы они не относились къ намъ, мы заранѣе необходимо должны допустить двойственную сложность „я“ и „не я“. Въ этой сложности міръ распадается на множество единицъ, изъ которыхъ каждая, будучи недѣлимымъ „я“ (индивидуумомъ), относится ко всѣмъ другимъ, какъ къ чему-то, отъ себя отличному, какъ субъектъ къ объектамъ. Вы, конечно, и безъ моего указанія видите, что сложность эта суммарная?

— Вы переносите на категорію субъекта-объекта то, что говорили раньше о категоріи числа? — спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Рѣшительно все, — отвѣтилъ я, — отъ перваго до послѣдняго слова. Признаться, это удивительное совпаденіе свойствъ и механизма всѣхъ категорій наполняетъ меня нѣкоторой гордостью, ибо доказываетъ, что я на вѣрномъ пути. Итакъ, подобно тому, какъ число въ отношеніи къ другимъ числамъ бываетъ или суммой, или слагаемымъ, такъ точно индивидуумъ, по отношенію къ другъ другу, бываетъ или субъектомъ, или объектомъ. Синтезъ субъекта и объекта ведетъ къ познанію явленій, которымъ завѣдуетъ чувственный разумъ.

Принципъ этого синтеза — индивидуальное единство, отличительное его свойство — опредѣленность, предѣлы его—сознаніе каждымъ своего внутренняго, опредѣленнаго, цѣльнаго, недѣлимаго „я“, и внѣшняго опредѣленнаго-же, цѣльнаго, недѣлимаго предмета. Эти предѣлы синтеза—„я“ и „не я“—даются намъ, какъ окончательные результаты познанія, а такъ какъ чувственный (онъ-же и научный) разумъ имѣетъ дѣло только съ результатами, то онъ вполнѣ удовлетворяется отношеніями субъекта къ объекту,—ими исчерпывается все содержаніе нашего житейскаго и научнаго опыта.

Но метафизическому разуму мало знать результаты познанія, онъ еще хочетъ узнать процессъ его. Если индивидуумы относятся между собою, какъ субъекты и объекты, то необходимо, чтобы каждый изъ нихъ самъ въ себѣ таилъ внутреннюю сложность, дающую ему возможность быть то субъектомъ, то объектомъ. Эту сложность каждый открываетъ въ себѣ самомъ, какъ двуединство духа и тѣла. Индивидуумъ оттого можетъ относиться къ другимъ, какъ субъектъ, что въ немъ скрывается начало духовно-сознательное; онъ-же относится къ другимъ, какъ объектъ, потому что это духовное начало символизировано въ матеріальной оболочкѣ. Вотъ вы видите, слушаете меня, относитесь ко мнѣ, какъ субъектъ къ объекту. Это отношеніе возможно потому, что въ васъ скрыто воспринимающее духовное начало, а я облеченъ тѣлесной оболочкой, которую вы и воспринимаете. Ничего, кромѣ матеріальной символики, кромѣ линій, формъ, красокъ, звуковъ голоса вы воспринять не можете, и мы оба похожи на двухъ дипломатовъ, которые переписываются другъ съ другомъ посредствомъ условнаго шифра. Я свою мысль и чувство перевожу на шифръ матеріальныхъ символовъ, вы эти условные значки обратно переводите на духовный языкъ мыслей и чувствъ.

Такимъ образомъ мы въ отношеніи другъ къ другу бываемъ то субъектомъ, то объектомъ, но каждый изъ насъ самъ по себѣ представляетъ комплексную сложность изъ духа и тѣла. Вы помните, что комплексная сложность, въ отличіе отъ суммарной, состоитъ не изъ многихъ слагаемыхъ, а изъ двухъ элементовъ, которые соединены между собою непостижимымъ для чувственнаго разума образомъ, сверхчувственно,—нераздѣльно и неслитно.

— Какъ оба естества въ личности Христа? — не то спросилъ, не то подсказалъ мнѣ Владиміръ Ивановичъ.

— Конечно, — отвѣтилъ я. — Вы еще разъ видите, какъ глубокомысленны были христологическіе споры, которые на языкѣ религіозной гностики разрѣшали единственно важную въ философіи тайну двуединаго комплекса. Мы подошли теперь къ этой тайнѣ въ категоріи сознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ подошли къ самымъ опаснымъ порогамъ мысли, къ великой метафизической проблемѣ о познаніи и бытіи. Изъ двухъ элементовъ — сознательнаго „я“ и внѣшняго міра явленій—какой первичный и какой производный? Логически необходимо признать первенство за субъектомъ: гдѣ нѣтъ познающаго, не можетъ быть познаваемаго. Фактически-же необходимо признать первенство за объектомъ, ибо, изучая міръ, мы убѣждаемся, что онъ существовалъ раньше нашего сознанія. Если-же отдать первенство мыслящему „я“, то возникаетъ вопросъ, существуетъ-ли внѣшній міръ въ дѣйствительности и не есть-ли онъ только порожденіе субъективной мечты? И вообще соизмѣримо-ли сознаніе съ бытіемъ и можно-ли доказать реальное бытіе чего-бы то ни было? Таковы эти крутые пороги мысли, среди которыхъ терпѣлъ крушеніе не одинъ философскій умъ и надъ которыми Декартъ хотѣлъ, въ видѣ маяка, зажечь увѣренность, что уже мыслящее-то „я“ во всякомъ случаѣ существуетъ.

— Я хотя очень смутно,—сказалъ мой собесѣдникъ, — но начинаю догадываться о причинахъ всѣхъ этихъ недоумѣній.

— Намъ, — отвѣтилъ я, — это легко, потому что мы владѣемъ ключемъ отъ внутренняго механизма категоріи. Подобно тому какъ прежде, зная сущность христологическихъ споровъ, мы могли à priori возсоздать схему всѣхъ возможныхъ ересей, такъ теперь, зная основное заблужденіе метафизическаго мышленія, мы по нему можемъ начертать систему философскихъ системъ. Заблужденіе это, какъ вы, вѣроятно, сами уже замѣтили, заключается въ смѣшеніи сложности суммарной и комплексной. Изъ того, что чувственный разумъ познаетъ мыслящее „я" самостоятельнымъ, недѣлимымъ субъектомъ, по отношенію къ внѣшнимъ объектамъ, большинство философовъ ошибочно заключало, что духовное „я" и само по себѣ не только въ результатѣ, но и въ процессѣ познанія, самостоятельно и недѣлимо. Исходя изъ этого основного заблужденія, философская мысль можетъ породить слѣдующія четыре ошибочныхъ ученія. Вотъ они:

Во-первыхъ, идеализмъ, признающій духовное „я" единственно реальной субстанціей, а весь внѣшній міръ—производнымъ этого „я", отраженіемъ безплотной идеи, мечтою или сновидѣніемъ духа, призрачнымъ покровомъ, который духъ, какъ паукъ паутину, ткетъ самъ изъ себя и которымъ самъ себя окутываетъ.

Во-вторыхъ, матеріализмъ, признающій матерію единственной реальной субстанціей, а духъ — одной изъ функцій мозга. Я считаю матеріализмъ отдѣльнымъ ученіемъ, хотя въ немъ, какъ увидите, мы имѣемъ лишь изнанку идеализма. Оба эти ученія можно звать монистическими, потому что каждое изъ нихъ признаетъ лишь одинъ источникъ познанія, одну субстанцію — чистый духъ или чистую матерію.

Въ третьихъ, наивный дуализмъ, признающій двѣ самостоятельныхъ субстанціи, — духъ и тѣло, на время и случайно соединенныхъ между собою и вполнѣ раздѣлимыхъ.

Въ четвертыхъ, дуализмъ философскій, признающій двѣ субстанціи, но не равнозначущія, причемъ первенствующее значеніе приписывается то духовному, то физическому моменту. Въ первомъ случаѣ получается феноменализмъ, учащій, что вещи существуютъ реально, но что мы знаемъ не ихъ сущность, а лишь наши представленія о нихъ. Во второмъ случаѣ получается ученіе, невѣрно именуемое научнымъ монизмомъ.

Таковы главнѣйшіе типы всѣхъ возможныхъ философскихъ системъ. Теперь разсмотримъ заблужденіе каждой изъ нихъ.

Идеализмъ полагаетъ, что реально существуетъ только мое мыслящее „я" и что весь міръ—представленіе этого „я". Но, созерцая міръ, мое „я" не можетъ постигать его инымъ, какъ реально существующимъ; не въ силахъ воспринимать внѣшній опытъ иначе, какъ въ категоріи бытія: реальность внѣшняго міра кажется мыслящему „я" не выводомъ, но условіемъ мышленія. Болѣе того: мое мыслящее „я" увѣрено, что міръ существовалъ независимо отъ меня и будетъ существовать, когда меня въ немъ не станетъ. Эта моя увѣренность можетъ быть истинной или ложной. Если она истинна, то основное положеніе идеализма оказывается противорѣчащимъ истинѣ. Но это положеніе падаетъ и въ томъ случаѣ, если моя увѣренность основана на заблужденіи. Ибо заблуждаться можно только въ сравненіи съ истиною. Заблужденіе есть отступленіе отъ истины и не можетъ быть мыслимо безъ послѣдней, какъ нормальное безъ понятій о нормѣ. Допуская свое заблужденіе, я тѣмъ самымъ допускаю, что внѣ меня существуетъ или можетъ существовать другое мыслящее существо

съ другимъ истиннымъ міроотношеніемъ, въ сравненіи съ которымъ мое оказалось-бы ложнымъ. Но въ такомъ случаѣ я утверждаю реальное существованіе „не я",—и основное положеніе идеализма рушится.

Матеріализмъ на первый взглядъ имѣетъ то преимущество передъ идеализмомъ, что его основоположеніе совпадаетъ съ выводами опыта. Но если бы мы спросили матеріалиста, почему онъ развѣнчалъ мыслящее „я" и вѣнецъ субстанціи возложилъ на матерію, онъ-бы могъ сослаться только на свидѣтельство своего мыслящаго „я". Въ матеріализмѣ матерія властвуетъ надъ мыслью, какъ раба властвовала-бы надъ царицей, которая сама уступила-бы ей на время власть и нарядила-бы въ свои одежды. Основное противорѣчіе между происхожденіемъ знанія и его содержаніемъ не устранено въ ученіи матеріалистовъ, которое является лишь изнанкою идеализма.

Вотъ почему оба монистическихъ ученія должны быть отвергнуты, какъ внутренно противорѣчивыя, тѣмъ болѣе, что оба они оказываются безсильными передъ вопросомъ, какимъ образомъ духовное „я" творитъ матерію или матерія творитъ духовное начало. Что касается ученій дуалистическихъ, то наивный дуализмъ едва ли заслуживаетъ нашего разсмотрѣнія: это ученіе не подозрѣваетъ о существованіи комплексной сложности и какъ бы стоитъ за оградой метафизики. Сложнѣе и ближе къ истинѣ ученіе феноменализма, но оно никогда не могло отвѣтить на слѣдующее возраженіе: если мы знаемъ только явленія, а не вещь въ себѣ, то откуда намъ извѣстно, что явленія и вещь въ себѣ не одно и тоже? Впрочемъ, главное противорѣчіе феноменализма не въ томъ, что это ученіе что-то знаетъ о томъ, чего не знаетъ, а въ томъ, что оно, какъ будто утверждая неразрывную двойственность знанія, въ то же время признаетъ единство и цѣльность познающаго

„я“. Такимъ образомъ оно открыто для всѣхъ возраженій, которыя дѣлаются противъ идеализма, и само является замаскированнымъ идеализмомъ. Понятно поэтому, почему изъ феноменализма Канта вылупился неоидеализмъ Шопенгауэра, столь глубоко обольстительный своимъ демоническимъ духомъ, смѣсью горечи (міръ есть только представленіе) и гордыни (міръ есть *мое* представленіе),—хотя истинная сила Шопенгауэра не въ его теоріи познанія, а въ его морали.

— Въ чемъ же тогда истина? — спросилъ меня Владиміръ Ивановичъ.

— Для чувственнаго разума,—отвѣтилъ я,—истина заключается въ суммарной сложности объекта и субъекта, а для метафизическаго разума она заключается въ комплексной сложности тѣла и духа. А такъ какъ всѣ эти элементы находятся во взаимодѣйствіи, то каждый актъ сознанія, по своей природѣ, четырехчлененъ. Это вотъ что значитъ. Я созналъ, что вы на меня взглянули. Въ этомъ актѣ моего сознанія участвуютъ, въ самыхъ сложныхъ сочетаніяхъ, четыре элемента: два субъективныхъ, — мое тѣло и мой духъ, и два объективныхъ,— ваше тѣло и вашъ духъ; изъ нихъ мой духовный элементъ и вашъ тѣлесный отпечатлѣлись въ актѣ сознанія явственно, а два другихъ — мой тѣлесный и вашъ духовный—скрытно. Самъ по себѣ каждый индивидуумъ представляетъ не монаду, какъ училъ Лейбницъ, а комплексную двуединую дуаду, т. е. неразрывное единство двухъ неслитныхъ и нераздѣльныхъ элементовъ—духа и тѣла, или, вѣрнѣе, цѣлую систему такихъ дуадъ, какъ большой кристаллъ состоитъ изъ мелкихъ кристалловъ той же формы. Чѣмъ эта система сложнѣе и полнѣе, тѣмъ дуада совершеннѣе. Смерть дуады означаетъ ея распаденіе на другія, простѣйшія дуады, но подобно тому, какъ мелкія частицы кристалла теряютъ для глаза кристаллическую форму и кажутся простыми крупин-

ками, такъ въ низшихъ дуадахъ мы перестаемъ различать духовное начало и склонны принимать неорганическій міръ за чистую матерію. Такъ какъ оба элемента соединены въ индивидуумѣ нераздѣльно, то они слились бы въ его сознаніи, и дуада превратилась бы въ монаду. Этого не бываетъ, потому что индивидуумъ окруженъ другими, такими же, какъ онъ, комплексными дуадами, и вотъ, относя себя къ нимъ въ суммарной сложности субъекта и объекта, я научаюсь не сливать оба элемента комплекса. Сравнивая себя съ вами, я вижу, что ваши чувства и мысли обращены ко мнѣ не такъ, какъ мои собственныя. Свои я познаю непосредственно, а ваши символически. Въ этомъ различіи я научаюсь не сливать матерію и духъ, но только не сливать, раздѣлять же ихъ я не въ силахъ, ибо во всѣхъ четырехъ членахъ сознанія оба элемента нераздѣльны. Вашъ духовный міръ постигается мною только символически, посредствомъ матеріальныхъ значковъ; ваша матеріальная форма для меня насквозь проникнута духовнымъ содержаніемъ; въ единственномъ же случаѣ, когда бы я могъ узнать непосредственно матерію, она для меня исчезаетъ, ибо свое собственное тѣло я сознаю только духовно, а свой духъ—только какъ синтезъ объективнаго, слѣдовательно матеріализованнаго міра. Нѣтъ матеріи безъ духа, нѣтъ духа безъ матеріи.

— Однако, вы говорите: „я сознаю“,—прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ.—Такъ что источникомъ знанія остается все-таки духовное „я“.

— Вотъ противъ этого положенія,—отвѣтилъ я,—и вооружается метафизическій разумъ. До тѣхъ поръ пока будемъ утверждать: „я мыслю о мірѣ“,—мы, очевидно, не выберемся изъ тенетъ и скрытыхъ противорѣчій идеализма или матеріализма. Но метафизическій разумъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что мышленіе само по себѣ безлично. Не „я“ мыслю міръ, а міръ и „я“ сами себя

мыслятъ въ суммарной и не разрывной связи. Въ доказательство единства и цѣльности „я“ обыкновенно ссылаются на факты самосознанія, на то, что мы сознаемъ свою личность всегда тождественной, равной себѣ, считаемъ себя отвѣтственными за поступки и помыслы прошлыхъ дней и т. д. Но всѣ эти факты доказываютъ лишь то, что двуединое „я“ отражается въ чувственномъ разумѣ, какъ индивидуальное единство, подобно любому предмету внѣшняго міра, подобно вотъ этому дереву, въ сложности и измѣняемости котораго мы однако не сомнѣваемся. Мы чувствуемъ тождественность своего мышленія, узнаемъ среди всевозможныхъ понятій свои собственныя, потому что помнимъ ихъ субъективное происхожденіе, но, равнымъ образомъ, мы сознаемъ тождественность міра и, несмотря ни на какія измѣненія внѣшнихъ условій, чувствуемъ себя въ той-же, а не въ другой природѣ.

— Не странно-ли, однако,—перервалъ меня мой собесѣдникъ,—что никто до сихъ поръ не замѣтилъ двуединой сложности индивидуумовъ, а каждый изъ насъ, наоборотъ, сознаетъ свою личность единой и нераздѣльной.

— Ошибаетесь,—отвѣтилъ я. Въ этой части своего міросозерцанія мы всего чаще встрѣчаемся съ уже проложенными ранѣе колеями. Уже ученики Будды знали о ложной природѣ мыслящаго „я“, во всей-же полнотѣ тайна комплексной сложности была раскрыта въ первые вѣка христіанства въ догматѣ о двуединой природѣ Христа. Я уже не разъ выражалъ вамъ свое изумленіе по поводу такого непонятнаго предваренія глубочайшей философской истины людьми не философствовавшими, жившими много вѣковъ до кантовской критики. Можетъ быть, это явленіе слѣдуетъ объяснить чудодѣйственною силою любви, которую Христосъ внушилъ къ себѣ, какъ никто изъ живущихъ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ

міръ. Во имя этой неповторявшейся никогда любви послѣдователи Христа хотѣли и должны были видѣть въ его личности всю полноту божественности, въ то-же время не убавивъ въ ней ни одной черты человѣчности, которую они въ немъ и любили и обожествили. Такимъ образомъ, сила безусловной любви подарила имъ величайшую метафизическую истину, которую мы завоевали силою разума. Въ философіи къ истинѣ о комплексной сложности всего ближе подошелъ Спиноза въ его ученіи о единой субстанціи—Богѣ и двухъ опредѣляющихъ ее аттрибутахъ—протяженности (матеріи) и мышленіи (духа)—изъ которыхъ ни одна не можетъ быть познаваема въ отдѣльности; въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна его теорема, гласящая, что „объектъ идеи, составляющій человѣческій разумъ, есть ничто иное, какъ тѣло“. Впослѣдствіи, въ періодъ критицизма, мысли Спинозы были забыты, но въ серединѣ 19 вѣка опять всплыли наружу, хотя не въ метафизикѣ, а, къ удивленію, въ естествознаніи, въ уже упомянутомъ мною ученіи, которое извѣстно подъ названіемъ научнаго монизма. Ученіе это изложено Гейгеромъ и Нуаре и считаетъ среди своихъ послѣдователей такихъ ученыхъ, какъ Геккель, Вундтъ и Ланге. Основное положеніе монизма заключается въ признаніи двуединства явленія. По словамъ Вундта, то, что мы называемъ душою, есть „внутреннее бытіе той самой единицы, которую съ ея внѣшней стороны мы называемъ тѣломъ“. Геккель идетъ еще дальше и прямо заявляетъ, что „атомы имѣютъ душу“. Послѣдователи монизма видятъ въ своемъ ученіи примиреніе идеализма и матеріализма, и въ этомъ смыслѣ сами называютъ его Idealrealismus. Они признаютъ сложную природу мыслящаго „я“ и увѣрены, что вмѣсто „я мыслю“ было-бы правильнѣе говорить: „мы мыслимъ“,—ибо въ каждомъ актѣ мышленія принимаютъ равное участіе два элемента: субъектъ и объектъ.

— Признаться вамъ,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ, —я чрезвычайно радъ тому, что идея о двуединомъ комплексѣ принята точной наукою. Для меня это лишнее доказательство, что вы строите на крѣпкомъ фундаментѣ.

— Въ этомъ смыслѣ,—отвѣтилъ я,—пріятно, конечно, сознавать, что строишь на основаніи, крѣпость котораго засвидѣтельствована другими. Но радоваться тому, что идея о комплексной сложности признана наукой, я не вижу основаній. Идея эта исключительно метафизическая и не имѣетъ ни одной точки соприкосновенія съ опытной наукой, изучающей явленія только въ ихъ суммарной сложности. Наука насквозь объективна; она наблюдаетъ только внѣшнія, матеріальныя проявленія энергіи, и указываетъ, при какихъ условіяхъ эти проявленія возникаютъ. Сфера понятій, въ которыхъ движется научное изслѣдованіе, было удовлетворительно указано еще Бэкономъ, а въ наше время съ величайшей тщательностью очерчена въ „Критикѣ чистаго опыта“ Авенаріуса, который вполнѣ резонно изгналъ изъ науки даже понятіе о причинной связи, довольствуясь связью между условіями, при которыхъ наступаетъ явленіе, и формами явленія. Поэтому ученый, говорящій о „душѣ атома“, о двухъ аттрибутахъ единой субстанціи, или твердитъ нѣчто безсодержательное, или переступаетъ за предѣлы науки.

— Но развѣ ученый, не вправѣ, какъ я съ вами, мыслить метафизически?—спросилъ мой собесѣдникъ.

— Какъ человѣкъ, — отвѣтилъ я, онъ не только вправѣ, но долженъ мыслить и метафизически и мистически, однако, экспериментируя надъ природой, онъ подвластенъ одному только чувственному разуму, вращается только среди суммарной сложности и ни съ какимъ другимъ единствомъ, кромѣ индивидуальнаго, не сталкивается. Все-же, что не необходимо въ наукѣ, является въ ней излишнимъ. Когда ученые, какъ Вундтъ и Гек-

кель, пускаются въ метафизическія сужденія, они возбуждаютъ къ себѣ невольное недовѣріе, какъ возбудилъ-бы метафизикъ, посягающій на натуръ-философію. И въ самомъ дѣлѣ, названные мною ученые обкрадываютъ Спинозу, Лейбница и Канта не съ тѣмъ, чтобы реформировать метафизику, а съ тѣмъ, чтобы замѣнить ее точной наукой. Изслѣдуя по необходимости только матеріальную сторону явленій, эти ученые своимъ признаніемъ мистическаго единства между духомъ и матеріей какъ-то попутно и незамѣтно устраняютъ, эскамотируютъ духовную сторону явленій. Поэтому ихъ ученіе, несмотря на ясно сознанную въ немъ истину о комплексной сложности, по цѣлямъ и выводамъ должно быть признано замаскированнымъ матеріализмомъ, что уже видно изъ самаго слова „монизмъ", столь ошибочно примѣненнаго къ ученію о „двуединствѣ".

— Все-таки не вполнѣ понимаю васъ,—продолжалъ Владиміръ Ивановичъ. Если идея о комплексной сложности истинна, то какъ допустить, чтобы истина гдѣ-нибудь могла оказаться лишней?

— Пора,—отвѣтилъ я,—открыть мнѣ мою мысль до конца. Что метафизическія истины безплодны на почвѣ эмпирической науки, я не стану доказывать,—считаю, что это понятно само собою. Раздѣльная черта между наукой и метафизикой обозначена весьма рѣзко: суммарная сложность явленій принадлежитъ наукѣ, комплексная—метафизикѣ. Но я также увѣренъ въ томъ, что метафизическія истины безплодны и на ихъ родной почвѣ, если относиться къ нимъ такъ, какъ къ нимъ донынѣ относилось большинство философовъ. Обыкновенно отъ метафизики ждутъ разъясненія процесса жизни, умственнаго равновѣсія примиренія разума съ самимъ собою. Вы видите теперь, какъ эти ожиданія несбыточны. Метафизическія истины по природѣ своей дисгармоничны и трагичны: онѣ таятъ въ себѣ вѣчный разладъ и проти-

ворѣчія. Это не мирная гавань для души, но верхній гребень волны, достигнувъ котораго, душа уже не можетъ остановиться въ движеніи, но съ необходимостью должна стремиться дальше—къ мистическому примиренію и синтезу. Чувственный разумъ по природѣ своей оптимистиченъ и свѣтелъ, метафизическій, наоборотъ, источникъ неопредѣленности и пессимизма. Въ изучаемой нами категоріи это различіе выступаетъ съ особенною отчетливостью. Пока я созерцаю себя и окружающій міръ въ свѣтѣ чувственнаго разума, моя мысль и воля находятся въ мирѣ и равновѣсіи. Мнѣ отрадно сознавать себя цѣльнымъ и единымъ индивидуумомъ, окруженнымъ такими-же индивидуумами. Я, живой, сообщаюсь съ живыми и, слыша вашъ голосъ, видя вашъ взоръ, я слышу и вижу вашъ разумъ, ваше чувство, ваше живое „я". Но вотъ метафизическій разумъ своимъ вкрадчивымъ шепотомъ спрашиваетъ меня: да какъже это происходитъ, что ты, субъектъ, и окружающіе тебя объекты относятся между собою, какъ цѣльные индивидуумы; не потому ли возможны эти взаимныя отношенія, что каждый изъ васъ въ отдѣльности, самъ по себѣ, скрываетъ въ себѣ двуединство духа и тѣла, или протяженности и мышленія, или движенія и ощущенія,—два неразрывныхъ естества, дѣлающихъ его въ одно время и субъектомъ, и объектомъ? Да, конечно, чувственный опытъ не мыслимъ внѣ комплексной сложности. Съ перваго взгляда кажется, что метафизическій разумъ прояснилъ сознаніе указавъ на его процессъ; на самомъ же дѣлѣ, онъ замутилъ самый родникъ мысли и воли.

Прежде всего, метафизическій разумъ лишилъ мои знанія характера достовѣрности и устрашилъ мой духъ призракомъ одиночества. Онъ доказалъ мнѣ, что я познаю въ вещахъ не ихъ полноту, а лишь созерцаю внѣшнюю, матеріальную сторону комплекса, лишь стѣны

тюрмы, за которыми скрывается какая-то духовная сущность, навѣки для меня недоступная. Не только душа атома отъ меня скрыта, но душа брата и друга, воля ваша въ эту минуту неизмѣримо дальше отъ меня, чѣмъ звѣзды млечнаго пути. Я вижу взоры, улыбки, слезы, слышу привѣты, мольбы, знаю, что за этими символами скрываются чувства и мысли, но какія, никто не даетъ мнѣ отвѣта. Каждое тѣло, каждый предметъ, каждое явленіе—ничто иное, какъ внѣшнія стѣны каземата, въ которомъ таится прикованный внутри къ этимъ стѣнамъ духовный узникъ, навѣки для всѣхъ незримый. Но въ такомъ случаѣ и все мое знаніе становится призрачнымъ и ничтожнымъ. Чувственный разумъ создавалъ индивидуальныя единства, созерцалъ во внѣшнемъ мірѣ отрадные предметы, во внутреннемъ—отрадное „я". Метафизическій разумъ доказалъ мнѣ, что это были идолы и призраки, что нѣтъ предметовъ, а есть или значки чужой, невѣдомой мнѣ духовности или какая-то моя собственная, несознаваемая мною тѣлесность, что нѣтъ мыслящаго „я", а есть или отраженіе во мнѣ знаковъ чужой духовности или неразрывная функція моего тѣла. Подумайте: самое завѣтное—сознаніе мною моей личности—и оно убивается метафизическимъ разумомъ. Мое „я" мѣняется въ зависимости отъ измѣненій моего тѣла, съ нимъ дряхлѣетъ, зависитъ отъ него, какъ изнанка ткани зависитъ отъ судьбы самой ткани, съ нимъ и разрушается, и распадается не на матерію и духъ, а на новыя матеріально-духовныя дуады. Неужели вы думаете, что, достигнувъ этого разлада, мысль можетъ успокоиться? Неужели вы не видите, что метафизика—только тяжкій путь, via dolorosa, ведущая къ высшему примиренію, и что наши присяжные философы, довольствующіеся метафизическими теоремами, не любители истины, а холодные книжники, безсердечные мыслящіе автоматы?

Такова эта первая антиномія между чувственнымъ и метафизическимъ разумомъ въ сложности субъекта и объекта. Другая антиномія въ сложности духа и тѣла столь-же глубока и непримирима. Изъ того, что духъ и матерія соединены нераздѣльно, слѣдуетъ, что между ними по необходимости должно существовать взаимодѣйствіе. И въ самомъ дѣлѣ мы каждый мигъ видимъ, что раздраженія тѣла вызываютъ ощущенія боли и, наоборотъ, движенія духа вызываютъ и приводятъ въ дѣятельность тѣло. Но изъ того, что духъ и матерія соединены неслитно, съ такою-же необходимостью слѣдуетъ, что взаимодѣйствіе между ними невозможно. Какъ-бы метафизическій разумъ ни увѣрялъ меня въ комплексной сложности духа и матеріи, я все-же въ наглядномъ созерцаніи открываю бездонную пропасть между ними, вотъ между этимъ міромъ и моею мыслью о немъ. Духъ и матерія противоположны другъ другу и нигдѣ не могутъ встрѣтиться, ибо въ точкѣ встрѣчи они-бы слились и явленія, постигаемыя нами только въ двуединствѣ объекта-субъекта, сдѣлались-бы немыслимы. Опытъ также убѣждаетъ насъ, хотя отрицательнымъ путемъ, въ невозможности такого взаимодѣйствія. Въ самомъ дѣлѣ, если оно существуетъ, то въ какой сферѣ оно происходитъ? Въ матеріи? Въ духѣ? Но какъ-бы далеко мы ни расчленяли матерію, никогда мы не отыщемъ въ ней слѣдовъ духовности, и, наоборотъ, идя путемъ духа, мы никогда не придемъ до матеріи.

Здѣсь мы приходимъ къ глубочайшему разладу между дѣйствительностью и разумомъ. Явленія представляютъ собою только взаимодѣйствіе между духомъ и матеріей, но это взаимодѣйствіе по законамъ разума не мыслимо ни въ области духа, ни въ области матеріи. Результаты и процессъ бытія исключаютъ другъ друга, явленія реальны и въ то-же время невозможны. И вотъ, придя къ необходимости признать всю дѣйствительность

безумной, разумъ вынуждается къ слѣдующему единственному выводу, не отрицающему самого существованія разума: если взаимодѣйствіе между духомъ и матеріей безусловно реально и безусловно невозможно ни въ области духа, ни въ области матеріи, то, слѣдовательно, оно совершается въ какой-то третьей области, не тождественной ни съ духомъ, ни съ матеріей, но общей имъ обоимъ.

Къ этому-же выводу другимъ путемъ приводитъ насъ и воля, побуждаемая исканіемъ цѣли. Въ области чувственнаго разума воля уравновѣшена, ибо всюду обрѣтаетъ единство, хотя только относительное (въ отношеніи субъекта къ объектамъ) и призрачное (множественное). Но вступая въ сферу разума метафизическаго, воля открываетъ во всемъ сущемъ внутреннюю трещину двуединства и съ болѣзненнымъ страхомъ начинаетъ озираться въ двухъ направленіяхъ, въ сторону внѣшняго міра и внутренняго „я“, но чѣмъ дальше всматривается, тѣмъ явственнѣе передъ ней выступаетъ роковая расколотость бытія, до понятія о „душѣ атома“, объ объективномъ содержаніи духа, и тогда чудеснымъ усиліемъ мистическаго разума воля прозрѣваетъ, что та желанная цѣлесообразная сущность, которую она напрасно ищетъ въ мірѣ и въ мысли, должна быть не расколотой ни во множественной, ни въ двуединой сложности, а безусловно, абсолютно единой. Обращаясь-же къ обоимъ элементамъ комплекса, мистическій разумъ отрицаетъ ихъ въ абсолютномъ единствѣ и рождаетъ двѣ идеи объ абсолютно-единомъ „я“ и абсолютно-единой субстанціи. Эти двѣ идеи отличаются отъ всѣхъ прочихъ чувственныхъ и метафизическихъ понятій характеромъ присущей имъ святости, цѣлесообразности, желанности, божественности. Онѣ рождаются во всѣхъ категоріяхъ и, собранныя вмѣстѣ, образуютъ всю сферу божественности, всѣ аттрибуты божества, все, что мы

можемъ узнать о Богѣ во внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ.

Теперь нѣсколько замѣчаній о разныхъ сторонахъ этихъ божественныхъ идей — и труднѣйшая часть нашего пути пройдена.

Первое — объ ихъ содержаніи. Вы видите, что во внутреннемъ откровеніи разума возникаетъ идея о Богѣ не какъ о безличномъ духѣ или всемірномъ разумѣ, а какъ о безусловномъ „я", объ абсолютно-единой, чисто-духовной, чисто-разумной личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы прозрѣваемъ Бога, какъ субстанцію, какъ абсолютно-единую, несложную, нетлѣнную матерію. Оба эти аттрибута, повидимому, противорѣчивые, на самомъ дѣлѣ представляютъ то-же самое абсолютное единство, постигнутое съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Абсолютно-единая личность можетъ познавать только себя, является единственнымъ субъектомъ и объектомъ или, что одно и то-же, чистымъ духомъ и чистой субстанціей.

Второе—объ отрицательномъ или мэоническомъ характерѣ божественныхъ идей. Мы постигаемъ абсолютную личность Бога, какъ полное единство, какъ отрицаніе всякой сложности — суммарной или комплексной. И вотъ этотъ отрицательный характеръ святыни всего болѣе способенъ смущать поверхностные умы, которымъ кажется, что называть святыню отрицательно то-же самое, что отрицать ее. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ не міръ отрицаетъ святыню, но, наоборотъ, въ святынѣ міръ отрицаетъ себя, всякую свою сложность, суммарную и комплексную, слѣдовательно, всякое содержаніе чувственнаго и метафизическаго разума. Раньше чѣмъ умереть въ бытіи, мы умираемъ въ святынѣ и въ ней-же, какъ скоро увидимъ, воскресаемъ. Въ сущности, отрицательность мэонизма заключается лишь въ признаніи, что божество непостижимо ни чувствомъ, ни разумомъ, но это одна изъ истинъ, отъ вѣка присущихъ

всякой религіи, основанной на внѣшнемъ или внутреннемъ откровеніи. „Бога не видалъ никто никогда“,— „Вседержитель, мы не постигаемъ Его!“,—„величіе Бога неизслѣдимо“,— „пути Божіи неисповѣдимы“,—всѣ эти и подобныя имъ библейскія реченія отрицаютъ возможность познавать Бога чувствомъ или разумомъ. Христіанскіе мыслители еще дальше заглянули въ эти глубины отрицанія. Уже Плотинъ и Проклъ дѣлили теологію на положительную, для толпы, и отрицательную, для избранныхъ. Плотинъ признаетъ Единаго находящимся по ту сторону разума (epèkeina tou nou) и обладающимъ сверхъ-разумомъ (hypernòesis). Эти глубокія и дерзновенныя мысли неоплатонизма вполнѣ усвоили себѣ мыслители церкви, называвшіе Бога неизреченнымъ и непостижимымъ. Климентъ Александрійскій говоритъ, что бездна божественной природы можетъ быть познана только черезъ отвлеченіе, т. е. черезъ отрицаніе въ ней всѣхъ свойствъ всего созданнаго, а въ особенности, свойствъ тѣлесныхъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ, если мы не въ силахъ будемъ указать, чему равняется Богъ, мы, по крайней мѣрѣ, узнаемъ, чему онъ не равняется. По этому-же пути шли и Оригенъ, и св. Юстинъ, и Тертулліанъ и, въ особенности, Денисъ Ареопагитъ, учившій, что „въ Богѣ отсутствіе субстанціи есть безконечная субстанція, отсутствіе жизни есть высшая жизнь и отсутствіе мысли есть высшая мудрость“. Такимъ-же догмамъ училъ и Скотъ Эригенъ, отецъ средневѣковой схоластики. Вы видите, что мэоническій характеръ святыни издавна признавался и философами, и отцами церкви, и все-таки я знаю, что передъ этой бездной разумъ толпы останавливается въ ужасѣ. Если божественные аттрибуты, спрашиваетъ близорукій разумъ толпы, нельзя постигать ни чувствомъ, ни мыслью, то что-же мы знаемъ о нихъ и знаемъ-ли мы о нихъ что-нибудь?

— А вѣдь это весьма тревожный вопросъ,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ.—Я чувствую, что абсолютная личность и субстанція божественны. Но если ихъ нельзя ни представлять себѣ, ни мыслить, то что-же онѣ такое?

— Иду на встрѣчу этому тревожному вопросу,—отвѣтилъ я,—и надѣюсь дать вамъ вполнѣ точный отвѣтъ. Еще разъ напомню вамъ слова: „никто не приходитъ къ Отцу какъ только черезъ Меня". Аттрибуты Бога были-бы для насъ не только непостижимы, но вовсе не существовали для нашего сознанія, если-бы между ними и явленіями не существовала-бы посредствующая среда логоса или метафизическаго разума. Спросимъ себя, что такое представляютъ собою понятія метафизическаго разума,—категоріи числа, времени, пространства, субъекта и объекта? Они не предметы, не реальности, а тѣмъ не менѣе реальнѣе всего существующаго, ибо по природѣ своей необходимы. Какъ предмета, пространства нѣтъ, но внѣ категоріи пространства мы-бы не могли познавать ни себя, ни окружающаго. И точно такъ же, какъ категоріи относятся къ явленіямъ, мэоническія идеи относятся къ самымъ категоріямъ. Онѣ точно также составляютъ необходимыя условія метафизическаго мышленія, какъ категоріи—условіе всякаго опыта. Вы видѣли, что комплексная сложность, объясняя отношенія субъекта и объекта, сама приводитъ насъ къ неразрѣшимымъ антиноміямъ и разладу между волей и разумомъ. Всѣ эти противорѣчія примиряются въ мистическомъ разумѣ. Только благодаря мэоническимъ идеямъ, дѣйствительность дѣлается возможной и разумной. И въ самомъ дѣлѣ, вспомните эти обѣ антиноміи и вы увидите, что онѣ разрѣшаются только въ мэонической идеѣ объ абсолютномъ единствѣ. Если я и вы, созерцая только матеріальную оболочку другъ друга, все-таки увѣрены каждый въ духовности другого, какъ въ своей собственной, то это возможно лишь при на-

шей мистической увѣренности въ единствѣ своей природы. Отношенія субъекта и объекта дѣлаются возможными только при условіи ихъ нахожденія въ какой-то общей имъ обоимъ субстанціи, насквозь субъективной и насквозь объективной, т. е. абсолютно единой. Равнымъ образомъ, если взаимодѣйствіе между матеріей и духомъ навѣрно гдѣ-то совершается, но невозможно ни въ области духа, ни въ области матеріи, то отсюда слѣдуетъ, что оно должно происходить въ какой-то общей имъ сферѣ, насквозь духовной и насквозь субстанціальной, т. е. въ абсолютномъ единствѣ. Такимъ образомъ, всякое бытіе и всякое познаніе происходятъ въ Богѣ, и мистическія идеи обусловливаютъ возможность метафизическихъ категорій, какъ категоріи — возможность чувственнаго опыта.

Наконецъ, третье и послѣднее замѣчаніе о практическомъ характерѣ мэоническихъ идей. Вѣдь то, что бытіе и познаніе совершаются въ Богѣ, не подвластно нашей волѣ и происходитъ независимо отъ того, знаемъ-ли мы объ этомъ или нѣтъ. Между тѣмъ характеръ святости мэоническихъ идей заключаетъ въ себѣ понятіе объ ихъ волевой цѣнности, объ ихъ желанности, цѣлесообразности, высшей полезности для души. Такими въ дѣйствительности онѣ и оказываются, ибо только въ нихъ примиряется разладъ воли съ разумомъ. Комплексная сложность убиваетъ въ насъ самое для насъ всѣхъ отрадное сознаніе своей единой личности. Не „я мыслю“, но „мы мыслимъ“,—говорятъ представители научнаго монизма, и, бросая насъ на этомъ афоризмѣ, они обрекаютъ человѣчество на непроглядный пессимизмъ. Въ этомъ отношеніи можно, пожалуй, радоваться научному монизму, ибо изъ этого ученія выходъ возможенъ только къ религіозному познанію. Такъ какъ отъ комплексной сложности возврата къ чувственному единству нѣтъ, то остается лишь впередъ—къ единству ми-

стическому. Въ идеѣ объ абсолютномъ единствѣ Бога мое личное „я“, умершее какъ реальность, воскресаетъ, какъ отображеніе святыни, какъ образъ и подобіе Божіе. Пусть чувственный разумъ созерцаетъ идолы и призраки, но сквозь ихъ просвѣчиваетъ вѣчное единство. Мы вдругъ съ изумленіемъ открываемъ мистическую красоту въ томъ, что казалось намъ самымъ обыкновеннымъ— въ представленіяхъ чувственнаго разума. Центръ высшей истины переносится изъ метафизики въ дѣйствительность, въ міръ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый, какъ осколокъ разбитаго зеркала, отражаетъ солнце вѣчнаго единства. Вмѣстѣ съ тѣмъ озаряется новымъ свѣтомъ и область метафизики. Два элемента комплекса превращаются для чувственнаго разума въ два пути, на которыхъ онъ, въ двухъ направленіяхъ, можетъ стремиться къ познанію Единаго. Пусть каждый актъ сознанія неразрывно сложенъ, но, какъ это ни непостижимо, сознавать міръ можно двояко—матеріально и духовно, во внѣшнемъ и внутреннемъ опытѣ. Первый путь избранъ наукой и ведетъ къ познанію субстанціи. Когда матеріалисты говорятъ о вѣчной и первозданной матеріи, какъ о началѣ міра, они, сами того не подозрѣвая, познаютъ одинъ изъ божественныхъ аттрибутовъ, но мистическую идею воспринимаютъ чувственно, превращая ее въ „мнимую святыню“. Второй путь — внутренняго созерцанія—когда-то многолюдный, а теперь всѣми покинутый, ведетъ къ познанію абсолютной личности. Но если въ мэонизмѣ истина, то я увѣренъ, что этотъ путь опустѣлъ не навсегда...

Таковы положительныя блага, доставляемыя отрицательно-познаваемою святынею. Она возвращаетъ намъ утраченную личность, и, если я не ошибаюсь, въ мэоническомъ познаніи пессимизмъ навсегда побѣжденъ; мы въ самомъ дѣлѣ наступили на главу змія и сотремъ ее. Но познаніе Бога не только освобождаетъ насъ отъ

отчаянія, оно, открывая чувственному разуму два пути цѣлесообразной дѣятельности, сопровождаетъ насъ на этихъ путяхъ особымъ радостно-восторженнымъ чувствомъ цѣледостиженія, превращающимся на высшихъ ступеняхъ познанія въ пламя экстаза. Такъ что мэоническая святыня постигается нами и разумомъ, какъ условіе всякаго познанія, и чувствомъ, какъ высшая радость. Великимъ Александрійцамъ тайна экстаза была извѣстна; не знали они только, что конечная цѣль жизни заключается не только въ достиженіи экстаза, но въ примиреніи, въ синтезѣ двухъ экстазовъ. Въ данномъ случаѣ, синтезъ выразился бы въ сліяніи радости научнаго изслѣдованія съ радостью внутренняго созерцанія. Цѣль, достойная человѣчества и несомнѣнно горящая передъ нимъ.

Вотъ все, что я могъ вамъ сказать о категоріи познанія. Въ остальныхъ разсудочныхъ категоріяхъ—бытія и причины—процессъ богорожденія происходитъ совершенно такъ же, какъ и въ этой, такъ что о нихъ мнѣ осталось бы сказать вамъ весьма немногое, если бы я не боялся, что отвлеченныя разсужденія утомили васъ.

— О нѣтъ,—отвѣтилъ мой собесѣдникъ,—я не въ силахъ слѣдить за подробностями, я вижу только общія линіи, и онѣ все болѣе внушаютъ мнѣ чувство безопасности. Я бы хотѣлъ, чтобы вы завершили зданіе.

— Хорошо,—отвѣтилъ я,—еще нѣсколько шаговъ, и мы обошли всю первую сферу мэоническаго міропониманія, именно сферу точнаго знанія, за которою простирается неясная и заманчивая область легенды.

Въ категоріи бытія всѣ явленія открываются чувственному разуму въ суммарной сложности возникновенія и исчезновенія. По отношенію другъ къ другу, явленія то становятся, то проходятъ, уступая мѣсто новымъ. Въ конечномъ синтезѣ чувственный разумъ созерцаетъ индивидуальную жизнь и индивидуальную смерть. Но

метафизическій разумъ, желая постигнуть условія относительной измѣняемости явленій, открываетъ, что каждое явленіе само по себѣ заключаетъ въ себѣ комплексное двуединство изъ безконечно существующаго содержанія и безконечно мѣняющейся формы. И въ этомъ комплексѣ, по основному закону комплексной сложности, элементы содержанія (бытія) и формы (небытія) различные, но не противоположные, соединены въ каждомъ явленіи нераздѣльно и неслитно, и одинъ безъ другого немыслимы. Нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ комплексъ не внесъ въ человѣческую душу столько смуты и разлада, какъ именно этотъ.

Такъ какъ явленія внѣшняго и внутренняго опыта обращены къ намъ только своими формами, т. е. стороною небытія, то метафизическій разумъ долженъ былъ заключить, что весь феноменальный міръ сотканъ изъ иллюзій и призраковъ. Феноменальный міръ существуетъ, но феноменальный міръ формаленъ, слѣдовательно, не можетъ существовать,—такова эта антиномія, питающая всѣ ключи пессимизма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе этого комплекса сковало ужасомъ человѣческую волю, преслѣдуя ее двумя кошмарами,—безконечнымъ небытіемъ смерти и безконечнымъ бытіемъ метампсихоза. Отсюда понятно, почему именно въ этой категоріи впервые зажегся свѣтъ мистическаго разума, который сталъ отрицать явленія въ двухъ божественныхъ аттрибутахъ — абсолютномъ бытіи и абсолютномъ небытіи (вѣрнѣе, абсолютной неизмѣнности или покоѣ). Здѣсь, вслѣдствіе бѣдности языка, получается, будто обѣ мэоническія идеи взаимно-противоположны и исключаютъ одна другую. Въ дѣйствительности же противоположность существуетъ между относительнымъ чувственнымъ бытіемъ и чувственнымъ же небытіемъ. Но абсолютное бытіе и абсолютное небытіе сливаются въ понятіи о единомъ существѣ. Безусловно единое существо было бы насквозь

содержаніемъ и насквозь формою. Въ немъ бытіе и небытіе были бы тождественны.

— Такъ что абсолютное бытіе и абсолютное небытіе одно и то-же?—тономъ удивленія спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Спросите себя,—отвѣтилъ я ему,—существуетъ-ли или не существуетъ идеалъ, прежде чѣмъ онъ достигнутъ? Очевидно, существуетъ, ибо онъ проявляетъ свое дѣйствіе тѣмъ, что влечетъ къ себѣ и, очевидно, не существуетъ, ибо мы къ нему только стремимся. А теперь вообразите идеалъ вѣчный и всеобщій, такой, къ которому во всѣ времена стремится всякая жизнь. Въ немъ абсолютное бытіе соединяется съ абсолютнымъ небытіемъ. Такимъ образомъ, къ прежнему опредѣленію святыни, какъ условія возможности всякаго мышленія, прибавляется новое,—какъ вѣчнаго и, слѣдовательно, никогда не достижимаго идеала всего сущаго. Отрицательный характеръ святыни въ этомъ опредѣленіи какъ бы зажигается внутреннимъ свѣтомъ.

— Но объясните тогда, продолжалъ Владиміръ Ивановичъ,—почему съ именемъ Бога въ сознаніи всѣхъ вѣрующихъ соединено понятіе только о вѣчномъ бытіи, а не о вѣчномъ небытіи?

— Вы обнаруживаете ту же односторонность,—отвѣтилъ я,—которою страдали многіе, даже глубочайшіе мыслители, хотя бы и Спиноза, когда онъ опредѣлялъ Бога, какъ ens absolute infinitum. Но полнота истины давно обнаружена не только въ мысли, но и въ реальной жизни. Подобно тому, какъ въ категоріи познанія мы нашли признакъ, по которому можно составить систему философскихъ системъ, такъ категорія бытія даетъ намъ признакъ для приведенія въ систему всѣхъ религіозныхъ системъ. Въ общихъ очертаніяхъ религіи тогда распадаются на двѣ большія группы; въ первой, къ которой между прочимъ принадлежатъ религіи египтянъ, грековъ

и всѣхъ семитовъ, утверждается аттрибутъ абсолютнаго бытія божія; въ египетскихъ папирусахъ говорится о богахъ, которые „существуютъ сами по себѣ“ вѣчной жизнью, ожидающей и людей въ загробномъ мірѣ Озириса; Гомеръ называетъ боговъ „aei eontes“—вѣчно существующими, а Іегова главнымъ образомъ понимался евреями, какъ Сущій, какъ Ветхій деньми. Въ другой группѣ,—къ которой относятся религіи Ведъ, браминизмъ и буддизмъ,—утверждается аттрибутъ абсолютнаго небытія,—начиная съ ученія о божественной эманаціи, какъ исходнаго пункта міра, и кончая ученіемъ о Нирванѣ, какъ его цѣли. Но въ религіи каждой группы существовало смутное сознаніе второго, не выраженнаго аттрибута. Догадка о святынѣ абсолютнаго небытія сквозитъ у египтянъ въ миѳѣ о смерти Озириса, у грековъ въ Элевзинскихъ тайнахъ. Съ другой стороны, и буддійскіе мудрецы возставали противъ пониманія Нирваны, какъ чистаго небытія, смутно чувствуя, что феноменальное бытіе и небытіе исключаютъ одно другое, а мистическія—тождественны. Наиболѣе полный синтезъ обоихъ божественныхъ аттрибутовъ воплощенъ въ ученіи христіанскомъ, въ которомъ абсолютное искупленіе и жизнь міра неразрывно связаны съ абсолютной божественной жертвой и смертью.

Въ философіи идея о комплексной сложности бытія и небытія уже была высказана Гараклитомъ въ его знаменитомъ изреченіи: „все течетъ“. Тождество же обѣихъ мэоническихъ идей въ категоріи бытія превозглашено Гегелемъ въ первомъ положеніи его логики, гласящемъ, что „бытіе и небытіе одно и тоже“. Но Гегель, идя отъ неизвѣстнаго къ извѣстному, долженъ былъ впасть въ произвольность и неопредѣленность мысли. У него невѣдомо откуда взятыя абсолютное бытіе, какъ тезисъ, и абсолютное небытіе, какъ антитезисъ, какимъ-то чудодѣйственнымъ образомъ производятъ реаль-

ность, какъ синтезъ. Въ дѣйствительности же, какъ мы видѣли, намъ дается реальность, въ которой метафизическій разумъ открываетъ комплексъ изъ двухъ безконечно-неопредѣленныхъ элементовъ, которые, въ свою очередь, подъ давленіемъ воли, превращаются въ абсолютное единство, созерцаемое мистическимъ разумомъ въ двухъ мэоническихъ аттрибутахъ божества.

Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, что теперь вы навсегда исцѣлены отъ участія въ спорѣ о томъ, существуетъ-ли Богъ реально или только въ мысли? Вы видите, что бытіе Бога не похоже ни на существованіе предмета, ни на существованіе понятія, и постигается нами, какъ абсолютное отрицаніе и въ то же время необходимое условіе того и другого.

Мнѣ остается прибавить, что въ четвертой категоріи —причинности—мы открываемъ божественные аттрибуты свободной первопричины и необходимой конечной цѣли. Какъ здѣсь происходитъ процессъ богорожденія, вы, надѣюсь, видите и безъ моихъ указаній. Достаточно сказать, что въ суммарной сложности явленія, относясь другъ къ другу, представляются чувственному разуму или причиной, или слѣдствіемъ. Метафизическій же разумъ мыслитъ каждое явленіе само по себѣ и какъ слѣдствіе, и какъ причину, какъ комплексъ изъ двухъ неразрывныхъ свойствъ: необходимой пассивности (подчиненія причинѣ) и свободной активности (стремленія къ цѣли). Оба эти элемента по своей природѣ неопредѣленно - безконечны: каждая причина предполагаетъ другую, каждая цѣль создаетъ новую. Но явленія къ намъ обращены только въ ихъ причинной, а не цѣлесообразной связи. Вслѣдствіе этого мы можемъ лишь знать, какъ они совершаются, а не почему. Субъективно я сознаю себя стремящимся къ цѣли, т. е. свободнымъ, а объективно я долженъ отрицать свою свободу во имя подчиненія причинамъ. Эту антиномію мистическій ра-

зумъ разрѣшаетъ въ абсолютномъ единствѣ, которое онъ созерцаетъ въ двухъ мэоническихъ идеяхъ—абсолютно-свободной причинѣ и абсолютно-необходимой цѣли.

Таковы эти четыре разсудочныхъ категоріи, которыя мы постигаемъ теоретически. Но помимо созерцательной, есть еще практическая дѣйствительность, подчиненная категоріи нравственнаго блага. Въ ней мы участвуемъ уже не какъ наблюдатели, а какъ дѣйствующія лица, производимъ синтезъ не разумомъ, а всѣмъ своимъ существомъ, познаемъ антиномію не мыслью, но страждущимъ сердцемъ и мятущейся волей. Въ этой категоріи страстей и чувствъ индивидуумы относятся между собою не идейно, а сталкиваются въ борьбѣ и одолѣніи, желая или избѣгая другъ друга, испытывая удовлетвореніе или страданіе. Но совѣсть, замѣняющая метафизическій разумъ, открываетъ въ каждой страсти и каждомъ желаніи двуединую сложность изъ самосохраненія и вожделѣнія. Сохранить свое единство мы можемъ, только претворяя въ себя, разрушая единство другихъ существъ. Чувствуете ли вы, какія бездонныя пропасти разверзаются въ этомъ комплексѣ передъ очами совѣсти? Сознаете-ли, въ какой хаосъ борьбы и самолюбія превратилась-бы жизнь,с ели-бы мистическій разумъ не открылъ самъ высшаго единства въ двухъ мэоническихъ аттрибутахъ—безкорыстной любви и блаженствѣ нежеланія? Въ этой категоріи искупляющая, воскресающая сила религіозныхъ идей какъ-то безспорна до осязаемости. Онѣ превращаютъ оба элемента нравственнаго комплекса въ два пути, ведущіе къ святынѣ; онѣ же сопровождаютъ насъ на этихъ путяхъ радостью любви, блаженствомъ отреченія и тѣмъ новымъ, еще неиспытаннымъ чувствомъ, которое должно явиться, какъ синтезъ обоихъ экстазовъ.

Но все, что касается нравственной дѣятельности, со-

ставляетъ третій кругъ нашихъ исканій. Какъ можемъ мы подражать Богу въ его любви и самопожертвованіи, прежде чѣмъ узнали, въ какія слова и образы слѣдуетъ облечь повѣсть объ этой любви и жертвѣ? Намъ нужно сперва перевести идею мистическаго разума на языкъ чувственныхъ представленій и событій. Намъ нужно пройти черезъ область мэонической легенды.

Разговоръ восьмой.

Благодатное лѣто продолжаетъ ласкать насъ своимъ дыханіемъ. Удивительные дни, когда гармонія тепла, лазури и безвѣтрія достигаетъ такой полноты, что въ сердцѣ рождается робкая и безумная надежда: ужъ не навсегда-ли это? Силы Владиміра Ивановича растутъ и у меня начинаетъ брезжить такая же робкая и безумная надежда на его выздоровленіе. Но самъ онъ ждетъ смерти, готовится къ ней и что-то обдумываетъ. Минутами я вижу въ его глазахъ отблескъ восторженной рѣшимости, и мнѣ кажется, что я догадываюсь объ ея значеніи.

— Какъ хорошо, что мы, наконецъ, дошли до мэонической легенды,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ, едва только мы усѣлись въ своихъ креслахъ.—Какъ ни странно, но въ религіи мы воображенію вѣримъ болѣе, чѣмъ разуму. Намъ недостаточно мыслить религіозную истину, мы хотимъ ее видѣть.

— Вы разочаруетесь, — отвѣтилъ я, — если думаете, что религіозная легенда есть плодъ фантазіи и зависитъ отъ поэтическихъ способностей того, кто ее создаетъ. Правда, въ историческихъ религіяхъ фантазія ихъ творцовъ играла большую роль, но это относится не только къ легендѣ, а также къ ученію. Однако мы видимъ, что подъ несчетными формами религіозныхъ ученій скрыта одна единственная религіозная истина, обусловленная механизмомъ нашего духа, открывающаяся въ разумѣ и столь-же для него обязательная, какъ законы мате-

матики. Точно также подъ разнообразіемъ и пестротою всевозможныхъ религіозныхъ легендъ таится одна единственная, основанная на нашей природѣ, принудительно-необходимая и вѣчная легенда, по образу и въ предчувствіи которой созданы всѣ остальныя.

— Легенда также открывается въ разумѣ?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Да,—отвѣтилъ я,—но не такъ, какъ другія истины, инымъ, одной ей свойственнымъ путемъ, который я могу точно начертать передъ вами. Собственно наши знанія о Богѣ, достовѣрно-реальныя знанія исчерпываются тѣми мэоническими идеями, которыя возникаютъ въ категоріяхъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что въ какомъ-бы направленіи мы не мыслили, мы всегда придемъ къ познанію какого-нибудь божественнаго аттрибута, какъ вѣчно влекущей и вѣчно недостижимой цѣли. Міръ отрицаетъ себя въ святынѣ и ради святыни; если-бы я не боялся всегда въ чемъ-либо невѣрныхъ сравненій, я-бы прибавилъ: какъ рѣки отрицаютъ себя въ океанѣ. Совокупность этихъ аттрибутовъ и способовъ ихъ возникновенія и составляетъ все наше знаніе о Богѣ, всю ту часть религіозной истины, которую можно называть „ученіемъ". Но довольствоваться этимъ знаніемъ мы не можемъ, ибо по закону симметричности, о которомъ я уже говорилъ, всякое знаніе въ началѣ бываетъ субъективно, являетъ собою обратное изображеніе объективной дѣйствительности, и только при помощи опыта и размышленія превращается нами въ дѣйствительный рисунокъ. И богопознаніе, какъ вы видѣли, насквозь субъективно, имѣетъ своимъ непремѣннымъ подлежащимъ наше человѣческое „я", а Бога своимъ вѣчнымъ дополненіемъ. Чтобы пріобщиться религіозной истинѣ, я долженъ прежде всего родить въ себѣ идею о родившемъ меня Богѣ и, очевидно, не могу довольствоваться этимъ обратнымъ изображеніемъ, а долженъ

выправить его въ объективное рожденіе міра отъ Бога. По отношенію къ явленіямъ, это выправленіе обратныхъ изображеній совершается въ сферѣ знанія, ибо явленія односущны съ моимъ чувственнымъ „я" и, слѣдовательно, могутъ быть то субъектами, то объектами познанія. По отношенію-же къ Богу такое выправленіе рисунка невозможно въ сферѣ знанія, ибо какъ только мы пожелали-бы превратить идею о Богѣ изъ вѣчнаго идеала въ наступившее событіе, мы очутились-бы въ области чувственнаго разума, между тѣмъ какъ божество постигается нами лишь мэонически, какъ полное отрицаніе чувственности. Такъ, напримѣръ, божество открывается намъ, какъ абсолютно-единая первопричина. Казалось-бы, что идея о первопричинѣ и идея о творцѣ всякаго бытія совпадаютъ одна съ другою, и намъ легко выправить анодное изображеніе въ катодное, перейти съ пути восходящаго (субъективно-отраженнаго) на путь нисходящій (реально-объективный), сдѣлать Бога подлежащимъ событія творенія и сказать, что „вначалѣ Богъ сотворилъ міръ". Однако, едва мы построили-бы такое предложеніе, какъ уже вышли-бы изъ предѣловъ достовѣрнаго знанія. Пока мы утверждали, что въ мистическомъ разумѣ открывается мэоническая идея о первопричинѣ, мы выражали истину о природѣ человѣческой, столь-же достовѣрно-научную, какъ любое положеніе математики или физики. Но, желая сказать что-нибудь о Богѣ, дѣйствующемъ независимо отъ нашей природы, мы впадаемъ въ гностическій разсказъ, въ противорѣчіе между чувственнымъ и сверхчувственнымъ. Такъ, въ сужденіи „вначалѣ Богъ сотворилъ міръ" все событіе построено по условіямъ чувственнаго, предметнаго разума. Оно происходитъ во времени („вначалѣ"), допускаетъ множественное единство (Богъ и міръ), предполагаетъ относительность (творца къ творенію), между тѣмъ какъ Богъ постигается нами, какъ отрицаніе вре-

менъ, предметовъ и отношенiй. И каково-бы ни было событiе, имѣющее Бога своимъ подлежащимъ, мы одинаково придемъ къ несовмѣстимости чувственнаго съ сверхчувственнымъ. Довольствоваться-же однимъ мэоническимъ, обратнымъ изображенiемъ Бога мы не можемъ по основному закону мышленiя.

— Изъ этого противорѣчiя я, въ самомъ дѣлѣ, не вижу исхода,—сказалъ Владимiръ Ивановичъ.

— Исходъ этотъ, — отвѣтилъ я, — подсказанъ намъ давно въ интуицiи и есть ничто иное, какъ религiозная легенда. Не умѣя говорить объ абсолютѣ на точномъ языкѣ знанiя, мы должны довольствоваться условнымъ, желательнымъ, намекающимъ языкомъ легенды. Такимъ образомъ, легенда это — повѣсть о сверхчувственномъ, переведенная на языкъ чувственныхъ представленiй. Обыкновенно творцы религiозной легенды этого не сознавали, потому что не сознавали мэоническаго характера святыни. Ихъ легенда родилась, какъ гностическая истина, и поэтому въ свѣтѣ критической истины должна была умереть, какъ ложь. Въ каждомъ религiозномъ миѳѣ или преданiи съ теченiемъ времени образуются отложенiя вымысла, которыя превращаютъ ихъ въ камень. Эта участь не угрожаетъ, кажется, легендѣ мэонической, которая рождается въ яркихъ лучахъ разума и при рожденiи которой не присутствуетъ ни одно заблужденiе, ни одна преувеличенная надежда. Не подставляя себя на мѣсто истины, она не можетъ выродиться въ ложь. Въ ней нѣтъ элементовъ разложенiя.

— Понимаю васъ,—сказалъ Владимiръ Ивановичъ,— вы выдаете легенду за таковую, не наряжаете ее, такъ сказать, въ перья истины. Но неужели вы надѣетесь, что люди примутъ вашу легенду, зная напередъ, что это только легенда, а не боговдохновенная истина?

— Не знаю, право,—отвѣтилъ я, — примутъ ли мою легенду или нѣтъ. Меня заботитъ одно—какъ-бы съ воз-

можной полнотой и правдой выразить истину нашей природы. И я, конечно, подобно всѣмъ, желалъ-бы умѣть повѣствовать о Богѣ не иносказательно, а прямо, какъ это сдѣлалъ-бы Богъ самъ о себѣ. Но этому противится ограниченность моей природы и ея относительность, за которую я не болѣе отвѣтственъ, чѣмъ все прочее человѣчество. Называя легенду легендой, а не иначе, я высказываю о ней всю доступную мнѣ истину. Но тотъ глубоко ошибся-бы, кто смѣшалъ-бы легенду съ вымысломъ, или басней, или съ поэтическимъ мифомъ. Легенда отличается отъ абсолютной истины не содержаніемъ, а лишь способомъ выраженія. Въ томъ, что Богъ—творецъ міра, я увѣренъ, какъ во всякой другой истинѣ, ибо Онъ открывается разуму съ аттрибутомъ первопричины, но повѣствовать объ актѣ творенія я умѣю лишь условно. Такимъ образомъ, если легенда является не истиной, а лишь несовершеннымъ ея отраженіемъ, то это несовершенство относится не къ Богу, а къ нашей человѣческой ограниченности. Мы похожи на бѣднаго пастуха, не отлучавшагося никогда изъ родной деревни и вдругъ увидѣвшаго въ лѣсу рыцаря въ блестящемъ вооруженіи. Въ существованіи рыцаря онъ не сомнѣвался-бы, но разсказывать о богатой одеждѣ незнакомца онъ могъ-бы только на своемъ бѣдномъ языкѣ, восторгаясь блестящими онучами и сверкающимъ колпакомъ. Однако, для самого пастуха и для его слушателей въ шалашѣ этотъ несовершенный разсказъ будетъ истиной. Такой же истиной пребываетъ для насъ религіозная легенда. Я хочу сказать, что до тѣхъ поръ, пока человѣчество будетъ познавать въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ теперь, т. е. мыслить по закону симметричности и созерцать въ формѣ чувственнаго единства, до тѣхъ поръ оно неизбѣжно будетъ приходить къ одной и той-же религіозной легендѣ, которая присуща намъ съ принудительной силой математической аксіомы. Обыкно-

венно возникновеніе религіозной легенды, какъ всѣ жизненные процессы, совершается въ сумеркахъ безсознательнаго, но мы можемъ прослѣдить, какъ она возникла-бы въ лучахъ сознанія, причемъ результаты получаются тождественные. Исторически всѣ религіозныя легенды болѣе или менѣе приближаются къ той, которая критически кажется разуму единственно необходимой. Вотъ путь ея возникновенія.

Вы знаете, что божество открывается намъ, какъ абсолютное единство, въ разныхъ категоріяхъ, но открывается въ обратномъ изображеніи, не реально, а мэонически, какъ отрицаніе всякаго реальнаго единства, не какъ подлежашее, а какъ вѣчная цѣль, т. е. какъ вѣчное наше дополненіе. Чтобъ перейти съ этого восходящаго пути (anodos) на нисходящій (katodos), мы должны предположить абсолютное единство реальнымъ подлежащимъ. Но едва только мы дѣлаемъ это предположеніе, какъ мы логически вынуждены сдѣлать еще другое,—что рядомъ съ реально существующимъ абсолютнымъ единствомъ нашъ множественный міръ уже реально существовать не можетъ, исчезаетъ, становится несбыточнымъ, изъ реальности превращается самъ въ мэоническое дополненіе абсолютнаго подлежащаго. Ибо въ самомъ дѣлѣ, что такое реальное абсолютное единство? Такая реальность, которая исключаетъ существованіе всякой другой реальности, ибо тогда она не была-бы абсолютно-единой. И вотъ этимъ путемъ мы получаемъ первую часть легенды, гласящую такъ:

— Вначалѣ былъ Всеединый и рядомъ съ нимъ не было никакого другого существа, ни матеріи, ни духа, ни формы, ни движенія, ибо онъ былъ всеединъ. Во всемъ равный себѣ, единый наполнялъ собою все, наслаждался своимъ блаженнымъ покоемъ и созерцалъ свое совершенство. Всемогущій, всевѣдущій, онъ самъ въ себѣ созерцалъ тоже и множественный міръ явленій, еще не

существовавшій, не могшій существовать рядомъ съ единымъ. И сказалъ Всеединый въ своей мысли: вотъ я созерцаю формы и существа, не могущія возникнуть къ радости бытія, оттого что я, единый, существую.

Такова первая часть легенды. Вы видите, что она строится не изъ случайныхъ элементовъ, а изъ тѣхъ необходимыхъ аттрибутовъ святыни, которые найдены нами въ категоріяхъ. Вторая часть легенды получается черезъ присоединеніе къ нимъ аттрибута безкорыстной любви и творческой первопричины. Такъ какъ множественный міръ существуетъ реально, а единое — мэонически, то первопричину созданія міра мы должны видѣть въ свободной волѣ единаго, подвигнутой безкорыстною любовью. На языкѣ легенды это выражается слѣдующимъ образомъ.

— И Единый продолжалъ въ своей мысли: великая любовь объемлетъ меня къ этимъ существамъ, которыя не могутъ возникнуть къ бытію рядомъ со мною. Любовь моя равна моему всемогуществу, и я хочу принести себя въ жертву изъ любви къ міру, хочу устранить единаго, дабы могло возникнуть къ бытію многое, хочу создать, по образу своему, многихъ, изъ которыхъ каждый, подобно мнѣ, будетъ познавать себя единымъ, не будучи имъ. Хочу уступить свое бытіе многимъ, дать имъ свободу и разумъ, радость бытія и блаженство самопожертвованія, хочу жить и умирать во многихъ, стать предметомъ ихъ безкорыстной любви и вѣчнаго стремленія. И сказавъ это въ своей мысли, Всеединый, исполненный блаженства и грусти, усиліемъ всемогущей воли принесъ себя въ жертву и создалъ множественный міръ съ характеромъ безначальности и безконечности, стремящійся къ единому и вслѣдствіе своей множественности никакъ не могущій его достигнуть.

Такова легенда о Богѣ, постигаемая нами во внутреннемъ откровеніи разума.

— Вы также начали словомъ „вначалѣ“,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ послѣ долгаго молчанія,—между тѣмъ, вы сами доказывали непримѣнимость его къ абсолюту.

— Конечно, — отвѣтилъ я, — слово „вначалѣ“, какъ, впрочемъ, всѣ другія понятія чувственнаго разума непримѣнимы къ Богу, но, какъ выражается Плотинъ въ одномъ мѣстѣ своихъ Эннеадъ, „нужно имѣть снисхожденіе къ нашему бѣдному языку, ибо, говоря о Богѣ, мы вынуждены пользоваться словами, изъ которыхъ каждое, противорѣча строгой точности, должно быть понято иносказательно“. Все дѣло въ томъ, чтобы, создавая легенду, не обманывать себя насчетъ значенія этихъ словъ и знать, что подъ ними подразумѣвается. Слово „вначалѣ“ не означаетъ, что сотвореніе міра происходило когда-то, въ прошедшемъ или въ иномъ времени, а лишь то, что оно происходило или происходитъ безъ времени или въ мэоническомъ времени, т. е. въ неподвижный мигъ, тождественный съ вѣчностью. На нашемъ бѣдномъ языкѣ пришлось-бы сказать, что актъ мірозданія произошелъ въ то время, когда не было времени, или еще примѣнительнѣе къ чувственному разуму, что онъ происходитъ независимо отъ времени во всякій мигъ и вѣчно. Такова верховная человѣческая истина, возвѣщенная еще въ Ведахъ и воплощенная въ жизни и смерти Искупителя міра.

— Верховная истина? — переспросилъ Владиміръ Ивановичъ, глядя вдаль и какъ-бы читая невидимую книгу.—Такъ что теперь, вотъ въ эту самую минуту всемогущее, всеблаженное существо приноситъ себя въ жертву, отрекается отъ своего единства, чтобы уступить радость бытія мнѣ и вамъ, вотъ этой бабочкѣ, вонъ тому желтому пауку—видите?—тамъ за вѣткой. Такъ что каждый червь, каждая бацилла—все до послѣдняго атома, рѣшительно все рождено въ актѣ божественной

любви, куплено божественною жертвою, столь огромной, страшной, печальной, что я боюсь думать о ней, что мысль моя слѣпнетъ. И такова верховная истина?

— Если хотите, — отвѣтилъ я, — зовите религіозную легенду верховной гипотезой, ибо она все-таки не доказанная истина, но отъ этого ея всеобъемлющее значеніе для души не мѣняется. Пока разумъ не согласится считать міръ неразумнымъ или безумнымъ, пока совѣсть будетъ стараться оправдывать судьбу, до тѣхъ поръ человѣчество будетъ созерцать легенду о самопожертвованіи Единаго, какъ единственную мысль, таящую въ себѣ всеоправданіе, всепримиреніе и всеутѣшеніе. Можетъ быть, мыслью о верховной жертвѣ Бога исчерпывается все содержаніе истинной религіозности, потому что созерцанія одной этой мысли достаточно для полнаго преображенія всѣхъ нашихъ духовныхъ переживаній. Это какая-то неисчерпаемая розсыпь духовныхъ алмазовъ, и мнѣ кажется, что человѣчество до сихъ поръ не использовало и тысячной доли ихъ.

Прежде всего созерцаніе религіозной легенды даетъ непоколебимую, неподвластную судьбѣ, не отъ міра сего, санкцію, моему чувству личности. Кто-бы я ни былъ, какъ-бы я высоко или низко ни стоялъ по своимъ заслугамъ или по прихоти судьбы, властвую-ли я или пресмыкаюсь, красуюсь-ли на вершинѣ подвигаетъ или лежу на самомъ днѣ паденія,—стоитъ мнѣ только взглянуть на религіозную легенду,—и мнѣ открывается, что право мое на счастіе и свободу не уступлено мнѣ ни обществомъ, ни государствомъ, ни человѣчествомъ, а неотъемлемо даровано мнѣ самимъ творцомъ міра, ибо онъ принесъ великую жертву, дабы уступить мнѣ право на индивидуальное единство,—временное подобіе его вѣчнаго единства. И послѣдній приговоръ, насколько я оправдалъ божественную жертву, можетъ быть произнесенъ также мною однимъ, а не обществомъ, государ-

ствомъ или человѣчествомъ. Мое собственное „я“,— вотъ верховная цѣль мірового процесса и верховный судья его. Тутъ мы подходимъ къ истокамъ жизни и видимъ, что эти истоки сами по себѣ священны, освящены величайшимъ таинствомъ. Наука, какъ-бы далеко ни шли ея побѣды, можетъ раскрыть лишь признаки и условія того таинственнаго процесса, который мы называемъ жизнью. Но внутренняя сущность, цѣль и разумность жизни открываются намъ только въ религіозной легендѣ. Жизнь ничто иное, какъ соединеніе многаго въ нѣчто внутренно единое, въ сложную монаду, умѣющую претворять въ свое единство постороннія тѣла. Въ качествѣ единства, всякое живое существо священно, ибо отражаетъ Бога, своею жертвою уступившаго намъ право на бытіе. Но въ качествѣ сложности, живое существо обнаруживаетъ призрачность своего бытія. Въ легендѣ намъ открывается необходимая разумность смерти. Даже всеобщая безцѣльность міра озаряется въ ней лучами божественной цѣлесообразности. Вдумайтесь только, вглядитесь пристально въ тайну мірозданія. Мы существуемъ только потому, что Всеединый, изъ любви къ намъ, согласился превратить свое явное бытіе въ скрытое, уступить бытіе многимъ, которые будутъ стремиться къ единому. Но чтобы возможно было стремленіе къ единому (а въ этомъ стремленіи верховная цѣль міра), явленія вообще должны быть не только множественными, но еще неравными между собою и конечными: внѣ условій неравенства и конечности мы не можемъ мыслить стремленіе къ высшему, къ совершенствованію, такъ какъ равное себѣ или безконечное не въ силахъ стремиться. Но по этой-же причинѣ сила жизни, соединяющая различные элементы въ одну живую монаду, не можетъ быть иною, какъ конечною, и жизнь, по основному закону мірозданія, таитъ въ себѣ зерно смерти. Но ле-

генда, кромѣ объясненія, скрываетъ въ себѣ еще оправданіе смерти, т. е. объясненіе еще болѣе внутреннее и необходимое. Если Единый принесъ себя въ жертву для того, чтобы создать по своему подобію многихъ, то каждый изъ насъ, будучи однимъ изъ этихъ многихъ, долженъ участвовать не только въ бытіи, но въ жертвѣ Бога. Можетъ быть, весь пройденный путь мысли ведетъ лишь къ легендѣ о первобытной жертвѣ, но и тогда мы должны благословлять разумъ, оправдывающій всякій актъ бытія, какъ отраженіе божественнаго единства, и всякій актъ смерти, какъ отраженіе божественной жертвы.

— Даже этотъ актъ бытія и этотъ актъ смерти?— прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ, указывая вверхъ рукою.

Я посмотрѣлъ по направленію его руки и увидѣлъ бьющуюся въ паутинѣ большую муху, къ которой, какъ будто ласкаясь, простиралъ свои лукавыя объятія желтый паучекъ. Я нѣсколько времени глядѣлъ на эту картину убійства съ тѣмъ чувствомъ, котораго никто не рѣшится назвать вслухъ, потомъ всталъ на кресло и концомъ зонтика порвалъ паутину и досталъ ее вмѣстѣ съ жертвой, между тѣмъ какъ хищникъ застылъ на мгновеніе и, что-то сообразивъ, благоразумно бросился въ бѣгство. Крылья и лапки мухи уже были хитро связаны вмѣстѣ, и мнѣ лишь съ большой медленностью и осторожностью удалось освободить ихъ отъ клейкихъ оковъ и дать ей улетѣть.

— Какъ странно думать, — продолжалъ Владиміръ Ивановичъ,—что паучье брюхо, претворившее въ себя соки пойманныхъ мухъ, тоже является символомъ единства, — отражаетъ божественное бытіе. Или что это жужжаніе бѣдной мухи отражаетъ божественную жертву. А вѣдь на языкѣ легенды оно такъ выходитъ, и разуму это понятно.

— Еще болѣе странно то, — отвѣтилъ я, — что мы, люди, сидя за сервированнымъ столомъ и претворяя въ себя соки теленка или курицы, вѣроятно, очень похожи на этого паука и однако не считаемъ неумѣстнымъ молиться передъ ѣдой и вообще видимъ въ своей ѣдѣ актъ, освящаемый именемъ Бога. Почему-же вы хотите лишить характера таинства ѣду животныхъ, которымъ такъ мало дано способовъ участвовать въ великой мистеріи? Представьте себѣ два числа—одно очень большое,—напримѣръ, милліардъ,—а другое очень маленькое,—одну милліардную. Вѣдь вы не найдете страннымъ, если я скажу, что каждое изъ нихъ одинаково можетъ быть принято за единицу счета и, такимъ образомъ, одинаково воплощаетъ единство. Между тѣмъ, въ случаѣ съ числами и въ случаѣ съ паукомъ вы созерцаете то же самое свойство міра,—основное, имманентное неравенство множественныхъ явленій по отношенію ихъ другъ къ другу, и мистическое, трансцедентное равенство ихъ по отношенію къ Богу. Жадный паукъ, претворяющій въ своемъ брюхѣ соки убитой мухи, и безкорыстный герой, претворяющій въ своей любви радости и страданія всего живущаго,—оба они, отличаясь другъ отъ друга больше, чѣмъ милліардъ отъ одной милліардной,—одинаково творятъ дѣло жизни, исполняютъ намѣреніе создавшаго насъ, что-то объединяютъ, символизируютъ божественное единство. И оба они должны одинаково участвовать въ таинствѣ божественной смерти, хотя смерть паука и смерть добровольно приносящаго себя въ жертву героя будутъ также отличаться одна отъ другой, какъ милліардъ и одна милліардная.

—Все это такъ,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—но едва переходишь отъ разума къ внѣшнимъ предметамъ, какъ перестаешь узнавать свою правду. Когда вы открыли мнѣ, что смерть это — отраженіе божественной жертвы, мое сердце содрогнулось отъ радости. Вообще

смерть—да. Но стоитъ мнѣ подумать о себѣ, о своихъ бациллахъ, о мертвецкой тамъ за воротами, о кладбищѣ санаторіи,—и я во всѣхъ этихъ грубыхъ и страшныхъ подробностяхъ вдругъ не узнаю той идеальной, всеобщей смерти. Да вотъ хотя бы по поводу паука. Разуму вы доказали, что паукъ представляетъ собою, правда, слабое, на одну милліардную, но все же отраженіе божественнаго единства. А къ дѣйствительному пауку я чувствую отвращеніе. Отвращеніе къ символу божественнаго бытія!

— И я питаю отвращеніе къ паукамъ, — отвѣтилъ я,—столь же инстинктивное, какъ инстинктивна моя любовь къ бабочкамъ. Но этотъ внѣшній покровъ лучей и тѣней не скрываетъ отъ меня сущности явленій. Уже научный разумъ освобождаетъ человѣка отъ его ребяческихъ симпатій и отвращеній, и ученый изучаетъ строеніе насѣкомаго съ тѣмъ же благоговѣйнымъ вниманіемъ, съ какимъ онъ слѣдитъ за извивами человѣческаго мозга. Разумъ же мистическій въ мэонической легендѣ возноситъ насъ на ту высоту, съ которой мы видимъ всѣ явленія такими, какими солнце видитъ свои планеты,—всегда освѣщенными, въ лучахъ нашей собственной божественности. Согласитесь, если бы мы чувствовали къ пауку только отвращеніе, намъ пришлось бы отвращаться отъ нашей матери, ибо природа, родившая насъ, была природой грубой животности. Можете ли вы на мгновеніе перенестись мыслью въ далекія, допотопныя времена, когда весь животный міръ былъ сплошною массою пожирающихъ другъ друга желудковъ, жующихъ челюстей, вонзающихся зубовъ, разрывающихъ когтей. Вотъ колыбель человѣчества, вотъ откуда идетъ наше сознаніе, наша любовь, наша святость. Но развѣ это могло бы случиться, если бы въ томъ мірѣ чревъ, челюстей и зубовъ уже не таилось зерно, хотя бы незримое, не брезжилъ лучъ, хотя-бы чуть замѣт-

ный, нашей славы и нашей святости? Вѣдь для того, чтобы явленія были неравны между собою, необходимо, чтобы внѣ ихъ существовала одна имъ всѣмъ равно общая мѣра, по сравненію съ которой опредѣлялось бы ихъ неравенство. Пока мы относимся къ явленіямъ по закону отъ міра сего, т. е. по закону морали, мы чувствуемъ влеченіе къ однимъ и отвращеніе къ другимъ, утверждаемъ и совершенствуемъ свое индивидуальное единство при помощи однихъ и наперекоръ другимъ. Но религіозная легенда выводитъ насъ изъ области морали, чтобы дать намъ оправданіе не отъ міра сего. Слова „не отъ міра сего" значатъ: не отъ той или другой части міра, но отъ всего міра въ совокупности. Наша любовь и вражда, наша правда и ложь на мгновеніе свертываются, какъ свитки, и передъ нами обнажается сущность міра, какъ отраженія и воплощенія божественной жертвы. Все одинаково оправдано,—прошлое и будущее, я и ближній, личность Сократа и личность дождевого червяка, судьба вселенной и судьба эфемеры, оправдано въ своемъ неравенствѣ и искуплено въ своей разрозненности и враждѣ. Религіозное озареніе прошло, и мы снова во власти моральнаго закона отъ міра сего, въ сумеркахъ неравенства, любви и борьбы. Если паукъ проползетъ по нашему лицу, мы смахнемъ его съ гадливостью, если на насъ бросится хищный звѣрь, мы убьемъ его безъ пощады и не станемъ въ ту минуту размышлять, насколько паукъ или хищный звѣрь воплощаютъ собою божественное единство. Божественность однѣхъ формъ воплощенія не можетъ служить препятствіемъ для проявленія другихъ, столь же или еще болѣе божественныхъ. Помните, когда-то вы спросили меня: какъ жить, согласно религіозной истинѣ? И на этотъ вопросъ, какъ на многіе другіе, вѣрнѣйшимъ отвѣтомъ служитъ устраненіе самаго вопроса. О томъ, какъ жить, спрашивайте тѣхъ, кто судитъ жизнь,—моралистовъ, политиковъ, художни-

ковъ. Они вамъ укажутъ на тысячу цѣлей и на тысячи ведущихъ къ нимъ путей. Религіозная же истина не судитъ, а освѣщаетъ она открываетъ повсюду единственную цѣль — и то не нашу, а нашего Творца. Однако, кто достигъ вершины горы и хоть одно мгновеніе созерцалъ изображенія явленій въ свѣтѣ божественной легенды, тотъ и по возвращеніи въ долины этики и политики будетъ иначе относиться къ морали и самому себѣ. Вотъ, быть можетъ, почему всѣ религіозныя ученія — и мэоническое въ ихъ числѣ — какъ-то невольно ведутъ къ построенію новой нравственности. Но, созидая новыя нравственныя цѣнности, мы перестаемъ быть религіозными мыслителями, а становимся въ ряды моралистовъ.

— Итакъ, — повторилъ про себя Владиміръ Ивановичъ, — мы обязаны своею жизнью Единому, который такъ возлюбилъ міръ, что не пожалѣлъ себя самого принести въ жертву для міра и уступилъ намъ свое бытіе. Вы сказали, что раньше, чѣмъ принести себя въ жертву, Единый созерцалъ будущій міръ явленій, еще не существующій. Значитъ, онъ созерцалъ и будущія страданія міра, видѣлъ эту муху, бившуюся въ тенетахъ паука. Но какъ тогда примириться съ самимъ актомъ мірозданія? Какъ видѣть въ этомъ актѣ проявленіе безкорыстной любви? Любви къ кому? Кому болѣе оказалась полезной жертва бога — пауку или мухѣ, палачу или жертвѣ? Какъ мириться съ неизбѣжностью страданій и зла? Зачѣмъ Единый создалъ въ мірѣ страданіе и зло? А если міръ не могъ быть созданъ безъ страданія и зла, то зачѣмъ Единый создалъ міръ? Не большую ли онъ выказалъ бы любовь къ міру, если бы вовсе не вызвалъ его изъ небытія? Не большую ли жертву принесъ бы онъ, изъ любви къ міру, если бы согласился продлить на вѣки свое одинокое бытіе, исключая собою бытіе многихъ. Тогда никто изъ насъ не долженъ былъ бы,

помимо сознанія и воли, родиться на свѣтъ, чтобы уже сознательно, хотя противъ воли, биться въ паутинѣ, ожидая приближенія паука.

— Такимъ образомъ, — сказалъ я, когда мой собесѣдникъ замолчалъ,—и мы пришли къ тяжбѣ человѣка съ Богомъ, къ древней тяжбѣ, которую Іовъ, сидя на гноищѣ своихъ надеждъ, велъ передъ лицомъ своихъ друзей съ грознымъ и безжалостнымъ Творцомъ. Опять человѣкъ сидитъ на обломкахъ своего счастья и судится съ Творцомъ. И такъ, откроемъ судьбище, и вы увидите, какую побѣду одерживаетъ разумъ надъ древнимъ страхомъ. Зачѣмъ Единый создалъ въ мірѣ смерть, страданія и зло? Начнемъ, если хотите, со смерти. Примиреніе съ нею всего труднѣе и всего необходимѣе.

— Когда я подумаю о грубомъ ужасѣ смерти, — сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—я забываю все свѣтлое, что вы мнѣ говорили, и чувствую только возмущеніе. Мы всѣ живемъ въ ловушкѣ. Мы похожи на путешественниковъ, попавшихъ къ людоѣдамъ. Мы можемъ вволю ѣсть и пить — но подъ одной угрозой. Судьба позволяетъ намъ пользоваться въ жизни несчетными благами, быть прекрасными, разумными, добрыми, но подъ однимъ условіемъ, — чтобы каждый въ свой часъ извѣдалъ то, чему нѣтъ названія, біясь въ паутинѣ и видя, какъ паукъ свяжетъ тебя и наконецъ приблизитъ къ тебѣ свое отвратительное брюхо и холодное жало. Если же ты нетерпѣливъ, то съ тобою будетъ то же, что съ плѣнникомъ, который бы отказался принимать пищу: его перваго потащатъ къ костру. Такъ что наслаждаться прямой разсчетъ. Отъ приближенія паука можно спастись только однимъ способомъ—самому бросаясь къ нему на встрѣчу. Судьба и на это условіе согласна. Судьба согласна, чтобы вмѣсто пассивнаго отвращенія смерти мы расплатились съ нею активнымъ ужасомъ самоубійства. Смерть или самоубійство — вотъ

два выхода изъ ловушки и на порогѣ обоихъ стоитъ судьба и смотритъ — скажите — съ какимъ чувствомъ? Смѣется? Злорадствуетъ? Мститъ? Не постигаю. Знаю только, что ловушка устроена съ такимъ адскимъ лукавствомъ, что нельзя ни спастись, ни разбить ее, ни препятствовать приливу новыхъ плѣнниковъ. Механизмъ таковъ, что онъ самъ собою дѣйствуетъ навсегда. Не болѣе разумные приготовляютъ жизнь для менѣе разумныхъ, а, наоборотъ, неразумныя животныя вырабатываютъ изъ себя типъ человѣка. Когда же въ человѣкѣ впервые вспыхнуло сознаніе и сознательный ужасъ смерти,—уже было поздно: оставалось или ждать смерти, или убить себя. Но не отказаться ли отъ дѣторожденія, чтобы спасти отъ паука смерти будущихъ людей? И это оказалось невозможнымъ. Когда въ мозгу человѣка вспыхнуло сознаніе, въ немъ уже вѣками угнѣздилось унаслѣдованное отъ слѣпой животности половое влеченіе, которое—замѣтьте—всего сильнѣе горитъ въ пору слѣпой молодости. Юноши и дѣвушки готовятъ новыя жертвы для ловушки судьбы, ослѣпленные и своею страстью, и своимъ невѣдѣніемъ: вѣдь въ молодости мы нетолько не знаемъ ужаса смерти, но почти не вѣримъ въ ея силу, почти считаемъ себя безсмертными. И тутъ безсознательность готовитъ судьбу сознанія, и каждый отецъ, и каждая мать играютъ по отношенію къ будущему ребенку ту же роль, какую животный міръ игралъ по отношенію къ человѣчеству. Когда же дитя родилось, съ первымъ его крикомъ захлопнулась ловушка; отнынѣ онъ долженъ войти въ одну изъ двухъ зіяющихъ дверей. Счастливъ онъ, если смерть настигнетъ его въ безпечномъ дѣтствѣ, но какъ разъ въ это безпомощное время родители, ослѣпленные новымъ инстинктомъ чадолюбія, всѣми силами защищаютъ его отъ легкой, безсознательной смерти и приберегаютъ для смерти сознательной и мучительной. Вы спросите, по-

чему-же старики, свободные отъ полового влеченія и слѣпоты чадолюбія, старики, знающіе, что не сегодня-завтра они попадутъ въ паутину, и молніей откуда-то бросятся свирѣпыя челюсти, снабженныя съ одной стороны вѣчно движущимися, когтистыми лапами, а съ другой—отвратительнымъ, круглящимся, холоднымъ брюхомъ... И не сразу убьетъ, но сперва опутаетъ, свяжетъ, а уже потомъ усядется, обниметъ, прижмется и запуститъ въ живое тѣло...

Владиміръ Ивановичъ закашлялся, вытеръ губы и испуганно взглянулъ на образовавшееся на платкѣ розовое пятно. Лицо его выражало такое страданіе, что я сталъ просить его успокоиться и отложить разговоръ на другое время. Но онъ послѣ короткаго молчанія продолжалъ:

— Нѣтъ, дайте мнѣ высказаться! И такъ, почему старики, изъ истинной, не ложной жалости къ дѣтямъ, не отнимутъ ихъ у ослѣпленныхъ родителей и не предадутъ легкой, безсознательной смерти? Вотъ тутъ-то и виденъ весь адскій механизмъ ловушки. Когда прошло безпечное дѣтство, единственное спасеніе отъ ужаса сознательной смерти — это впасть во второе дѣтство, дожить до безстрастной, забывчивой, безболѣзненной старости и незамѣтно погрузиться въ смерть, какъ въ сонъ. Безстрастная, нечувствительная старость — вотъ единственная мечта людей, достигшихъ сознанія, мечта столь сильная, что люди, не надѣясь достигнуть дѣйствительной старости, придумали искусственную, ибо что такое буддизмъ и всѣ другія религіозныя ученія о святости, какъ не указаніе способовъ искусственно впасть въ безстрастное второе дѣтство и тѣмъ спастись отъ жала смерти? Но замѣтьте лукавство судьбы. Для того, чтобы старики и монахи могли дожить до безболѣзненнаго забвенія, необходимо, чтобы о первыхъ заботились ихъ потомки, а о вторыхъ—міряне. Необходимо,

чтобы новыя поколѣнія шли на смѣну прежнимъ и зловѣщая ловушка была всегда полна. Въ то время, когда молодость готовитъ пищу смерти, обольщенная инстинктомъ любви, старость по разсчету роститъ новыя поколѣнія и святые по разсчету благославляютъ бракъ. Нѣтъ предѣловъ торжеству смерти и злорадству судьбы. Человѣкъ ли, человѣчество ли, выборъ одинъ: смерть невольная или-же самоубійство,—и кто знаетъ, можетъ быть, человѣчество не окончитъ свои дни естественною смертью. Но что сказать о томъ, кто создалъ западню и придумалъ ея устройство? Если Единый созерцалъ будущій міръ, онъ долженъ былъ слышать предсмертные стоны грядущей твари. Какая ужасная буря одного и того же немолчно изъ вѣка въ вѣкъ повторяющагося крика: не хочу! Вся живущая тварь, задыхаясь, захлебываясь въ мукахъ агоніи, вопитъ въ лицо своему Творцу: не хочу! не хочу! а Единый, изъ безкорыстной любви къ міру, обрекъ себя въ жертву, чтобы уступить свое бытіе многимъ!..

Такъ говорилъ Владиміръ Ивановичъ, выражая столь распространенный среди образованныхъ людей будничный пессимизмъ, который никому не мѣшаетъ добиваться мѣщанскихъ благъ и пользоваться ими, но является непреодолимымъ препятствіемъ въ стремленіи къ благамъ высшимъ. Вотъ что я отвѣтилъ ему:

— Вы, однако, сами признаете,—началъ я,—что изъ адской ловушки, какъ вы назвали природу, кромѣ двухъ мучительныхъ выходовъ—смерти насильственной и самоубійства — есть еще третій безболѣзненный выходъ — медленной старости, спокойнаго угасанія, смерти—отдыха, смерти—сна.

— Я уже сказалъ,— перебилъ меня Владиміръ Ивановичъ,—что это уловка судьбы. Надежда на безсознательную старость заставляетъ каждое поколѣніе выращивать новое, и такимъ образомъ механизмъ житейской ловушки дѣйствуетъ безъ остановки.

— Но и новое поколѣніе,—продолжалъ я,—можетъ дожить до безмятежной и нечувствительной старости. Говорю все это для того, чтобы показать вамъ, что въ самомъ устройствѣ жизни лежитъ воля не злого и не злораднаго Творца, будто бы заманившаго насъ въ ловушку, а Творца благостнаго. Жизнь приводится въ движеніе не адской машиной, а скорѣе какою-то райскою силою, ибо вы не можете не признать, что страстная молодость и безстрастная старость составляютъ не исключеніе, а законъ жизни. По всеобщему плану мірозданія — смерти, какъ страданія, не должно существовать. Пока мы молоды и сильно сознаемъ и чувствуемъ, закономъ жизни является трудъ и наслажденіе, смерть же присутствуетъ въ душѣ лишь какъ грустная мечта. Когда же въ глубокой старости смерть становится неизбѣжнымъ закономъ, наше сознаніе и чувствительность уже притупились и раньше, чѣмъ проститься съ жизнью, мы прощаемся съ памятью о ея радостяхъ, и раньше, чѣмъ вкусить смерть, мы теряемъ способность страдать. Помню, я въ дѣтствѣ видѣлъ смерть стараго человѣка. Онъ умеръ, сидя за недопитымъ стаканомъ чая. Мы проходили мимо и долго не знали, что въ креслахъ за столомъ покоится мертвецъ, а когда, наконецъ, узнали, то должны были сдѣлать надъ собою нѣкоторое усиліе, чтобы настроить себя на скорбный тонъ. Про себя мы чувствовали, что эта смерть была не несчастіемъ, а грустнымъ торжествомъ. И вы должны согласиться, что если мы не всѣ умираемъ такой безмятежной смертью, то въ этомъ виновато не устройство міра, а скорѣе наше собственное, всеобщее и личное неустройство.

— Не могу не согласиться,—прошепталъ Владиміръ Ивановичъ.

— Но не въ этомъ дѣло,—продолжалъ я.—Мнѣ кажется, что вы вообще относитесь къ смерти съ ка-

кимъ-то невѣрно понятымъ ужасомъ. Почему смерть кажется вамъ отвратительной, паукообразной? Что васъ ужасаетъ — страданія до смерти или то, что наступаетъ потомъ? Холодъ, гніеніе?

— Да, да, гніеніе, зловоніе,—быстро прошепталъ Владиміръ Ивановичъ, зажмуривъ глаза. — Какая непостижимая несправедливость! Быть созданнымъ съ такой чувствительностью, что дурной запахъ кажется презрѣннѣе всего въ мірѣ, и вдругъ становишься самъ презрѣннымъ и зловоннымъ отбросомъ. Ужасъ смерти такъ великъ, что когда начинаешь говорить о немъ, онъ исчезаетъ, прячется за словами. Это нужно сразу увидѣть— и тогда нѣтъ спасенія.

— Скажите, — спросилъ я, — вамъ, конечно, не разъ приходилось въ жизни обрѣзывать палецъ и терять кровь. Заботила ли васъ когда-нибудь судьба потерянной крови? Мѣшало ли вамъ жить и веселиться то, что гдѣ-то свертывается, гніетъ, издаетъ зловоніе ваша кровь?

— Почему вы спрашиваете это? — вопросомъ отвѣтилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Цѣль моихъ словъ очевидна,—отвѣтилъ я.—Если судьба одного фунта вашей крови васъ не ужасаетъ, почему судьба остальной крови приводитъ васъ въ такой ужасъ? Въ мигъ смерти, когда мы закрываемъ навѣки глаза, участь нашего тѣла становится намъ столь-же отчужденной и безразличной, какъ теперь безразлична намъ участь когда-либо потерянныхъ нами волосъ, ногтей, крови, кожи, мяса. Ваше заблужденіе состоитъ въ томъ, что смерть кажется вамъ не отрицаніемъ жизни, а какимъ-то новымъ, унизительнымъ и презрѣннымъ состояніемъ жизни-же. Тотъ гніющій трупъ, о которомъ вы говорили, какъ-бы живетъ по смерти. Но смерть, какъ объективное состояніе, не существуетъ; въ этомъ смыслѣ можно сказать, что смерть вообще не суще-

ствуетъ. Послѣдній нашъ вздохъ есть еще жизнь, когда-же онъ затихъ, то дальше нѣтъ уже ни жизни, ни смерти. Смерть не есть что-либо отвратительное, ни гніеніе, ни холодъ, ни темнота: все это процессы жизни. Объективно, вмѣсто одной распавшейся духовно-матеріальной дуады возникаетъ несчетное количество низшихъ дуадъ, духовная сторона которыхъ отъ насъ скрыта. Но субъективно, въ сознаніи живой души, смерть существуетъ, какъ мечта о нашемъ полномъ самоотрицаніи.

Никогда не видѣть свѣта солнца, никогда не слышать ничьего голоса, никогда не мыслить, не радоваться, не страдать, вѣчная разлука со всѣмъ и со всѣми, — вотъ въ этомъ внутреннемъ самоотрицаніи вся грусть и весь ужасъ смерти. Но вы видите, что эта грусть и ужасъ ничего не имѣютъ въ себѣ отвратительнаго, паучьяго, свирѣпаго, а представляютъ, наоборотъ, нѣчто очень легкое, слишкомъ легкое, какой-то чистѣйшій хаосъ отрицанія, леденящій душу своей непостижимой пустотою. И вотъ эта грусть смерти, не какъ объективнаго состоянія, а какъ внутренняго самоотрицанія, хотя и не можетъ быть устранена, но можетъ быть преображена, также внутренно, въ сознаніи другой столь-же отрицательной сущности, но не пугающей и леденящей, а наоборотъ, вѣчно манящей и благостной—въ познаніи мэонической святыни. Я увѣренъ, что въ мэоническомъ познаніи мы пріобрѣли такое духовное орудіе противъ страха смерти и сопряженнаго съ нимъ чувства возмущенія, какимъ разумъ донынѣ еще не обладалъ. Представьте себѣ самое несбыточное, что моя или ваша душа призвана Творцомъ въ утро перваго дня творенія для того, чтобы она могла участвовать въ планѣ творенія своимъ совѣтомъ и согласіемъ и что мы, постигнувъ сущность жизни, сами признали разумность, неизбѣжность и благостность смерти. Неужели теперь, когда пришла наша очередь умереть, мы стали бы обвинять Творца за то, что мы

не вѣчны? Между тѣмъ легенда о великой жертвѣ какъ бы даетъ каждому изъ насъ возможность поставить себя на мѣсто Творца міра и собственнымъ разумомъ убѣдиться, что если-бы мы сами творили свою судьбу, то не могли-бы и не хотѣли-бы исключить изъ нея смерть. Если всеединый и вѣчный принесъ себя въ жертву для того, чтобы возникъ нашъ міръ, то какъ могу я жаловаться на то, что мое бытіе не всеедино и не вѣчно? Мистическій разумъ освятилъ нашу временную смерть другою, вѣчною.

Когда мы обнимаемъ любимаго человѣка, мы не возмущаемся тѣмъ, что его тѣло конечно, ибо, лишь благодаря этой конечности, мы можемъ его любить и обнимать. Почему-же, обнимая мыслью свою жизнь, мы негодуемъ на то, что она конечна, и не видимъ, что безконечная жизнь отрицала бы возможность нашего міра? Въ лучахъ мистическаго разума грусть смерти перестаетъ быть случайнымъ диссонансомъ или черной тучей на лазури жизни, а становится условіемъ вселенской гармоніи, одной изъ первобытныхъ цѣлей мірозданія, силой, осоляющей жизнь, натягивающей струны бытія и дающей имъ звучать. Обыкновенно мы, подобно Іову, зовемъ Бога на судъ не въ разцвѣтѣ силъ и счастія, а въ пору оскудѣнія. Между тѣмъ грусть смерти также нужна для красоты, какъ радость бытія. Это—минорный строй наряду съ мажорнымъ. Мы должны допустить въ легендѣ, что Богъ, принеся себя въ жертву, самъ извѣдалъ какую-то безпредѣльную, неизреченную грусть, которая, однако, не осилила его любви къ міру. Если мы желаемъ хоть издали созерцать тайну великой жертвы, то мы должны вообразить полноту неизмѣримаго блаженства (отъ сознанія бытія) и полноту неизмѣримой грусти (отъ необходимости жертвы). Вотъ почему мы, созданные съ тѣмъ, чтобы стремиться къ Единому, должны участвовать и въ бытіи, и въ жертвѣ

Бога, и наше несовершенное бытіе, созданное по подобію совершеннаго, только въ сліяніи радости и грусти, энергіи жизни и неизбѣжности смерти, видитъ высшій смыслъ и высшую красоту. Въ этомъ сходится жизнь съ искусствомъ, идеалъ волевой съ идеаломъ созерцательнымъ. Дѣйствующая воля видитъ свое высшее воплощеніе въ героизмѣ, т. е. въ избыткѣ силы, добровольно стремящейся къ трагическому концу. Образъ героя и вѣнецъ славы надъ нимъ рисуются только на фонѣ смерти. Греки воплотили эту истину въ миѳѣ объ Ахиллесѣ, которому Ѳетида открыла, что ему предстоитъ или погибнуть подъ Троей и пріобрѣсть безсмертную славу, или лишиться славы и дожить до глубокой старости. Гомеръ лишь смутно чувствовалъ связь между героизмомъ и добровольной смертью, но, отраженная въ зеркалѣ религіозной легенды, его поэтическая догадка становится полной истиной. Каждому изъ насъ въ отдѣльности, и всему человѣчеству въ цѣломъ вѣщая Ѳетида немолчно твердитъ, что прославить жизнь можно только любя смерть, ибо Единый, создавшій жизнь, принесъ себя въ жертву для міра. Въ идеалѣ волевомъ—въ героизмѣ—тайна божественной жертвы открывается въ сліяніи жизни и смерти; въ идеалѣ созерцательномъ—въ красотѣ—эта-же тайна проявляется въ сліяніи радости и грусти, ибо радость—это вкусъ и ароматъ жизни, а грусть—вкусъ и ароматъ смерти. Что такое героизмъ? Отраженіе божественной судьбы въ человѣческомъ поступкѣ. Что такое красота? Отраженіе божественнаго чувства въ человѣческомъ сердцѣ.

И все-таки, говоря такъ, я не исчерпалъ и сотой доли той бодрости и красоты, которыя заключены для насъ въ религіозной легендѣ; въ ней дается намъ не только объясненіе и оправданіе смерти, но примиреніе со смертью,—послѣднее интимнѣйшее проникновеніе въ ея святость и цѣлесообразность. Спросите себя: что са-

мое завѣтное, самое желанное въ мірѣ, и вы, конечно, должны будете отвѣтить: стремленіе къ предмету любви, все равно что-бы мы ни любили: Бога, природу, истину, славу или святое уединеніе. А теперь представьте себѣ, что вы стали безсмертнымъ, неуязвимымъ для смерти, что вы не въ силахъ доказать любимому существу свою любовь готовностью умереть за него, не въ силахъ пожертвовать собою ради истины, славы, ради любимой женщины, ради своего ребенка. Какъ-бы поблекла красота и померкъ ореолъ грусти надъ любимымъ существомъ, которое не подвластно смерти! Какъ-бы принизилась цѣна любви, не могущей запечатлѣть себя смертью! Единственная хартія благородства, которая имѣется у нашихъ лучшихъ чувствъ, это—готовность умереть. Разорвите эту хартію—и конецъ нашему благородству, и мы ниже звѣрей, защищающихъ своихъ дѣтенышей цѣною собственной жизни. Вотъ почему искренняя любовь ни о чемъ такъ часто не помышляетъ и не говоритъ, какъ о смерти. Объ этомъ поютъ всѣ поэты, но въ религіозной легендѣ связь любви и смерти становится сама пѣсней, свѣтомъ, благоуханіемъ. На смерти зиждется жизнь, и во всемъ мірѣ, а въ каждой его грани играетъ и горитъ лучъ безкорыстной жертвы, т. е. любви, прошедшей черезъ очищающій огонь смерти. Но если смерть есть нелгущее свидѣтельство любви и ея нестираемая печать, ея вѣнецъ и сіяніе, то какъ-же любви враждовать со смертью и какъ душѣ не любить ея? Вы видите, что оправданіе и примиреніе со смертью скрыты не только въ концѣ, въ будущемъ, не только въ надеждѣ на воскресеніе въ Богѣ, какъ до сихъ поръ обыкновенно полагали, что оно таится еще въ началѣ, въ прошломъ, въ мысли о рожденіи въ Богѣ. Мнѣ кажется, что если-бы Творецъ спросилъ каждаго изъ насъ, хочетъ-ли онъ жить въ мірѣ, гдѣ условіемъ героизма, любви, красоты является самопожертвованіе, то все, что есть въ насъ

героическаго, любящаго, красиваго, воззвало-бы: хочу! И этотъ хоръ голосовъ, вѣроятно, превозмогъ-бы бурю предсмертныхъ стоновъ, о которой говорили вы.

Владиміръ Ивановичъ слушалъ, по обыкновенію, неподвижно глядя куда-то вдаль и послѣ моихъ словъ хранилъ долгое молчаніе. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Вы убѣждаете мою мысль. Не могу возражать вамъ и не хочу. Вы хотите вынуть изъ души одну изъ самыхъ глубокихъ занозъ,—какъ же противиться вамъ. Но скажите. Вотъ теперь, когда вы такъ прославили смерть, если-бы разбойникъ выскочилъ изъ-за куста и нанесъ надъ вами ножъ,—неужели вы не застыли-бы отъ ужаса, не стали-бы бороться, не напрягли-бы всѣхъ силъ, чтобы убить, а не умереть?

— Конечно, да,—отвѣтилъ я. Но если-бы разбойникъ напалъ на другого, въ особенности на ребенка или старика, то я, или вы, или кто-нибудь, во всякомъ случаѣ лучшій изъ насъ, добровольно бросился-бы навстрѣчу смертельной опасности, рискуя собою ради чужой, быть можетъ, невѣдомой жизни. Такъ что не смерти боится душа, а низшихъ формъ смерти, не отъ таинства страданія бѣжитъ она, а отъ низшихъ, рабскихъ формъ страданія. Отъ нихъ мы въ самомъ дѣлѣ отвращаемся, какъ отъ тяжелаго запаха или отъ гніющей пищи. При ихъ приближеніи вся тварь, въ самомъ дѣлѣ, вопіетъ: не хочу!

— Какъ странно,—перебилъ меня Владиміръ Ивановичъ,—что мы до сихъ поръ, говоря о смерти, не упомянули о страданіяхъ. Вѣдь въ нихъ-то все дѣло. Вы назвали смерть чѣмъ-то ѳирно легкимъ, мечтой души о ея самоотрицаніи. Но вы забыли о мостикѣ ведущемъ къ этому самоотрицанію, забыли о страданіяхъ! Какъ примирить вездѣсущность, неизбѣжность, грубость, жестокость страданій съ вѣрою въ самоотверженную любовь Творца къ міру? Зачѣмъ Онъ создалъ

страданія? Не знаю, слабонервность-ли это или изнѣженность, но я съ дѣтства чувствую къ страданіямъ невообразимый ужасъ. Отъ булавочнаго укола я чуть въ обморокъ не падалъ. И, по непонятному контрасту, мысль о страданіяхъ всего больше привлекала меня. Въ безсонницу я всегда рисовалъ себѣ чьи-либо мученія. Въ послѣднее время это единственное, что заставляетъ меня забывать о болѣзни. Представляю себѣ инквизиціонныя пытки, всѣ, о которыхъ читалъ, и многія, которыя самъ выдумалъ. Но всего чаще представляю я себѣ заживо погребеннаго и даже самъ для себя иногда играю эту роль. Меня разбудили удары земли о крышку гроба. Я хриплю, зову, но тамъ не слышно. И никто, никто не видитъ, какъ я бьюсь руками и головой. И никто не знаетъ, что я испытываю при этомъ. Но вѣдь Единый, созерцая будущій міръ, зналъ и видѣлъ это. Онъ видѣлъ всѣ будущія пытки, всѣ костры, всѣ подземелья, всѣ застѣнки, всѣ поля битвъ, всѣ больницы. Онъ слышалъ крики всѣхъ тонущихъ, голодающихъ, растерзанныхъ звѣрями, раздавленныхъ землею. Онъ читалъ во всѣхъ сердцахъ ожидающихъ казни, готовящихся къ самоубійству. Онъ видѣлъ всѣ безсмысленныя жестокости, которыя совершаются надъ рабами, плѣнниками, женщинами, дѣтьми, больными. Такъ неужели и эта буря голосовъ не остановила его творческаго рѣшенія, и онъ создалъ міръ, зная, что всѣ эти страданія неизбѣжно сбудутся! Вы говорите, что конечная цѣль міра—исканіе единства, уподобленіе Единому. Но вѣдь Единый не зналъ физическихъ страданій, не творилъ зла, не дѣлалъ несправедливости. Зачѣмъ-же въ мірѣ, созданномъ по его подобію, существуютъ страданія, зло, несправедливость? Почему небо глухо къ страданіямъ невинныхъ? Почему страдаютъ дѣти? Почему мучители живутъ въ довольствѣ, а благородные кончаютъ на эшафотѣ? Примирите меня съ этой вѣч-

ной болью. Выньте послѣднюю занозу изъ моей души— и я успокоюсь.

— Вы пришли къ бунту Ивана Карамазова,— сказалъ я.—И онъ отказывается принять гармонію міра, основанную на страданіяхъ. „Не Бога я не принимаю, Алеша, а только билетъ Ему почтительнѣйше возвращаю“. И такъ-же, какъ вы, онъ дѣйствуетъ не на мысль собесѣдника, а на его нервы. Вы хотѣли разстроить мои нервы изображеніемъ мукъ заживо погребеннаго, онъ, главнымъ образомъ, рисуетъ страданія „дѣтокъ“: мальчика, котораго, на глазахъ матери, генералъ травитъ собаками, дѣвочки, которую истязаютъ жестокіе родители и которая бьетъ себя кулаченками въ грудь, прося „Боженьку“ помочь ей. Помните? Не ясно? Я наизусть запомнилъ эти страницы, написанныя кровью пополамъ съ гноемъ. Иванъ спрашиваетъ Алешу: „представь, что это ты самъ возводишь зданіе судьбы человѣческой съ цѣлью въ финалѣ осчастливить людей, дать имъ, наконецъ, міръ и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданьице, вотъ того самаго ребеночка, бившаго себя кулаченкомъ въ грудь и на неотомщенныхъ слезкахъ его основать это зданіе,—согласился бы ты быть архитекторомъ на этихъ условіяхъ?“ И еще такой же вопросъ: „Можешь ли ты допустить одно, что люди, для которыхъ ты строишь, согласились бы сами принять свое счастіе на неоправданной крови маленькаго замученнаго, а, принявъ, остаться навѣки счастливыми?“ Конечно, при такой постановкѣ вопросовъ Алешѣ ничего другого не остается, какъ отвѣчать: „нѣтъ, не согласился бы“, „нѣтъ, не могу допустить“.

— Но вѣдь Иванъ мучительно правъ,—воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.

— Было бы лучше,—отвѣтилъ я,—если бы онъ былъ просто правъ, но онъ неправъ кругомъ, передъ разу-

момъ, передъ совѣстью, передъ здравымъ смысломъ. Представьте себѣ человѣка, который при видѣ, какъ мучаютъ ребенка, вмѣсто того, чтобы броситься ему на помощь, сталъ-бы спрашивать себя, вправѣ ли онъ на страданіяхъ невиннаго ребеночка основать радость, которую онъ испытаетъ, придя ему на помощь? Не покажется ли вамъ такое разсужденіе софистическимъ?

— И глубоко лицемѣрнымъ,—прибавилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Согласенъ съ вами,—сказалъ я.—Бунтъ Ивана и есть такой лицемѣрный софизмъ. Онъ такъ жалѣетъ страдающихъ дѣтокъ, что и помочь имъ ему некогда, ибо онъ занятъ вопросомъ, не вернуть ли почтительнѣйше билетъ Богу. Не хочетъ онъ работать на всеобщее счастіе людей, такъ какъ онъ презираетъ прогрессъ и ненавидитъ счастіе, построенное на неотомщенныхъ слезкахъ ребеночка. При этомъ онъ какъ-то кстати забываетъ, что другого счастія, кромѣ счастія облегчать чужія страданія и сдѣлать ихъ невозможными, нравственный прогрессъ не знаетъ. Кто подъ счастіемъ понимаетъ личный комфортъ, тотъ слѣпъ для отличенія чужихъ страданій. А кто прозрѣлъ жалостью, для того синтезъ жизненнаго процесса сводится къ любви.. И если бы Иванъ искренно прозрѣлъ, онъ бы не размышлялъ о томъ, не вернуть ли почтительнѣйше билетъ. Скажите: что значитъ вернуть билетъ Богу? Отказаться отъ служенія людямъ? Или убить себя? Но что будетъ тогда съ дѣтками, не съ прежними уже невинно замученными, и столь близкими сердцу Ивана, а съ нынѣшними, еще живыми, хотя столь же невинными. Вернуть также ихъ билеты Богу, т. е., убить, задушить ихъ? Или бросить ихъ на голодную смерть? Вотъ соображеніе, забытое Иваномъ. Вправѣ ли мы, умудренные прежнимъ опытомъ, заботиться о благополучіи современныхъ дѣтей? Вправѣ ли мы основать ихъ счастіе

на неоправданной крови прежде замученныхъ дѣтей или—должны продолжать мучить своихъ дѣтей?

— Вправѣ, вправѣ,—воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ съ необычайнымъ одушевленіемъ.

— А если вправѣ,—сказалъ я,—то вопросъ о возвращеніи билета можно считать рѣшеннымъ. Мы вправѣ заботиться о гармоніи всеобщаго счастія, хотя бы только во имя невинныхъ дѣтей. Зрѣлище страданій заставляетъ насъ бороться съ тѣми, кто ихъ причиняетъ. Ужъ если затѣвать безплодные бунты, то скорѣе можно было бы возмущаться при мысли объ отсутствіи страданій и несправедливости. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что себялюбіе побѣждено, и что цѣлью моей жизни становится не мое личное счастіе, а счастіе ближняго, напримѣръ, ваше. Но и вы свое счастіе видите въ исполненіи не своихъ, а моихъ желаній. Мое же желаніе сводится къ исполненію вашей воли и такъ безъ конца. Образъ счастія, отражаясь отъ моей души въ вашей и обратно, теряетъ опредѣленность и становится безцѣльнымъ призракомъ. Получается, какъ будто, что нравственность сама рубитъ сукъ, на которомъ виситъ, что проповѣдь любви ведетъ къ духовной бездѣятельности, къ равновѣсію и сну. Но и этотъ бунтъ противъ нравственности призраченъ, какъ и всѣ другіе. Прежде всего, нравственность двуедина, и кромѣ пути дѣятельнаго подвига есть путь отреченія и подвижничества. А затѣмъ законъ неравенства, какъ основной законъ жизни, никогда не позволитъ справедливости воцариться во всѣхъ сердцахъ въ равной степени. Всегда останутся различія, которыя родятъ движеніе и борьбу. Кажется мнѣ, что объ этическомъ оправданіи страданій и зла не можетъ быть спора. Пока на землѣ существуетъ страданіе и несправедливость, совѣсть человѣческая будетъ бодрствовать и нравственная воля—побуждать къ активной борьбѣ, а не къ пассивному протесту. Но

можно ли оправдать страданіе и зло мистически? Можно ли любить Бога, творца страданій и зла? Я помню вашъ вопросъ: если Богъ создалъ міръ по своему подобію, то почему онъ, всеблагой, всесправедливый, всеблаженный, сотворилъ зло, измѣну, обманъ, порокъ, мученія? Ни двухъ равносильныхъ творцовъ, ни подчиненнаго доброму Творцу духа зла мы признать не можемъ, ибо основное свойство мэонической святыни—всеединство. Весь міръ отъ первой до послѣдней ступени созданъ всеединымъ и долженъ быть весь оправданъ его безкорыстною жертвою. Но какъ?

Мнѣ кажется, что и тутъ замѣшательство происходитъ оттого, что мы смѣшиваемъ содержаніе чувственное съ мистическимъ. Для моей чувственной природы причиняемое мнѣ зло представляетъ нѣчто абсолютно нежелательное, непрощаемое, неотомщаемое, непримиримое. Мой чувственный разумъ склоненъ злу придать характеръ категорическій, считать зло метафизически противоположнымъ добру, поступкомъ не только противъ меня, но и грѣхомъ противъ Бога,—и вотъ это заблужденіе чувственнаго разума должно быть прежде всего раскрыто въ религіозномъ познаніи. По отношенію къ Богу мы не бываемъ ни праведными, ни грѣшниками, ибо ничего кромѣ Его воли исполнять мы не въ силахъ. Мы всѣ—орудіе его воли, и передъ Его лицомъ наше зло и добро не противоположны другъ другу, а составляютъ лишь различныя степени одной и той-же сущности. Но почему различныя? По той-же причинѣ, по которой нашъ міръ множественъ, а не единъ. Вѣдь вы миритесь съ тѣмъ, что міръ только подобенъ Творцу, а не тождественъ съ Нимъ. Все таинство мірозданія въ томъ и заключается, что Творецъ принесъ въ жертву свое единое самодовлѣющее бытіе для того, чтобы возникло бытіе множественное и стремящееся. Если бы нужно было въ одномъ словѣ

сосредоточить сущность міра, то это слово было-бы: стремящійся. Но для стремленія, какъ я уже сказалъ, необходимо неравенство. Изъ легенды мы знаемъ, что цѣль міра,--вѣчно отражать бытіе и жертву Единаго. Условіе-же неравенства требуетъ, чтобы это бытіе и эта жертва были многостепенны, съ безконечными уступами въ сторону малѣйшаго и наибольшаго. Такъ вотъ низшія ступени бытія мы называемъ зломъ, а низшія ступени жертвы—страданіями.

Мысль о необходимости всеобщаго неравенства позволяетъ намъ мириться съ кажущимся произволомъ и и несправедливостью судьбы. Почему красотой, здоровьемъ, геніемъ одаренъ мой сосѣдъ, а не я? Почему при самомъ рожденіи мнѣ отмѣрена сила скупою мѣрой, а ему—утоптанною и съ избыткомъ? Отвѣтъ одинъ: потому что неравенство лежитъ въ основѣ явленій, а каждое изъ нихъ необходимо въ цѣломъ и случайно само по себѣ. Міръ, какъ случайность, міръ, какъ поприще всѣхъ возможностей, міръ, какъ лѣстница, упирающаяся въ наибольшее и наименьшее, и только такой міръ могъ замѣнить Единаго и отрицательно воплотить тайну Его бытія и Его жертвы.

Почему-то люди издавна привыкли считать, что передъ лицомъ смерти всѣ равны и поэты зовутъ ее уравнительницею жребіевъ. Объективно мы и передъ жизнью всѣ равны, ибо процессы жизни у всѣхъ одинаковы. Но, какъ внутреннее состояніе, она дана намъ въ самыхъ разныхъ степеняхъ—отъ наинизшей до наивысшей. Въ такихъ-же различныхъ степеняхъ дана и смерть, и жизнь Ахиллеса не болѣе разнится отъ жизни Терсита, чѣмъ смерть Сократа отъ смерти Іуды. Каковъ-же признакъ, по которому можно отличить низшія ступени отъ высшихъ? Этотъ коэфиціентъ мірового развитія я-бы назвалъ добровольной сознательностью или свободой. Возьмите три процесса жизненнаго синтеза—

процессъ пищи, когда дикарь претворяетъ въ свое единство тѣло убитаго имъ врага, противъ его сознанія и воли, процесъ борьбы, когда побѣдитель превращаетъ болѣе слабаго врага въ своего раба въ его сознаніи, но противъ его воли, и процессъ убѣжденія, когда Сократъ претворяетъ мысль и чувство Алкивіада въ свои, уподобляетъ его душу своей добровольно и сознательно,—и вы будете имѣть три ступени развитія въ таинствѣ бытія, изъ которыхъ низшія относятся къ высшимъ, какъ зло къ добру.

Такая-же постепенность существуетъ и на пути отреченія и святости. Равнымъ образомъ въ таинствѣ смерти даны несчетныя ступени страданій съ тѣмъ-же коэффиціентомъ добровольной сознательности, и смерть Сократа выше умирающаго отъ болѣзни сибарита, или въ отчаяніи умерщвляющаго себя Іуды, ибо она болѣе сознательна и добровольна. Каждой ступени жизни соотвѣтствуетъ своя ступень смерти, и къ каждой приставлена стража подобающихъ страданій, которыя будятъ сонливую волю и спящее сознаніе. Жизненная сила, оставшаяся неиспользованной на процессъ жизни, превращается въ страданіе. Если мы теперь со страхомъ смотримъ въ лицо смерти и презираемъ свои страданія, то это лишь потому, что мы еще живемъ, не какъ должны жить, а лишь неохотно и полусознательно участвуемъ въ таинствѣ божественной жертвы.

Стыдно мнѣ, и грустно мнѣ, что мои страданія еще такъ грубы и принудительны, но унынія нѣтъ въ моей душѣ. Не свободы отъ страданій хочу я, но свободы въ страданіяхъ, высшихъ, добровольныхъ, сознательныхъ страданій, ибо въ томъ заключается разница между зломъ и страданіями, что со зломъ мы боремся во имя добра, со страданіями-же мы боремся не во имя радости, а во имя высшихъ страданій. Исчезнуть должны страданія грубыя, мученія отъ нищеты, отъ болѣзней,

отъ рабства, но озеро „Мара“, горькія воды безутѣшной грусти, никогда не изсякнутъ въ душѣ людей. Если когда-нибудь и наступитъ всеобщее счастье, миръ и покой, то воспоминаніе о страданіяхъ прежнихъ поколѣній окутаетъ это счастіе вѣчнымъ трауромъ. А еслибы человѣчество забыло своихъ мучениковъ, то одна необходимость разстаться со счастливою жизнью, одно ожиданіе смерти, замѣнитъ имъ всѣ муки прошлыхъ вѣковъ. Зло преходяще и человѣчно, а страданія вѣчны и божественны. Упрекать Бога въ томъ, что Онъ создалъ страданія, то-же самое, что упрекать Его въ томъ, что Онъ уступилъ міру блаженство своего бытія. Необходимость жертвы—вотъ первый источникъ страданій. Начало страданій таится не во злѣ, а въ божественной любви—и въ этомъ ихъ внутренне оправданіе и освященіе. Созерцаніе божественной жертвы—вотъ самое вѣрное средство примириться со страданіями, и со своими, и съ чужими.

Но вы клоните голову и молчите и думаете про себя, что тѣмъ, замученнымъ въ прошломъ и будущемъ, не было и не будетъ дѣла до мэонической истины, что ихъ страданія остались и останутся неотомщенными и неоправданными. Я сообщу вамъ еще одну истину, извѣстную многимъ и все же тайную, ибо ее страшно высказывать вслухъ. Истина эта говоритъ намъ, что оправданіе страданій въ нихъ самихъ. Подобно тому, какъ есть разумъ чувственный и мистическій, такъ слѣдуетъ отличать волю чувственную отъ воли мистической. Чувственная воля ищетъ наслажденій и боится страданій. Но для воли мистической на днѣ наслажденій всегда таится разочарованіе, а на днѣ страданій—блаженство. Всѣ великіе люди, кому удалось испытать большія страданія, потомъ благословляли ихъ и приписывали имъ свое прозрѣніе. Страданія будятъ душу, а изъ всѣхъ враждебныхъ намъ силъ самая опасная это—сѣ-

рая сила сонливости. Что мы знаемъ о томъ, какія чувства испытывали мученики въ послѣднія минуты своей жизни, какую небесную сладость обрѣтали они на днѣ горькаго напитка? Но объ этихъ тайнахъ, въ самомъ дѣлѣ, опасно говорить вслухъ, ибо ее можетъ услышать низшая наша природа и воспользоваться ею, какъ орудіемъ зла.

Наконецъ, послѣднее, а въ сущности первѣйшее и вѣрнѣйшее оправданіе страданій, это—надежда на конечное примиреніе ихъ въ Богѣ. Меоническая легенда о твореніи скрываетъ въ себѣ увѣренность и въ воскресеніи. Самъ по себѣ міръ явленій, въ условіяхъ двуединыхъ категорій, не имѣетъ конца, какъ не имѣетъ начала. Такимъ его мыслитъ метафизическій разумъ. Но мистическій разумъ не можетъ созерцать ни начала, ни конца міра иначе какъ въ абсолютно-единомъ. Переводя его идеи на языкъ легенды, мы можемъ сказать, что мы чаемъ не только нашего воскресенія, но и воскресенія самого Творца. Подобно тому, какъ мы вѣримъ, что уже нѣкогда, внѣ времени, жили въ лонѣ Единаго, созерцавшаго будущее твореніе, какъ мы увѣрены, что будемъ, тоже внѣ времени, жить въ лонѣ Единаго, вспоминающаго о твореніи быломъ. Ни ожиданіе награды, ни страхъ возмездія несовмѣстимы съ мыслью объ абсолютно-единомъ и равномъ себѣ. Въ немъ, въ источникѣ бытія, всѣ явленія отразятся незабываемо, въ ихъ внутренней гармоніи. Образъ міра отразится въ Богѣ, какъ оправданіе его жертвы; любовь Бога освѣтитъ міръ, какъ оправданіе его страданій. Тамъ, другъ мой, мы встрѣтимся съ вами и со всѣмъ, что было и прошло, и съ этимъ паукомъ, и съ этой мухой, встрѣтимся безъ покрововъ индивидуальности, сольемся разными звуками одной единой мелодіи. А пока намъ остается играть мистерію бытія и жертвы и стремиться къ возможно совершенному ея

исполненію. При удачной игрѣ мы вмѣстѣ съ художественною радостью испытаемъ грусть отъ мысли, что это только игра, только призрачность, только отраженіе бытія и жертвы, а не ихъ реальность. При неудачной игрѣ эта мысль будетъ служить нашимъ утѣшеніемъ.

Скажите же, другъ мой, миритесь ли вы со страданіями и зломъ, любите ли вы ихъ Творца, вынута ли изъ вашей души послѣдняя заноза?

— Да,—отвѣтилъ Владиміръ Ивановичъ, но душа моя разрывается отъ грусти.

— Моя также,—повторилъ я за нимъ,—и пусть эта грусть будетъ нашей жертвою Единому. Вѣдь, пожертвовавъ собою для міра, онъ поступилъ, какъ мать. которая соглашается на смертельную операцію, чтобы дать жизнь ребенку. Онъ завѣщалъ намъ всѣ силы и всѣ блаженства, не требуя взамѣнъ ничего,—ни молитвъ, ни всесожженій. Сдѣлаемъ же ему подношеніе изъ нашей сыновней благодарной грусти.

Разговоръ девятый.

— Вы во что бы то ни стало пытаетесь свести наши разговоры на вопросъ о томъ, какъ надо жить, - сказалъ я Владиміру Ивановичу.—Пусть будетъ по вашему. Мы обошли двѣ сферы — ученія о Богѣ и легенды о Богѣ—и теперь вступаемъ въ третью—ученія о путяхъ жизни. Признаюсь вамъ, я дѣлаю этотъ послѣдній шагъ съ большимъ опасеніемъ и не безъ колебаній.

— А между тѣмъ, — прервалъ мой собесѣдникъ, — люди ни въ чемъ такъ не нуждаются, какъ въ отвѣтѣ на вопросъ: какъ жить. И религія, не отвѣчающая на этотъ вопросъ, похожа на безплодное дерево, на ту смоковницу, которую проклялъ Христосъ.

— Отчего такъ и боязно вступить въ область морали,—возразилъ я.—Правила жизни нужны всѣмъ; поэтому область морали такая шумная, бурная, многолюдная. Подумайте: кто только не считалъ себя призваннымъ говорить о морали? Въ этой области такъ легко вопіять и проповѣдывать, и такъ трудно творить. Атмосфера страстности, которою окружены всѣ нравственныя проблемы, сливаетъ ихъ очертанія, искажаетъ формы. Уже въ области мысли не легко было провести предѣльную черту между призваніемъ чувственнаго и мистическаго разума; все же я увѣренъ, что едва-ли кто-нибудь станетъ требовать отъ религіознаго мыслителя отвѣтовъ на вопросы по химіи или механикѣ. Не то въ области воли и чувства. Здѣсь отъ религіи требуется, чтобы она не только оправдала и освятила пути

жизни, но и разрѣшила всѣ недоразумѣнія утилитарной нравственности, политическія, экономическія, семейныя.

— Такъ что вы различаете двѣ морали: религіозную и утилитарную?—спросилъ Владиміръ Ивановичъ.

— Различіе это,—отвѣтилъ я,—выдумано не теперь, а уже давно обнаружено и даже разрослось до явнаго разлада. Съ одной стороны, сторонники утилитарной нравственности отвергли таинство религіознаго освященія, съ другой, представители мистической морали во имя служенія Богу какъ-то пренебрегли служеніемъ людямъ, примирились съ ея неправдой и рабствомъ. Одна возможность подобной розни доказываетъ, что мистическая мораль и утилитарная—отличны и въ извѣстномъ отношеніи независимы одна отъ другой.

— По своему содержанію мораль утилитарная могла бы быть названа распредѣлительной, ибо она завѣдуетъ распредѣленіемъ между членами общества какъ добытыхъ благъ, такъ и необходимаго для ихъ добыванія труда. Но наряду съ борьбою индивидуумовъ изъ-за удовлетворенія потребностей, въ душѣ отдѣльной личности возникаетъ борьба самыхъ потребностей между собою. Въ первой борьбѣ вырабатывается modus vivendi между членами общества, во второй борьбѣ отдѣльная личность утверждаетъ про себя правду жизни. Борьба многихъ изъ-за обладанія благами заставляетъ каждаго мириться съ компромисомъ, наиболѣе для него полезнымъ; борьба же потребностей возникаетъ во имя неуступчивой правды, и чтобы замирить эту борьбу, личность должна вынести наружу скрытый въ ея душѣ критерій цѣлесообразности. Первая борьба происходитъ на форумѣ; ближній предстоитъ ближнему, какъ противникъ и соперникъ. Вторая происходитъ въ тишинѣ размышленій; человѣкъ предстоитъ благу, судитъ и цѣнитъ его, но на этомъ судѣ нѣтъ мѣста ближнему, нѣтъ мѣста третьему, ни другу, ни врагу. Первая имѣетъ

верховнымъ принципомъ общественную справедливость, вторая—личную святость.—Первая приводитъ къ распредѣляющей утилитарной этикѣ, вторая—къ опредѣляющей религіозной морали, къ морали въ собственномъ значеніи этого слова.

Возьмемъ для примѣра борьбу римскихъ плебеевъ и патриціевъ. Тѣ и другіе признавали желанными богатство и власть; боролись же они между собою изъ-за распредѣленія богатства и власти. Утилитарная мораль ихъ разъединяла, религіозная соединяла. Но вотъ въ Римѣ являются философы Стои. Не принадлежа ни къ патриціямъ, ни къ плебеямъ, они вдали отъ сената и форума, въ тишинѣ, про себя, подвергаютъ новой оцѣнкѣ не законы о распредѣленіи благъ, а самыя эти блага. Они находятъ, что всѣ блага, не зависящія отъ воли человѣка,—богатство, слава, почести и даже здоровье—случайны и ничтожны, и что желанными слѣдуетъ признать лишь внутреннее безстрастіе и добродѣтель. Разсуждая такъ, стоики какъ-бы забыли о ближнемъ, такъ что Эпиктетъ, боясь чувства жалости, какъ одной изъ perturbationes animi, и добро совѣтуетъ дѣлать изъ любви къ добру, а не изъ любви къ ближнему. Но на самомъ дѣлѣ, совершенствуя свою личность, они возвысили и личность ближняго. Зажигая свѣтъ въ собственной душѣ, они становились свѣтящимися и горящими, освѣщающими и зажигающими.

— Если я вѣрно понялъ васъ,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ,—то утилитарная мораль исходитъ отъ себялюбія, но подъ вліяніемъ разумнаго разсчета примиряетъ мои интересы съ интересами ближняго. Религіозная же мораль исходитъ отъ любви къ ближнему и отреченія отъ личнаго счастія.

— Говоря такъ,—отвѣтилъ я,—вы выражаете одинъ изъ самыхъ распространенныхъ и самыхъ ошибочныхъ взглядовъ на сущность нравственности. Издавна при-

нято помѣщать проповѣдь любви къ ближнему въ центрѣ религіозной морали. Между тѣмъ въ дѣйствительности любовь къ ближнему является верховнымъ закономъ не религіозной, а утилитарной этики.

Сила славолюбія, жажда добровольнаго, сознательнаго поклоненія заставляютъ насъ жертвовать, ради счастія ближняго, не только собственнымъ счастіемъ, но и самою жизнью. Поэтому самоотверженная любовь къ ближнему—удѣлъ лишь немногихъ избранныхъ нравственно-геніальныхъ людей. Славолюбіе—пища боговъ и героевъ; толпа, осужденная питаться этой амврозіей, умерла бы съ голода. Вотъ почему я считаю, что проповѣдывать любовь къ ближнему столь же безполезно, какъ убѣждать людей быть геніальными или имѣть классическій профиль.

— Но все же полезнѣе,—прервалъ мой собесѣдникъ,—нежели проповѣдывать эгоизмъ.

— Не знаю, право,—отвѣтилъ я,—какой изъ двухъ призраковъ призрачнѣе. Впрочемъ, проповѣдь эгоизма кажется мнѣ менѣе вредной, ибо несбыточность ея очевиднѣе. Еще въ прежнія времена, когда большинство людей не сознавало своей силы, когда господствовало право лжесильнаго, а дѣйствительно „сильные міра“ гнули шею подъ ярмо—въ тѣ времена эгоисты могли еще властвовать и наслаждаться. Но по мѣрѣ того, какъ сознаніе силы просыпается во всѣхъ, эгоисты должны наряду со всѣми работать на общую пользу или исчезнуть съ лица земли. Проповѣдь ихъ никого, кромѣ пылкихъ стихотворцевъ, не прельститъ. Между тѣмъ проповѣдь любви, будучи безсодержательнымъ учительствомъ, обманываетъ своей мнимой возвышенностью и отвлекаетъ вниманіе отъ задачъ истинной морали. Неудивительно поэтому, что всякая попытка вернуть людей къ религіозному познанію встрѣчаетъ прежде всего отпоръ со стороны проповѣдниковъ любви къ ближнему. Они

инстинктивно боятся, какъ бы въ лучахъ вѣчной истины не полиняла и не сморщилась ихъ просвѣщенно-гуманная мораль, существующая исключительно для того, чтобы ее проповѣдывать. Признаюсь вамъ, не люблю я краснорѣчивыхъ человѣколюбцевъ, боюсь, что подъ цвѣтами ихъ человѣколюбія таится змѣя грубодушія и самодовольства. Недаромъ и заповѣдь о любви къ ближнему впервые прозвучала среди жестокосердаго Израиля, какъ противовѣсъ къ другой заповѣди: „да не пощадитъ глазъ твой: душу за душу, глазъ за глазъ". Въ проповѣди любви есть что-то показное, отчуждающее. Сверхъ того, она и теоретически обоснована нѣвѣрно. Любовь къ ближнему въ дѣйствительной жизни является не исходной точкой, а предѣльной цѣлью, верхней площадкой нашей утилитарной дѣятельности. Къ любви, какъ къ высшему синтезу, ведутъ всѣ наши страсти, желанія, вожделѣнія и въ ней трагически отрицаютъ себя и сгораютъ очистительною жертвой. Между тѣмъ краснорѣчивые моралисты хотѣли бы сдѣлать любовь къ ближнему исходною точкою каждодневной дѣятельности, и въ этомъ отношеніи ихъ мораль напоминаетъ мнѣ вычитанную въ одномъ старомъ журналѣ повѣсть, которая начиналась словами: „На противоположномъ берегу Волги стоитъ богатое село". Всѣ свои дворцы и храмы проповѣдь любви строитъ именно на противоположномъ берегу, на невѣдомомъ всѣмъ намъ берегу ближняго, а не на извѣстномъ каждому изъ насъ берегу моего собственнаго „я".

Нѣтъ, боюсь я проповѣдниковъ любви къ ближнему, боюсь ихъ, какъ себялюбцевъ, которымъ слишкомъ легко и дешево далось счастіе на землѣ. Они, не жертвуя ничѣмъ, пользуются и признаніемъ, и довѣріемъ, и богатствомъ, между тѣмъ какъ мы, религіозные мыслители, должны робко и съ оглядкой пробираться сквозь толпу съ подозрительнымъ грузомъ своей мучительно

выжитой истины и тайны. Порою, чтобы утѣшить себя, я стараюсь себя увѣрить, что наша нелюбовь стократъ человѣчнѣе и добрѣе ихъ показной, не жгущей, ихъ самихъ не сжегшей любви. Кто знаетъ, можетъ быть, мы оттого и боимся всуе говорить о любви къ людямъ, что наше мягкое, жалостливое сердце боится лица огня? Можетъ быть, мы избѣгаемъ словъ о любви оттого, что боимся непосильной жалости къ любимому существу. Не оттого-ли радіусъ священнаго круга, который каждая личность чертитъ вокругъ себя, съ теченіемъ вѣковъ все растетъ, и все бдительнѣе становится стража на порогѣ нашего сердца, и все напряженнѣе тревога за права своей личности, за объемъ и предѣлы своего престижа?

Но посмотрите на проповѣдниковъ любви, этихъ фарисеевъ и книжниковъ нашихъ дней! Каждый изъ нихъ признаетъ всеобщій законъ любви съ однимъ исключеніемъ—для самого проповѣдника. Впрочемъ, ихъ неискренность никого не смущаетъ. Отъ нихъ требуется лишь дрожь въ голосѣ и блескъ въ глазахъ, мимическія, а не умственныя или душевныя качества. Они похожи на тѣхъ царедворцевъ, которые, не обладая ни гражданскими доблестями, ни военными талантами, процвѣтаютъ лишь потому, что умѣютъ съ искреннимъ видомъ потакать и льстить своему владыкѣ. Развѣ вы не видите, что проповѣдники любви только и дѣлаютъ, что льстятъ властелину—толпѣ? Когда такой проповѣдникъ обращается къ толпѣ со своимъ словомъ, никто не помышляетъ о непосильныхъ обязанностяхъ, которые на него возлагаетъ заповѣдь любви ко всѣмъ ближнимъ, но каждый съ восторгомъ мечтаетъ о неисчислимыхъ правахъ, которыя ему сулитъ любовь всѣхъ. Съ другой стороны, и проповѣдникъ ничего иного не добивается, какъ любви всѣхъ къ нему самому. Такимъ образомъ между нимъ и каждымъ изъ его слушателей образуется чрезвычайно

сильный токъ ложнаго умиленія, который небезопасно прервать.

Знаю: въ молодости проповѣдь любви заставляетъ насъ проливать сладкія слезы. Но какъ только юноша вступаетъ въ дѣйствительную жизнь, на него со всѣхъ сторонъ нападаютъ неотступныя потребности, и онъ съ замѣшательствомъ и горечью видитъ, что ихъ-то словами о любви не прогонишь и не укротишь. Сама любовь оказывается одной изъ потребностей, притомъ не освобождающей отъ другихъ, но порабощающей имъ, ибо тотъ, кто полюбилъ, долженъ заботиться объ удовлетвореніи не только своихъ, но и потребностей любимаго человѣка. Я увѣренъ, что именно непосильная заповѣдь любви породила тѣ ученія объ эгоизмѣ, эготизмѣ и сверхчеловѣкѣ, которыми кишитъ наша современность. И еще увѣренъ я въ томъ, что если безсодержательная и пустая проповѣдь любви до сихъ поръ фигурируетъ въ качествѣ общепризнанной оффиціальной морали, то этой славой она обязана именно своей безсодержательности и пустотѣ. Притѣснителямъ и врагамъ людей должно казаться полезнымъ, чтобы на фронтонѣ общественности красовалась какая-нибудь нравственная заповѣдь, непремѣнно слишкомъ возвышенная, превосходящая силы человѣка, несбыточная и потому безвредная. Заповѣдь любви къ ближнему вполнѣ достигаетъ этой цѣли. Она превышаетъ наши силы и поэтому ни къ чему не обязываетъ. Между тѣмъ она отвлекаетъ вниманіе толпы и увы—не одной толпы. Въ этотъ просакъ попадались нерѣдко и мудрецы, и я думаю, что насильники и притѣснители не разъ смѣялись про себя, глядя, какъ одинъ изъ такихъ мудрецовъ шагаетъ на ходуляхъ категорическаго императива долга, а другой—на ходуляхъ непротивленія злу. Для всеобщаго блага было бы достаточно, если бы люди перестали противляться добру. Но такія скромныя требованія опасны, ибо онѣ

выполнимы, между тѣмъ ходули категорическаго долга и непротивленія злу, благодаря уже ихъ высотѣ, проносятъ своихъ мудрецовъ надъ дѣйствительностью, не задѣвая ее.

Впрочемъ, предоставимъ эгоистамъ и человѣколюбцамъ сражаться между собою при помощи бѣлыхъ и черныхъ призраковъ и обратимся къ великой моральной проблемѣ нашихъ дней.

— Одинъ только вопросъ,— остановилъ меня Владиміръ Ивановичъ.—Вы произнесли цѣлое обвинительное слово противъ нашихъ моралистовъ, и не я стану ихъ защищать. Вѣдь я какъ разъ одинъ изъ тѣхъ обманутыхъ, о которыхъ вы говорили. Но вотъ чего я не понимаю. Вы сказали, что любовь къ ближнему является верховнымъ принципомъ утилитарной, а не религіозной морали. Однако ученіе Христа основано на любви къ людямъ. Теперь, благодаря вамъ, я знаю евангеліе и могу привести подлинныя слова: „Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, какъ я возлюбилъ васъ".

— Вы хорошо сдѣлали,—отвѣтилъ я,—что произнесли имя Христа. Нельзя придти ни къ какой религіозной истинѣ, не отправляясь отъ евангелія. Но не думайте, что истины евангелія, въ особенности моральныя, лежатъ на поверхности. Наоборотъ, онѣ скрыты весьма глубоко, и ихъ приходится добывать изъ-подъ покрова ложныхъ гуманитарныхъ толкованій, какъ откапываютъ древніе города изъ-подъ праха вѣковъ.

Изъ всѣхъ моральныхъ движеній, направленныхъ къ новому опредѣленію благъ, евангельское отличается безпримѣрною чистотою религіознаго критерія. Въ ветхомъ завѣтѣ откровенія религіи и морали еще перепутаны съ наставленіями юридическими, политическими и даже медицинскими. Ученіе-же Христа насквозь религіозно-моральное, и уже отсюда a priori можно заключить, что оно имѣло цѣлью установить наше отношеніе не къ

ближнему, не къ сопернику по пользованію благами жизни, а къ самимъ этимъ благамъ и нашей собственной душѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ отдаленнѣйшимъ образомъ не касался въ своей проповѣди тѣхъ отношеній, которыя мы называемъ экономической справедливостью или политическимъ альтруизмомъ, не отрицалъ и не утверждалъ ихъ, но отклонялъ отъ себя. Когда фарисеи изъ лукавства задаютъ ему политико-экономическій вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли платить подати, Христосъ велитъ платить, но въ то-же время отклоняетъ отъ себя вопросъ. Ибо онъ совѣтуетъ отдать динарій Кесарю не потому, что такъ велитъ нравственный законъ, а потому, что на динаріи имѣется изображеніе и подпись Кесаревы. Это значитъ: динарій самъ по себѣ не благо, подлежащее моральной оцѣнкѣ, а лишь мѣновой знакъ, установленное государствомъ условіе обмѣна и распредѣленія. А такъ какъ распредѣленіе благъ есть дѣло не религіозной морали, а государственной, то динарій слѣдуетъ уплатить государству: Кесарю-Кесарево. На лукавый вопросъ фарисеевъ Христосъ далъ простой и искренній отвѣтъ который, однако, многихъ ввелъ въ заблужденіе, заставивъ думать, будто Христосъ отсѣкъ Кесарево отъ Божьяго и унизилъ его. Главнымъ-же образомъ всѣ недоразумѣнія относительно сущности евангельской морали породилъ другой отвѣтъ Христа на вопросъ законника о томъ, какая наибольшая заповѣдь въ законѣ. „Полюби Господа Бога и полюби ближняго твоего, какъ самого себя“, отвѣтилъ Христосъ, и изъ этихъ словъ хотятъ заключить, будто самъ Христосъ утверждалъ свое ученіе на любви къ Богу и любви къ ближнему. Но отвѣтъ Христа простъ и ясенъ, и не допускаетъ двусмысленнаго толкованія. „На сихъ двухъ заповѣдяхъ“—отвѣтилъ онъ,—„утверждается законъ и пророки“. Законникъ хотѣлъ знать, въ чемъ сущность закона, т. е. ученія Моисея, и Христосъ отвѣтилъ, что ученіе Моисея

зиждется на любви къ Богу и любви къ ближнему. Въ этомъ объясненіи, искреннемъ и простомъ, скрытъ также упрекъ по отношенію къ вопрошателю. Ты признаешь законъ, повелѣвающій любить Бога и ближняго, а самъ его не исполняешь. Подобные упреки Христосъ часто бросалъ въ лицо фарисеямъ. „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что поѣдаете домы вдовъ и лицемѣрно долго молитесь". „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что даете десятину съ мяты, аниса и тмина, и оставляете важнѣйшее въ законѣ: судъ, милость и вѣру". Христосъ упрекаетъ законниковъ въ лицемѣріи, въ несоблюденіи ими же признаннаго закона, утвержденнаго на любви къ Богу и любви къ ближнему. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что и завѣтъ самого Христа утвержденъ на этихъ-же основахъ? Конечно, нѣтъ. Ибо въ такомъ случаѣ, завѣтъ его не былъ-бы новымъ, а являлся-бы повтореніемъ Моисеева закона, безсильнымъ и робкимъ, какъ всѣ повторенія и заимствованія. Самъ Христосъ называетъ свой завѣтъ новымъ, и въ сознаніи его учениковъ этотъ завѣтъ не сливается съ закономъ: „ибо законъ данъ черезъ Моисея, благодать же и истина произошла черезъ Іисуса Христа". Если-же законъ Моисея утверждается на любви къ Богу и любви къ ближнему, то завѣтъ Христа зиждется не на нихъ, а на какихъ-то болѣе благодатныхъ и болѣе истинныхъ основахъ. Каковы-же эти основы Христова завѣта?

Созерцая міръ только въ лучахъ религіи и морали, Христосъ впервые вынесъ на свѣтъ истины всѣ блага жизни и впервые опредѣлилъ ихъ абсолютную, вѣчную цѣнность. Въ томъ, что мы называемъ потребностью, существуютъ, какъ вы знаете, двѣ неразрывно слитыя стороны: субъективная, мое желающее „я", и объективная, то благо, тотъ предметъ, которые я претворяю въ себѣ, удовлетворяя свою потребность. Поэтому любовь наша всегда обращена и къ внѣшнему міру и къ нашему

„я“. Мы любимъ чистый воздухъ, свѣтъ, ласку, потому, что любимъ свое „я“, нуждающееся во всемъ этомъ. Мы корыстно любимъ блага жизни, потому что безкорыстно любимъ свою радость жизни, свое счастье.

Прежде всего Христосъ подвергъ суду внѣшній моментъ потребностей, самыя блага жизни, всѣ тѣ радости, которыя принято называть языческими — пищу, вино, женскую любовь. Христосъ всѣ эти блага внутренно освятилъ и придалъ имъ вѣчную цѣнность. Замѣчательно, что первый актъ его дѣятельности и послѣдній, самый торжественный, были посвящены именно прославленію внѣшнихъ жизненныхъ благъ. „Такъ положилъ Іисусъ начало чудесамъ въ Канѣ Галилейской и явилъ славу свою“, — говоритъ апостолъ и къ этимъ словамъ можно лишь прибавить: и явилъ славу жизни. Въ самомъ дѣлѣ, какъ удивительно и непостижимо то, что искупитель міра вступаетъ въ свой учительскій и искупительный подвигъ не черезъ храмъ или уединенную келію, а черезъ пиршественный залъ, бокъ-о-бокъ съ брачнымъ покоемъ. Мы, философы, конечно, отнесемся къ элементу чудеснаго въ этомъ, какъ и въ другихъ событіяхъ изъ жизни Христа, такъ, какъ намъ велитъ разумъ. Но какъ непостижимо то, что апостолъ начинаетъ повѣсть о чудесахъ Христа съ Каны Галилейской! Въ разсказѣ евангельскомъ есть одна изумительная черта. Вино, въ которое Христосъ превратилъ воду, нужно было не для того, чтобы неимущіе люди могли совершить, какъ должно, обрядъ вѣнчанія или скрасить бѣдную трапезу. Нѣтъ, въ домѣ, куда пригласили Христа на пиръ, былъ распорядитель пира, были служители. Въ то время, когда Христосъ совершилъ превращеніе вина, гости уже напились, ибо распорядитель, отвѣдавъ чудесное вино и не зная его происхожденія, сказалъ жениху: „всякій человѣкъ подаетъ сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее, а ты хорошее вино сбе-

регъ доселѣ“. Такимъ образомъ, Христосъ превратилъ содержимое шести каменныхъ сосудовъ не въ вино скромной трапезы, а въ вино опьяненія, въ вино пьянаго веселія, на порогѣ брачнаго покоя. Еслибы на мѣстѣ Христа, сопровождаемаго матерью и учениками, явился Эпикуръ, онъ не могъ-бы болѣе ярко прославить радость жизни и удовлетворенія. Представьте себѣ освѣщенный залъ, гостей, уже разгоряченныхъ виномъ и еще жаждущихъ пить, жениха и невѣсту въ цвѣтахъ, веселый шумъ, смѣхъ, пѣсни—и это первая ступень къ Голгоѳѣ! Въ Канѣ Галилейской Христосъ оправдалъ блага жизни, но таинства этого оправданія пока не раскрылъ присутствующимъ. „Что Мнѣ и тебѣ, жена? Еще не пришелъ часъ мой“. Но вотъ этотъ часъ пришелъ. „Время мое близко“, сказалъ Онъ, совершивъ свой земной подвигъ и въ послѣдній разъ созвавъ учениковъ. На тайной вечерѣ Христосъ завершаетъ начатое въ Канѣ Галилейской, какъ бы кладетъ конецъ чудесамъ своимъ, ибо не только вторично освящаетъ блага жизни, но впервые раскрываетъ таинство этого освященія. Цвѣтокъ, завязавшійся на первой ступени, благоуханно распускается на послѣдней. „Іисусъ взялъ хлѣбъ, и, благословивъ, преломилъ и, раздавая ученикамъ, сказалъ: примите, ѣдите: сіе есть тѣло мое. И, взявъ чашу и благословивъ, подалъ имъ и сказалъ: пейте изъ нея всѣ, ибо сія есть кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая, во оставленіе грѣховъ“.

Не знаю, другъ мой, съумѣю ли я вамъ выразить то непреходящее изумленіе, тотъ умиленный восторгъ, которые эти слова всегда возбуждали во мнѣ. Нѣтъ въ мірѣ другихъ словъ, въ которыхъ было бы заключено столько лучей. Въ сущности всѣ религіи, главнымъ образомъ, и стремились къ тому, чтобы освятить блага жизни. Язычество освящало ихъ тѣмъ, что заставляло боговъ пользоваться тѣми же благами и жить тѣми же

страстями и желаніями, какъ и мы. Ѣдящіе, пьющіе, хохочущіе, любящіе Олимпійцы бросали отблескъ вѣчности на ѣду, питье, забавы и любовь людей. Но Олимпійцы жили до тѣхъ поръ, пока жила вѣра въ нихъ. Ветхій завѣтъ освящалъ блага жизни глубже и вѣрнѣе, освящалъ тѣмъ, что принималъ ихъ изъ рукъ единаго и вѣчнаго Бога, какъ Творца всѣхъ существъ и благъ и оттого заповѣдалъ любить Бога. Однако и это освященіе было внѣшнимъ, ибо между творцомъ и твореніемъ оставалась бездна, такъ что могло случиться, что творецъ однажды раскаялся въ актѣ творенія и рѣшилъ уничтожить дѣло своихъ рукъ. На языкѣ философіи можно бы сказать, что освященіе ветхаго завѣта носило характеръ трансцендентный. Но внутренне, имманентно, навсегда и неистребимо освятилъ блага жизни только Христосъ. Хлѣбъ и вино не только созданы Богомъ, они суть — тѣло и кровь Бога, Богъ преосуществляется въ нихъ. Въ этомъ актѣ преосуществленія богословіе видитъ чудо, исключеніе изъ общей закономѣрности явленій. Мы же въ свѣтѣ разума можемъ видѣть лишь мистическое, не исключеніе изъ закона, а новый законъ, дающій всѣмъ явленіямъ высшій смыслъ. Въ мистической евхаристіи Богъ преосуществляется въ хлѣбъ своимъ тѣломъ, въ вино своею кровью, въ воздухъ своимъ дыханіемъ, въ свѣтъ своею мыслью, въ вожделѣнія страсти своею безкорыстной любовью, въ страданія — своею скорбью, въ смерть — своею жертвою за міръ, во всѣ мимолетныя явленія всею своею вѣчностью. Это не отвлеченный пантеизмъ, который „все“ называетъ словомъ „Богъ“ или за явленіями предполагаетъ безличный міровой разумъ. Это новое постиженіе міра, какъ имманентной святости, какъ вѣчнаго жертвоприношенія живаго, любящаго, страждущаго Бога.

— Вы видите въ евхаристіи выраженіе меонической легенды?—прервалъ меня мой собесѣдникъ.

— Вижу въ ней,—отвѣтилъ я, - ту же тайну, но начертанную не письменами нашей разсудочности, а огненными чертами пророчества и искупленія. Но вернемся къ нашему вопросу. На чемъ утвердилъ Христосъ свой новый завѣтъ? На любви-ли къ Богу, какъ къ внѣшнему Творцу и подателю благъ? На любви-ли къ ближнему, какъ союзнику и сопернику при пользованіи благами? Нѣтъ, новый законъ зиждется на новомъ основаніи, заложенномъ болѣе глубоко, углубленномъ до послѣднихъ корней жизни. Онъ зиждется на любви къ самымъ благамъ, какъ къ божественной сущности, на любви къ хлѣбу и вину, какъ тѣлу и крови Бога. Ветхозавѣтная любовь къ Отцу имѣла своею тѣнью страхъ грѣха, ибо Отецъ могъ мнѣ одни блага разрѣшить, а другія, напримѣръ, плоды отъ такого-то дерева запретить. Но когда самыя блага, самые плоды всякаго дерева сдѣлались кровью и плотью Бога, грѣхъ сталъ немыслимъ. Вотъ на какой высотѣ принесена жертва во искупленія міра, вотъ на какой глубинѣ подрѣзаны корни грѣха. И скажите, можете ли вы себѣ представить, чтобы Христосъ на тайной вечерѣ сталъ говорить объ экономическомъ равенствѣ, о правильномъ распредѣленіи налоговъ, о высокой заработной платѣ — однимъ словомъ, объ альтруизмѣ, о любви къ ближнему? Это звучало бы такъ же странно, какъ если бы Онъ, вмѣсто того, чтобы открыть ученикамъ таинство хлѣба и вина, сталъ бы поучать ихъ новымъ, болѣе усовершенствованнымъ способамъ земледѣлія и винодѣлія. Конечно, для того, чтобъ быть освященными, хлѣбъ и вино должны быть сперва приготовлены, а затѣмъ распредѣлены, но созданіемъ благъ завѣдуетъ техника, а распредѣленіемъ ихъ политика, — дѣятельности случайныя, измѣнчивыя, развивающіяся. Къ религіи же всѣ явленія обращены своей вѣчной, необходимой, божественной стороной. Любовь къ единому Творцу случайна, ибо многіе народы до сихъ поръ не

знаютъ о единомъ Творцѣ. Любовь къ ближнему случайна, ибо ближній можетъ не нуждаться въ моей любви, я могу жить въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ ближняго. Лишь любовь къ благамъ жизни необходима и вѣчна, и ее-то Христосъ освятилъ своей кровью и преобразилъ въ божественную.

Но до сихъ поръ мы говоримъ лишь объ одной — объективной сторонѣ потребностей. Есть другая сторона, субъективная. Наряду съ благами и цѣнностями есть еще мое „я“, которое жаждетъ благъ и цѣнитъ ихъ. И вотъ эту вторую внутреннюю личную подкладку явленій—Христосъ не только освятилъ, но въ мірѣ іудейско-языческомъ впервые освѣтилъ, впервые вынесъ на свѣтъ сознанія. Скрытымъ образомъ освященіе личности уже заключено въ таинствѣ евхаристіи. Если міръ есть перевоплощеніе бога, то божественны не только блага жизни, не только хлѣбъ и вино, но и тотъ, кто ѣстъ хлѣбъ и пьетъ вино, священно и божественно мое человѣческое „я“ Выводы этой истины даны въ нагорной проповѣди. Въ самомъ дѣлѣ, если мое „я“ священно, то мнѣ нечего стремиться къ обладанію благами жизни, ибо я могу обрѣсти бога въ самомъ себѣ. Пасху новаго завѣта и святые дары я нахожу въ себѣ самомъ, въ храмѣ моего тѣла и въ скиніи моего духа. „Въ тотъ день узнаете вы, что я въ Отцѣ моемъ, и вы во мнѣ, и я въ васъ“. Видите: Христосъ указываетъ на двѣ свои обители. Во-первыхъ, онъ въ мірѣ (сіе есть тѣло мое, сія есть кровь моя) и во-вторыхъ, онъ въ моемъ „я“ („вы во мнѣ, и я въ васъ“). Слѣдовательно, искать Бога можно также двумя путями: черезъ таинство слія-нія съ міромъ, въ Канѣ Галилейской, и черезъ таинство удаленія отъ міра и погруженія въ свое „я“. На первомъ пути блаженны много имущіе, „ибо всякому имѣющему дастся и пріумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ“, на второмъ же пути блаженны

неимущіе, блаженны нищіе, ибо „удобнѣе пройти верблюду сквозь игольныя уши, нежели богатому войти въ царство божіе“. „Продай имѣніе свое и раздай нищимъ“.—Вмѣстѣ съ богатствомъ отдай, сбрось съ себя всѣ блага, которыя считаются святыми на пути удовлетворенія: „Всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени моего, получитъ во сто кратъ“. Слышите: и братьевъ, и дѣтей, не только друга и ближняго!

— Но вѣдь это есть ученіе о двухъ путяхъ добра,— снова прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ.

— Конечно,—отвѣтилъ я.—Только не въ философскомъ, кристаллизованномъ, а въ расплавленномъ, вдохновенномъ, пророческомъ состояніи. Христосъ заповѣдалъ двуединство морали, освятивъ блага жизни и освободивъ отъ благъ жизни, но тайны этого двуединства не разъяснилъ, а разгадку ея предоставилъ свободѣ и вдохновенію: „кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ“. Что-жъ удивительнаго въ томъ, что евангельская мораль осталась до сихъ поръ книгой, „писанной внутри и отвнѣ запечатанной семью печатями“. Пользуясь случаемъ, чтобы замѣтить мимоходомъ, что пониманіе этой, какъ и другихъ евангельскихъ тайнъ, затруднено еще тѣмъ, что и ко Христу примѣнимо слово, которое Онъ сказалъ о Моисеѣ, ибо и его истина часто облечена въ формы, разсчитанныя на жестокосердіе, грубодушіе и тугомысліе людей. Имѣя цѣлью превратить внѣшнюю ветхозавѣтную божественность во внутреннюю святость самого міра, евангельская истина все же кутается въ трансцендентныя пелены вѣры, чуда и возмездія. Это общее замѣчаніе примѣнимо и къ евангельской морали. Казалось бы, внутреннее блаженство отреченія уже во внѣшней санкціи не нуждается. Однако, вслѣдствіе жестокосердія людей, евангельская истина о блаженствѣ нищихъ закутана въ санкцію

внѣшняго суда, наказанія и награды, и все это приближено къ глазамъ вѣрующаго, какъ яркое видѣніе: „не пройдетъ родъ сей, какъ все сіе будетъ". Вы поймете, что эти пелены еще болѣе мѣшали разглядѣть тайну евангельской морали, и безъ того трудно постижимую для чувственнаго разума. И вмѣстѣ съ тѣмъ вы видите, что, несмотря на то, что мы признаемъ евангельскую истину вѣчной и абсолютной, намъ все же необходимо искать и обрѣтать эту истину еще во внутреннемъ откровеніи разума, въ чистой имманентности, лишенной всякихъ внѣшнихъ покрововъ, хотя бы и легчайшихъ.

Но возвращаюсь къ нашей темѣ, и еще разъ, по поводу идеала отреченія, ставлю прежній вопросъ: на чемъ зиждется евангельская проповѣдь блаженной нищеты—на ветхозавѣтной ли любви къ Богу и любви къ ближнему, или на любви къ новому, болѣе имманентному и близкому намъ началу? Что касается любви къ ближнему, то, казалось бы, само собою очевидно, что идеалъ отреченія отъ ближняго не можетъ быть построенъ на любви къ ближнему. Для отшельника, пустынножителя, затворника, уединившагося (монаха), какъ видно уже изъ самыхъ этихъ словъ, нѣтъ ближняго. Для того, кто уходитъ, удаляется, существуютъ только дальніе. У одного изъ великихъ аскестовъ есть разсказъ о томъ, какъ святому отшельнику сообщаютъ, что его братъ (тоже монахъ) умираетъ и хочетъ видѣть его передъ смертью. Святой отказываетъ въ просьбѣ умирающаго брата, дабы остаться вѣрнымъ своему подвигу и своему блаженству. Передъ судомъ альтруизма и любви къ ближнему такой отказъ является выраженіемъ дикаго безсердечія. Но передъ судомъ вѣчной истины святой былъ правъ. Вѣдь отрекшись отъ міра, онъ зналъ, что въ мірѣ есть больные и страждущіе, нуждающіеся въ помощи и уходѣ. Однако онъ ушелъ отъ нихъ къ свя-

тынѣ одиночества и молчанія. Почему же теперь, когда этимъ страждущимъ является его братъ, онъ долженъ измѣнить своей святынѣ? И кто знаетъ, не помогъ ли онъ больше умирающему брату своимъ отказомъ, чѣмъ сдѣлалъ бы это своимъ приходомъ? Подобно тому, какъ отрекшись отъ міра, удалившись отъ страждущихъ и нуждающихся въ помощи, онъ своимъ обѣтомъ не огорчилъ этихъ страждущихъ, а, наоборотъ, облегчилъ имъ бремя страданій, доказавъ, что это бремя призрачно и легко сбрасываемо,—такъ и теперь отказомъ видѣть умирающаго брата онъ, онъ можетъ быть, облегчилъ ему муку умиранія, доказавъ, что вѣрность себѣ самому цѣннѣе самой жизни. Впрочемъ, какъ бы вы ни относились къ этому частному случаю, вы должны согласиться, что вообще святыня отреченія не можетъ быть утверждена на альтруизмѣ, и что поэтому проповѣдь Христа оставить отца и мать зиждется не на любви къ ближнему.

— Долженъ согласиться,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ съ покорной улыбкой.

— А не должны-ли вы еще согласиться съ тѣмъ, что святыня отреченія зиждется и не на любви къ Богу, я хочу сказать, не на ветхозавѣтной любви къ Богу, какъ къ Творцу и отцу. Въ самомъ дѣлѣ, спросимъ себя, куда собственно звалъ Христосъ человѣка, повелѣвая ему бросить отца и мать и отречься отъ міра? Вы скажете: къ Богу. Согласенъ „Всякій“, кто оставитъ домъ или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли—ради имени моего“. Но гдѣ-же искать Бога, гдѣ храмъ этого Бога, ради имени котораго надо оставить домы, семью близкихъ и землю? На этотъ вопросъ ветхій завѣтъ отвѣчаетъ вполнѣ ясно: Богъ есть творецъ міра, и обрѣтать Бога можно лишь въ его твореніи, въ мірѣ, въ государствѣ, въ семьѣ, въ ближнемъ. Въ этомъ отно-

шеніи между ветхимъ завѣтомъ и завѣтомъ языческимъ нѣтъ разницы. Оба они ищутъ и обрѣтаютъ Бога во внѣшнихъ явленіяхъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что ветхій завѣтъ открываетъ явленія и опредѣляетъ ихъ нравственный вѣсъ, а язычество сверхъ того, еще созерцаетъ ихъ эстетическія формы. Поэтому святыня отреченія была одинаково чужда и іудею, и эллину. Но новый завѣтъ, зовущій изъ міра ради имени Бога, ради царства Божія, уже не можетъ утвердить храмъ Бога въ мірѣ, ибо это значило-бы звать изъ міра назадъ, въ міръ-же. Итакъ, куда направляется отшельникъ, оставивъ домъ и землю, семью и ближнихъ? Изъ внѣшняго міра идетъ онъ къ себѣ самому, отъ земли и неба устремляется къ своей собственной душѣ, вмѣщающей царство Божіе. Такимъ образомъ, вы видите, что святыня отреченія зиждется столько-же на любви къ Богу, сколько на любви человѣка къ своему сокровенному „Я", единосущному съ богомъ. То, что мы называемъ культомъ личности, преклоненіемъ человѣка передъ своимъ „Я", завѣщано намъ не язычествомъ, а впервые заповѣдано міру Христомъ. „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтаетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ"? Ахиллесъ, при всей своей гордости, позволяющей ему ставить свою личную обиду выше безопасности всего народа, все-же на послѣдней глубинѣ любитъ не себя, а свою славу, т. е. судъ и похвалу ближняго. На послѣдней глубинѣ Ахиллесъ зависитъ не отъ себя, а отъ ближняго, и не удивительно, что любовь къ ближнему (къ другу Патроклу) въ концѣ концовъ перевѣшиваетъ его личную обиду. Совсѣмъ отречься и освободиться отъ ближняго, остаться наединѣ съ собою, довольствоваться своимъ собственнымъ судомъ и одобреніемъ Ахиллесъ не могъ-бы: для этого онъ недостаточно любилъ и боготворилъ свое „я". Но недоступное Ахиллесу стало доступнымъ каж-

дому отшельнику послѣ завѣта Христа, освятившаго жизнь въ ея двухъ источникахъ.

Итакъ, вотъ выводъ изъ всего сказаннаго. Христосъ освятилъ оба источника жизни—внѣшнія блага, хлѣбъ и вино, какъ единосущныя съ тѣломъ и кровью Бога, и сокровенное человѣческое „Я“, какъ единосущное съ духомъ Божіимъ. Такимъ образомъ, новый завѣтъ зиждется на любви человѣка къ міру и на любви человѣка къ своей душѣ.

Владиміръ Ивановичъ, едва давъ мнѣ докончить, возразилъ:

— А все-таки земля вертится,—сказалъ онъ тихо и настойчиво. Если-бы ваши доводы были въ сто разъ многочисленнѣе и убѣдительнѣе, я все-таки знаю, безъ доводовъ, наглядно и безспорно знаю, что Иліада и ветхій завѣтъ любви къ ближнему въ себѣ не заключаютъ, а отъ каждаго слова евангелія струится любовь къ ближнему, какъ тепло отъ огня. Можете-ли меня доводами убѣдить, что когда я стою передъ костромъ, мнѣ холодно?

— Не могу, отвѣтилъ я, да и не хочу. Я признаю, какъ и вы, что въ атмосферѣ евангелія разлита любовь къ ближнему, какъ благоуханіе, но я бы хотѣлъ, чтобы вы не довольствовались чувственнымъ знаніемъ, а еще поняли процессъ и причины этого явленія. Въ Иліадѣ и въ ветхомъ завѣтѣ любовь къ ближнему является основой, поддерживающей все зданіе, но основой далекой и часто невидимой подъ грудой историческихъ, дѣйствительныхъ, а не идеальныхъ событій. Евангеліе-же зиждется на освященіи и обожествленіи внѣшнихъ благъ и внутренняго „Я“, но въ атмосферѣ этого всеосвященіи любовь къ ближнему возникаетъ, какъ одинъ изъ психологическихъ выводовъ, какъ нѣчто второстепенное и побочное, какъ ароматъ, какъ цвѣтъ. Прежде всего слѣдуетъ помнить, что Христосъ, при-

несши въ міръ благодать всеосвященія, не отвергъ ни заповѣдей, ни закона, ни пророковъ, но утвердилъ ихъ, какъ основу основы, какъ земной пластъ, на который кладутъ фундаментъ. „Если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди... Не убивай, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, почитай отца и мать и люби ближняго твоего, какъ самого себя". Новый завѣтъ устланъ ветхозавѣтными заповѣдями, какъ зеленѣющій лѣсъ прошлогодними листьями, тлѣющими и питающими почву. Многія притчи и поученія Христа, принимаемыя обыкновенно за суть христіанства, оказываются лишь отраженіемъ, отзвукомъ, повтореніемъ ветхозавѣтной и пророческой морали. Такова притча о добромъ Самаритянинѣ и заповѣдь милостыни. Все это лишь освященіе въ образахъ и развитіе словъ пророка: „къ чему мнѣ множество жертвъ вашихъ?—Научитесь дѣлать добро, ищите правды, спасайте угнетеннаго, защищайте сироту, вступайтесь за вдову. Тогда придите и разсудимъ, говоритъ Господь". Если-бы центръ христіанства заключался въ этихъ иллюстраціяхъ на текстъ пророковъ, то весь новый завѣтъ отцвѣлъ-бы, не разцвѣтши, и имя Христа безслѣдно-бы померкло среди безымянной толпы кишѣвшихъ въ то время проповѣдниковъ и учителей.

Но и живая зелень новозавѣтной истины испускаетъ изъ себя, какъ вы вѣрно выразились, тепло и свѣтъ любви къ ближнему. Уже одинъ возвышенный строй евангельской истины отвлекаетъ душу отъ всего мелочно житейскаго, и слѣдовательно, отъ мелкой вражды и мелкой похоти. Вы знаете миѳъ объ Орфеѣ, который своею игрою укрощалъ дикихъ звѣрей, но слѣдуетъ-ли изъ этого, что Орфей проповѣдывалъ любовь къ ближнему? Онъ восхищалъ и отвлекалъ. Тѣмъ болѣе восхищаетъ и отвлекаетъ отъ житейской борьбы евангельское слово, дышущее кротостью, которая ведетъ ко

всеобщему благорасположенію, къ умственному провидѣнію во всякой твари образа божія, къ отождествленію себя со всякимъ дыханіемъ въ лонѣ Творца, къ безпредѣльной благости, изливающейся на ближняго и дальняго, на людей и звѣрей, на живое и мертвое, на существующее и возможное. „Я кротокъ и смиренъ сердцемъ".

Затѣмъ и сама евангельская истина имѣетъ любовь къ ближнему однимъ изъ своихъ послѣдствій, отрицательныхъ и положительныхъ. Святыня отреченія, зовущая ото всѣхъ внѣшнихъ благъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекаетъ отъ борьбы за блага, а вѣдь вражда между людьми, главнымъ образомъ, вызывается борьбою изъ-за обладанія благами. Тутъ нѣтъ любви къ ближнему, но есть отсутствіе вражды. „Если хочешь быть совершеннымъ, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ". Очевидно, центръ тяжести не въ нищихъ, но въ отреченіи отъ богатства. Продавъ и роздавъ имѣніе, я самъ становлюсь въ ряды нищихъ и уже не могу ничѣмъ имъ служить, но за то я свободенъ слѣдовать за Богомъ. Раздай имѣніе „и приходи, и слѣдуй за мною". Раздай имѣніе не изъ любви къ ближнему, а изъ любви къ себѣ, не потому, что оно полезно другимъ, а потому что пагубно для тебя, ибо „трудно богатому войти въ царство небесное", т. е. трудно очутиться наединѣ со своимъ внутреннимъ „я" тому, кто привязанъ къ внѣшнимъ предметамъ, къ „не я". Этотъ самый мотивъ „невражды" къ ближнему, основанной на величайшей любви къ своему „я", проникаетъ собою всѣ заповѣди нагорной проповѣди, которыя поверхностному взору кажутся вершиною любви къ ближнему. „Кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую". Гдѣ моральный центръ тяжести этой заповѣди? Очевидно, не въ ближнемъ, котораго я своею пассивностью побуждаю къ новой не-

справедливости, а во мнѣ, отрекшемся отъ всего внѣшняго и, между прочимъ, отъ чести собственнаго тѣла, отъ чести своей правой и лѣвой щеки. „Кто захочетъ судиться съ тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду“. Почему? Потому что объ одеждѣ не слѣдуетъ заботиться: „если траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Богъ такъ одѣваетъ, кольми паче васъ, маловѣры!“—„Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“. Почему? Потому что для отрекшагося и другъ, и врагъ одинаково далеки и безразличны, и онъ съ одинаковой равнодушной „не-враждой“ относится къ тому и къ другому, „какъ солнце восходящее надъ злыми и добрыми, какъ дождь падающій на праведныхъ и неправедныхъ“. И здѣсь центръ тяжести не въ ближнемъ или врагѣ, который, будучи злымъ и неправеднымъ, такимъ и останется, сколько бы солнце ни освѣщало его и ни окроплялъ дождь, а въ отрекшемся праведномъ и въ его наградѣ. „Я говорю: не противься злому“. Почему? Потому что внутренній человѣкъ ко внѣшнему злу равнодушенъ и не боится „убивающихъ тѣло, душу-же не могущихъ убить“. Является вопросъ: а что если бы врагъ посягнулъ не на одежду, не на тѣло, не на внѣшнія блага, а на самую душу праведнаго, на скрытое въ ней царство божіе? О, по отношенію къ такому врагу евангеліе не знаетъ ни любви, ни прощенія, ни снисхожденія. „Горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что затворяете царство небесное человѣкамъ“. „Зміи, порожденія ехидны, какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геену“? „Да пріидетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ“. „Негоднаго раба выбросьте во тьму внѣшнюю: тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ“.—„Пошлетъ сынъ человѣческій ангеловъ своихъ и соберутъ

изъ царства его всѣ соблазны и дѣлающихъ беззаконіе; и ввергнутъ ихъ въ печь огненную; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ". Вы слышите? Въ нѣжномъ голосѣ Сына прозвучали громовые окрики Отца.—Сквозь тлѣющіе листья ветхозавѣтной любви къ ближнему нога ощупала тернія и сучья ветхозавѣтной мстительности, ибо любовь къ ближнему всегда подбита священнымъ гнѣвомъ, судомъ, борьбою и мщеніемъ.

Таково отрицательное слѣдствіе евангельской проповѣди отреченія, рождающей не столько любовь, сколько не-вражду къ ближнему. Но любовь къ ближнему является еще однимъ изъ ея положительныхъ выводовъ. Правда, ближній, какъ союзникъ по созиданію благъ и какъ соперникъ по ихъ потребленію, находится внѣ кругозора евангельской истины, ибо евангеліе заботится не о политико-экономическомъ распредѣленіи благъ, а лишь объ ихъ мистическомъ опредѣленіи. Но вѣдь помимо союзника и соперника ближній самъ собою бываетъ для насъ благомъ, предметомъ вожделѣнія, несущимъ удовлетвореніе нашему сладострастію, нашей жаждѣ одобренія, нашей любви къ первенству и славѣ. Человѣкъ человѣку бываетъ хлѣбомъ и виномъ, и въ этомъ качествѣ ближній попадаетъ подъ освященіе евхаристіи. Любя ближняго, какъ высшее благо, мы приносимъ наибольшія жертвы для пріобрѣтенія этого блага, ибо „нѣтъ больше той любви, какъ если кто положилъ душу свою за друзей своихъ". Ближняго, какъ высшее благо, евангеліе въ самомъ дѣлѣ велитъ намъ любить, но уже любить не какъ самого себя (такова формула ветхозавѣтной и всякой утилитарной этики), а любить мистически, божественно, любить какъ бога, какъ тѣло и кровь бога. Съ этимъ новымъ оттѣнкомъ любовь къ ближнему, какъ къ богу, въ самомъ дѣлѣ проходитъ небеснымъ лучемъ черезъ все евангеліе. „Истинно говорю вамъ: такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ

сихъ братьевъ моихъ меньшихъ, то сдѣлали мнѣ".— „Кто принимаетъ васъ, принимаетъ меня, и кто принимаетъ Меня, принимаетъ пославшаго меня". „Въ тотъ день узнаете вы, что я въ Отцѣ моемъ, и вы во мнѣ, и я въ васъ".

Теперь, наконецъ, вы поймете, почему я съ такимъ отрицаніемъ отношусь къ старой морали, проповѣдующей любовь къ ближнему. На мистическомъ стеблѣ евангельской благодати любовь къ ближнему распускается, какъ одинъ изъ многихъ цвѣтковъ, можетъ быть, самый ароматный. Но моралисты гуманизма, пренебрегая тайной всеосвященія и благодати и оставляя одну проповѣдь любви къ ближнему, вмѣсто свѣжихъ цвѣтовъ подносятъ людямъ мертвое сѣно. Они не понимаютъ и не видятъ, что вотъ уже нѣсколько столѣтій, какъ человѣчество пребываетъ внѣ религіозной морали, живетъ одною лишь утилитарною этикою, одною заботою о болѣе быстромъ приготовленіи и болѣе правильномъ распредѣленіи благъ, не оцѣненныхъ судомъ высшей истины и не освященныхъ. Всѣ великія побѣды гуманизма за послѣднія два столѣтія—отмѣна рабства, освобожденіе женщины, новое отношеніе къ наказанію, какъ къ мѣрѣ воспитанія, свобода совѣсти, равенство всѣхъ передъ закономъ, народовластіе,—все это порожденіе не религіозной морали, а утилитарной этики.

— Если такъ,—прервалъ меня мой собесѣдникъ,—то да будетъ благословенна утилитарная этика!

— Да будетъ она благословенна, — повторилъ я. — Современные люди ни къ чему такъ не чувствительны, какъ къ проявленіямъ распредѣлительной утилитарной этики, и лично про себя я долженъ сказать, что въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличаюсь отъ всѣхъ моихъ современниковъ. Первые идеалы, которые въ молодости засвѣтились моему сознанію, были идеалы гра-

жданскіе и политическіе, и съ тѣхъ поръ донынѣ сердце мое бьетъ тревогу, заслышавъ знакомые призывы. Но утилитарная этика, завѣдующая распредѣленіемъ благъ, не должна устранить собою или затмить дѣйствительной морали, дающей благамъ внутреннюю цѣнность и верховное освященіе,—подобно тому, какъ разумъ научный не можетъ замѣнить собою разумъ метафизическій и мистическій. Малѣйшее замѣшательство въ этихъ областяхъ, и источники жизни мутнѣютъ и всѣ блага внутренно обезцѣниваются. Смутно и проповѣдники любви чувствуютъ, что однѣми нормами политико-экономическаго распредѣленія благъ нельзя удовлетворить душу, что нужна мораль, оцѣнивающая и освящающая. Но когда ихъ спрашиваютъ, каковы завѣты этой морали, они ссылаются на любовь къ ближнему и, такимъ образомъ, опять сворачиваютъ на политико-экономическое распредѣленіе благъ. Опасность проповѣди любви къ ближнему состоитъ въ томъ, что она, называя себя моралью, устраняетъ истинную мораль освященія, обкрадываетъ душу и оголяетъ жизнь. Допустимъ, что для меня блага освящены тѣмъ, что я ихъ уступаю ближнему. Но чѣмъ они будутъ освящены для ближняго? Проповѣдники любви, въ бѣгствѣ отъ пессимизма, прячась за ближняго, похожи на страуса, который, преслѣдуемый охотниками, прячетъ голову въ песокъ и не соображаетъ, что онъ и груда песку остаются на мѣстѣ, между тѣмъ какъ охотникъ надвигается.

— Теперь для меня все ясно!—воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ.—Проповѣдниковъ любви къ ближнему нельзя винить ни въ лицемѣріи, ни въ упрямствѣ. Они искренно хотятъ счастія людямъ, и рады бы подвергнуть блага новой нравственной переоцѣнкѣ, но для этой оцѣнки у нихъ нѣтъ мѣрила и критерія. Они поневолѣ прячутся за ближняго, ибо у нихъ нѣтъ матеріала для созданія истинной морали.

— Вы, конечно, правы,—отвѣтилъ я.—Мораль есть оцѣнка благъ передъ судомъ вѣчной, абсолютной цѣлесообразности, или, что одно и тоже, передъ судомъ религіозной истины. Когда религіозная истина евангелія, державшаяся на вѣрѣ и авторитетѣ, померкла въ сознаніи людей, вмѣстѣ съ нею исчезъ критерій моральной оцѣнки и потеряно знаніе путей жизни. Теперь-же, когда мы увѣрены, что религіозная истина вновь обрѣтена во внутреннемъ откровеніи разума, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны допустить, что стоимъ у порога новой религіозной морали.

Послѣднія бесѣды.

Солнце и лазурь послѣднихъ недѣль замѣнились холодными дождями и непріязненнымъ, всепроникающимъ туманомъ. Наступила ранняя, многослезная осень. Туманъ проникаетъ не только въ галлереи для лежанія, но, кажется, и въ сердца больныхъ, гдѣ онъ превращается въ непроходящую грусть. Рѣже слышатся разговоры, чащѐ раздается кашель. Изъ сада, спасаясь отъ непогоды, залетаютъ къ намъ птицы, съ разлета ударяются объ стекла оконъ и падаютъ мертвыми. Въ состояніи больныхъ наступило всеобщее ухудшеніе, но врачи, педантически вѣрные своему методу, заставляютъ насъ лежать на сыромъ, холодномъ воздухѣ. Владиміръ Ивановичъ оказался въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ. Онъ рѣдко спускается въ галлерею, и я большую часть дня провожу у него въ комнатѣ. Онъ, закутанный, лежитъ на кушеткѣ, а я сижу передъ нимъ у открытаго окна. Сознаніе близкой разлуки ростетъ въ насъ съ каждымъ днемъ, но мы продолжаемъ свои бесѣды о нравственномъ законѣ жизни съ такимъ спокойствіемъ, какъ будто каждому изъ насъ предстоитъ жить долгіе годы, и въ этомъ спокойствіи наша побѣда надъ болѣзнью и судьбою. Я воспроизведу главнѣйшія изъ нашихъ бесѣдъ, столь безвременно прерванныхъ смертью моего друга.

I.

Великая нравственная проблема.

— Я опять и опять задаю вамъ все тотъ же неотвязный вопросъ,—сказалъ Владимiръ Ивановичъ Какъ надо жить? То есть, какъ нужно устроить не вообще чью-либо, а вотъ нашу теперешнюю жизнь, чтобы воплотить правду новой морали? Отвѣтомъ на этотъ практическiй вопросъ, по моему, исчерпывается вся нравственная проблема нашихъ дней.

— Мнѣ же нравственная проблема нашего времени кажется и своеобразнѣе, и гораздо труднѣе для разрѣшенiя,– отвѣтилъ я. Во всѣ вѣка человѣкъ спрашивалъ себя: какъ надо жить, чтобы воплотить въ дѣйствительность нравственную истину. Мы-же, раньше чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, должны еще разрѣшить другой предварительный, болѣе тревожный вопросъ: осуществима ли вообще правда нашей морали? Соизмѣрима ли природа нашей воли съ природою нравственнаго закона? Другими словами, нравственная проблема нашего времени заключается въ вопросѣ: возможна ли вообще нравственная жизнь или нѣтъ?

Васъ, я вижу, слова мои удивляютъ, но выслушайте меня внимательно, другъ мой. Мы стоимъ на такой высотѣ сознанiя, что не удивительно, если цѣлыя стороны жизни являются нашему взору въ новыхъ очертанiяхъ.

Переживаемый нами моментъ духовной жизни отличается отъ всѣхъ до нынѣ пережитыхъ тѣмъ, что до сихъ поръ тайна двуединства оставалась скрытою для сознанiя. Она, конечно, дѣйствовала, какъ внутреннiй законъ морали, но, не присутствуя въ сознанiи, не влiяла черезъ разумъ на волю. Оглядываясь на все прошлое человѣчества, мы видимъ, что рѣшительно во всѣ эпохи нравственный идеалъ понимался, какъ нѣчто исключительное

и единое, а нравственный подвигъ—какъ стремленіе воли къ этой исключительной и единой цѣли. Нравственность во всѣ вѣка была фанатически прямолинейнымъ, порабощающимъ движеніемъ по колеѣ къ точкѣ, отрицаніемъ всего внѣ этой колеи. А такъ какъ истинный законъ дѣйствительности заключается не въ единствѣ, а въ двуединствѣ, то всякій фанатическій порывъ къ исключительному единству, давая мгновенное удовлетвореніе волѣ, долженъ былъ неминуемо обнаружить свою несбыточность и вести къ разладу. Фанатичность, порабощенность, пессимизмъ—таковы три аттрибута исключительной морали, греческой и іудейской, устремленной къ совершенству героической или праведной личности. Всѣ планы, всѣ линіи этой морали имѣли наклонъ къ отчаянію, и призрачность идеала удовлетворенія обнаруживалась внутренно и внѣшне, въ переживаніяхъ психологическихъ и историческихъ. На чемъ основана была героическая мораль грековъ? На одолѣніи врага и наслажденіи. И вотъ мудрый Эдипъ, убивъ отца и насладившись любовью съ матерью, развѣнчалъ побѣду и наслажденіе, доказалъ ихъ внутреннюю несовмѣстимость со святостью. Древній пессимизмъ нашелъ свое разсудочное выраженіе въ ученіи софистовъ, и удивительно, что Сократъ и Платонъ, въ борьбѣ съ софистами дошедшіе до мэоническаго пониманія явленій, какъ отраженія идей, все же тайны нравственнаго двуединства не открыли. Времена не созрѣли тогда для истины. Тѣ же изъ мудрецовъ древности, которые, подобно циникамъ и стоикамъ, учили отреченію и святости, понимали свой идеалъ такъ же исключительно и чувственно, какъ толпа понимала идеалъ удовлетворенія. Единственное, что помогло грекамъ мириться съ тираніей судьбы и отчаяніемъ сердца, „это ихъ художественный геній, баюкавшій фантазію нескончаемой сказкой и отвлекавшій вниманіе отъ разлада трагическаго содержанія къ гар-

моніи безпечной формы. Оттого и Греція и Римъ умерли какъ бы во снѣ, первая—среди легкомысленныхъ видѣній, послѣдній—среди буйнаго кошмара.

Не то было съ народомъ еврейскимъ. Онъ никогда не отвлекался и не развлекался, не игралъ, не заботился о внѣшней неустойчивой формѣ счастья, но всю свою желѣзную волю направилъ на созиданіе желѣзно-прочнаго, неистребимаго благополучія. Заботясь только о крѣпости и силѣ своей постройки, Израиль примостился къ самому источнику крѣпости и силы, назвался избранникомъ Бога силъ и самъ сдѣлалъ Бога хранителемъ и защитникомъ всѣхъ актовъ своей жизни, возвелъ ему храмъ и заставилъ его поселиться среди себя. Греческое представленіе о судьбѣ, какъ о силѣ, властвующей надъ людьми и богами, было глубоко чуждо и враждебно духу евреевъ. Они подмяли подъ себя судьбу, связали ее по рукамъ у ногамъ обрядами, жертвами, подношеніями и всесожженіями Богу. Они каждый камешекъ своего жизненнаго зданія цементировали союзомъ съ Богомъ—какъ могли они бояться судьбы? И такъ велика была забота Израиля объ устройствѣ несокрушимой, праведной семьи, несокрушимой праведной общины, что онъ по недосугу какъ бы проглядѣлъ существованіе смерти и забылъ думать о загробномъ мірѣ. Онъ столько жертвъ приносилъ за семью, за общину, за народъ, что у него не оставалось жертвы за успокоеніе души. А можетъ быть, Израиль боялся мысли о безсмертіи души, боялся, какъ бы Іегова, въ заботахъ о загробномъ мірѣ, не отвлекся отъ попеченій о судьбѣ избраннаго народа. Израиль не могъ отпустить отъ себя Бога ни на шагъ, ибо онъ строилъ зданіе, разсчитанное на вѣчность.

И вотъ когда судьба ополчилась на избранный народъ и разметала зданіе его праведнаго благополучія, предала оскверненію храмъ Единаго и угнала въ рабство

его служителей, еврейскій народъ не впалъ въ дремоту, а какъ бы проснулся отъ сна и, подобно раненому льву, поднялъ стонъ до самаго неба. Только съ рыканіемъ льва, несущаго стрѣлу въ тѣлѣ, можно сравнить голосъ пророковъ въ эпоху плѣна. Они не столько оплакивали былое величіе, сколько вопіяли отъ невозможности оправдать и объяснить происшедшее. Вмѣстѣ съ твердынями Сіона пошатнулись основы нравственности и божественной справедливости. Народъ божій былъ на волосъ отъ отрицанія Бога и богохульства. Эта трагедія праведнаго народа, вопіющаго надъ развалинами своей правды, образно передана въ книгѣ объ Іовѣ. Мнѣ при чтеніи ея представляется, что я вижу людей, мечущихся въ объятой пламенемъ комнатѣ и не находящихъ выхода, хотя выходъ подъ рукою и его такъ легко отыскать. Стоило одному изъ друзей Іова сказать, что кромѣ святыни удовлетворенія есть святыня отреченія, что блаженны не только имущіе, но и нищіе, не только счастливые, но и страждущіе и плачущіе, и мятежъ въ душѣ „человѣка непорочнаго, справедливаго, богобоязненнаго“ замирился бы навсегда. Но времена не созрѣли тогда для истины.

Дверь, вблизи которой метался Іовъ и его друзья, не видя ея, указалъ и открылъ Христосъ, впервые возвѣстившій міру тайну двуединства. Но, возвѣстивъ эту верховную истину морали, Христосъ не объяснилъ ея, а воплощеніе тайны предоставилъ будущему. При своемъ пребываніи на землѣ Онъ какъ будто и не хотѣлъ, чтобы идеалъ отреченія былъ осуществленъ. „Могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ? Но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься“. Эти дни пришли. Образовалась церковь, которая постаралась воплотить въ жизни, данной Христомъ, завѣты морали. И тутъ мы присутствуемъ при одномъ изъ тѣхъ чудесныхъ, почти

невозможныхъ и все же реальныхъ процессовъ жизни, которые дѣйствительность открываетъ каждому, кто умѣетъ ее наблюдать. Церковь воплотила тайну моральнаго двуединства, не сознавая этой тайны. Идеалъ отреченія и погруженія въ самого себя, какъ въ царство Божіе, былъ въ то же время утвержденіемъ независимой отъ міра, автономно-свободной личности. Но во время образованія церкви еще крѣпокъ былъ въ сознаніи антично-іудейскій идеалъ общественнаго государственнаго главенства надъ личностью. И вотъ мы видимъ, что церковь воплощаетъ христіанскій завѣтъ въ антично-іудейскихъ формахъ. Идеалъ двуединства осуществляется не индивидуально, не въ душѣ каждаго вѣрующаго, а совокупно, во всей соборной церкви, осуществляется тѣмъ, что церковь распадается на два элемента, изъ которыхъ каждый стремится къ другому полюсу морали. Съ одной стороны міряне, съ другой—отрекшіеся отъ міра. Конечно, и въ языческомъ, и въ еврейскомъ обществѣ былъ классъ жрецовъ, священниковъ, служившихъ посредниками между человѣкомъ и Богомъ, но въ отношеніи морали жрецы и священники подчинялись тѣмъ же самымъ законамъ, какъ и другіе члены общины, шли по тому же пути, хотя, вслѣдствіе ихъ близости къ святынѣ, отъ нихъ требовалось, чтобы они на этомъ общемъ пути стояли впереди другихъ. Не то мы видимъ въ церкви. Если взять крайнее выраженіе мірянъ и открекшихся отъ міра—рыцаря и монаха, то увидимъ, что они не становятся на одномъ пути морали, одинъ впереди другого, а стоятъ на двухъ разныхъ путяхъ, взаимно противоположныхъ, дополняющихъ одинъ другой и сходящихся только въ своемъ отрицаніи. То, что для рыцаря святыня—непреклонная гордость, самостоятельность воли, долгъ мщенія за поруганную честь, исканіе славы, отвага въ борьбѣ съ врагомъ или въ турнирѣ съ другомъ,—то для монаха—па-

деніе и измѣна святынѣ смиренія, послушанія, пребыванія въ неизвѣстности, прощенія, непротивленія. Какъ далеко вы ни пойдете по пути рыцарскаго идеала, вы не придете къ монашескому и наоборотъ. Для того, чтобы съ одного пути перейти на другой, нуженъ былъ разрывъ съ прошлымъ, отреченіе, заклятіе. Совмѣстное существованіе въ одномъ обществѣ двухъ противоположныхъ началъ слѣдуетъ считать столь же непостижимымъ и чудеснымъ, какъ и самую тайну двуединства. Не менѣе удивительно взаимное отношеніе между собой міряиъ и монаховъ. Лично они относятся другъ къ другу съ полнымъ отрицаніемъ, и монахъ, который поступилъ бы по рыцарски, или рыцарь по монашески, покрыли бы себя позоромъ. Но, какъ члены единой церкви, соборно, общественно, міряне и монахи оказывали другъ другу поддержку и помощь. Въ предѣлахъ личности каждый изъ нихъ осуществляетъ свой идеалъ фанатически-исключительно, въ предѣлахъ церкви—мистически-свободно. Монахъ, считавшій лично для себя радости брака „злосмердящимъ грѣхомъ", благословлялъ бракъ мірянина, какъ священное таинство. Монахъ молился за міръ и радости міра; міръ трудился для монастыря. Монахъ, окончивъ борьбу съ міромъ и утвердивъ свою личность, часто возвращался къ мірянамъ, какъ ихъ совѣтчикъ и другъ.

Изъ этого удивительнаго строя отношеній можно a priori опредѣлить и судьбу церкви. Какъ учрежденіе соборное, христіанская церковь была первой, отъ сотворенія міра, формой общежитія, не приводившей къ пессимизму. Міряиинъ, постигшій тщету удовлетворенія или потерпѣвъ крушеніе надеждъ, могъ принять схиму и ангельскій чинъ. Таково было устройство соборной церкви, что въ худшемъ случаѣ человѣкъ становился ангеломъ. Соборная церковь, какъ цѣлое, была всесильна, и врата адовы, т. е. отчаянія, не могли одолѣть ее.

Единственная черная точка, грозившая цѣлости церкви, это была личность. Стоило личности познать тайну двуединства и, не удовлетворяясь участіемъ въ ея соборномъ воплощеніи, пожелать воплотить ее индивидуально, и церковь колебалась. Церковь не была кристаломъ, состоящимъ изъ кристаловъ, а храмомъ, состоящимъ изъ частицъ. Поэтому каждая частица, составляя вмѣстѣ съ другими храмъ, сама по себѣ отрицала его. Микроэкклезія грозила макроэкклезіи. Церковь всегда это чувствовала и на личность смотрѣла, какъ на единственнаго своего врага. Только съ личностью церковь боролась всею силою своего несокрушимаго организма. Мы теперь, оглядываясь на ужасы инквизиціи, находимъ эту борьбу чудовищнымъ, почти непонятнымъ противорѣчіемъ духу христіанской кротости. Сама-же по себѣ эта борьба была естественна и неизбѣжна, какъ сопротивленіе всякаго организма попавшему въ него болѣзнетворному началу. Не ереси, не убѣжденія, не свободу совѣсти преслѣдовала церковь, а призракъ самоцѣльной личности, которая-бы хотѣла совмѣстить въ себѣ оба полюса святости, сдѣлавъ ненужною соборную церковь. Но, преслѣдуя личность, церковь сама на своей груди отогрѣвала личное начало, которое составляло основу идеала отреченія. Вотъ почему, какъ это ни странно, угроза цѣлости церкви шла не отъ міряиъ, но отъ монаховъ. Эта угроза сперва обнаружилась въ мечтѣ римскаго монашества о свѣтской власти, а затѣмъ осуществилась въ мятежѣ, поднятомъ творцами реформаціи.

Въ общемъ реформація была возвращеніемъ къ іудейскому идеалу внутренно-праведнаго благополучія, съ замѣной идеи избранства идеей искупленія и благодати. Вмѣстѣ съ реформаціей другая параллельная ей волна возрожденія вернула людей къ греческому идеалу формально-прекраснаго благополучія. Тайна двуединства опять исчезла—не изъ сознанія, ибо она и церковью

не была сознана, но изъ жизни, и неудивительно, что реформація и возрожденіе опять привели къ старому отчаянію, которое такъ ярко выразилось въ философіи и наукѣ прошлаго вѣка. Однако, въ сравненіи съ греческой и іудейской моралью, реформація и возрожденіе обладали великимъ плюсомъ, первая—сознаніемъ личности, вторая—свободой мысли, сбросившей съ себя оковы авторитета. И вотъ мы пришли къ послѣдней ступени, къ той, на которой сами стоимъ въ настоящую минуту. Наконецъ, тайна моральнаго двуединства стала истиной сознанія. Мы впервые увидѣли ее открытыми глазами, впервые разглядѣли ея отдаленнѣйшія связи съ истиной метафизической и религіозной. Поэтому мы не иначе можемъ стремиться къ осуществленію этого двуединства, какъ сознательно, т. е. индивидуально. Слить оба стремленія—къ обладанію и къ чистотѣ—въ единой волѣ, сочетать оба блаженства—удовлетворенія и отреченія—въ одномъ сердцѣ,—такова была-бы единственная проблема новой морали, если-бы раньше не возникалъ роковой вопросъ.

— Укажите-же формы этого сліянія,—прервалъ меня Владиміръ Ивановичъ съ нетерпѣніемъ въ голосѣ, укажите образъ жизни, поступки, конкретное поведеніе, въ которомъ радость обладанія сливалась-бы съ радостью чистоты, и новая мораль будетъ создана.

— Роковой вопросъ, о которомъ я говорилъ,—продолжалъ я,—заключается въ слѣдующемъ: возможна-ли вообще какая-нибудь моральная дѣятельность при условіи сознательно понятаго двуединства? Не убиваетъ-ли сознаніе двуединства энергію воли? Соизмѣрима-ли прямолинейная исключительность воли съ идеей двуединства? Въ силахъ-ли мы напрягать волю къ обладанію, заранѣе зная, что добытымъ счастьемъ мы можемъ безразлично или пользоваться или пренебречь? Въ силахъ-ли мы напрягать волю къ отреченію, заранѣе зная,

что мы каждое мгновеніе можемъ стряхнуть съ себя добровольно взятый подвигъ? Не бросалъ-ли бы рыцарь мечъ на полѣ битвы, зная, что завтра его ждетъ келья? Устоялъ-ли бы отшельникъ противъ искушеній страсти, зная, что его подвижничество обязательно лишь на срокъ? Для энергіи воли не необходимо-ли нѣкоторое незнаніе и ослѣпленіе? Не нуждается-ли она въ давленіи фанатически-исключительной вѣры? Не похожа-ли воля на лунатика, который можетъ пройти по краю бездны лишь подъ условіемъ, чтобы глаза его были подернуты сномъ и не глядѣли? Существовалъ-же у всѣхъ народовъ суевѣрный ужасъ истины! Кто узритъ Бога, тотъ умретъ, говорится въ библіи. Кто поглядитъ наготу истины, тотъ умретъ, говорится въ легендѣ о статуѣ въ Саисѣ. Въ тайнѣ двуединства не узрѣли-ли мы Бога, не поглядѣли-ли наготу истины? Двуединство морали не означаетъ-ли ея раздѣленіе и смерть?

— Зачѣмъ вы говорите все это?—испуганнымъ шопотомъ сказалъ Владиміръ Ивановичъ.—Зачѣмъ вы разрушаете зданіе, построенное съ такимъ трудомъ? Если мораль невозможна, то къ чему исканіе истины, къ чему религія? Стоило-ли пройти сколько лѣстницъ, чтобы, наконецъ, придти къ отрицанію нравственности, или, вѣрнѣе, къ признанію ея невозможности.

— Нѣтъ, другъ мой,—отвѣтилъ я ему,—не я пришелъ къ отрицанію морали, ибо отрицаніемъ этимъ проникнуто все, что есть творческаго, страстнаго, живого въ философіи, въ этикѣ, въ искусствѣ нашихъ дней. Я хочу лишь раскрыть причины этого отрицанія, чтобы одолѣть его. Всѣ модныя ученія объ аморализмѣ и пребываніи по ту сторону добра и зла, „акцептація жизни" французскими моралистами, въ родѣ Ренана и Франса, стремленіе къ замѣнѣ этики эстетикою и даже эстетизмомъ, вырожденіе политики въ анархизмъ,—все это различные всплески одной и той-же волны. Кажется

Шопенгауэръ первый напомнилъ культурному міру о забытомъ идеалѣ отреченія и этимъ содѣйствовалъ скорѣйшему столкновенію въ сознаніи двухъ моральныхъ идеаловъ. Говорю: въ сознаніи, ибо не знаю другого слова для передачи моей мысли. Конечно, художники и философы, проповѣдующіе аморализмъ, вовсе не сознавали закона двуединства, какъ сознали его мы съ вами, но тѣмъ не менѣе они чувствовали и мыслили такъ, какъ будто сознавали его. Случилось то, что радость жизни была развѣнчана во имя чистоты, но и чистота отвергнута во имя радости жизни. Эта интерполяція двухъ идеаловъ и составляетъ духовную сущность всего новаго искусства. Нравственная цѣль раздвоилась, потеряла власть надъ волей, которая сама по себѣ не ослабѣла. А такъ какъ воля въ своемъ прямолинейномъ порывѣ нуждается въ видимой цѣли, то художники и философы поспѣшили подставить вмѣсто нравственной какую-нибудь другую опредѣленную, не двоящуюся точку: эстетическое ощущеніе, похоть утонченныхъ нервовъ, произволъ всевластной личности.

— И вы согласны съ ними?—спросилъ съ той-же тревогой въ голосѣ мой собесѣдникъ.—Меня не интересуютъ ни Нитцше, ни эстеты, ни эготисты, ни аморалисты. Они не признаютъ не только религіозной истины, но относятся съ презрѣніемъ къ истинѣ вообще. Но вы? Неужели легенда о смерти бога привела и васъ къ ученію о смерти морали? Неужели истина ослѣпила волю, и будущее принадлежитъ безразличію, перебѣганію съ одного пути морали на другой, эстетическому произволу?

— Не знаю, право, что сказать вамъ,—отвѣтилъ я.— Вы опять дѣлаете меня отвѣтственнымъ не за то, истинна-ли моя истина, а за то, полезна-ли она? Васъ пугаютъ слова: аморализмъ, эстетизмъ, оттого что вы выросли въ другихъ словахъ, но я давно словъ не боюсь

ибо вѣрю въ божественность жизни, въ какой бы цвѣтъ она ни была окрашена: моральный или эстетическій. Какъ вы ни опредѣлите теперешній моментъ созданія —усталостью, старостью, безсиліемъ,—все равно моментъ этотъ насталъ и долженъ быть нами пережитъ со всею доступной намъ искренностью и красотой. Согласенъ-ли я съ проповѣдниками аморализма? Если аморализмъ означаетъ отсутствіе религіозной нравственности, я всѣми силами возстаю противъ этого ученія. Если аморализмъ значитъ отказъ отъ прежней исключительно-фанатической нравственности, то я всѣми силами присоединяюсь къ нему. Вотъ истина, которой значеніе безгранично и слѣдствія не исчислимы. Мы не можемъ подчиниться старой морали, ибо не можемъ признать ни ея основъ, ни цѣлей, ни санкціи, ни душевнаго строя. Эта мораль основана на увѣренности, что наша дѣятельность заключаетъ сама въ себѣ верховную цѣль всеобщаго блага, что стремиться къ этой цѣли составляетъ нашу священную обязанность передъ собой и людьми и что за исполненіемъ этой обязанности слѣдитъ врожденный намъ безусловный повелительный голосъ долга. Но мистическій разумъ разрушаетъ фундаментъ старой морали, а вмѣстѣ съ тѣмъ опрокидываетъ все ея зданіе. Цѣль нашихъ переживаній лежитъ внѣ насъ, и заключается не въ нашихъ мимолетныхъ удовлетвореніяхъ, а въ отраженіи божественнаго единства. Мы—безконечно малыя, играющія въ цѣлое число. Всякій актъ воли есть попытка синтеза, претворенія чего-либо внѣшняго въ мое „я“, и чѣмъ больше въ этомъ претвореніи заключено добровольной сознательности, тѣмъ самый актъ цѣлесообразнѣе и, что одно и то же, нравственнѣе. Мы, утверждая свое „я“, мимируемъ судьбу Единаго и для божественности игры безразлично, отражаемъ ли мы Единое съ знакомъ положительнымъ или отрицательнымъ. Обладаніе міромъ или отказъ отъ

міра—равно утверждаютъ мое „я“, для совѣсти равно цѣлесообразны, для чувства одинаково радостны. Вотъ почему сознаніе исключительной обязанности, на которомъ держалась старая мораль, для насъ исчезло. А вмѣстѣ съ тѣмъ умолкъ навсегда безусловно-повелительный голосъ долга. Понятіе о совершенномъ и низкомъ, о подвигѣ и паденіи, о добрѣ и злѣ сохранилось лишь для каждаго изъ двухъ путей въ отдѣльности. Но я не знаю въ жизни такого совершенства, ни добра, ни святости, отъ которыхъ голосъ долга помѣшалъ бы мнѣ отказаться для противоположнаго совершенства и святости,—отъ подвига для подвижничества, отъ любви для безстрастія, отъ творчества для созерцанія и наоборотъ.

Испуганное многовѣковымъ рабствомъ сердце наконецъ успокоилось. Мы больше не рабы даже долга, не прикованы даже къ тачкѣ идеала. Если страданія и наслажденія тиранически властвуютъ надъ чувственнымъ разумомъ, то разумъ мистическій видитъ въ нихъ лишь игру и отраженіе. Душа наша настроена на новый ладъ, на камертонъ легкости, мистеріи и свободы и поэтому мы уже и теперь въ старыхъ формахъ общежитія живемъ, какъ бы возрожденные. Но нѣтъ сомнѣнія, что новый душевный строй долженъ вызвать новое жизнеустройство. Планы старыхъ формъ общежитія,—семьи, общества, государственнаго служенія,—были разсчитаны на мораль долга и закрѣпощенія. Входившій въ семью долженъ былъ оставаться въ ней до смерти, и не иначе могъ вернуть свою свободу, какъ прибѣгнувъ къ катастрофѣ и ломкѣ. Новыя формы общежитія должны быть снабжены многими выходами, ведущими къ созерцанію, къ отреченію, къ чистотѣ, къ одиночеству. Во всякое время человѣкъ долженъ имѣть возможность скинуть съ себя всѣ бремена заботъ и обязанностей и вернуться къ святынѣ своего „я“ Отреченіе, не какъ обѣтъ, но какъ радость сама по себѣ — вотъ свѣтлая

мечта будущаго, вотъ холодильникъ, въ которомъ пары страстей и разочарованій снова превратятся въ чистую влагу жизни. Только омывшись росою отреченія и чистоты, наслажденія станутъ опять желанны и загорятся радужнымъ блескомъ.

Но вы хотите знать детали новаго жизнеустройства, и я могу дать вамъ лишь самый неполный отвѣтъ. Очевидно, что новое болѣе свободное отношеніе къ жизни должно зародиться въ истокахъ жизни, въ семьѣ, по близости отъ колыбели. Здѣсь бремя обязанностей должно быть приподнято прежде всего. Мнѣ кажется, что дитя, рождаясь насвѣтъ, становится собственностью не человѣка, а человѣчества. Но и родители принадлежатъ себѣ и Богу, а не своимъ дѣтямъ. Теперешнее отношеніе наше къ дѣтямъ—животно-преданное къ своимъ собственнымъ и звѣрски - равнодушное къ чужимъ — кажется мнѣ пережиткомъ психологіи тигровъ и гіенъ. Обще-человѣческое, обще-государственное воспитаніе дѣтей,—такова моя первая мечта о новыхъ формахъ жизнеустройства. А вторая моя мечта—мэоническіе монастыри, тихія убѣжища, гдѣ, не давая обѣта, не связывая волю ни послушаніемъ, ни исполненіемъ обрядовъ, усталые могли бы отдохнуть, огорченные—просвѣтлѣть, озлобленные—примириться. Но я съ опасеніемъ открываю вамъ эти мечты. Дѣло вовсе не въ нихъ, не въ тѣхъ или другихъ формахъ, которыя, можетъ быть, несбыточны, а въ новомъ строѣ душевномъ. Формы создаются не религіознымъ сознаніемъ, а эстетическимъ чутьемъ, инстинктомъ жизни. Но что бы ни случилось, мы, просвѣтленные во внутреннемъ откровеніи, уже мысленно возродились, ибо въ мысли принадлежимъ Богу и вѣчности. Мы свободны отъ міра и любимъ міръ, мы обрѣли наслажденіе въ чистотѣ и чистоту въ наслажденіяхъ. Если вы сердцемъ принимаете мои слова, то уже теперь принадлежите къ освобожденнымъ и возрожденнымъ.

— Я глубоко воспринимаю ваши слова,—отвѣтилъ Владиміръ Ивановичъ,—но, сознаюсь, что не всѣ пункты двуединой морали для меня одинаково ясны. Вполнѣ отчетливо я вижу отрицательную, монастырскую ея сторону. Отречься, успокоиться, очиститься—это такъ понятно и отрадно. Но что потомъ? Я не ясно вижу ваше отношеніе къ положительной сторонѣ жизни. Неужели, отдохнувъ и очистившись созерцаніемъ, вернувшись изъ монастыря въ жизнь, обновленный человѣкъ впряжется опять въ старую лямку, и все останется на прежнихъ мѣстахъ,—и борьба за существованіе, и погоня за богатствомъ, и жажда удовольствій? Вы сказали, что прежнія формы общежитія—семья, общество, государство—должны быть перестроены по новому плану двуединства и свободы. Но семья и общество обнимаютъ отношенія человѣка къ человѣку. Для меня не ясно ваше отношеніе къ самымъ благамъ жизни, къ наслажденіямъ, къ комфорту. Освящаетъ ли двуединая мораль современную культуру или отрицаетъ, и на ея мѣсто ставитъ другую, болѣе совершенную?

— Если бы возможно было,—отвѣтилъ я,—отрицать культуру и ставить на ея мѣсто другую, я непремѣнно сдѣлалъ бы это, ибо современная культура многими сторонами внушаетъ мнѣ ужасъ и омерзѣніе. Но отрицать культуру своего времени такъ же невозможно, какъ отрицать климатъ той страны, гдѣ живешь. Впрочемъ, я пользуюсь вашимъ вопросомъ, чтобы высказать нѣсколько мыслей, давно накопившихся у меня на душѣ, которыми не съ кѣмъ дѣлиться.

II.

Рыцари и мѣщане.

— То, что мы называемъ современной культурой,— сказалъ я,—есть духовный и матеріальный укладъ жизни,

который сложился въ послѣднія три столѣтія и въ моральномъ отношеніи представляетъ голый, ничѣмъ не прикрашенный культъ предметовъ. Въ этомъ отличіе нашей культуры отъ всѣхъ прежнихъ—античной, іудейской, средневѣковой. Во всѣ времена подъ внѣшнимъ, торжествующимъ идеаломъ удовлетворенія чувствовалось скрытое біеніе иного идеала—отреченія, святости, освященія,—зовите какъ хотите. Идеальное во всѣ вѣка внутренно, по своему содержанію, отличалось отъ матеріальнаго. Не говорю уже о среднихъ вѣкахъ, когда буйному, творческому культу предметовъ, воплощенному въ рыцарствѣ, противолежалъ столь же могущественный культъ созерцанія, выраженный въ монашествѣ и когда отъ сліянія обоихъ культовъ вся жизнь, несмотря на грубость мысли и жестокость нравовъ, являла собою какой то небесный цвѣтокъ, изумительную по красотѣ мистическую розу, которую мы называемъ средневѣковьемъ. Эта просвѣтленность жизни во многихъ странахъ, а въ особенности у насъ, еще осталась достояніемъ простого народа, тоже въ отдѣльные моменты грубаго и жестокаго, а въ общемъ небеснопрекраснаго и даже святого. Наша же просвѣщенная культура является въ сущности отрицаніемъ средневѣковой и возвращеніемъ къ іудейско-античной. Какъ евреи и греки, просвѣщенное человѣчество руководится теперь исключительно идеаломъ удовлетворенія, но съ тою разницею, что у евреевъ и грековъ культъ предметовъ все же былъ озаренъ какою нибудь святостью, обвѣянъ присутствіемъ бога или боговъ, и этотъ лучъ не отъ міра сего, освящая предметы, дѣлая культъ вещей прозрачнымъ и легкимъ, самъ всегда могъ разгорѣться въ мистическую зарю. Въ еврейскомъ мірѣ возможно было явленіе назарейства, а въ античномъ—стоицизма и вообще философской морали, идущей отъ предметовъ къ внутреннему „я". Наша же культура пред-

ставляетъ грубое, безпримѣсное поклоненіе вещамъ, и философы новыхъ вѣковъ, при всемъ ихъ глубокомысліи даже не сдѣлаютъ попытки создать мораль возвышающейся надъ жизнью добродѣтели и мудрости, кромѣ можетъ быть, одного Шопенгауэра, предвозвѣстника мэоническаго мистицизма. Въ смыслѣ освященія жизни мы стоимъ ниже первобытныхъ дикарей, ибо дикари поклонялись истуканамъ изъ дерева, одѣтымъ въ тряпки, мы же поклоняемся самому дереву и самимъ тряпкамъ. Мы всѣ, культурные русскіе, нѣмцы, французы, американцы, поклоняемся хлѣбу, платью, мебели, шелку, бронзѣ, золоту (даже не тѣльцу золотому, а просто золоту). Говоря „мы", я разумѣю и отдѣльныхъ людей, и государства, и когда я теперь въ русскихъ и французскихъ газетахъ читаю благородныя нападки на англичанъ за ихъ братоубійственную войну съ бурами, я содрогаюсь отъ негодованія, которое всегда возбуждаетъ лицемѣріе святошества. Нѣтъ, положа руку на сердце, мы, русскіе и французы, не вправѣ упрекать англичанъ за эту войну, вызванную ненасытной жаждою золота, ибо золото означаетъ предметы, а въ культѣ предметовъ мы сами погрязли душою и тѣломъ. Пусть первый камень въ англичанъ броситъ тотъ, кто поклоняется чему нибудь, кромѣ хлѣба, платья, сапогъ, сюртуковъ, бѣлья, брюкъ, стульевъ, ковровъ, — словомъ, вещей, никакой идеей не освященныхъ. Магазинъ-базаръ вродѣ парижскаго „Лувра",— вотъ дѣйствительный, безъ лицемѣрныхъ словъ, истинный храмъ современнаго человѣчества. Такое поклоненіе вещамъ, какъ вещамъ, опасно, какъ я уже не разъ вамъ говорилъ, не только тѣмъ, что оно заслоняетъ высшія религіозныя чувства, а, главнымъ образомъ, тѣмъ, что вещи, пріемлемыя сами по себѣ, а не во имя высшаго начала, сами же въ себѣ таятъ свое осужденіе. Подобно тому, какъ органическія ткани, безъ притока кислорода, начинаютъ разлагаться,

такъ неосвященный культъ предметовъ ведетъ къ taedium vitae,—къ особенному сложному чувству, состоящему изъ непомѣрной любви къ предметамъ и безграничнаго отвращенія къ нимъ. Кто понялъ сущность нашей культуры, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ невозможность дольше оставаться подъ ея властію. Необходимо во что бы то ни стало порвать заколдованный кругъ предметообожанія, вырваться изъ рабства галстуковъ, шляпъ, обоевъ, необходимо сдѣлать это какъ можно скорѣе, чтобы не безповоротно убить свою душу.

— Но есть же въ нашей культурѣ какія - нибудь идеальныя стороны,—сказалъ Владиміръ Ивановичъ.— Наука, искусство, мечты о соціальной справедливости.

— Конечно,—отвѣтилъ я.—Ни въ одно время столько не писали и не говорили объ идеальныхъ стремленіяхъ, какъ въ наше. Нѣтъ того болтуна въ политикѣ и пачкуна въ литературѣ, кто не начерталъ бы на тряпкѣ какое нибудь возвышенное слово и не назвалъ бы эту тряпку знаменемъ. Не говорю уже о большихъ тряпкахъ, которыя выкидываютъ не отдѣльныя личности, а цѣлые союзы лицъ: общества, сословія, націи. Но и отдѣльныя лица, и союзы людей, и націи хорошо въ душѣ знаютъ, что какъ бы ни были возвышенны написанныя на тряпкахъ-знаменахъ девизы, всякій про себя помышляетъ только о бифштексѣ, о тонкомъ бѣльѣ, объ убранствѣ квартиры. И это рѣзкое, непримиримое противорѣчіе между возвышенностью средствъ и низменностью цѣлей создаетъ въ современной душѣ немолчный фальшивый звукъ, который оказывается или самоиздѣвательствомъ французской „благи“, или тяжелымъ диссонансомъ англійскаго лицемѣрія. Встрѣчали ли вы путешествующую буржуазную семью, состоящую изъ ангело-подобныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, а во главѣ ихъ — отяжелѣвшаго, жестоколикаго, холодноглазаго родителя? Вотъ

вѣрный образъ современныхъ идеаловъ, порожденныхъ и предводительствуемыхъ культомъ предметовъ.

Если вы желаете знать не мнимые, а дѣйствительные идеалы нашей культуры, то отправьтесь не къ поэтамъ, философамъ и общественнымъ дѣятелямъ, а къ дѣлателямъ предметовъ, къ знаменитымъ портнымъ, сапожникамъ, шляпникамъ и ювелирамъ. Тамъ вы увидите несчетное число современныхъ идеаловъ,—идеалы ботинокъ, идеалы воротничковъ, идеалы цѣпочекъ и колецъ. И обнажите голову передъ этими идеалами, ибо знайте, что передъ вами кумиры, у которыхъ болѣе поклонниковъ, чѣмъ у Христа и у Будды. И еще знайте, что для сознанія этихъ кумировъ понадобился трудъ многихъ поколѣній, многовѣковой геній не только дѣятельной Европы, но и неподвижнаго Китая и Японіи, что только изысканнѣйшему вкусу и утонченнѣйшимъ нервамъ удалось такъ нѣжно подобрать эти цвѣта и оттѣнки, такъ искусно завить эти линіи. Еще одинъ шагъ—и вы уже во храмѣ современнаго искусства. Чего не сдѣлалъ обойщикъ, то завершитъ пейзажистъ, чего не исполнилъ портной—„sculpteur en drap“ — то закончитъ скульпторъ—„tailleur en marbre“. Старинные живописцы и ваятели считали своей задачей посредствомъ матеріи выражать духовность. Современные художники, берясь за эту задачу, впадаютъ въ холодную подражательность. Искренними и занимательными они бываютъ лишь тогда, когда создаютъ красивые предметы.

Такимъ образомъ, за послѣднія столѣтія человѣчество довело до конца экспериментъ исключительнаго подчиненія идеалу удовлетворенія. И результаты оказались самые неожиданно-роковые. Благодаря силѣ предметообожанія, господами нашей жизни оказались фабриканты предметовъ, закройщики и продавцы предметовъ. Въ средніе вѣка духовная власть принадлежала духовенству, а свѣтская рыцарямъ, которые, сидя въ

своихъ гнѣздахъ-замкахъ, оттуда держали въ страхѣ мѣщанъ и купцовъ, а по временамъ, при жестокости тѣхъ нравовъ, совершали набѣги и грабежи. Нынѣ, оба меча—и духовной, и матеріальной власти — оказались въ рукахъ мѣщанъ, а всѣ мы, не фабриканты и не продавцы предметовъ, всѣ мы, служители слова и мысли, всѣ мы, рыцари духа, попали въ рабство къ мѣщанамъ, самое безпощадное и безвыходное изъ всѣхъ существовавшихъ до нынѣ. Истинные законы, непреступимые, священные, пишутъ въ наши дни не законодатели или мудрецы, а фабриканты и торговцы. Вы можете отрицать семью, церковь, общество, вы можете проповѣдывать анархизмъ, аморализмъ, вы можете отрицать истину и логику, но явиться въ гости безъ галстуха вы, подъ страхомъ всеобщаго осужденія, не можете. Идеалъ равенства, о которомъ мечтало столько пылкихъ головъ, въ сущности теперь достигнутъ: мы всѣ—равные рабы мѣщанъ. Ничѣмъ не рискуя, заплывшіе жиромъ въ своихъ конторахъ, фабриканты и лавочники налагаютъ на всѣхъ насъ подати, дани и пошлины, которыя мы платимъ не только покорно, но съ какой то радостью. Пользуясь тѣмъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ культа и, позабывъ Бога, сталъ обожать предметы, мѣщане создаютъ тысячи предметовъ, не нужныхъ и стѣснительныхъ, и мы, въ угоду своимъ владыкамъ, спѣшимъ наполнить этими предметами свои квартиры или напялить ихъ на себя. Обиліе предметовъ такъ безгранично, и законы, предписывающіе пользованіе ими, такъ безпощадны, что пріобрѣсти всѣ могутъ лишь немногіе избранные, большею частью, сами же фабриканты и торговцы или ихъ дѣти. Мы же, живущіе своимъ трудомъ, должны тянуться изъ всѣхъ силъ, чтобы какъ-нибудь окупиться отъ домовладѣльца, отъ мебельщика, отъ портного, отъ всѣхъ въ мірѣ фабрикъ и лавокъ. А такъ какъ откупиться отъ нихъ нельзя и мы до гроба остаемся

въ неоплатномъ долгу передъ мѣщанами, то чувство сердечнаго простора и свободы душевной совершенно нами потеряно. Радостно вздохнуть послѣ трудового дня, раскрыть душу голосамъ природы, дать выходъ накопляющимся въ душѣ молитвамъ, наконецъ, почувствовать свою неотъемлемую свободу жить и любить,— вотъ это простое счастье никому изъ насъ недоступно, ибо всѣ мы полны ужаса при мысли о своей неоплатности и своемъ рабствѣ. Мы всѣ живемъ наканунѣ банкротства и будьте увѣрены, что изъ ста культурныхъ людей девяносто помышляютъ или о самоубійствѣ, или о способахъ совершить что нибудь безчестное, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти ненужные предметы. Мысль о самоубійствѣ или преступленіи — вотъ основной фонъ размышленій современнаго человѣка. Быть честнымъ стало слишкомъ дорогой, недоступной намъ роскошью, ибо способность къ труду ограничена, а количество предметовъ безгранично. Самыя простѣйшія потребности мы подъ властію мѣщанъ ухитрились превратить въ какія то всепоглощающія бездны. Возьмемъ, напримѣръ, потребность въ чистотѣ, являющейся вѣдь не цѣлью жизни, а однимъ изъ средствъ. Казалось бы, для удовлетворенія ея достаточно таза съ теплой водой изъ одного самовара, большой губки и десяти минутъ времени утромъ при вставаніи. Или потребность въ одеждѣ. Для ея удовлетворенія, казалось бы, достаточно трехъ перемѣнъ бѣлья и двухъ платья, да еще шубы для зимы. Между тѣмъ культъ предметовъ или такъ называемый комфортъ создалъ изъ этихъ потребностей такія бездны, окружилъ ихъ такими сложными обрядами и таинствами, что всѣ ихъ исполнить могутъ въ многомилліонномъ государствѣ лишь пятьдесятъ или сто человѣкъ. И у этихъ избранниковъ уже не остается силъ и средствъ для самой жизни.

— У меня есть дядя, — сказалъ съ улыбкой Владиміръ Ивановичъ,—одинъ изъ такихъ царей или рабовъ комфорта, не знаю, что вѣрнѣе. Вотъ, кто поклоняется предметамъ. На его туалетѣ стоитъ цѣлый ассортиментъ черепаховыхъ гребенокъ, начиная съ огромныхъ, съ зубьями бороны, и кончая тончайшими, какъ волосъ. Всѣ онѣ, числомъ болѣе дюжины, покоятся на особой золоченой подставкѣ, всегда аккуратно забранныя шелковой ватой. А должны вы знать, что у дяди моего на головѣ нѣтъ ни одного волоса, и черепъ его блеститъ розово-зеленымъ сіяніемъ, какъ старый билліардный шаръ.

— Представьте же себѣ,—воскликнулъ я, разсмѣявшись,—сколько дюжинъ, а то, пожалуй, и сотенъ гребенокъ понадобилось бы вашему дядѣ, будь у него густая шевелюра, вотъ какъ у васъ!

А владычествующіе надъ нами мѣщане стараются еще расширить эти бездны, сдѣлать ихъ вовсе ненасытными, и для этого внушаютъ своимъ рабамъ понятіе о модѣ, благодаря которой, предметы, вчера годные и красивые, сегодня оказываются негодными и уродливыми, подлежащими уничтоженію и замѣнѣ новыми предметами. Культурное общество, бѣгая за удовлетвореніемъ моды, наивно полагаетъ, что это оно само придумываетъ и заказываетъ торговцамъ новые предметы, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности мѣщане, каждый разъ какъ у нихъ накопляется новый запасъ товаровъ, декретируютъ своей властью при помощи нѣсколькихъ подкупленныхъ царей и царицъ элегантности, нашептываютъ обществу какую-нибудь новую форму, дѣлающую негоднымъ цѣлый кругъ прежнихъ предметовъ. А чтобы вѣчно поддерживать эти перемѣны, мѣщане не брезгаютъ ничѣмъ, не гнушаются даже идей философіи и откровеній искусства. На нашихъ глазахъ расцвѣлъ въ искусствѣ такъ называемый

новый стиль, а вѣдь стиль есть ничто иное какъ окристаллизовавшееся въ простѣйшей формѣ отношеніе эпохи къ вопросамъ вѣчности. Поэтому во всѣ времена стиль прежде всего проявлялся въ храмахъ, дворцахъ, памятникахъ. Въ нашу же эпоху предметообожанія и власти мѣщанъ стилемъ прежде всего овладѣли торговцы, которые поспѣшили превратить его въ моду и запрудили рынокъ тысячью новостильныхъ предметовъ и бездѣлушекъ. Стиль эпохи, ея драгоцѣннѣйшее достояніе, мѣщанинъ уже перековалъ въ орудіе своего владычества. Къ прежнимъ цѣпямъ, висѣвшимъ на насъ, прибавилась новая—необходимость покупать занавѣси, кресла, лампочки, блюдечки новаго стиля.

Изъ этого рабства, поистинѣ, нѣтъ выхода. По чувствамъ и настроенію мы всѣ какъ будто опьянены жаждой свободы. Наша политика, поэзія, философія, это—одинъ сплошной крикъ объ освобожденіи личности. А между тѣмъ самая безхитростная свобода—свобода отъ оброка въ пользу мѣщанъ — намъ недоступна. Во всѣ времена существовала готовая, освященная всеобщимъ признаніемъ, форма жизни, свободной отъ внѣшняго рабства и посвященной духовной красотѣ и радости. Ищущій свободы обрѣталъ ее за оградой, а то лишь въ сосѣдствѣ мудрости (въ античномъ мірѣ) или святости (въ христіанствѣ). Въ наше же время такихъ формъ нѣтъ, а при культѣ предметовъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ разумной причины довольствоваться десятью предметами, когда можно ихъ имѣть сто, или сотней, когда можно имѣть тысячу, и такъ далѣе до безконечности. Тотъ, кто захотѣлъ бы теперь жить въ мудрости и святости, очутился бы внѣ культуры, показался бы невоспитаннымъ чудакомъ или нищимъ. А главное, какъ я уже сказалъ, такая жизнь не находитъ опоры въ нашей культурѣ, или въ искусствѣ, или въ наукѣ. Объ искусствѣ, впрочемъ, и говорить нечего. Искусство отражаетъ, совер-

шенствуетъ, преображаетъ жизнь, но измѣнить ее не въ силахъ. Къ тому же искусство само стремится къ созиданію предметовъ и не ему служить противовѣсомъ противъ предметопоклонства нашихъ дней. Но и наука такимъ противовѣсомъ не можетъ быть, хотя наука (конечно чистая, а не прикладная) и является въ нашей культурѣ единственнымъ служеніемъ, требующимъ такой же духовности, безкорыстія, самозабвенія ради истины, какого въ свое время требовала мудрость и святость. Но, къ несчастью, служеніе наукѣ все цѣликомъ происходитъ въ области созерцанія и счета, не соприкасаясь никогда съ практикой и моралью жизни. Ученый, выходя изъ кабинета, попадаетъ подъ власть предметообожанія и въ рабство къ мѣщанамъ, какъ и всѣ мы; о его домашнихъ и говорить нечего. Если же наука иногда дѣлаетъ попытку бросить лучъ въ область морали, то результатомъ всегда бываетъ приниженіе и убыль духа, ибо къ высшимъ формамъ жизни наука желаетъ примѣнить выводы наблюденій надъ низшими формами, въ сущности надъ тѣми же предметами. Въ современной культурѣ нѣтъ оазиса, нѣтъ града убѣжища для ищущаго духовной свободы. Поэтому во главѣ нашей культуры красуется не рыцарь духа, а такъ называемый свѣтскій человѣкъ, щеголь, дэнди, т. е. рыцарь мѣщанства. Вѣдь у всякой эпохи есть свой герой, своя послѣдняя цѣль, для достиженія которой направлены всѣ ея усилія, есть верхній, самый яркій цвѣтокъ, который она питаетъ своими лучшими соками. И вотъ чѣмъ для древности были Ахиллесъ и Сократъ, а для среднихъ вѣковъ—Роландъ и Францискъ Ассизскій, тѣмъ для нашего времени сталъ свѣтскій человѣкъ и дэнди. Говорю это безъ саркастическихъ преувеличеній, а совершенно серьезно. Свѣтскій человѣкъ является собою героя нашего вѣка не только потому, что всѣ передъ нимъ преклоняются, а потому, главнымъ образомъ, что

онъ пользуется лучшими, изысканнѣйшими благами изъ всѣхъ, какія наша эпоха въ силахъ создать. Для него въ глубинѣ земли отыскиваются алмазы, а на днѣ морей — жемчугъ. Для него созидаются на землѣ лучшія зданія и созрѣваютъ самые сочные плоды. Для него работаютъ фабрики, и на сотняхъ тысячъ станковъ ткутся лучшія ткани и куется лучшая утварь. Для него мчатся поѣзда и бороздятъ море пароходы, нагруженные товарами. И его самого мчатъ по сушѣ и морю самые быстрые поѣзда и скороходныя яхты. Для него слѣпнетъ надъ работой кружевница, трудится надъ картиной художникъ, не спитъ ночей изобрѣтатель, выдумывая новыя удобства жизни. Мы, люди мысли, позволяемъ себѣ иногда смѣяться надъ свѣтскимъ щеголемъ, но въ дѣйствительности мы его рабы и, что еще хуже, жалкіе подражатели. Наше платье, наша мебель, наши манеры—все это бѣдные и жалкіе обноски съ его барскаго плеча и будьте увѣрены, что при столкновеніи съ нимъ вы спасуете, ибо онъ опытнѣе, спокойнѣе, бездушнѣе, увѣреннѣе, чѣмъ вы, лучше знаетъ формы жизни. Но посмотрите на этого героя и законодателя нашего, какую, въ сущности, онъ являетъ собою пародію на человѣка! Выхоленный, вычищенный, вышколенный гимнастикой и спортомъ, скучающій отъ вѣчнаго удовлетворенія, влюбленный до сумасшествія во все кажущееся и наружное, боящійся, какъ богохульства, стараго покроя жилета,— скажите, неужели этотъ самоувѣренный, равнодушно-насмѣшливый, безъ мысли въ глазахъ, безъ восторга въ душѣ баловень жизни, котораго безсердечное спокойствіе и увѣренность такая же пародія на истинное спокойствіе и увѣренность, какъ онъ самъ—пародія на человѣка,—неужели онъ не похожъ болѣе на породистую лошадь или собаку, чѣмъ на героя? Какую роль, кромѣ роли шута, могъ бы онъ играть въ жизни, понятой, какъ мистерія? Въ какія же однако дебри завелъ насъ идеалъ

удовлетворенія, если во главѣ и на вершинѣ нашей культуры красуется каррикатура на человѣка, именуемая дэнди? Если пародія кажется идеаломъ, а дѣйствительный идеалъ осмѣивается, какъ пародія!

— Не кажется-ли вамъ,—произнесъ Владиміръ Ивановичъ нерѣшительнымъ голосомъ,—что вы преувеличиваете значеніе свѣтскаго человѣка и окружающаго его комфорта? Можетъ быть, все это не цвѣтъ культуры, а ея аномалія, слѣдствіе неправильныхъ соціальныхъ отношеній? Не вѣрнѣе ли считать вершиной и цвѣтомъ нашей культуры мечту о соціальной справедливости, о новомъ строѣ, при которомъ...

— Ради Бога,—прервалъ я Владиміра Ивановича,—не мучьте меня реторикой нашихъ радикальныхъ журналовъ, въ которую вы сами не вѣрите. Развѣ вы не видите, что жизненная цѣль соціалиста-рабочаго и капиталиста-дэнди одна и та-же, что оба они поклоняются предметамъ потребленія и удобствамъ жизни, оба стремятся къ увеличенію числа потребляемыхъ предметовъ? Только одинъ стоитъ на нижней ступени лѣстницы, другой—на верхней. Рабочій стремится къ увеличенію минимума, капиталистъ къ увеличенію максимума житейскихъ удобствъ. Оба другъ передъ другомъ правы, и борьба между ними сводится лишь къ состязанію о томъ, какую ступеньку раньше надстроить,—верхнюю или нижнюю.

Но вы, конечно, не согласны со мною. Вы думаете про себя, что рабочій потребляетъ предметы, имъ самимъ созданные, а дэнди пользуется плодами чужого труда, что первый стремится не къ обладанію предметами, а къ идеалу справедливости и равенства, второй же—къ насилію и первенству. Вы не одинъ находитесь въ этомъ заблужденіи. Каждый разъ какъ новое сословіе, сознавъ свои силы, присоединялось къ культу предметообожанія и требовало себѣ мѣста за общимъ сто-

ломъ, оно неизмѣнно санкціонировало свое требованіе чѣмъ либо весьма священнымъ,—братствомъ, любовью, всеобщимъ благомъ,—вмѣсто того чтобы сказать просто: „Подвиньтесь! И я хочу своей доли богатства, власти, ибо за мною сила!“ Такъ прикрывалось ложно-священными словами третье сословіе въ 18 вѣкѣ, а въ наше время—четвертое и пятое. Въ дѣйствительности, конечно, побѣда зависитъ не отъ святости показныхъ принциповъ, но отъ учета реальныхъ силъ. Ни одна революція, ни политическая, ни соціальная не оставила слѣда въ міровой поэзіи, ибо не носила и въ себѣ зернышка героизма. Если четвертое сословіе одерживаетъ на нашихъ глазахъ побѣду за побѣдой, то происходитъ это не оттого, что на ея сторонѣ больше священныхъ принциповъ, а потому, что рабочіе прозаически организуютъ свои силы, собираютъ капиталы, ставятъ требованія и силой поддерживаютъ ихъ. Поймите, другъ мой. Я всей душою сочувствую новой общественности, хотя бы по тому, что себя самого считаю рабочимъ. Я даже готовъ признать, что на ея сторонѣ справедливость, ибо справедливость кажется мнѣ ничѣмъ инымъ, какъ равновѣсіемъ реальныхъ силъ. Поэтому я считаю консерватизмъ измѣной справедливости. Но не могу-же я не видѣть, что своими побѣдами новая общественность не только не создаетъ новой нравственности, но еще дальше завлекаетъ насъ въ дебри предметообожанія. Не могу я не видѣть, что идеалъ соціалистовъ есть тотъ-же мѣщанскій идеалъ предметнаго благополучія, продолженный книзу, въ сторону общедоступнаго минимума. Они для себя правы, но не отъ нихъ придетъ новая правда.

— Я все-таки не вижу,— замѣтилъ мой собесѣдникъ,—почему трудящіеся классы, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всю власть, не смогутъ со временемъ установить новыя отношенія, основанныя на справедливости, равенствѣ, такъ что центръ тяжести будетъ уже

не въ самихъ предметахъ, а въ идеальныхъ отношеніяхъ людей при распредѣленіи этихъ предметовъ.

— Вотъ всего этого,—возразилъ я,—рабочіе классы, при всей ихъ силѣ и мудрости, не въ состояніи достигнуть. И вообще они, кромѣ поднятія минимума всеобщихъ потребностей, не въ силахъ хотя бы на одинъ волосъ измѣнить строй существующихъ отношеній, не только духовныхъ, но даже экономическихъ. И вотъ почему.

Для того чтобы устранить современное неравенство состояній, рабочіе должны были бы прекратить производство предметовъ роскоши, не всѣмъ доступныхъ. Другого средства для устраненія неравенства нѣтъ. Пока будутъ производимы исключительные предметы, которыхъ на всѣхъ не хватаетъ, до тѣхъ поръ будутъ существовать исключительные потребители, стоящіе въ сторонѣ отъ всѣхъ другихъ. Возьмите, напримѣръ, брилліанты, кружева, шелкъ, бархатъ, дворцы, ожерелья. Все это—абсолютная аристократія среди другихъ предметовъ, абсолютная, ибо не отъ нашей воли зависитъ изготовить ихъ въ количествѣ, достаточномъ для всѣхъ людей. По законамъ, для насъ абсолютно-обязательнымъ, пальцевъ больше, чѣмъ алмазовъ, спинъ больше, чѣмъ собольихъ шубъ, рабочихъ больше, чѣмъ дворцовъ, которые они могутъ выстроить. Поэтому столь-же абсолютно-обязательно для насъ существованіе немногихъ избранниковъ, носящихъ эти алмазы и шубы и живущихъ въ этихъ дворцахъ. Единственное средство, какъ я уже сказалъ, устранить соціальное неравенство и создать новый строй отношеній, это—прекратить добываніе алмазовъ, не производить шелка и бархата, не строить дворцовъ. Но это единственное средство неосуществимо, ибо оно идетъ въ разрѣзъ съ основными законами жизни,—закономъ совершенствованія и закономъ исключительности. Съ одной стороны

человѣчество принудительно должно на всѣхъ поприщахъ, во всѣхъ направленіяхъ творить и создавать все болѣе и болѣе совершенныя, изнѣженныя, утонченныя формы. Съ другой—все исключительное, изысканное, утонченное непремѣнно рѣдко и малочисленно. Послѣдній законъ вѣренъ не только для произведеній искусственныхъ, но и естественныхъ, что кажется почти чудомъ. Къ изумленію, сама природа производитъ благородные металлы въ меньшихъ количествахъ, нежели простые, драгоцѣнныхъ каменьевъ меньше, чѣмъ булыжника, душистыхъ цвѣтовъ меньше, чѣмъ полевыхъ. Здѣсь мы стоимъ передъ какою-то тайною и должны признать, что наше субъективное понятіе цѣнности имѣетъ объективное значеніе и присуще самой природѣ. Впрочемъ, и въ произведеніяхъ искусственныхъ признаки, придающіе имъ цѣнность, тоже носятъ объективный характеръ и преимущество шелка передъ ситцемъ въ нѣкоторомъ родѣ абсолютное, ибо не зависитъ отъ нашихъ вкусовъ, настроеній и убѣжденій. Блудница, желая прельстить взоры, нарядится въ шелкъ, а не въ ситецъ; но и на церковныя пелены мы употребляемъ шелкъ, а не ситецъ.

Такимъ образомъ, вы видите, что единственное средство со стороны рабочихъ бороться съ неравенствомъ—неосуществимо. И дѣйствительно, соціализмъ, заботясь объ уменьшеніи рабочихъ часовъ и увеличеніи заработной платы, вовсе не включаетъ въ свою программу вопроса о запрещеніи производить предметы роскоши. Нужно думать, что и черезъ сто и тысячу лѣтъ рабочіе будутъ, какъ нынѣ, плести легкія кружева, ткать тяжелые шелка, строить храмы и своей работой вызывать къ жизни немногихъ избранниковъ, пользующихся этими рѣдкими благами. Не роскошь сибаритовъ обусловливаетъ трудъ рабочихъ, но трудъ рабочихъ обусловливаетъ роскошь сибаритовъ. Въ настоящее время создается

столько изысканныхъ предметовъ, что необходимо существованіе особаго класса изящныхъ трутней, исключительно посвятившихъ себя труду пользованія этими предметами. Сибариты необходимы для самихъ рабочихъ, какъ воплощенная цѣль ихъ труда и достиженіе ихъ мечты. Каковы бы ни были предлогъ и номинальная причина роскоши, реальная причина ея таится ни въ чемъ иномъ, какъ въ творчествѣ труда. Вотъ отчего вожаки соціализма сами ведутъ такой-же роскошный образъ жизни, какъ и капиталисты. Между идеаломъ соціализма и самой безумной роскошью нѣтъ противорѣчія. И вообще, въ кругу предметообожанія я не вижу ни одного элемента нравственнаго возрожденія. Это— кругъ навсегда замкнутый и безвыходный ликующаго мѣщанства и порабощеннаго рыцарства.

— Если такъ,—воскликнулъ Владиміръ Ивановичъ,— дайте, выйдемъ изъ этого волшебнаго круга! Вы разбили мою послѣднюю надежду на новую общественность и господство труда. Но если соціальная справедливость не въ силахъ возродить насъ, дайте отречемся отъ предметопочитанія! Во всѣ вѣка, и повсюду, люди, прозрѣвавшіе новыя религіозныя истины, разбивали прежніе идолы. Дайте-же ополчимся и мы на мѣщанское благополучіе и предметопоклонство. Неужели идеалъ удовлетворенія и творчества нельзя воплотить прекраснѣе и полнѣе, чѣмъ онъ воплощенъ нынѣшнимъ мѣщанствомъ? Радость любви, занятія наукой, искусство, физическія упражненія, борьба съ природой, жалость къ ближнему, чужое одобреніе, слава, и, какъ противовѣсъ всему этому, религіозное созерцаніе, цѣломудріе и одиночество—неужели всего этого мало, чтобы наполнить жизнь красотой и радостью, помимо щеголянія сотней ненужныхъ бездѣлушекъ? Что же касается алмазовъ, шелковъ, бархатовъ, и вообще предметовъ изысканныхъ и рѣдкихъ,—пусть они принадлежатъ всѣмъ, какъ

теперь принадлежатъ всѣмъ безсмертныя картины и статуи или великія книгохранилища. Пусть они являются украшеніемъ религіознаго культа, художественныхъ зрѣлищъ. Неужели мы не въ силахъ сдѣлать свою жизнь легкой и свободной? Впрочемъ, не мы... Моя жизнь и безъ того легка, легче вотъ этой пушинки, улетающей съ вѣтромъ. Но вы... Что если бы вы обратились къ людямъ со словомъ убѣжденія? На вашъ голосъ откликнулись бы сотни, тысячи...

— Вы выражаете вслухъ мою завѣтнѣйшую мечту,—отвѣтилъ я.—Сколько разъ волна брезгливости и отвращенія заливала мое сердце, и я хотѣлъ бѣжать въ нищету, въ безлюдье, куда-нибудь, лишь бы имѣть возможность сознавать, что кромѣ средствъ къ жизни существуетъ еще и цѣль жизни, столь безнадежно всѣми теперь забытая. О, повернуться бы спиною ко всѣмъ этимъ ликующимъ или тоскующимъ смокингамъ, жилетамъ, шуршащимъ платьямъ, положить бы въ одну груду, въ одинъ громадный костеръ до самаго неба всѣ вороха тряпокъ, которымъ поклоняются мои современники, и зажечь бы ихъ, зажечь хотя бы только безвреднымъ пламенемъ смѣха и презрѣнія. Развѣ не безуміе побѣждать всѣ силы природы, пролагать пути по сушѣ, водѣ и воздуху, одолѣть время и пространство для того только, чтобы въ концѣ концовъ очутиться въ рабствѣ у вещей и другъ у друга! Но чѣмъ глубже размышлялъ я надъ способами освобожденія отъ этого послѣдняго рабства, тѣмъ больше я убѣждался въ крѣпости его оковъ. Увы, другъ мой, кажется, что культъ предметовъ неистребимъ и что бороться съ его владычествомъ было бы наивною тратой силы. Я вкратцѣ исчислю вамъ тѣ главныя основы, на которыхъ зиждется предметопоклонство, и судите сами, легко-ли ихъ ослабить или устранить.

Во-первыхъ, власть науки. Побѣды опытной науки

ведутъ къ усовершенствованіямъ техники, а каждое усовершенствованіе техники наводняетъ рынокъ новыми предметами, достаточно дорогими для того, чтобы ввергнуть въ рабство каждаго члена общества въ отдѣльности, но недостаточно совершенными, чтобы украшать музеи или сдѣлаться общественнымъ достояніемъ. Пока колеса машинъ будутъ вертѣться, создавая механическую красивость, до тѣхъ поръ обыватели будутъ пріобрѣтать эти пестрыя издѣлія сомнительнаго вкуса и поклоняться имъ. И гдѣ же тотъ мудрецъ или святой, чье слово могло бы остановить всѣ милліоны колесъ современной техники?

Во-вторыхъ, власть женщины. Въ опустошенной современной душѣ единственное чувство, еще испускающее отъ себя лучи божественности, это чувство любви между мужчиной и женщиной. Со временъ Данте и до нашихъ дней любящій молится на предметъ своей страсти, хотя бы онъ забылъ всѣ другія молитвы. Можетъ быть, ощущеніе святости въ любви еще спасаетъ насъ отъ полнаго душевнаго банкротства. Недаромъ всѣ отрасли искусства посвящены исключительно изображенію и прославленію любви, хотя бы эта любовь и понималась, какъ простая чувственность. Такъ велико обаяніе любви, что отблескъ ея падаетъ даже на жрицъ продажной страсти, которыхъ общественная мораль казнитъ презрѣніемъ. Мнѣ кажется, что самый рисунокъ новаго стиля, съ его завитыми линіями, представляющими всевозможныя разновидности вопросительнаго знака, и неизбѣжной женской фигурой, выражаетъ это поглощеніе всѣхъ вопросовъ жизни въ культѣ любви. Но любовь имѣетъ своей подкладкой чувственность, а чувственность неразрывно связана съ роскошью. Женщина никогда не будетъ мириться со скромностью во имя свободы и никогда не откажется отъ культа предметовъ и украшеній.

Въ-третьихъ, стремленіе къ первенству. Служители науки, искусства или общественности могутъ удовлетворить свою жажду превосходства и первенства каждый въ предѣлахъ своей дѣятельности, безъ посредства предметовъ и вещей. Но жажда превосходства свойственна не только избранникамъ таланта, а всѣмъ безъ исключенія маленькимъ людямъ толпы, ибо неравенство одно изъ основныхъ правъ человѣка, и то, что мы называемъ равенствомъ, есть не что иное, какъ равное для всѣхъ право стремиться къ неравенству. Маленькимъ людямъ тоже хочется отвѣдать нектара славы, но сдѣлать это они могутъ только при посредствѣ предметовъ. Человѣкъ изъ толпы, надѣвшій новое платье, не столько радъ тому, что его платье красиво, крѣпко, удобно, сколько, главнымъ образомъ, тому, что онъ теперь „не хуже другихъ", а если платье дорогое, что онъ „лучше многихъ". Повѣрьте, нѣтъ ни одного предмета культуры, который не былъ бы подбитъ подобнымъ тщеславіемъ, и если мы видимъ, какъ люди бѣшено гонятся за удобствами и предметами роскоши, то должны быть къ нимъ снисходительными при мысли, что это въ сущности, маленькіе герои, ищущіе нашего одобренія и славы.

Въ четвертыхъ, потребность въ возбуждающемъ двигателѣ. Предоставленная самой себѣ, наша душа впадаетъ въ сонъ и апатію, подобно тому какъ предоставленный себѣ механизмъ останавливается. Угроза сна самая страшная изъ всѣхъ, какими насъ пугаетъ судьба. Въ каждой душѣ какъ бы таится внутренній предатель, Эфіальтъ смерти, готовый, чуть мы забудемся, открыть ей двери, и поэтому человѣчество не столько нуждается въ правдѣ, въ истинѣ, въ красотѣ, сколько въ силахъ возбуждающихъ и будящихъ. Наилучшіе же будильники души—это опасность и необходимость борьбы. Тамъ, гдѣ эти двѣ силы вѣютъ, душа бодрствуетъ для под-

вига и жертвъ; гдѣ онѣ складываютъ крылья, душа засыпаетъ. Но увы—съ каждой новой ступенью развитія мы все больше удаляемся отъ опасности и борьбы. Звѣрекъ въ лѣсу, дважды въ сутки отправляясь на водопой, два раза въ сутки героически смотритъ въ глаза смерти, бодрствуетъ всѣми силами своего духа. Сравните съ этимъ звѣрькомъ какого-нибудь чиновника или техника, живущаго въ условіяхъ современной городской безопасности. Если его случайно не разбудитъ несчастная любовь или другое непредвидѣнное страданіе, то онъ можетъ прожить долгіе годы въ полуснѣ обычной работы и обычныхъ досуговъ, ни разу вполнѣ не проснувшись. И такихъ полу-бодрствующихъ вы найдете сотни, а то быть можетъ и тысячи въ любомъ современномъ большомъ городѣ. Вдумайтесь глубже въ содержаніе того, что мы называемъ героизмомъ, подвигомъ, жертвою. Всѣ эти свѣтлыя понятія предполагаютъ темный фонъ какого-нибудь несовершенства, неустройства, безразсудства. Для того чтобы Сократъ могъ проявить героизмъ передъ лицомъ смерти, необходимо было, чтобы ослѣпленные аѳиняне безразсудно обвиняли его въ развращеніи юношества. Для того чтобы я могъ спасти погибающаго изъ пламени пожара, необходимо, чтобы кто-нибудь неосторожно уронилъ искру. Благоустроенная мирная жизнь исключаетъ героизмъ и подвигъ, а такъ какъ культура ведетъ насъ къ благоустройству и миру, то она и является непримиримымъ врагомъ героизма. Отсутствіе опасностей—вотъ величайшая опасность, угрожающая бодрости душевной. Съ этой опасностью человѣчество борется, во первыхъ, посредствомъ спорта, т. е. системы искусственныхъ опасностей и искусственнаго соревнованія, а во-вторыхъ, и главнымъ образомъ, посредствомъ комфорта, т. е. погони за предметами. Предметы роскоши, шелковыя и бархатныя тряпки, свои лошади, лакей въ галунахъ,—вотъ тотъ

призъ, ничтожный, можетъ быть самъ по себѣ, какъ почти всѣ призы, который зажигаетъ волю огнемъ борьбы. Въ этой борьбѣ десятки тысячъ падаютъ безславно, почти всѣ угождаютъ въ позорное рабство, но двумъ тремъ—самымъ сильнымъ или самымъ счастливымъ—удается дотянуться до приза—и цѣль предметопочитанія достигнута. Поэтому, при зрѣлищѣ дворцовъ, каретъ, лакеевъ съ булавами и всѣхъ прочихъ, то ничтожныхъ, то смѣшныхъ вещей, замѣнившихъ намъ бога, смирите свое негодованіе и скажите себѣ, что все это будильники, будящіе духъ, жалкій, маленькій духъ средняго человѣка изъ толпы.

Наконецъ, въ пятыхъ, абсолютная цѣнность предметовъ, ихъ эстетика, совершенство, постигаемое чувственнымъ разумомъ. Знаете-ли вы, что, начиная отъ эпохи Возрожденія до сего дня, культурное человѣчество живетъ исключительно идеалами эстетики, что вся наша нравственность, весь нашъ гуманизмъ, всѣ соціальныя мечты только замаскированная эстетика, ибо въ послѣднемъ результатѣ они сводятся къ культу предметовъ съ центральною святынею любовничества. Извлските изъ толпы индивидумъ и загляните въ его мысли въ любую минуту жизни, и вы убѣдитесь, что онъ мечталъ объ украшеніи своего или чужого быта,—и только объ украшеніи, никогда ни о чемъ другомъ. И сознаюсь, что въ этомъ вселенскомъ культѣ я—одинъ изъ наиболѣе преданныхъ поклонниковъ. Чувственная красота предметовъ, овеществленная божественность міра кажется мнѣ незыблемой вершиной араратской, на которой душа спасается, въ то время, когда всѣ долины морали и религіи покрыты сомнѣніями и отрицаніемъ. Культъ красивыхъ предметовъ и любовничества незыблемъ и вѣченъ, какъ сама жизнь.

— Но въ такомъ случаѣ,—воскликнулъ шепотомъ отчаянія Владиміръ Ивановичъ,—все остается на своихъ

мѣстахъ—и власть мѣщанства, и рабство духа, и гороховые шуты—дэнди и щеголи, какъ верхушка и цѣль культуры.

— Вы бы, конечно хотѣли,—отвѣтилъ я не безъ досады,—чтобы я, подобно всѣмъ нашимъ моралистамъ, объявилъ все существующее сплошной неправдой, царствомъ грабежа и блуда, подлежащимъ истребленію и замѣнѣ моею истиною. Или вамъ кажется, что и въ храмѣ религіи слѣдуетъ поступать съ разсчетомъ лавочниковъ,—запрашивать рубль, чтобы уступать за алтынъ? Неужели я до сихъ поръ не убѣдилъ васъ въ томъ, что истину надо проповѣдывать словами истины?

Я показалъ вамъ основы, на которыхъ держится культъ предметовъ и думаю, что для толпы, для большинства людей этотъ культъ неистребимъ. Нашъ долгъ по отношенію къ толпѣ—не обезцѣнивать предметы, но поднять ихъ цѣнность религіознымъ освященіемъ. Вѣдь возможно, что и проклятіе современной культуры состоитъ не въ томъ, что люди поклоняются предметамъ, а въ томъ, что люди поклоняются недостаточно, не боготворятъ ихъ, а мѣщански вожделѣютъ, поклоняются и вмѣстѣ презираютъ, какъ дикари молятся истуканамъ, а при безуспѣшности молитвы, наказываютъ ихъ. То же самое слѣдуетъ сказать о современномъ эстетизмѣ. Проклятіе людей не въ томъ, что они любятъ только красивое, а въ томъ, что они любятъ низшія формы красоты, не постигая высшихъ. Не только техника и промышленность, но почти все современное искусство служитъ низшей красотѣ красокъ и линій, между тѣмъ какъ высшая красота формъ и выраженій остается безъ проявленія. Наша культура представляетъ поэтому удивительнѣйшее сочетаніе красивыхъ предметовъ и уродливыхъ душъ. Квартирная обстановка и туалетныя принадлежности баловня современной культуры красивѣе и значительнѣе его самодовольной улыбки и

скучающаго взора, и перстень любого щеголя заключаетъ въ себѣ болѣе божественныхъ лучей, чѣмъ его мысль и чувство. Итакъ, по отношенію къ современной культурѣ наша задача—стереть съ предметовъ впившееся въ нихъ вѣками клеймо грѣховности и поднять ихъ эстетическую цѣнность. Я возлагаю великую надежду на мэоническую истину и легенду. Если ихъ лучи не достигнутъ непосредственно до сознанія толпы, то они озарятъ сознаніе художниковъ, отъ которыхъ зависятъ внѣшнія формы жизнеустройства. Нужно какъ можно громче проповѣдывать истину жизни, оправдывать и освящать дѣйствительность тайною божественной жертвы, не возлагая на людей никакихъ обязанностей и не требуя отъ нихъ ни поступковъ, ни жертвъ.

Но все это, повторяю, относится къ толпѣ. Немногіе же избранные, считающіе себя озаренными истиной и постигшими тайну двуединства, должны измѣнить и самыя формы жизни и ополчиться активно на власть мѣщанъ. Вѣрнѣе сказать, не могутъ не измѣнить, ибо освободившимся въ Богѣ не пристойно очутиться въ рабствѣ у предметовъ или другъ у друга. Они больше не нуждаются во внѣшнихъ будильникахъ опасности и борьбы, ибо они внутренно проснулись и бодрствуютъ. Цѣль новой морали имъ ясна: воплотить индивидуально тотъ идеалъ двуединства, который церковь донынѣ воплощала соборно. Формы же и средства имъ подскажетъ случай и необходимость. Они должны расти впередъ, они полны силы роста, они знаютъ направленіе и цѣль своего стремленія, но образъ того, во что они выростутъ, отъ нихъ пока скрытъ и откроется лишь тогда, когда они его достигнутъ.

Послѣдніе дни.

Немного дней судьба отсчитала намъ провести вмѣстѣ, и всѣ часы нашихъ свиданій были посвящены бесѣдамъ о формахъ новой, свободной жизни. Мы больше не разсуждали, не изслѣдовали, а мечтали вслухъ, бродили по туманнымъ и волшебнымъ берегамъ утопіи. Въ открывавшейся намъ изъ окна безконечной равнинѣ смутно виднѣлся городъ, который мы называли „городомъ вдали“. Мы населили его новымъ свободнымъ человѣчествомъ, которое сумѣло воплотить въ индивидуальной жизни и мірскую полноту, и монашескую чистоту. Жизнь отдѣльнаго человѣка, какъ нѣкогда жизнь церкви, стала ритмичеткой и полярной, съ чередованіемъ радостнаго свѣта и благодатной тьмы. Покровъ грѣха, давно изорванный въ клочья, былъ наконецъ скинутъ съ наготы радости, которую привѣтствовала молитва. И вмѣстѣ съ этимъ покровомъ были сняты съ души всѣ оковы долга, обычая, привычекъ—и на престолъ жизни, вмѣсто счастья, возведена свобода. Страсти и желанія перестали быть безвыходною западней для воли, а сдѣлались просвѣтами въ міръ недоступнаго покоя, подобіями недостижимаго единства.

Чаще всего мы мечтали о новой любви, о новомъ устройствѣ семьи, которая являлась бы не компромиссомъ, а синтезомъ сладострастія и цѣломудрія. И еще долгими часами мы шептались о радостяхъ отреченія, о томъ времени, когда свободный человѣкъ опять увидитъ въ лицо свою душу и восхитится ея несказанной красотой.

Но всѣ эти мечты и предвидѣнія далеко выходятъ за предѣлъ философскаго трактата и были бы скорѣе умѣстны въ художественномъ разсказѣ и поэтому я о нихъ лишь вкратцѣ упоминаю здѣсь, не вдаваясь въ подробности.

Здоровье моего друга быстро таяло, и все рѣзче обнаруживались стигматы ужасной болѣзни—округленіе ногтей, обостреніе нижней челюсти, неподвижная медленность походки. Чувство слабости доходило до того, что въ тѣ рѣдкіе дни, когда онъ спускался въ галлерею для лежанія, его должны были въ креслѣ поднимать на лѣстницу. Но благодаря происходившему въ немъ духовному процессу, выраженіе его лица и, въ особенности, глазъ становилось все прекраснѣе и просвѣтленнѣе, какъ будто онъ приближался къ источнику большого свѣта. Это замѣчали всѣ кругомъ и часто на его лицѣ останавливались съ удивленіемъ и восторгомъ взгляды больныхъ, въ особенности женщинъ. Несмотря на слабость, онъ, къ удивленію, могъ подолгу разговаривать, хотя медленно и съ остановками.

Страдалъ онъ особенно сильно по ночамъ и подъ утро отъ приступовъ удушья. Однажды послѣ такой ночи, онъ выразилъ рѣшимость покончить съ собою, „бѣжать отъ заигрыванiй смерти" и спросилъ меня, какъ поступилъ бы на его мѣстѣ житель „города вдали". Я отвѣтилъ, что жители этого города вообще не считаютъ самоубійства ни грѣхомъ, ни позоромъ, но, убивая себя, они съ улыбкой идутъ смерти на встрѣчу, а не съ ужасомъ бѣгутъ отъ нея. Владиміръ Ивановичъ промолчалъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора старшій врачъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и сталъ разспрашивать о семьѣ Владиміра Ивановича, горячо доказывая, что для моего друга, въ его теперешнемъ состояніи, всего полезнѣе было бы покинуть стѣны

санаторіи и вернуться на родину. Я понялъ значеніе этихъ словъ и съ той минуты сталъ ждать неминуемой катастрофы.

Рано утромъ горничная разбудила меня и сказала, что моему другу плохо. Я въ корридорѣ встрѣтился съ докторомъ, который отозвалъ меня въ сторону и шепотомъ объявилъ, что я могу, если хочу, провести этотъ день у постели моего умирающаго друга, но меня просятъ не дѣлиться этимъ печальнымъ извѣстіемъ ни съ кѣмъ изъ больныхъ.

Владиміръ Ивановичъ лежалъ въ забытьи и захлебывался. Подъ вечеръ онъ пришелъ въ себя. Мы были одни въ комнатѣ. Въ раскрытое окно виднѣлась необъятная равнина, озаренная лучами заката, а въ глубинѣ ея, сквозь розовый туманъ, мерещился „городъ вдали". Владиміръ Ивановичъ обвелъ взоромъ комнату, устремилъ на меня широко раскрытые глаза и, съ трудомъ шевеля губами, прошепталъ: „прощайте". На лбу его выступили мелкія капли пота. Рука его была холодна. Я, держа его руку въ своей, спросилъ его, слышитъ ли онъ меня и намѣренъ ли повторять за мною слова молитвы. Онъ утвердительно кивнулъ головою и я громко произнесъ слѣдующія слова:

— Въ этотъ грустный часъ смерти, покидая навсегда свѣтъ солнца и все, что я любилъ въ мірѣ, благодарю Тебя, Боже, за то, что Ты изъ любви ко мнѣ принесъ Себя въ жертву. Вотъ я провожаю мыслью свою короткую жизнь, ея забытыя радости и памятныя страданія и вижу, что не было жизни, какъ теперь нѣтъ смерти. Только Ты, Единый, жилъ и умеръ, а я, въ мѣру силы, отмѣренной мнѣ Тобою, отражалъ Твою жизнь, какъ теперь отражаю Твою смерть. Благодарю Тебя, Боже, за то, что Ты позволилъ мнѣ быть свидѣтелемъ отраженій Твоего единства. Легко и радостно поднимается духъ мой въ бездну пустоты. Но я уповаю, о Боже,

воскреснуть въ Тебѣ и отразиться въ Твоей вѣчности, какъ Ты отражался въ моемъ мгновеніи. Исчезающій и Воскресающій, прими меня изъ Твоего небытія въ Твое воскресеніе!".

Въ ту же ночь моего друга не стало, и я закрылъ его погасшіе глаза.

СОДЕРЖАНІЕ РАЗГОВОРОВЪ:

СТРАН.